

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**МАТЕРИАЛЫ
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

17–27 апреля 2020 года

В пяти частях

Часть третья

Минск МГЛУ
2020

УДК 800
ББК 81.2
МЗ4

Рекомендованы Редакционным советом МГЛУ

Редакционная коллегия: Н. П. Баранова (*ответственный редактор*), Л. А. Тарасевич (*зам. ответственного редактора*), Н. П. Баранов, А. Н. Гордей, Н. С. Евчик, Н. Т. Ерчак, В. А. Капранова, Т. П. Карпилович, И. Г. Колосовская, Н. Е. Лаптева, Л. М. Лещёва, С. Е. Олейник, В. А. Павловский, А. Л. Подгайский, О. А. Полетаева, Т. В. Поплавская, В. В. Яскевич

МЗ4 **Материалы** ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 17–27 апр. 2020 г. : в 5 ч. Ч. 3 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2020. – 276 с.
ISBN 978-985-28-0007-5 (Ч. 3).
ISBN 978-985-28-0002-0.

Третья часть сборника вобрала в себя материалы докладов секций по направлениям «Проблемы общего и сопоставительного языкознания», «Перевод и обучение переводу», «Язык и культура», «Контрастивные исследования германских и славянских языков», а также трех круглых столов «Современные тенденции в испанистике», «Человек и языки в современном мире», «Современные методы исследования лексической семантики».

**УДК 800
ББК 81.2**

ISBN 978-985-28-0007-5 (Ч. 3)
ISBN 978-985-28-0002-0

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2020

В. Р. Абреу-Фамлюк

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ ПОНИМАНИЯ

Интерпретирующие речевые акты (термин И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер) отражают стремление реципиента прояснить правильность понимания воспринятого сообщения. Поскольку понимание представляет собой сложный и многоуровневый процесс, анализ интерпретирующих речевых актов предполагает учет специфики его этапов.

На проблему выделения этапов (уровней, модулей) понимания не существует единого, общепринятого взгляда: своеобразие концептуально-теоретической базы, различия в целях и задачах проводимых в данной области исследований, специфика изучаемого материала обуславливают множество подходов к решению данной задачи. Вследствие этого мы ограничимся анализом основных этапов и уровней понимания и обратимся к особенностям использования интерпретирующих речевых актов в рамках каждого из этапов на материале диалогических контекстов из текстов научных дискуссий (проанализировано более 260 русскоязычных контекстов, включающих ИРА).

На сегодняшний день разработан довольно широкий круг концепций уровней понимания (см. модели уровней понимания, предложенные Л. С. Выготским, Л. С. Цветковой, А. Р. Лурия, И. А. Зимней, А. А. Брудным, Г. И. Богиним, В. В. Красных и др.). Тем не менее, несмотря на своеобразие и оригинальность каждой из этих теорий, они базируются на трехуровневой модели понимания. Первым этапом традиционно признается этап физического сенсорно-моторного акустического (или зрительного) восприятия сообщения. За ним следует этап языкового анализа (слов и фраз, их прямого, а затем контекстного значений). После детального лингвистического анализа эксплицитной информации, заложенной в высказывании, адресат переходит на более высокий уровень глубинного понимания имплицитных смыслов, замысла, посыла сообщения, моделирования намерений и образа говорящего.

Говоря о *диалоге* как интерактивном феномене, сущность которого заключается не столько в так или иначе согласованных действиях собеседников, сколько в их взаимодействии, принципиально важным становится выделение еще одной важнейшей стадии понимания, которая в концепции М. М. Бахтина называется «активно-диалогическим пониманием», а в концепции И. А. Зимней выделяется в качестве «реализующего уровня», связанного с формированием замысла ответного сообщения на основе воспринятой информации. Это значит, что финальной стадией понимания должно стать конкретное коммуникативное решение адресата, который может выбрать как действие (реактивная реплика, смех, невербальные реакции и т.д.), так и бездействие, т.е. отсутствие реакции (например, молчание как решение проигнорировать сообщение).

Использование интерпретирующих речевых актов (далее ИРА) является одним из возможных вариантов реакции и отражает либо намерение проверить правильность своего понимания, либо необходимость откорректировать неверно произведенную интерпретацию своих слов (в случае рефлексивного ИРА).

Употребление ИРА как реакции на проблему, возникшую на этапе физического восприятия, для научной дискуссии нехарактерно, хотя возможно: участники научного диалога иногда обращаются к собеседнику с репликами типа *Я правильно услышал/расслышал?*, ср.:

– *У меня уточняющий вопрос к вашему первому ответу. Итак, чего я не понял (может быть, просто не расслышал): рефрен – это набор переходов между состояниями одного мерона или набор переходов, комбинация состояний нескольких меронов?*

Интересно, что в приведенном примере участник научного диалога вербализует две альтернативы (*не понял* и *не расслышал*), что может быть интерпретировано двояко: с одной стороны, это говорит о возможности неоднозначной трактовки отнесенности ИРА к тому или иному этапу понимания, а с другой стороны, может быть интерпретировано как подтверждение высокой степени синхронности и синкретичности когнитивных процессов, происходящих в сознании человека, что не раз отмечалось в когнитивных и нейропсихологических исследованиях последних лет.

Как правило, ИРА задействованы в научной дискуссии на уровне языкового анализа, где их использование связано с необходимостью прояснения каких-либо аспектов информации, содержащейся в исходном сообщении/тексте. Мониторинг понимания на этом этапе может осуществляться по отношению к слову:

– *Я хотел спросить, что **Вы подразумеваете** под термином «полиархия», не есть ли это старая система разделения властей, которой нас кормили?*

целому высказыванию:

– *...считаете ли Вы, что Ваша теория совместима с теорией высшего начала или Вы все объясняете без обращения к нему? ...*

– *Эта теория абсолютно совместима с наличием высшего начала, поскольку высшее начало ни разу не нарушало эти правила.*

– *Теория не противоречит, но и не нуждается в этом начале.*

Правильно я понимаю ваш ответ?

– *Да, совершенно верно;*

и даже целому тексту либо крупному текстовому блоку (данный вариант особенно характерен для научных дискуссий, для которых вполне естественна проверка адекватности/точности понимания целой гипотезы, концепции, авторской позиции и т.п.), ср. следующие фрагменты научных дискуссий, в которых спрашивающий осуществляет мониторинг правильности понимания точки зрения автора, высказанной в докладе:

– *...**правильно ли я понял, что** появление языка связано с тем, что, по тексту, выживать надо было. Леса не было. И поэтому те, кто в лесу были не более успешны, получили шанс и смогли его использовать.*

– Ну, примерно так. Но это все произошло не сразу, не в один момент. Это был очень постепенный процесс;

– Иными словами, речь о том, что кроме того, что Интернет дал нам не только новые регистры языка, о чем давно шла речь (устно-письменный, письменно-устный...), у нас возникают еще и новые типы коммуникации, для проектирования которых и для понимания которых нам нужно чуть иначе посмотреть на собственно человеческую коммуникацию? **Я правильно понял?**

– Да. Что мы переосмысливаем границы человека, и что мы переосмысливаем форму человеческой коммуникации.

На уровне глубинного понимания имплицитных смыслов интерпретатор выводит из эксплицитного содержания высказывания скрытые, неочевидные смыслы; в отличие от предыдущего этапа, здесь слушающий не просто фиксирует и/или резюмирует смысл того, что было сказано адресантом, но и осуществляет инференционную деятельность, в силу чего на данном этапе роль ИРА оказывается весьма существенной. В одних ситуациях, применяя ИРА, интерпретатор получает подтверждение интерпретационной гипотезы:

– Когда люди без специального образования, квалификации, конечно, не хватает. К сожалению, вот такая ситуация.

– Спасибо. **Получается**, что эта ситуация не в оценке интеллектуальной собственности, а вообще в оценке.

– Вообще, да.

Возможны, разумеется, и ситуации опровержения интерпретационной гипотезы автором исходного высказывания:

– Говоря о внешних влияниях, внешних полях притяжения в процессе дезинтеграции и пространства, Вы упомянули две страны – Украину и Молдову. **Это означает, что на других субъектах этого процесса не оказывается такое же влияние?**

– Нет, конечно, оказывается. Только оно оказывается по-разному. <...>

Таким образом, в научной дискуссии использование ИРА, как правило, связано со вторым и третьим этапом понимания, где ИРА оперативно сигнализируют о правильности понимания либо об интерпретационных ошибках и неточностях и, таким образом, являются важным средством достижения взаимопонимания участников научного диалога.

С. Е. Борзенец

КОЛЛОКВИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА США И БЕЛАРУСИ

Коллоквиалистика – это раздел лингвистики, изучающий повседневную, неофициальную, «разговорную» речь. Коллоквиальная лексика является неотъемлемой частью лексической системы любого национального языка как сложного многоаспектного образования. Объектом настоящего исследования стала коллоквиальная топонимика Беларуси и США, а именно коллоквиализмы, образованные от официального названия географического объекта.

В результате исследования был выявлен ряд формальных словообразовательных операций, типичных для белорусской и американской коллоквиальных топонимических систем, среди которых назовем:

1. **У с е ч е н и е.** В белорусских топонимах усечению подвергается конец основы исходного (т.е. официального) топонима, при этом в новообразованном топониме сохраняется показатель множественного числа: *Самохи* (*Самохваловичи* – здесь и далее в скобках даются исходные топонимы), *Ляхи* (*Ляховичи*), *Бролы* (*Брольники*), *Жданы* (*Ждановичи*), *Иванки* (*Иванковичи*), *Партиза* (*станция метро «Партизанская»*). Заметим, что образовавшийся в результате усечения топоним может менять часть речи: *Комса* (*озеро Комсомольское*).

В американских топонимах помимо конечного усечения, примерами которого являются коллоквиальные топонимы *The Cleve* (*Cleveland*), *San Fran* (*San Francisco*), *Jax* (*Jacksonville*), *Jeff* (*Jeffersonville*), *Ned* (*Nederland*), обнаружены многочисленные случаи начального усечения топонима, например: *The Burg* (*Warrensburg*, а также *Williamsburg* и *Pittsburg*), *The Gee* (*Muscogee*), *Tosa* (*Wauwatosa*).

Кроме этого в американских топонимах возможно усечение концов сложносоставного топонима, например, *FoCo* (*Fort Collins*), одновременное усечение начала и конца топонима, например, *Hamp* (*Northampton*), а также усечение середины исходного топонима, например, *Kazoo* (*Kalamazoo*).

2. **Э л л и п с и с.** Ряд топонимов на территории Беларуси имеет формальную структуру вида «прилагательное + существительное», например *Новая Мильча*, *Малая Свортва*, *Старые Пески*, *Нижние Жары*, *Красная Буда*. В живой обыденной речи такие сложносоставные топонимы, как правило, теряют первый компонент. Относительно редки случаи опущения второго компонента сложносоставного топонима, что можно наблюдать на примере топонима *Буда-Кошелево*, сокращаемого в просторечии до наименования *Буда*.

Эллипсис также распространен и в американской коллоквиальной топонимике. При этом в структуру новообразованного топонима может включаться определенный артикль, отсутствующий в исходном топониме, например, *The Falls* (*Wichita Falls*), *The Springs* (*Colorado Springs*), *The City* (*New York City*). Это происходит в случае если коллоквиальный топоним синонимичен существующему в лексической системе языка апеллятиву.

3. **С у ф ф и к с а ц и я.** Прибавление уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*, *-ик-*, *-ок-*, например, *Гомелёк* (*Гомель*), не является распространенным способом образования белорусских коллоквиальных топонимов. Значительно более продуктивной словообразовательной моделью является сочетание суффиксации с усечением: *Баранки* (*Барановичи*), *Столбики* (*Столбцы*), *Жданики* (*Ждановичи*), *Добрик* (*Добруш*), *Солик* (*Солигорск*). Возможно также сочетание суффиксации и эллипсиса: *Мышка* (*Новая Мышь*).

Такого же рода эмоционального воздействия американская топонимическая система достигает с помощью усечения, результатом которого является единица, совпадающая по форме с антропонимом-диминовативом: *St. Pete* (*St. Petersburg*), *Oly* (*Olympia*). Таким образом высказывание приобретает дружелюбно-снисходительное звучание, что особенно заметно в случае дополнения коллоквиального топонима компонентом *little* 'маленький': *Little Ida* (*Idaho*), *Little Rhody* (*Rhode Island*).

4. С р а щ е н и е. Сокращения, образуемые примыканием начала одного слова к финальной части другого. В случае если одно из слов одно- или двусложное, оно может включаться в новообразованный сокращенный топоним в неизменном виде: так, в коллоквиальном топониме *Серебронкс* объединились наименования микрорайона Минска «Серебрянка» и округа Нью-Йорка «Бронкс».

В американской коллоквиальной топонимике такой способ образования используется в отношении сложносоставных топонимов: *Chambana* (*Champaign-Urbana*). Гораздо чаще, однако, топонимические сращения - путем включения в их структуру апеллятивов: *Smallbany* (*small* 'маленький' + *Albany*). Сращения, имеющие в своем составе прецедентный топоним, также имеют широкое хождение в США: *RutVegas* (*Rutland* + *Las Vegas*), *ManchVegas* (*Manchester* + *Las Vegas*), *G-Vegas* (*Greenville* + *Las Vegas*).

Включение прецедентного топонима в структуру коллоквиального наименования дает возможность охарактеризовать населенный пункт с той или иной стороны и в большинстве случаев служит указанием на сходство двух географических объектов. Иногда компоненты сращения иронически противопоставляются, что можно наблюдать в следующих примерах: (*Puo-de-Шабанейро* (*Шабаны* + *Puo-de-Жанейро*), *Los Ankoridge* (*Ankoridge*, самый северный город США, расположенный на Аляске, + обобщенное наименование города латиноамериканского происхождения).

Как разновидность сращения, специфичную для белорусской коллоквиальной топонимики, можно рассматривать коллоквиальные топонимы *Малибу* (*Малиновка*), *Чечня* (ул. *Чечерская*), где один из компонентов сращения полностью идентичен его результату.

5. И с к а ж е н и е и с х о д н о г о (официального) т о п о н и м а. Подобного рода образования несистемны и редки как в белорусской, так и в американской коллоквиальной топонимике: ул. *Карла Марла* (ул. *Карла Маркса*), *Berzerkeley* (*Berkeley*).

Таковы способы образования народных прозвищ географических объектов, общие для Беларуси и США. Помимо вышеописанных, значимое место в системе коллоквиальной топонимики США занимает инициальная аббревиация, что наиболее характерно для сложносоставных прототипов: *LA* (*Los Angeles*), *LBI* (*Long Beach Island*).

Такой способ сокращения возможен и для односоставных топонимов, например, *ATL* (*Atlanta*). Появление такого рода образований объясняется прочным вхождением авиасообщения в повседневную жизнь американцев, употребляющих сокращения, используемые аэропортами, в разговорной речи.

Еще одной продуктивной моделью образования коллоквиальных наименований городов в США является употребление инициала исходного топонима с определенным артиклем: *The A (Atlanta)*, *The D (Detroit)*.

Некоторые американские топонимические прозвища представляют собой рифму к исходному (официальному) топониму, например: *The Rattle (Seattle)*, *To-hell-you-ride (Telluride)*.

Общепризнанным фактом является стремление говорящих максимально полно семантически мотивировать языковой знак. Этимологию, которая основывается не на законах развития языка, а на случайном сходстве слов, принято называть ложной. В случае же с рядом коллоквиальных топонимов следует говорить скорее не о ложной, а о шутовой этимологии: *Синица (Сенница)*, *ул. Голого Деда (ул. Голодеда)*, *Soup Town (Superior)*, *Mill Town (Milwaukee)*, *Cola City (Columbus)*.

В отдельных случаях трудно провести границу между шутовой этимологией и актуализацией коллоквиализмом подлинного этимологического значения официального топонима, что можно наблюдать в следующих примерах: *Бобры (Бобруйск)*, *Дятел (Дятлово)*, *Малина (Малиновка)*, *The Big Gun (Cannon)*.

Таким образом, сравнение двух коллоквиальных топонимических систем, белорусской и американской, позволило выделить ряд общих для них формальных словообразовательных операций (усечение, эллипсис, сращение). При этом репертуар операций, используемых в американской коллоквиальной топонимике, более разнообразен за счет активного обращения к инициальной аббревиации, разнообразным видам усечения и рифмовке. Следует отметить возможность выполнения одинаковых функций различными национально-специфическими средствами (суффиксация в белорусской коллоквиальной топонимической системе, так же как и использование антропонимоподобных диминутивов в американской системе, служит выражению дружелюбно-снисходительного отношения). Общим для исследуемых коллоквиальных топонимических систем является стремление к образованию более коротких по сравнению с исходными единиц, семантика которых обогащена дополнительными компонентами.

Е. В. Жигалко

ИНИЦИИРУЮЩИЕ РЕПЛИКИ ОЦЕНОЧНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ В КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГЕ

В исследованиях речевого конфликта неоднократно отмечалась та ключевая роль, которую играет в данном типе коммуникативных ситуаций семантико-прагматическая категория оценки. Специфика реализации оценки в конфликтном диалоге позволяет выделить его особую структурную единицу – *оценочное диалогическое единство (ОДЕ)*.

На данный момент в лингвистической литературе ОДЕ терминируются и трактуются неоднозначно. Так, в «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило отмечается, что основанием для выделения ОДЕ в отдельную группу является оценочная целеустановка говорящих, а также использование ими специфических языковых средств: оценочной лексики, слов качественной семантики, междометий, сравнений. Е. М. Вольф отмечает существование особых «оценочных диалогических комплексов» и понимает их достаточно широко – как замкнутые диалоги, в которых одна или более реплик включают оценку. Е. Ю. Щербатых выделяет такую единицу анализа, как «диалогическое единство с оценочной семантикой»; при этом объект исследования – англоязычное интервью – позволил автору выделить и описать лишь один тип такого рода единиц, а именно диалогическое единство вопросно-ответного характера, в котором иницилирующая интеррогативная реплика представляет собой запрос на оценочное суждение.

Несмотря на различия в основаниях выделения ОДЕ и определении их границ, можно предложить трактовку ОДЕ как специфической разновидности диалогического единства, в котором смысловым центром выступает оценка, так или иначе представленная как в иницилирующей, так и реактивной реплике.

Поставив перед собой задачу выявить типы иницилирующих реплик ОДЕ в конфликтном диалоге, мы отобрали из современной русскоязычной художественной литературы и сценариев художественных фильмов 200 контекстов конфликтного взаимодействия, включающих 311 ОДЕ.

Анализ отобранных контекстов показал, что в ОДЕ представлены три основные разновидности иницилирующих реплик.

1. Собственно оценочное высказывание.

По нашим наблюдениям, это самый распространенный тип иницилирующих реплик в составе ОДЕ: на его долю приходится 62 % выявленных диалогических единств. Это вполне естественно: принципы семантической (содержательной, смысловой) и прагматической (иллокутивной) связности реплик в составе диалогического единства предопределяют оценочную реакцию собеседника, принимающего или не принимающего оценку говорящего, что и приводит к созданию ОДЕ. Как правило, в конфликтном диалоге речь идет о неприятии оценки собеседника, ср.:

*Золотуев: Я раздумал. **Ты грубиян, а я этого не люблю.***

*Колесов: **Грубиян?** А вы какого сторожа хотели? С хорошими манерами? Из консерватории? (А. В. Вампилов. «Прощание в июне»).*

В случае, если ОДЕ является элементом одностороннего конфликта (т. е. конфликта, в котором одна сторона предпринимает конфронтационные речевые действия, а вторая – нейтрализующие), возможен и вариант согласия с оценочным суждением собеседника:

*Надя: **Ты бесстыжий нахал! Бандит!***

Женя: Конечно...

*Надя: **Варвар!***

Женя: Конечно...

Надя: Ты... алкоголик!

Женя: Конечно...

Надя: Ты обалдуй.

Женя: Да, да, да (Э. В. Брагинский, Э. А. Рязанов. «Ирония судьбы, или с легким паром»).

2. Запрос на оценочное суждение.

Иницирующие высказывания данного типа представлены в 23 % выявленных ОДЕ. Спектр вопросов, выступающих в роли коммуникативных стимулов оценочных суждений, довольно широк. Но в ситуации конфликта используется, как правило, своеобразный «проверочный» вопрос, возникающий в силу того, что спрашивающий предполагает наличие у собеседника определенного оценочного мнения (в контексте речевого конфликта обычно негативного):

Нина: Тебе не нравится, что он летчик?

Бусыгин: Почему же? Мне нравится... Это замечательно... Неотразимо. «Не улетай, родной, не улетай» (А. В. Вампилов. «Старший сын»).

3. Высказывания, в семантико-прагматической структуре которых оценочный компонент играет (по крайней мере, формально) второстепенную роль.

Речевые действия такого типа (на их долю приходится 15 % выборки), строго говоря, не являются оценочными речевыми актами: например, высказывания типа *Сходи к этой зануде, возьми у нее конспект* или *Тебе звонил этот твой недоумок* являются в узком понимании не валюативами, а директивом и репрезентативом соответственно. Оценочная интенция входит в структуру таких речевых действий на правах сопутствующей, второстепенной иллокуции, дополняющей генеральную. Но при этом такая дополнительная иллокуция в силу своей прагматической значимости может в интерпретации адресата выйти на первый план, оттеснив на периферию основную иллокуцию. Именно оценочный компонент в подобных ситуациях может играть роль речевого конфликтогена, побуждающего адресата реагировать не на основной, а на дополнительный оценочный компонент иницирующего высказывания, ср. ОДЕ, в котором в роли стимула выступают не столько соображения говорящего о том, на ком женятся или не женятся, сколько негативнооценочная конструкция *из-за дурацкой обиды*:

Андрей: Да, женятся. На тех, что рядом — и днем и ночью. А на тех, что из-за дурацкой обиды исчезают в неизвестном направлении... На таких, знаешь, очень трудно жениться!

Даша: Из-за дурацкой обиды? Значит, если ты застаешь любимого человека с какой-то потаскухой, это — дурацкая обида? А что же тогда, по-твоему, недуряцкая обида?! (Ю. М. Поляков. «Левая грудь Афродиты»).

Таким образом, анализ иницирующих реплик диалогических единств в конфликтном диалоге позволяет утверждать, что ситуация конфликта способствует порождению разнообразных типов ОДЕ. Акцентированная оценоч-

ность конфликтного взаимодействия обуславливает, с одной стороны, доминирование в роли коммуникативных стимулов собственно оценочных высказываний, а с другой – возможность реагирования на оценочную составляющую тех иницилирующих реплик, в которых оценка не является основным компонентом семантико-прагматической структуры.

Е. Г. Задворная

**СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ
КАТЕГОРИЧНОСТИ/НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ
И ТОЛЕРАНТНОСТИ/НЕТОЛЕРАНТНОСТИ
в научной коммуникации**

Несмотря на внушительную историю исследований, категоричность/некатегоричность и толерантность/нетолерантность остаются весьма неоднозначно интерпретируемыми феноменами. Не вполне проясненным является статус этих понятий, которые в концепциях различных исследователей трактуются как коммуникативные категории, категории коммуникативного сознания, принципы (постулаты) речевого общения, коммуникативные качества речи и т. д., причем общая картина усложняется вследствие того, что в ряде исследований эти феномены понимаются как имеющие разный гносеологический статус: (не)толерантность – как тип речевого поведения, а (не)категоричность – как реализующая его коммуникативная категория. Дискуссионным является и вопрос о специфике реализации данных категорий (если принять такую терминологическую фиксацию их статуса) в различных дискурсивных сферах. Но, пожалуй, наиболее сложным и важным представляется вопрос об их соотношении и взаимодействии, который далее рассматривается применительно к научной коммуникации.

Как представляется, при анализе обсуждаемой проблемы внимания заслуживают два основных варианта соотношения данных категорий.

1. Категории (не)категоричности и (не)толерантности находятся в отношениях автономности/взаимонезависимости.

Здесь целесообразно различать два случая.

А. Высказывание может реализовать обе категории, но их реализация не является взаимообусловленной.

Так, толерантность нуждается в использовании показателей некатегоричности только в ситуациях выражения несогласия с собеседником и не предполагает использования ресурсов некатегоричности в случае позитивной оценки каких-либо мнений/суждений/концепций. Соответственно, высказывания типа *Я согласен с высказанными соображениями; Я разделяю точку зрения докладчика* являются толерантными, но наличие или отсутствие индикаторов (не)категоричности не участвует в таких контекстах в качестве средства реализации толерантности. В тех случаях, когда соответствующие индикаторы используются (ср.: *Я полностью/совершенно/в целом согласен*

с высказанными соображениями), их включение в структуру высказывания не способно повлиять на его локализацию в зоне толерантности: эта локализация находится в «сфере ответственности» другой семантико-прагматической категории, а именно категории оценки.

Б. В высказывании может быть реализована только одна из этих категорий.

В таком случае речь идет о показателях (не)категоричности, используемых при выражении собственной позиции либо фиксации фактуальных аспектов научного исследования, что в принципе не связано с идеей толерантности, всегда предполагающей отношение к позиции Другого, ср.:

... хочу заметить, что я ни в коем случае не сторонник главенства нормы, я абсолютно не имею в виду, что писатели могут делать с языком все что угодно (говорящий в категоричной форме эксплицирует свою точку зрения; показателями категоричности выступают выделенные интенсификаторы);

Она [социальная иерархия в Японии] поддерживалась совершенно сознательно, потому что соблюдение церемоний, подчеркивание своего собственного статуса и статуса другого считается основой мира и гармонии. Основа общества – это семья. Общество и государство мыслятся как семья, и семья считается гарантом порядка. Если крепкая семья – значит, крепкое государство, и это абсолютно однозначно.

Вот церемониальное поведение – как и кто, в какой ситуации должен себя вести, считается за основу общества, государства. Этот правильный порядок все должны соблюдать, вера в это совершенно неколебима. И это совершенно прекрасно работает до европейского вмешательства (говорящий в категоричной форме фиксирует определенное положение дел).

2. Категории (не)категоричности и (не)толерантности являются взаимодействующими и взаимообусловленными.

Очевидно, что такой вариант соотношения этих категорий реализуется только в случаях выражения несогласия, т.е. использования негативнооценочных суждений, объектом которых является позиция собеседника (оппонента).

При анализе контекстов такого типа необходимо различать взаимно однозначные и взаимно неоднозначные соответствия между (не)категоричностью и (не)толерантностью.

А. Взаимно однозначное соответствие между этими категориями наблюдается в наиболее типичных и не раз обсуждавшихся случаях, когда, выражая свое несогласие с позицией оппонента, кооперативный и вежливый говорящий считает необходимым смягчить негативную оценку при помощи средств некатегоричности. Иными словами, это единственный случай жесткой взаимной обусловленности, когда толерантность в научной речи предполагает некатегоричность, а некатегоричность свидетельствует о толерантности; естественно, аналогичным образом выстраиваются отношения внутри пары

«категоричность – нетолерантность»: категоричность является надежным показателем нетолерантности, а нетолерантность необходимо маркируется категоричностью.

Б. Взаимно неоднозначное соответствие между ними представлено в случаях, когда категоричное выражение несогласия не является индикатором нетолерантного поведения говорящего.

Такое соотношение возможно в случаях оценочной дифференциации научной позиции и личности ее носителя (концепции, точки зрения, мнения, высказывания – ученого, оппонента, субъекта оцениваемого мнения); как правило, распределение оценочных знаков в подобных контекстах вполне предсказуемо и реализуется в рамках модели «мнение “минус” – субъект “плюс”», ср.:

– *Скажу несколько слов по основной проблеме. Максим Анисимович, которого я очень уважаю и люблю, сказал все неправильно <...>.*

– *Я отвечу Виктору Марковичу, но предварительно скажу, что я его люблю и уважаю, так что – ничего личного.*

Высказывание *он сказал все неправильно* представляет собой категорично сформулированное негативнооценочное суждение и на этом основании должно интерпретироваться как нетолерантное. При этом выражение позитивного отношения к личности призвано нейтрализовать выражение негативного отношения к ее идеям; соответственно категоричная негативная оценка оказывается нейтрализованной и контекстуально не может рассматриваться в качестве индикатора нетолерантности.

Сходный вариант можно наблюдать в следующей реплике участника научного диалога:

Да, это действительно, очень интересный вопрос, очень характерное рассуждение и много чего можно сказать по этому поводу. Кратко, я с этим рассуждением, хотя оно мне очень симпатично и близко, как специалист по языку категорически не согласен. Буквально ни с одним вашим положением, хотя действительно, многие люди так думают, а люди, не занимающиеся языком профессионально, наверное, все так думают.

В приведенном контексте резкость, однозначность, т. е. категоричность выражения несогласия (*буквально ни с одним вашим положением*) также не препятствует реализации подчеркнуто толерантного отношения к тем, кто «так думает» и чьи рассуждения говорящему понятны и даже «симпатичны» и «близки».

Таким образом, взаимоотношения между категориями не сводимы к упрощенным вариантам интерпретации, редуцирующим их до взаимно однозначного соответствия в рамках моделей «некатегоричность ↔ толерантность» и «категоричность ↔ нетолерантность», и отличаются сложностью и вариативностью, что предоставляет в распоряжение участников научной коммуникации широкие возможности для решения разнообразных прагматических задач.

О СЕМАНТИКЕ СЛОЖНЫХ НАРЕЧИЙ С ДЕЙКТИЧЕСКИМ ФОРМАНТОМ *HIN*

Локальный дейктик *hin* 'туда' вступает в словообразовательные отношения как со знаменательными частями речи, так и со служебными (предлогами). В результате деривации возникают сложные дейктические наречия, образованные по схеме *hin* + предлог/наречие. В толковом словаре немецкого языка «Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» зафиксированы 9 сложных наречий, образованных по такой схеме с помощью предлогов *ab* 'от, из, с', *an* 'у, при', *auf* 'на', *aus* 'из', *durch* 'через', *in*¹ 'в', *unter* 'под', *über* 'над', *zu* 'к', например, *hinauf* 'вверх', *hinzu* 'к' и т. д., и 1 сложное наречие, образованное с помощью наречия *weg* 'прочь' – *hinweg* 'прочь'.

Дословно на русский язык наречия, образованные от *hin*, можно перевести как *hinaus* 'туда из', *hinunter* 'туда под' и т.д. Однако анализ переводов сложных наречий на русский язык в переводных словарях показал, что при их переводе значение дейктика *hin* – по направлению от говорящего, не сохраняется, например, *hinaus* 'наружу, из, за', *hinauf* 'вверх' и т.д. Анализ высказываний из параллельного немецко-русского подкорпуса также показывает, что при переводе значение дейктического форманта *hin* не сохраняется: *Während Druot auf einen Sprung in die, Quatre Dauphins' verschwand, für ein Glas Wein, oder **hinauf zu Madame**, um dort nach dem Rechten zu sehn.* [P. Süskind. *Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders* (1985)]. – *А Дрюо тем временем отправлялся пропустить стакан вина в «Четыре Дожины» или поднимался **наверх к мадам*** (дословно: *туда наверх к мадам*) *поглядеть, что и как.* [П. Зюскинд. *Парфюмер: История одного убийцы* (Э. Венгерова, 1992)]

Однако из дефиниций в толковых словарях следует, что данные наречия служат не только для ориентации в пространстве по отношению к объектам, именуемым в коммуникации, но и по отношению к говорящему, т.е. производное наречие наследует семантику форманта *hin-*. Так, в толкованиях сложных наречий присутствуют элементы, передающие информацию о направленности движения относительно говорящего, например, *hinauf* 'вверх' – «*von hier unten nach [dort] oben*» 'отсюда снизу туда наверх', *hinaus* 'наружу, из, за' – «*aus diesem [engeren] Bereich in einen anderen [weiteren] Bereich [hinein], bes. [von drinnen] nach draußen*» 'из этой [узкой] области в другую [более далекую] область [вовнутрь], [изнутри] наружу'. Т.е. данные наречия описывают перемещение из ближней области по отношению к говорящему (*hier* 'здесь', *dieser* 'этот') в дальнюю область (*dort* 'там', *anderer* 'другой').

Исследование показывает, что в немецком языке при помощи рассматриваемых наречий обозначается не только направление перемещения в какую-либо область пространства, но и ориентацию перемещения относительно

¹ *hinein* – die form. mhd. *hin in* [Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm].

говорящего. Корпусное исследование показывает, что дейктические наречия функционирует параллельно с предложными конструкциями, обозначающими перемещение в ту же область, например, *hinaus auf die Straße* ‘наружу на улицу’ – *auf die Straße* ‘на улицу’. Установление того, какие факторы влияют на употребление предложной конструкции и предложно-наречной конструкции, станет предметом наших дальнейших исследований.

Т. К. Кохнович

МОЛЧАНИЕ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЗАМЕНА ВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. КЕСТНЕРА

Несмотря на значительное число работ, посвященных проблеме молчания, интерес к данному явлению не ослабевает до настоящего времени. Молчание рассматривалось преимущественно на материале русского языка, этой проблеме посвятили свои исследования С. В. Крестовский, Г. Г. Почепцов, Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, С. В. Меликян, И. Йоко и др. В работах указанных авторов наиболее подробно рассматривались такие вопросы: место молчания в системе речевых актов, разграничение коммуникативно значимого и коммуникативно незначимого молчания, молчание как компонент вербальной/невербальной коммуникации, функции молчания в речевом общении. Следует отметить, что названные проблемы в настоящее время не имеют однозначного решения и по-прежнему привлекают внимание лингвистов. Кроме того, проблемой дискуссий остается вопрос первичности или вторичности молчания по отношению к речи. Многие исследователи отмечают, что молчание можно рассматривать только лишь на фоне речевой деятельности. А нарушить его можно тогда, когда есть говорение: то есть прагматика, свойственная говорению, переносится на его отсутствие. Поскольку значения молчания не содержатся в языковой форме, есть необходимость введения в структуру акта молчания имплицативного содержания, что означает понимание значения молчания. В процессе декодирования информации, полученной от молчания, адресат опирается в большей степени на контекст и фоновые знания. Отвечая на вопрос, что более важно, речь или молчание, обычно выделяют три группы мнений: а) мнение тех, кто предпочитает речь; б) кто считает молчание первичным; в) кто считает молчание таким же важным, как и речь. В данной связи можно говорить о вокализованной и невокализованной коммуникации. Это показывает, что речь и молчание находятся в оппозиции друг к другу, но только с точки зрения использования речевого аппарата. Молчание и слово являются, на наш взгляд, следствием друг друга, слово используется для описания молчания. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что несмотря на признаки взаимосвязанности молчания и речи, проблема связи этих двух явлений между собой остается до конца не решенной.

Е. М. Мартынова поднимает вопрос, касающийся природы молчания, то есть отнесения его к позитивным или негативным явлениям. В исследованиях западных лингвистов молчание рассматривается как отрицательное

явление, поскольку оно не имеет содержания и является нарушением правил разговора, и как результат пассивности. В сферах публичной коммуникации, для которой главная функция – обмен информацией, молчание выступает как негативное явление и воспринимается таковым потому, что оно прерывает речевую цепочку и вынуждает партнера по коммуникации искать причину нарушения контакта. Большинство исследователей, однако, отмечает, что молчание используется как часть тактики или стратегии, направленной на достижение определенной цели. Так, в диссертационном исследовании И. Йоко указывается, что синтагматика молчания опровергает его негативность, ибо оно используется зачастую для того, чтобы собраться с мыслями, найти подходящее слово. Представляется, что молчание несет в себе положительный или отрицательный заряд и может оцениваться как позитивное или негативное явление в зависимости от успешного речевого взаимодействия.

В настоящее время появляется значительное число работ, посвященных исследованию молчания на материале различных языков. Так, на материале немецкого языка Е. И. Чепанова разработала классификацию видов молчания на основе коммуникативных ситуаций и показала, что молчание имеет свой смысл и свои задачи, не уступающие по важности произнесенному слову, они глубже, чем недосказанность. Л. А. Лазутова и Е. А. Левина рассмотрели на материале художественных текстов полевую структуру концепта «молчание», состоящую из ядра и периферии. В работах Г. Л. Берзиной предпринята попытка систематизации невербальных средств выражения concessивного значения. Автор указывает, что невербальный язык более точен, так как показывает, что люди думают на самом деле. Словами мы передаем только рациональное знание, но для чувственных проявлений этого недостаточно. Невербальная информация передается даже тогда, когда собеседник молчит. По мнению многих исследователей эта информация может составлять более 80 %. Исследования на материале различных языков показывают, что молчание как форма внутренней речи экспрессивно окрашено.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что молчание представляет собой высшую форму коммуникативной деятельности, чистый способ передачи переживаний и чувств, не отягощенный условными значениями префиксов и основ. Поскольку молчание может быть различным в разных сферах и жанрах, А. Яворский предлагает рассматривать его как «метафору коммуникации». Это позволяет выйти за пределы определения молчания как «отсутствия звука». Во многих исследованиях причины молчания связываются с эмоциями и определенным состоянием коммуникантов. Так, С. В. Крестовский, обобщив многочисленные исследования по выделению функций молчания, определяет три основных: эмотивную (передает эмоциональные состояния человека); когнитивную (выражает мыслительную деятельность коммуниканта); гезитативную (отражает мыслительные процессы коммуниканта с имплицатурой сомнения) функции. Все названные функции тесно переплетаются, так как участник коммуникации зачастую пытается скрыть эмоционально нестабильное состояние и к молчанию прибегает ненамеренно. Сом-

нение у человека появляется из-за утраты эмоционального равновесия. С. В. Меликян отмечает, что человек берет паузу для того, чтобы придать вес своим словам, а также для эмоциональной замены вербального общения.

Характерно, что в русской литературе молчание эмоционально наполнено, что позволяет говорить об эмоциональной коммуникации. Это дает основание Е. С. Радионовой различать молчание, порожденное размышлениями и молчание, вызванное эмоциями. В молчании человек более красноречив, чем в слове.

В. В. Богданов отмечал, что вероятность того, что коммуникант отреагирует на вербальную реплику своего собеседника, будет существенным образом зависеть от темперамента коммуниканта, его психического состояния, здоровья, степени знакомства и от целого ряда других факторов, нередко трудно поддающихся учету. Изучение контекстов молчания в произведениях Э. Кестнера показало, что молчание может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитное содержание – это то, что сказано в открытом тексте и сопровождается глаголом *schweigen* ‘молчать’.

Установлено, что для передачи коммуникативного содержания автор использует комплекс таких телодвижений как: пожимать плечами, опустить голову, кивнуть головой, покачать головой, пристально смотреть на кого-либо и др. С помощью невербальных средств коммуникации передаются следующие эмоциональные состояния героев:

- изумление: *Alle außer ihm erstarrten.* – Все, кроме него, оцепенели.
- возмущение: *En verschluckte vor Wut den Zigarettenrauch.* – От возмущения он проглотил сигаретный дым.
- волнение: *Er greift sich an das Herz.* – Он хватается за сердце.
- сомнение: *Er verstand das nicht und zuckte die Achseln.* – Он это не понял и пожал плечами.
- размышление: *Sie saßen lange und grübelten nach.* – Они долго сидели и размышляли.
- безразличие: *Mattias zuckte die Achseln und kaute weiter.* – Матиас пожал плечами и продолжал жевать.

Наиболее часто в произведениях Э. Кестнера употребляется глагол *nicken* ‘кивать головой в знак согласия’. Это один из самых распространенных жестов, выражающих молчание невербальным способом. Авторские уточняющие ремарки позволяют читателю понять душевное состояние героев:

Sie nickten – Они кивнули в знак согласия.

Sie nickten unwillig – Они кивнули раздраженно.

Sie nickten verzweifelt – Они кивнули в отчаянии.

Sie nickten klug – Они кивнули с умным выражением лица.

Несогласие выражается глаголом *schütteln* – ‘покачивать головой’:

Haben Sie schon die Zeitung gelesen? – Sie schüttelte den Kopf. – Вы уже читали газету? – Она покачала головой.

Таким образом, репрезентация молчания невербальными средствами помогает понять душевное состояние героев и показывает, что межличностное общение эмоционально и экспрессивно. Можно отметить, что обращение коммуникантов к молчанию есть вербальная невыразимость некоторого содержания, а способность выражать и понимать без слов придает молчанию огромную коммуникативную силу.

Р. В. Лебедев

РАЗВЕРНУТЫЙ ВЕРБАЛЬНЫЙ ХЕЗИТАТИВ В ИНТЕРНЕТ-ДИАЛОГЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из наиболее ярких отличительных черт интернет-коммуникации является ее гибридная устно-письменная форма. В этой связи интересным представляется изучение особенностей функционирования в данном типе коммуникации элементов, свойственных только (или преимущественно) устной либо письменной речи.

Так, важным элементом разговорной речи являются паузы хезитации и их разнообразные заполнители, к числу которых относится *развернутый вербальный хезитатив* (далее – РВХ) – метакоммуникативная рефлексивная конструкция, эксплицитно фиксирующая коммуникативные затруднения говорящего с помощью лексических индикаторов затруднения и глаголов речи: *no sé cómo decir, no encuentro la palabra, cómo lo describiría* и под.

Такие конструкции типичны для естественного устного диалога, в ходе которого говорящий неизбежно сталкивается с ситуациями, когда вербализация его замысла затруднена в силу целого ряда языковых или прагматических причин (отсутствие адекватной номинации в идиолекте говорящего, необходимость компактной вербальной «упаковки» объемной информации, необходимость сообщения неприятной, тяжелой для собеседника информации и мн. др.).

При этом закономерно возникает вопрос о причинах и характере использования подобных конструкций в интернет-коммуникации. На первый взгляд, может показаться, что их функционирование в ситуации, когда говорящий/пишущий располагает необходимым временем для обдумывания и выбора максимально точной и корректной вербальной формы для реализации своего коммуникативного замысла, маловероятно в силу ненужности и даже некоторой неестественности. Первичная в устном общении функция заполнения паузы при затруднении – хезитативная функция – утрачивает свою релевантность в ситуации интернет-общения. Особенно очевидно это для асинхронного интернет-диалога (например, форумного общения), во время которого от адресанта не требуется немедленной речевой реакции.

Между тем, как показывают наши наблюдения, испанская интернет-речь демонстрирует не только возможность, но высокую частотность их употребления, причем формальная структура РВХ в таких диалогах не отличается от

структуры хезитативов, используемых в устной речи. В интернет-коммуникации представлены все выделенные нами при исследовании PBX в других типах диалога структурно-синтаксические типы PBX, а именно:

- сложноподчиненные предложения с изъяснительной придаточной частью, формирующиеся с помощью глагола *saber* и любого речевого глагола:

*No es un libro para aprender Java, sino un libro para, **no sé cómo decirlo**... perfeccionarlo una vez que uno lo ha aprendido.*¹

- определенно-личные конструкции, включающие глаголы *poder* и глаголы речи:

No puedo expresar cómo me siento. Cada día se hace aun más duro que el anterior.

- безличные конструкции с инфинитивом, включающие прилагательные с глаголом-связкой:

Es difícil definir y describir el sabor. Yo he comido y esta rico, sacia y si no me equivoco al tener fermentos se digiere muy bien y aporta probioticos o algo así.

- интеррогативные конструкции с вопросительными местоимениями/местоименными наречиями и глаголами речи.

*Nuestra relación era.. **cómo decir**, lo peor.. Teníamos los dos fuerte caracter y orgullo, siempre estabamos discutiendo pero nos gustabamos.*

Как видно, в испаноязычном интернет-диалоге представлено все структурно-грамматическое разнообразие PBX и вариативные комбинации основных элементов PBX (к которым относятся индикаторы затруднения и глаголы речи) и факультативных распространителей (в качестве которых используются речевые этикетные и эмфатические компоненты, разнообразные конкретизаторы и т. д.).

Отмеченные тенденции употребления PBX приводят к предположению о том, что функционирование PBX в устной речи с одной стороны, и в интернет-диалоге – с другой, различно по своей прагматической направленности. На наш взгляд, использование таких конструкций в интернет-диалоге связано с решением двух важных прагматических задач.

1. Имитация живого, спонтанного разговорного общения.

Согласно исследованиям в данной области, интернет-диалог тяготеет к разговорной речи: говорящие стремятся имитировать фонетические, лексические, стилистические особенности устного общения. Одним из важных и выразительных средств такой имитации оказывается употребление PBX, а также их комбинаций с другими показателями коммуникативного затруднения говорящего, свойственными устной речи (растяжками звуков, междометиями и др.):

*Shioku es una tío o una tia en plan delgadito o delgadita, con el pelo a lo manga, ya esta. SI acaso algo, **como se dice.....mmm** “Gotico”.*

¹ Орфография и пунктуация авторов интернет-сообщений сохранена.

2. Реализация стратегии позитивной самопрезентации.

Несмотря на некоторую внешнюю противоречивость этого утверждения, использование РВХ, т. е. эксплицитное признание того, что говорящий испытывает определенные коммуникативные затруднения (не может оперативно и эффективно решить коммуникативную задачу), позволяет говорящему/пишущему презентовать себя как вполне компетентную коммуникативную личность. Такую своеобразную реализацию стратегии позитивной самопрезентации можно наблюдать в двух типах контекстов.

Во-первых, это случаи использования РВХ при затруднениях прагматического характера, а именно при сообщении потенциально травмирующей информации, выражении несогласия с собеседником, негативнооценочных комментариях и под. В таких случаях адресант, используя РВХ, дает понять адресату, что он понимает социальную нежелательность подобных речевых действий, что ему не нравится их совершать и что их выполнение требует преодоления определенных внутренних затруднений (или, возможно, даже преодоления внутреннего сопротивления):

No sé como decirte esto, y no quiero hacerte daño.. pero uno de los dos va a acabar la conversación llorando y no soy yo.

Во-вторых, это контексты, в которых адресант при помощи РВХ фиксирует факт затруднения языкового характера (т. е. комментирует отсутствие в его идиолекте нужной номинации, неточность/приблизительность/неудачность своего словоупотребления и т. п.) и тем самым дает собеседнику понять, что, хотя ему и не удалось найти оптимальное решение коммуникативной задачи, он, будучи тем не менее вполне грамотным коммуникантом, сам видит погрешности своей вербализации.

Pues por ahora me está gustando bastantes. Las teclas son muy suaves y el sonidito y el “clac” que se siente al teclear me parece bastante placentero, no sé cómo decirlo.

Таким образом, анализ РВХ в испаноязычном интернет-диалоге дает основания утверждать, что их использование позволяет решать его участникам важные и сложные прагматические задачи, далеко выходящие за рамки основной функции хезитационных конструкций, изначально предназначенных для заполнения пауз в спонтанном разговорном общении.

Л. М. Лещёва

КОМБИНАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА И ВАЛЕНТНОСТЬ

Коммуникация человека базируется на использовании языковых знаков, одним из важнейших свойств которых является *линейность*, т.е., развертывание знаков во времени, их протяженность, способность иметь только одно измерение – линию. Линейность языкового знака определяет сущность языка человека и характер его использования в речи. Ф. де Соссюр отмечал, что «об этом совершенно очевидном принципе сплошь и рядом не упоми-

нают вовсе, по-видимому именно потому, что считают его чересчур простым; между тем это принцип основной, и последствия его неисчислимы. От него зависит весь механизм языка» (Ф. де Соссюр, 1977).

Сочетание двух единиц в системе языка (например, фонем в морфеме, морфем в слове или слов в словосочетании), составленных по определенному шаблону и сохраненных в памяти человека или реализованных в речевой цепи, Ф. де Соссюр назвал *синтагмами*. При этом он отметил, что определить, относятся ли комбинации единиц к языку или речи, во многих случаях представляется затруднительным, поскольку в создании синтагмы участвуют оба фактора – коллективный обычай и индивидуальная свобода говорящего «и в таких пропорциях, определить которые невозможно» (Ф. де Соссюр, 1997).

Исследование механизма сочетаний слов и его комбинаторного потенциала – одна из самых актуальных задач современного языкознания.

Анализ синтагматических связей слов позволяет глубже понять и описать их лексические значения, поскольку вступать в такие отношения с рядоположенной единицей в синтагме слову возможно только на основе общих с ней сем, и весьма часто при этом оно актуализируют свои «спящие» семы.

Более того, анализ сочетаемости слов чрезвычайно важен для когнитивно-дискурсивной лингвистики (Кубрякова Е. С.), пытающейся понять, как происходит интерпретация нашим сознанием синтагмы, поскольку даже в самых обычных своих комбинациях (*красное пальто*) семантика сочетаний редко ограничивается композиционной семантикой – сложением их смыслов.

Описание сочетаемости слов, их классификация, установление нормативных и нетрадиционных синтагм остро необходимы также для решения задач компьютерной лингвистики и компьютерного перевода, лексикографии, стилистики, лингводидактики, лингвокультурологии, лексикологии, в том числе, сопоставительной, и т.д. В этой связи в настоящее время в процессе становления находится целый раздел лексикологии – *комбинаторная лексикология*, изучающая сочетаемость слов и ее типологию.

Вместе с тем, как это часто имеет место в современной лингвистике, нет единого понимания ее объекта исследования, как нет и общепринятой теории его исследования.

Традиционно основной единицей сочетаемости слов считается *словосочетание* и, прежде всего, синтаксическая конструкция (в частности, VP и NP в терминах Н. Хомского) на основе подчинительной связи семантически и грамматически связанных двух и более слов. Некоторые исследователи признают также широкое толкование словосочетания, включающее *сочинительные* словосочетания однородных членов предложения (*дамы и господа*), а также *предикативные* словосочетания — подлежащее и сказуемое.

Кроме того, наряду с термином *словосочетание* в настоящее время широко используется термин *коллокация*, который вошел в широкий обиход в лингвистике благодаря Лондонской лингвистической школе во главе с Дж. Р. Фёрсом,

хотя его толкование обычно отличается от термина *словосочетание*. Коллокации – это нормативные словосочетания, предполагающие взаимное ожидание входящих в них единиц, но это не свободные словосочетания и не идиомы. Так, в русском языке можно сказать *оказывать влияние*, но нельзя сказать **оказывать внушение*, хотя можно сказать *внушение оказывает*, но нельзя обычно сказать **влияние оказывает*. Термин *коллокация* более близок распространенному в отечественном языкознании термину *устойчивое*, или *фразеологическое словосочетание*.

Следует признать, что надежных критериев для выделения коллокаций, или фразеологических словосочетаний, из общего состава словосочетаний нет. В этой связи, активно разрабатываемые в настоящее время электронные базы коллокаций обычно – включение в *разные* словосочетания с определенным словом. Не существует и единой теории описания сочетаемости слов, или коллокаций.

Важнейшим способом описания комбинаторного потенциала слова является его описание с помощью *валентности* – понятия, впервые введенного в лингвистику в 1948 г. советским лингвистом С. Д. Кацнельсоном. Распространение этого термина в лингвистике в 50-е гг. связано с именем французского лингвиста Л. Теньера. Вначале исследовались, главным образом, валентностные отношения глаголов. Позже валентность стала пониматься шире, как способность любого знаменательного слова создавать вокруг себя открытые позиции, которые должны быть заполнены облигаторно или факультативно актантами определенных частей речи. Но сегодня валентность существительных и прилагательных изучена совершенно недостаточно.

Учитывая, что выбор слов в языке ограничен, в первую очередь, рамками их грамматической и семантической сочетаемости, комбинаторная способность слова традиционно описывается в терминах *грамматической* и *лексической* валентности. Грамматическая (синтаксическая) валентность отражает, соответственно, его способность комбинироваться со словами определенной части речи по определенным синтаксическим моделям, а лексическая – способность слова сочетаться с определенными лексическими единицами в рамках этих синтаксических моделей.

Особенно сложной для описания является лексическая валентность, которая, в отличие от грамматической, не поддается строгой формализации и является зависимой от многих факторов. В число таких факторов входят: 1) (не)мотивированность слова и ее характер; 2) его этимологическое (исходное, первичное) значение; 3) структура лексического значения слова в современном языке, его интенционал и импликационал; 4) лингвокультурный компонент значения; 5) существующая система номинативных единиц в языке; 6) система и структура конкретного языка в целом; 7) сложившиеся традиции словосочетаний; 8) интенция говорящего; 9) лингвистический и социокультурный контекст и др.

Помимо грамматической и лексической различают также логическую, семантическую, и др. виды валентности, на основе которых описывают различные виды коллокаций. М. В. Влавацкая (2019), например, предлагает

следующую типологию коллокаций на основании их семантики, механизма образования, функций и др. признаков: коллокации *традиционные, этнокультурные, терминологические, колоративные* и *оказиональные*.

Таким образом, теория сочетаемости слов, востребованная разными направлениями теоретического и прикладного языкознания, в настоящее время активно развивается, хотя по-прежнему требует дальнейшей разработки, что позволило бы более полно и эффективно описать комбинаторный потенциал лексических единиц.

Лю Пэн

КОМПОЗИТЫ С 上 *shàng* ‘ВЕРХ’ В КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ ПРОСТРАНСТВА

Лексическая единица 上 *shàng* ‘верх’ в китайском языке является самой употребительной из числа других лексических единиц, обозначающих векторы осей димензиональной модели пространства – 上 *shàng* ‘верх’, 下 *xià* ‘низ’, 前 *qián* ‘спереди’, 后 *hòu* ‘сзади’, 左 *zuǒ* ‘слева’, 右 *yòu* ‘справа’. 上 *shàng* ‘верх’ используется как самостоятельно, так и в качестве словообразовательного форманта, вступая в словообразовательные отношения со знаменательными и служебными словами с пространственной семантикой. В докладе представлены результаты анализа словообразовательного потенциала исследуемой языковой единицы в отношении таких слов.

Вступая в словообразовательные отношения, лексическая единица 上 *shàng* ‘верх’ выступает как в пре-, так и в постпозиции. В препозиции она употребляется со следующими знаменательными словами: 往 *wǎng* ‘направляться к, устремляться к, идти’, 朝 *cháo* ‘повернуться (стоять) лицом к, выходить на, в’, 向 *xiàng* ‘направляться к, приближаться к’, 靠 *kào* ‘прислоняться к’, 到 *dào* ‘доходить до’, 从 *cóng* ‘следовать, сопровождать, приближаться’. В словообразовательные отношения в препозиции единица 上 *shàng* вступает также с четырьмя служебными словам: 以 *yǐ* ‘посредством, через посредство, при помощи; брать’, 之 *zhī* – служебное слово в атрибутивных словосочетаниях с послелогоми, обозначающими место и время, 在 *zài* ‘быть расположенным на, над, в’.

В постпозиции единица 上 *shàng* употребляется только со следующими знаменательными словами: 边 *biān* ‘сторона, край, предел’, 面 *miàn* ‘поверхность, плоскость, сторона, грань’, 头 *tóu* ‘голова, вершина, верхушка’, 方 *fāng* ‘сторона, направление, квадратный’, 端 *duān* ‘конец, верхушка; окончечность’, 来 *lái* ‘приходить, приезжать’, 去 *qù* ‘уходить, уезжать’.

Таким образом, лексические единицы, с которыми 上 *shàng* вступает в словообразовательные отношения, обозначают либо движение в пространстве, либо пространственные характеристики физических объектов. Например, в контексте (1) композит 向上 описывает траекторию движения стрел вверх, в результате которого они сложились в форме иероглифа 人,

(1) 羿<...>拈弓搭箭，两枝箭便向上挤成一个“人”字，又翻身落在地上
了。[鲁迅/奔月]/Yì <...> niān gōng dā jiàn, liǎng zhī jiàn biàn **xiàngshàng** jǐ
chéng yī gè “rén” zì, yòu fānshēn luò zàidì shàng le. [Lu Xun/Ben yue/1926]/ (1a)
Он мгновенно заложил ответную стрелу, <...>, стрелы ударились наконечни-
ками, изогнулись углом **вверх** [дословно: ‘создали иероглиф 人’] и, перевер-
нувшись в воздухе, упали на землю. [Лу Синь. Побег на луну (перевод
В. Сухорукова)].

В примере (2a) композит 上方 ‘верх, высь, небеса’ (дословно: ‘верх
сторона’) используется в качестве переводного эквивалента наречия *сверху*.

(2) *Сверху* ласково синело небо – а мне было так грустно... [И. С. Тур-
генев. Первая любовь (1860)] / (2a) 我们的上方是一片令人赏心悦目的碧空，可
我却那么忧伤..... [伊万屠格涅夫/初恋/(奉真/1998)]/wǒmen de **shàngfāng** shì
yīpiàn lǐngrén shǎng xīn yuè mùdì bìkōng, kě wǒ què nàme yōushāng...
[Yīwàn Túgēnièfū/Chūliàn (Feng Zhen, 1998)].

Из внутренней формы композита 上方 ‘верх, высь, небеса’ следует, что,
в отличие от наречия *сверху*, он не просто именуется направление в про-
странстве, а представляет его как объект, располагающий сторонами.
Особенности языковой картины пространства, репрезентированной в семан-
тике композитов с единицей 上 станет предметом наших дальнейших иссле-
дований.

В. А. Медюлянова

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАССМОТРЕНИЮ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДЕЙКСИСА

Для функциональной лингвистики характерно исследование языка в дина-
мике, в действии, во взаимосвязи с различными лингвистическими и экстра-
лингвистическими факторами (условиями) функционирования языка. Под
лингвистическими факторами понимается семантика языковых единиц, их
структура, иерархия значений в которой может меняться при взаимодействии
с другими языковыми единицами. Объектом исследования, таким образом,
становится назначение языковой единицы в речи, ее сочетаемость с другими
языковыми элементами, особенности их совместного функционирования. Под
экстралингвистическими факторами понимаются условия внеязыковой
действительности, в которых протекает общение и под влиянием которых
функционируют языковые средства.

Широкий охват условий, влияющих на функционирование языковых
единиц в речи, приводит к появлению разнообразных функциональных школ,
делающих акцент на том либо ином проявлении коммуникативной природы
языка. В современной лингвистике существуют также разные толкования тер-
мина *функция*. Одни ученые понимают функцию в узком смысле, как роль, вы-
полняемую единицами разных языковых уровней в системе языка. Например,

Л. Теньер понимал функцию слов как роль, которую они играют в синтаксисе данного языка, в механизме выражения мысли. Поэтому французский лингвист не считал название «личные местоимения» подходящим для традиционно выделяемого класса слов. Исходя из выполнения ими указательной функции, ученый именует их «личными показателями».

В широком смысле под функцией понимается функция языка, прежде всего, как средства общения. Функционирование приравнивается к использованию языка в речи. Поэтому исследование в функциональном аспекте подразумевает изучение языковых единиц с точки зрения их предназначенности в речи. Такого подхода придерживались основатели «Международного Общества функциональной лингвистики», созданного в 1974 г. для координации деятельности функционалистов разных стран.

Разнообразные функциональные лингвистические школы объединены следующими общими подходами к исследованию языка:

1. Приоритетность рассмотрения языковых единиц с точки зрения их функций: языковую форму принято объяснять выполняемой ею функцией.

2. Исследование языковых единиц может осуществляться в двух направлениях – от функции к средству ее реализации либо наоборот, поскольку одна функция может быть реализована разными средствами, и одно средство может выполнять разные функции.

3. Связь с языковой практикой, предполагающая построение теоретических моделей исходя из глубокого семантического анализа обширного языкового материала, т.е. рассмотрение от практики к теории.

4. Комплексность изучения объекта исследования: в рамках функционального подхода в фокус внимания попадают элементы разных уровней структуры языка, образуя совокупность средств, объединенных выполнением одинаковой функции. Разрозненное изучение языковых единиц, объединенных одной функцией, исключало бы целостное рассмотрение языка как средства коммуникации.

5. Учет влияния экстралингвистических условий на речепроизводство. К ним относится в первую очередь фактор культуры. Рассмотрению подлежит и социальный фактор функционирования языка, включающий влияние социальных характеристик участников общения на выбор тех или иных языковых средств.

6. Типологическая ориентированность функционализма, поскольку в расчет принимаются все выявленные факты различных языков мира. Функциональный подход позволяет сделать выводы, релевантные для типологии языков, в частности, пересмотреть явления, принимаемые за языковые универсалии.

7. Установка на конечный практический результат. С этой целью выявляются роли языковых единиц, выполняемые ими для достижения эффективной коммуникации.

8. Активное использование количественных методов, применяемых в типологии и прикладной лингвистике.

Функциональный подход применительно к *персональному дейксису* (далее ПД) предполагает изучение дейктической категории через ее предназначение в языке, через нахождение соответствий между функцией указания на лицо и языковыми единицами, служащими для ее реализации и образующими дейктическую систему конкретного языка. Лингвистическое описание строится главным образом от семантики к ее формальному выражению, т. е. от значения к форме.

Вплоть до 70-х гг. XX в. персональный дейксис рассматривался с точки зрения сущностных качеств, которыми обладают некоторые лексические единицы, служащие для его реализации. В частности, было установлено, что личные местоимения наряду с иными указательными словами обладают особыми характеристиками, что легло в основу выделения данных слов в категорию дейктиков. Однако ввиду сложности рассматривать языковые явления, абстрагируясь от речевой действительности, изучение ПД с применением принципов функционализма имеет несколько более давние традиции и просматривается в работах А. М. Пешковского, О. Есперсена, К. Бюлера, Ш. Балли и др.

Всестороннее исследование ПД в русле функционализма осуществлялось представителями Петербургской функциональной школы, возглавляемой А. В. Бондарко. В рамках созданной им теории функциональной грамматики одновременно подлежат анализу элементы и языковой системы, и речевой коммуникации, т. е. к рассмотрению принимаются не только эксплицитные лексические и грамматические средства, но и выражение ПД имплицитным способом. В функционально-семантическое поле персональности попадают не только грамматическая категория лица глагола и личные местоимения, но и периферийные средства, например, разновидности императива.

Хотя функциональная грамматика А. В. Бондарко опирается главным образом на факты русского языка, она включает и сопоставительный компонент. Категория персональности в сопоставительно-типологическом аспекте анализируется на материале агглютинативных языков Евразии, схожих с русским языком тем, что персональность в них также маркируется как местоимениями, так и в глагольных показателях. При таком подходе не представляется возможным распространить полученные выводы на языки других регионов. В рамках описания персональности А. П. Володин констатирует тот факт, что в некоторых языках мира грамматическая категория лица отсутствует, тем не менее, не известны языки, в системе которых отсутствуют личные местоимения или их эквиваленты. На этих основаниях центральной категорией ПД признаются местоименные дейктики и личные окончания глагола, что характерно для европейских языков. Однако не учитывается то обстоятельство, что в некоторых языках, как, например, в японском, при всем многообразии личных местоимений они занимают периферийную позицию в системе языка, что подтверждается их низкой частотностью. Низкая частотность местоимений может быть связана с экстралингвистическими факторами, влияние которых на ПД не получает, на наш взгляд, достаточного освящения в рамках данной теории.

С учетом влияния экстралингвистических факторов на ПД перспективным для его рассмотрения представляется системно-функциональный подход, разработанный представителем лондонской функциональной школы М. Халлидеем, в котором ведущая роль отводится связи высказывания с социальным контекстом ситуации. Язык при этом рассматривается как парадигматический набор вариантов для реализации определенной языковой функции. Таким образом, при применении системно-функционального подхода анализу подвергаются все элементы, образующие дейктические системы исследуемых языков.

Е. Ю. Садовская

ВЕРБАЛЬНЫЕ ИНДИКАТОРЫ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Вопросы человеческих взаимоотношений и их проявление в коммуникативных практиках активно изучаются различными направлениями лингвистики, однако некоторые аспекты в настоящее время являются недостаточно изученными, в частности, отражение процесса межпоколенческого взаимодействия.

Актуальность межпоколенческой проблематики обусловлена многовековым наличием конфликта отцов и детей, манифестантными разногласиями между представителями молодых и старших поколений при решении различных вопросов, а также фактом одновременного взаимодействия шести поколений в настоящее время.

Концепт «поколение» является важным и востребованным, что подтверждает и частотность употребления концепта в Национальном корпусе русского языка: существительное *поколение* встречается 5623 раза, что составляет 4,71 % от общего количества слов.

Значимость межпоколенческой проблематики становится очевидной при обращении к ключевым прецедентным текстам культуры, произведениям художественной литературы, названиям телепередач и сфере рекламы. Данное проблемное поле также представлено в ключевых дискурсивных сферах. Определение того или иного текста или явления как межпоколенческого становится возможным, как правило, при наличии вербальных индикаторов, которые идентифицируют текст или дискурс как межпоколенческий.

В художественной литературе понимание того, что произведение касается взаимодействия разных поколений, происходит и на этапе знакомства с его названием, содержащим лексику *поколение* и словоформы или контекстуальную замену со сходным содержанием, а также при знакомстве с содержанием текста произведения, например, роман В. Пелевина «Поколение «П»» или «Московская сага», В. Аксенова, «Отцы и дети» И. С. Тургенева и «Мы» Е. И. Замятина. Поэзия отражает межпоколенческое взаимодействие, как правило, в более компактных, но не менее проникновенных формах, а названия также четко обозначают межпоколенческую тематику: М. Цветаева «Не смейтесь вы над юным

поколением», А. Д. Дементьев *«Три поколения»*, В. Д. Берестов *«В извечной смене поколений судьбой гордиться мы должны»*. Межпоколенческие вербальные индикаторы также присутствуют при делении писателей и поэтов на группы в зависимости от периода творчества (писатели военного поколения, поэзия поколения Z).

Публицистика представляет достаточно широкое поле репрезентативного эмпирического материала для анализа межпоколенческого взаимодействия с точки зрения и лингвистики, и лингвокультурологии, активно задействуя концепт «поколение» и синонимы, используя их в названиях и в тематике произведений: *«Поколение на повороте»* Л. Гинзбург, *«Театр моей памяти»* В. Смехова, *«Бегущая строка памяти»* А. Демидовой.

Отдельного внимания заслуживают рекламные слоганы и кампании (включая коммерческую и социальную рекламу), посвященные межпоколенческому взаимодействию, например, *«Новое поколение выбирает Pepsi»*, *«Позвоните родителям»*, *«Добавь бабушку в друзья»*, *«Гордимся, что научили»*, *«Научи своих близких покупать билеты в театр, не выходя из дома»*, *««Траву» употребляют бараны. Не будь бараном. Поддержи здоровое поколение»*, *«Здесь легко быть молодым»*, *«Наша цель – чистая земля для будущего поколения. А что выберешь ты?»*, *«Любимому городу – здоровое поколение!»* Рекламные агентства также прибегают к обращению к межпоколенческой тематике для привлечения клиентов, например, продвигая себя слоганом *«Как привлечь рекламой разные поколения»*.

Еще одним подтверждением востребованности проблематики межпоколенческого дискурса являются названия программ и передач на радио и телевидении, конкурсов и мероприятий, содержащие существительное «поколение», например, молодежный клуб *«Новое поколение»*, конкурс *«Голос поколения»*, Всероссийский молодежный фестиваль, программа *«Поколение.by»* и телекомпания *«Поколение ТВ»*. На государственном уровне создаются и функционируют различные программы государственной поддержки поколений (*«Новое поколение»*, *«Старшее поколение»*).

В зависимости от дискурса также актуализируются разные номинации и маркеры межпоколенческого взаимодействия. В частности, *старшее поколение* характерно для медицинской или социологической тематики, *ведущее поколение* для сферы айти. Словосочетание *первое поколение* используется в физике, инженерии, генетике, *современное поколение* важно для историков, *незамеченное поколение* востребовано психологами, а фраза *будущие поколения будут жить при коммунизме* ранее активно использовалась в качестве вдохновляющего слогана в политическом дискурсе в СССР.

Для многих наук, например, истории, литературоведения, философии, культурологии свойственно также обозначение поколенческих групп, которое помимо лексемы *поколение* содержит прилагательное либо причастие, выступающее в качестве показателя принадлежности к социальной общности, выделяемой по темпоральному, историческому или культурному признаку:

молчаливое поколение, сердитые (или рассерженные молодые люди), потерянное поколение, разбитое поколение, поколение бунтующих, предвоенное поколение.

Соответствующие корректные эксплицирующие идентификаторы, которые обозначают речевые интеракции как межпоколенческие, могут быть разделены на несколько групп (по структурному принципу либо по выражаемым значениям). Данные маркеры являются, как правило, двукомпонентными, где в качестве базисного выступает существительное *поколение*, а препозитивы либо постпозитивы выступают в качестве уточняющих модификаторов.

К первой группе можно отнести наиболее очевидные и частотные идентификаторы, состоящие из притяжательного местоимения и лексемы *поколение*: *наше поколение, ваше поколение, мое поколение, твое поколение.*

Часто принадлежность к определенному поколению можно эксплицировать посредством использования указательных местоимений *то, те, это, эти* (например, *то поколение*).

Межпоколенческое взаимодействие часто маркируется с помощью темпоральных адъективов, например, *поколение молодых, младшие поколения, нынешнее поколение, старшее поколение, стареющее поколение, предыдущие поколения, новое поколение, будущие поколения, выросшее поколение.*

Причастия в сочетании с лексемой *поколение* составляют следующую группу (*рассерженное поколение*).

Отдельно используются словосочетания «существительное + существительное», которые позволяют не только классифицировать, но и одновременно описывать определенное поколение (*поколение Пепси, миллениалы, поколение МиМиМи*). Подобные идентификаторы одновременно содержат исторический и/или культурный компонент и стали устойчивыми клише.

Следующий блок можно также разделить на несколько подгрупп.

К первой группе можно отнести инструментальные маркеры, позволяющие реципиенту осознать, что речь идет о взаимодействии либо описании представителей конкретных поколений без использования лексемы *поколение*, например, «...не то, что нынешнее племя...») (М. Ю. Лермонтов, «Бородино»), *молодая поросль, подрастающая молодежь, писатели-младоземляки, дети перестройки, люди застоя.*

Собирательные существительные составляют следующую группу: *предки, современники, шестидесятники* (включающие одновременно оценочные значения, исторические характеристики и культурный бэкграунд).

Список также можно дополнять такими идентифицирующими словосочетаниями, как «а вот когда я(мы) был(и) молодыми», «я(мы) в твоём возрасте», «а когда я(мы) был(и) в твоём возрасте», «когда я(мы) был(и) таким(ой), как ты», «не то, что ты (вы, мы, они)», «в наше время», «в моё время», «в наш век» и т.п., которые подразумевают не столько одинаковые годы рождения коммуникантов, сколько одновременно прожитый и накопленный опыт, что более характерно для межпоколенческого взаимодействия.

Еще одну группу идентификаторов составляют словосочетания, использующие прилагательные *межпоколенческий*, *поколенческий*, *межпоколенный*, *поколенный*. «Генерация» выступает в качестве главного синонима «поколения», поэтому иногда используются такие прилагательные, как *межгенерационный* или *генерационный*.

Таким образом, поле идентификаторов является широким и сложным и требует дальнейшего изучения в связи с многоаспектностью межпоколенческого взаимодействия и его маркирования.

А. В. Сытько

ИЛЛОКУТИВНАЯ СЕМАНТИКА ПЕРВОЛИЧНЫХ ДЕОНТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ (на материале Национальных корпусов немецкого и русского языков)

Существование человека в социуме связано с постоянным освоением незнакомых ситуаций или оценкой существующего положения дел, что предполагает модальную оценку действий с точки зрения их необходимости и возможности для изменения текущего положения вещей. Деонтическое отношение к действиям выражается при помощи различных средств – лексических, морфологических, синтаксических. Наиболее типичной является *деонтическая конструкция*, под которой понимается сочетание деонтического маркера (*должен, обязан, вынужден, необходимо, надо, нужно, следует, нельзя не/müssen, dürfen* и *sollen* и нек. др.) и инфинитива смыслового глагола. В деонтической конструкции могут использоваться инфинитивы глаголов любой действительной семантики (поведенческой, коммуникативной, ментальной, эмоциональной). При этом говорящий предполагает, что действие может быть выполнено неким потенциальным исполнителем, или деонтическим субъектом. Формально-грамматически модальный субъект кореферентен подлежащему и выражается с помощью существительных, чаще всего с генерализированным значением, или различных местоимений (*я, ты, каждый, всякий, любой, он, мы, вы, все* и т.п.).

В данной работе, основываясь на данных корпусов Национальных языков – немецкого и русского языков (DWDS и НКРЯ) – проводится анализ деонтических конструкций с *я*-субъектом, или перволичных конструкций.

Обращение к указанному типу модальных конструкций обусловлено их частотностью в речи. Так, и в русском, и в немецком корпусе они составляют 1/3 всех модальных конструкций с различными местоимениями. При этом 35 % перволичных деонтических конструкций в русском языке имеют в своем составе глаголы с семантикой различной коммуникативной деятельности. В немецком корпусе частотность подобных структур ниже и составляет 8 %. Указанные относительные значения коррелируют только с конструкциями, где модальный субъект представлен в поверхностной структуре высказывания (*я должен сказать/ich muss sagen*).

Следует отметить, что с коммуникативными глаголами перволичными конструкциями являются также те, в которых используются безличные маркеры (*надо, нужно, следует сказать/тап muss sagen* и т.п.). Говорящий использует их, когда он должен следовать максиме экономного употребления Я для придания высказыванию максимально объективного характера. В русском корпусе они составляют 4 % от всех представленных в нем безличных модальных конструкций, в немецком – 2 %. Среди конструкций с речевыми глаголами в русском языке безличные структуры отмечены в 3,5 раза чаще, чем субъектные. Кроме этого, возможности языковой системы русского языка позволяют образовывать перволичные конструкции с безличными маркерами, где деонтический субъект-говорящий эксплицирован в дательном падеже: *мне надо сказать, что ...*. Такие конструкции составили 11 % от всех корпусных перволичных деонтических конструкций и 18 % от модальных конструкций с коммуникативными глаголами. В немецком языке количество деонтических конструкций с экспликацией в поверхностной структуре говорящего (*ich muss*) в 1,5 раза выше (61 %).

В коммуникативном фокусе деонтических я-конструкций с речевыми глаголами находится пропозиция конструкции, а именно интенциональное значение инфинитива, деонтика в них уходит в презумпцию. Наличие деонтического «префикса» с семантикой необходимости (*должен сказать*) указывает на коммуникативную значимость вводимой пропозиции. Такие высказывания эквивалентны собственно перформативам (*должен сказать, что... = [говорю], что...*).

Все употребляемые в деонтических конструкциях речевые глаголы можно объединить в следующие группы: 1) иллокутивно неспециализированный глагол *сказать/sagen*; 2) собственно иллокутивы (*согласиться, спросить, возразить, предупредить, заявить* и т.п.); 3) ментальные иллокутивы (*подчеркивать/betonen, повторить/wiederholen, добавить/hinzufügen, напомнить/erinnern, обратить внимание на/aufmerksam machen auf, заметить/erwähnen/hinweisen, отметить/bemerken*).

Их употребительность, однако, отличается.

1. Отсутствие у лексемы *сказать/sagen* определенной иллокутивно-прагматической специализации позволяет говорящему не уточнять цель своего речевого акта. Гипероним *сказать*, воплощающий в общем виде идею говорения, в деонтических конструкциях в русском языке отмечается в 38 % выборки. В 1/3 данной группы речевой глагол *сказать* используется с общедеонтическим показателем *должен*, который может маркировать как аксиологически нейтральную, так и аксиологически негативную деонтику (= *вынужден*). В 7,5 % отмечаются интенсифицированные конструкции с модальной лексемой (я) *не могу не [сказать], что*.

В немецкой выборке комбинации с деонтическим маркером *müssen* и глаголом *sagen* фиксируются в чуть менее половины случаев (40 %). При этом в 53 % в личной структуре (*ich muss*). В единичных случаях (0,8 %) с данным глаголом отмечаются маркеры *ich bin (fühle mich) verpflichtet* ‘обязан, чувствую себя обязанным’, *ich bin befugt*.

2. Деонтические комбинации с иллокутивными глаголами участвуют в маркировании различного коммуникативно-интенционального содержания (согласия, возражения, предупреждения, вопроса, благодарности и т.д.). Их количество в выборке из корпуса русского языка оказалось невелико, около 16 %. В немецком материале данные структуры отмечены значительно чаще, в более 2/5 выборки (42 %). Доминирующими в выборках двух языков оказались конструкции с иллокутивами согласия, составившие среди данной группы 79,5 % в русском языке и 92 % в немецком (13 % всей корпусной русской выборки и 37 % всей немецкой выборки). Среди иллокутивов согласия частотно превалирует глагол *признать/gestehen*, конструкции с которым составили 85 % от всей выборки иллокутивов в русском языке и 38 % в немецком. С помощью данных конструкций говорящий соглашается считать нечто как достоверное, наличное в действительности.

Сочетания деонтического показателя с побудительными иллокутивами предостережения и предупреждения (*предупредить/warnen*) составили 8,5 % от всей выборки конструкций с собственно иллокутивами в русском языке и 4,2 % в немецком. Говорящий, произнося подобные акты, несет бóльшую ответственность за истинность последующей пропозиции, поэтому в русском языке они выражены в 4 раза чаще с личным маркером *должен*. В немецком корпусе подобные конструкции отмечены только в личных структурах.

Деонтические конструкции с такими коммуникативными глаголами, как *поблагодарить, высказать благодарность, просить прощения, принести извинения*, обозначающими социологизированные акты, отмечены в русской выборке лишь в 1,2 % группы с собственно иллокутивами, в немецком языке они выявлены в 1,7 % только с глаголом *mich bedanken, Dank sagen, danken* 'благодарить'.

Комбинации деонтического маркера и комиссивного иллокутива оказались в обоих языках спорадическими (0,1 % в русском, 1 % в немецком языке).

3. Деонтические конструкции с ментальными иллокутивами составили в русском языке чуть менее половины всей выборки (47 %), в немецком языке они представлены значительно реже, в 1/5 материала (19 %). Сами ментальные иллокутивы характеризуются весьма разнообразной семантикой: либо выражают выполнение говорящим мыслительных операций в ходе рассуждений, либо эксплицируют его отношение к последующей пропозиции.

В русском языке деонтические конструкции, используемые в целях управления вниманием адресата и одновременно членения содержания, составили 96 % от структур с ментальными иллокутивами. В выборке из корпуса немецкого языка их доля оказалась ниже (61 %). Наибольшей частотностью характеризуются конструкции с ментальным иллокутивом *отметить/bemerken* (39 % данной группы в русском языке и 23 % в немецком).

Деонтические конструкции, включающие в себя эпистемические глаголы (*должен предположить, усомниться*), менее частотны. Наиболее употребительными среди них оказались комбинации с глаголом *констатировать* (173 вхождения из всех 299 с эпистемическими глаголами), который

используется говорящим для удостоверения или подтверждения несомненности чего-либо. В немецком корпусе модализованные перформативы с глаголом *feststellen* оказались более частотными (535 из всех 655 вхождений с инфинитивами эпистемической семантики).

Следует отметить, что в русском языке в целом отмечается доминирование в деонтических конструкциях с коммуникативными глаголами безличных маркеров (77 %). При этом в группе модализованных перформативов с неспециализированным глаголом *сказать* доля субъектных конструкций составляет 32 % случаев, а в группе собственно иллокутивов – 26 %, среди ментальных перформативов субъектные конструкции фиксируются лишь в 12 % их группы. В немецком языке доля личных структур (*ich muss*) составляет в целом 63 %. Максимально частотно личная форма фиксируется с собственно иллокутивами (83 %), в то время как в сочетании с иллокутивно неспециализированным глаголом *sagen* ‘сказать’ и с ментальными иллокутивами она уменьшается, составляя 60 % и 48 % в рамках их групп соответственно.

Таким образом, компонентная открытость деонтической конструкции позволяет говорящему за счет различной семантики коммуникативных глаголов наполнять ее различным прагмасемантическим содержанием.

О. В. Толкачёва

КОДИРОВАНИЕ СТАТИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПОМОЩИ ДИРЕКЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ

Лексическим значением пространственных предлогов являются отношения между объектами в пространстве. Данные отношения могут быть *стативными* (при определении в пространстве местоположения объектов в состоянии покоя) либо *дирекциональными* (при описании перемещения в пространстве). В исследованиях, посвященных пространственным предлогам, их подразделяют, в зависимости от способности обозначать стативные или дирекциональные отношения, на 3 группы. К первой группе относятся предлоги, которые обозначают только стативные отношения (например, *внутри дома/innerhalb des Hauses*). Ко второй группе относятся предлоги, которые обозначают как стативные, так и дирекциональные отношения (например, *он работает в саду/er arbeitet in dem Garten* и *он пошел в сад/er ging in den Garten*). К третьей группе относятся предлоги, которые обозначают только дирекциональные отношения (например, *он уходит из комнаты/er geht aus dem Zimmer*). Дирекциональные предлоги не могут употребляться с глаголами положения, например *сидеть из, стоять по* и т.п.

В данной работе представлены случаи употребления конструкций с дирекциональными предлогами русского и немецкого языка для описания стативных отношений, например, *писать из дому/von Zuhause schreiben*.

Установлено, что, употребляясь в конструкциях с глаголами звучания (например, *раздаваться/ertönen*, *звучать/klingen*), речевой деятельности (например, *говорить/sagen*, *рассказывать/erzählen*), восприятия (например, *видеть/sehen*, *слышать/hören*), интеллектуальной деятельности (например, *узнавать/erfahren*, *считать/zählen*, *учить/lernen*), созидательной деятельности (например, *писать/schreiben*, *строить/bauen*), социальной деятельности (например, *торговать/handeln*, *покупать/kaufen*), социальных отношений (например, *увольнять/entlassen*, *организовывать/organisieren*), бытия и существования (например, *жить/leben*, *исчезать/verschwinden*), дирекциональные предлоги актуализируют только один компонент своего значения – указывают на локализуемый объект как на источник (начало), путь (способ) совершения либо границу действия, обозначаемого глаголом.

Предлоги русского языка *из*, *от*, *с* и их корреляты в немецком языке *von*, *aus* указывают на локализуемый объект как на источник действия, например, *звучать из колонок*, *заключить договор из Лондона*, *рапортовать с плаката*, *von einer Plattform beobachten* ‘наблюдать с платформы’, *durch den Bart lächeln* ‘улыбаться сквозь бороду’.

Установлено, что при описании стативных отношений при помощи конструкций с дирекциональными предлогами осуществляется компрессия информации в целях языковой экономии. Так, конструкция *торговать с лотка* означает отдавать товар, который находится на лотке с целью получения за него денег и т.п. Являясь эффективным средством языковой компрессии, дирекциональные предлоги при употреблении с глаголами перечисленных выше групп указывают на источник, область распространения либо область пространства, на которую направлено действие.

М. О. Тригук, А. О. Филипенко

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В АНГЛИЙСКИХ НОВОСТЯХ О КУЛЬТУРЕ

В реальной жизни, взаимодействуя с окружением, мы постоянно сталкиваемся с разнообразными явлениями и фактами, к которым выражаем свое отношение. СМИ знакомят общество с различными событиями и одновременно формируют к ним определенное отношение.

В СМИ для формирования общественного мнения используются оценочные средства. *Оценка* – это одновременно процесс установления ценностного отношения к объекту и результат этого отношения. Оценка непосредственно связана с отражением реальной действительности. Соответственно, в языке СМИ можно встретить оценки, которые могут быть переданы средствами разных языковых уровней. В связи с этим цель исследования – выявить и охарактеризовать лексические средства выражения оценки. В качестве материала исследования была выбрана статья «Sebastião Salgado: world-famous photographer's Genesis exhibition comes to Lyon» из раздела «Культура» сайта «Euronews».

Данная статья посвящена знаменитому фотографу и его выставке, которая проходит в Лионе. В статье журналист приводит факты биографии Себастьяна Салгаду, которые повлияли на него как фотографа.

Для выражения оценки используются существительные с рационально-оценочной коннотацией, известной носителям языка. Как правило, такие коннотации являются отрицательными и характеризуют вмешательство человека в природный мир (***hunger, natural disasters, environmental degradation and demographic pressure; the damage***). Существительные также выражают положительную оценку, относящуюся к фотографу или природе: *a photographic tribute to the planet, a deep love and respect for nature, the beauty of our planet*. Названные оценки имеют психологическое или эстетическое основание.

Положительная оценка связана с личностью фотографа: *Raised on a farm in Brazil, Salgado has a deep love and respect for nature*. Прилагательное *deep* усиливает степень проявления эмоции. Оценка фотографа может выражаться контекстом: *Sebastião Salgado is now 76-years-old, but continues to work tirelessly on both his art and his own individual battles*. Указание на возраст, который ассоциативно связан с идеей покоя, подчеркивает активную гражданскую позицию фотографа, который борется за сохранение природного мира.

Прилагательные, имеющие общеоценочные значения, используются редко: *It's time to plant trees that will be there for 500 years, 1,000 years, trees that need good soil, and shade to grow*. Обычно используются прилагательные с частнооценочным значением. Могут выражаться сенсорные (*the land was tired, dead, destroyed*), психологические (*also particularly sensitive, «love letter to the planet»; his favorite territory*), эстетические (*a still-pristine planet, breathtaking beauty*), нормативную (*the vanishing way of life of manual labourers across the world; often-devastating socio-economic conditions*) оценки. Кроме того, активно используется количественная оценка: *... it was widely published by large magazines, which increased my visibility to such an extent that at the time there was a big return to black and white photographs*. Для усиления оценки может использоваться наречие *so*: *This story was so strong*. В следующем примере количественная оценка передается фразеологизмом: *If the environment is now on everybody's radar, for Salgado, little has changed*.

Негативная оценка связана с деятельностью человека по освоению природы: *... the land was tired, dead, destroyed and now the land is rich again... .* Журналист использует противоположные оценки в одном контексте, чтобы подчеркнуть позицию фотографа, которая, по-видимому, совпадает с его личным мнением.

Статья формирует представление о фотографe как об активном человеке, выступающем за бережное отношение к природе, при этом автор предпочитает открытому выражению оценок опосредованное воздействие на адресата через отбор фактов и их качественную характеристику. Объектами оценки выступают личность фотографа и его творчество, нетронутая природа и природа после деятельности человека. Лексические средства выражения оценки в большинстве случаев представлены существительными и прилагательными, которые, как правило, имеют частнооценочные значения.

ПРОСПЕКТИВНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ХОДЫ В СТРУКТУРЕ СЛОЖНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

При исследовании усложнения диалогических единств (далее – ДЕ) одним из ключевых моментов является анализ характера реплик, обеспечивающих такое усложнение. Очевидно, что усложнение может осуществляться в силу использования как проспективных, так и ретроспективных коммуникативных ходов.

При этом функции ретроспективных реплик, усложняющих структуру ДЕ, весьма разнообразны: такие реплики могут сигнализировать об информационной неполноте или непонятности иницирующей реплики, указывать на ее уместность/неуместность, участвовать в регулировании коммуникативной инициативы, в развитии темы и т.д., что отражается и в вариативности моделей усложнения соответствующих ДЕ.

Что же касается проспективных реплик, то диапазон решаемых при их участии задач не столь широк: по сути, все они так или иначе призваны обеспечить беспроблемное, благоприятное восприятие/понимание определенного речевого действия адресатом. Тем не менее реплики данного типа также обнаруживают определенную вариативность, что обуславливает необходимость, с одной стороны, выявления их функциональных разновидностей, а с другой – выявления корреляций между типом проспективной реплики и структурной моделью ДЕ, в состав которого она входит.

Анализ 200 русскоязычных и 200 испаноязычных сложных ДЕ, включающих проспективные усложняющие ходы, показал, что реплики данного типа представлены в трех типах контекстов.

1. Реплики, ориентированные на эмоциональную подготовку к восприятию сообщения.

Для межличностного общения в целом характерны «профилактические» предупреждения об эмоционально-оценочной маркированности последующего сообщения, ср. привычность реплик типа *У меня для тебя приятная (неприятная новость); У меня две новости: одна хорошая, она плохая; Ты сидишь или стоишь? Если стоишь, лучше сядь* и т.п. В случае, если такие высказывания оформляются говорящим как отдельная реплика, обычно порождается сложное ДЕ смешанного структурного типа, ср.:

Б: *Хочешь я тебя огорчу?*

А: *Ну.*

Б: *Я двойку получила.*

А: *Ну молодец! По какому?*

Б: *По математике.*¹

¹ Примеры приведены в оригинальном виде из Национального корпуса русского языка, корпуса испанской разговорной речи COSER и издания «Русская разговорная речь. Тексты».

Ср. аналогичное строение ДЕ на испанском языке:

– *Tengo que decirte algo. Prométeme que no vas a enfadarte.*

– *No me gusta ese tono. A ver.*

– *He roto tu coche.*

– *Uffff. ¡Perfecto! ¿Pero cómo? ¿Qué ha pasado?*

– *No he visto la señal y me he chocado con el otro coche.*

2. Реплики, обеспечивающие успешность последующего речевого действия путем актуализации его пресуппозиций.

Коммуникативные ходы данного типа ориентированы на обеспечение понимания последующей реплики, ср.:

A: Ты знаешь, что лекцию собирались перенести?

B: Да, и что?

A: Так вот, перенесли на вторник.

Соответствующее использование данного типа реплик обнаруживается и в испанском языке:

– *¿Sabes que vamos a viajar a ver a nuestros sobrinos de Sevilla?*

– *Sí. ¿Finalmente os váis? ¿Y cuándo?*

– *Sí, salimos esta noche en el AVE (tren de alta velocidad).*

Для усложнений такого типа характерно образование сложных ДЕ по цепочечной структурной модели.

3. Реплики, актуализирующие условия успешности или условия искренности последующего речевого акта.

По нашим наблюдениям, это наиболее распространенный вариант проспективного усложнения структуры ДЕ. На первый взгляд, сложные ДЕ данного типа должны быть очень разнообразны в силу того, что в межличностной коммуникации представлены различные типы речевых актов, а каждый тип речевых актов имеет свой набор специфических условий успешности и искренности, любое из которых в принципе может получать проспективную экспликацию. Но если обратиться к структурным моделям таких ДЕ, то оказывается, что они отличаются однотипностью. Покажем это на нескольких примерах.

Экспликация условия искренности сообщения (‘говорящий действительно (искренне) считает, что *p*’):

A: Ты можешь ответить, только честно?

B: Конечно.

A: Ты любишь его?

B: Мне незачем что-либо отвечать.

A: Знаешь, что я думаю? Ты не любишь его. Потому что ты до сих пор любишь меня.

B: Я не люблю тебя!

Экспликация условия успешности директива (‘говорящий имеет основания полагать, что слушающий в состоянии/захочет выполнить действие’):

A: Валь, ты мне не поможешь маленько?

B: Давай.

A: Вычитай вот эти странички. А то чето я устал.

В: Хорошо.

А: Ты если что заметишь, карандашиком на полях.

В: Ладно.

Экспликация условия успешности интеррогатива (‘говорящий имеет основания полагать, что слушающий располагает соответствующей информацией’):

А: Ты фильм «Стиляги» смотрела?

Б: Смотрела

А: Понравился фильм?

Б: Он яркий, бунтарский. Но в целом да, красивое зрелище.

Очевидно, что во всех приведенных случаях, независимо от иллюкутивного характера подготавливаемого речевого акта и типа эксплицируемого условия, сложные ДЕ построены по бинарной модели.

Аналогично дело обстоит и в испанском разговорном дискурсе, ср. сложное ДЕ, включающее проспективные речевые ходы, направленные на условия успешности речевого акта вопроса:

E1: ¿Le puedo preguntar?

I2: To lo que usted quiera.

E1: A ver, quería saber ¿cuánto tiempo estuvo en Palma?

I2: ¿Yo? Pero ¿cuándo? Es que yo me he ido muchas veces a Palma. He estao veintidós años yéndome.

E1: Y, ¿cuánto tiempo pasaba allí?

I2: Siete, seis meses.

E1: ¿Y luego volvía aquí?

I2: Sí

Таким образом, характер структурного усложнения ДЕ в русском и испанском языках обнаруживает очевидную взаимосвязь с характером проспективных коммуникативных ходов: ДЕ, включающие реплики, направленные на эмоционально-оценочную сторону восприятия последующего сообщения, обычно имеют смешанную структуру; ДЕ с проспективными репликами, ориентированными на пресуппозиции, – цепочечную структуру; для ДЕ с репликами, эксплицирующими условия успешности и искренности, характерно бинарное строение.

Чэнь Тин

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ СОЧЕТАЕМОСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Синтагму – сочетание расчлененных единиц, в том числе, слов – относят обычно к речи, поскольку синтагматические отношения единиц, как отмечал Ф. де Соссюр, носят линейный характер, разворачиваются во времени и имеют протяженность, имеющую только одно измерение – линию. Вместе с тем, Ф. де Соссюр предостерегал против такого однозначного понимания синтагмы,

поскольку в ней представлены одновременно и язык, и речь, в ней не существует резкой границы «между коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы». Более того, он прямо указывал, что «К языку, а не к речи надо отнести и все типы синтагм, которые построены по определенным правилам. Поскольку в языке нет ничего абстрактного, эти типы могут существовать лишь в том случае, если в языке зарегистрировано достаточное количество их образцов» (Ф. де Соссюр 1977).

В этой связи с целью более глубокого изучения семантики коррелятивных имен существительных в данной работе в сопоставительном аспекте рассматриваются вопросы их сочетаемости, которые только в настоящее время становятся предметом пристального изучения лингвистов. В частности, будут проанализированы их структурные (синтаксические или грамматические) модели сочетаемости в таких генетически и типологически неблизких языках как английский и китайский.

Английский язык, как известно, принадлежит к индо-европейской семье. Согласно типологической морфологической классификации он является языком флективного типа синтаксического подтипа, т.е., грамматические отношения между его словами выражаются с помощью флексий, или формообразующих морфем, являющихся частью слова (*he reads a book*), а также супплетивизации (*go – went*) или ударения (*present* (n) – *to present* (v)). Современный английский язык, однако, утрачивает внешние флексии (формообразующие морфемы). Соответственно, он теряет и слоги (в среднем, согласно Википедии (Аналитические языки), в современном английском слове 1,34 слога). Таким образом, он в целом утрачивает черты синтетического подтипа, а приобретает свойства аналитического.

Китайский же язык относится к китайско-тибетской семье, изолирующему морфологическому типу и ярко выраженному аналитическому подтипу, где характер грамматических отношений между словами выражается посредством синтаксических параметров: фиксированного порядка слов, служебных слов и контекста. В то же время современный китайский язык, в отличие от английского, напротив, постепенно приобретает некоторые черты синтетизма. Нарастающий синтетизм проявляется в морфематизации, т.е., росте количества многоморфемных, а соответственно и многосложных слов (в среднем в современном китайском языке 1.4 слога, что даже чуть выше, чем в английском (周法高, 1980), а также в префиксации и суффиксации как формообразующих средств и др. (В. П. Даниленко. «Синтетическая морфологизация в китайском языке», 2013).

Граматики английского и других европейских языков ведут историю описания частей речи от античной эпохи: Платона, Аристотеля, Дионисия Фракийского, представившего в своей грамматике древнегреческого языка восемь частей речи, противопоставленных, прежде всего, по морфологическим признакам, а также, в определенной степени, по семантическим и синтаксическим.

Грамматика же китайского языка, не столь насыщенная морфологическими показателями, имеет иную, хотя не менее древнюю традицию, в которой слова разделяются на функциональные классы (знаменательные и служебные), и это не совпадает с делением на части речи в европейских языках. Как корни во флективных языках не имеют частеречного значения, так и китайские слова, часто совпадающие по форме с корнем, зачастую приобретают частеречное значение только в тексте.

В то же время современные грамматики устанавливают большее количество классов слов. Например, Грамматика господина Ма (马氏文通 – Ma shi wen tun, 1898) устанавливает в китайском языке 8 классов, подобных частям речи в английском (существительные, местоимения, глаголы, прилагательные, наречия, предлоги, союзы, междометия), а также 9-ый класс служебных морфем. Ряд лингвистов сегодня говорят об 11 и даже 15 классах слов в китайском языке, хотя Ван Ли (1989), например, полагает что необходимости в более детальном делении китайских классов слов нет, и что дополнительно выделяемые исследователями классы могут быть распределены в более крупные классы существительных, глаголов и прилагательных.

Таким образом, сама попытка сопоставления структурных моделей сочетаемости имен существительных в английском и китайском языках представляет, наряду с научным интересом, определенные сложности.

Следует уточнить, что под *структурными моделями* в работе понимаются формализованные модели двухсловных словосочетаний, учитывающие, с одной стороны, частеречную отнесенность лексем с выбранным для анализа именем существительным (в данной работе – это английское существительное *stone* ‘камень’ и китайское 石 [shi] ‘камень’), а с другой – направление синтаксической связи между ними.

На основании анализа лингвистической литературы и данных Британского национального корпуса в английском языке было установлено в общей сложности 14 структурных моделей, на основе которых образуются подчинительные, предикативные и сочинительные словосочетания со словом *stone* ‘камень’.

Самыми разнообразными по моделям (7 структурных моделей) и самыми частотными по употреблению (индекс достигает 113) являются атрибутивные подчинительные словосочетания со словом *stone*.

В четырех из них (**Adj**←*stone*: *grey* ~ ; **N**←*stone*: *foundation* ~ ; **Part I**←*stone*: *rolling* ~ ; **Part II**←*stone*: *carved* ~) анализируемое существительное занимает синтаксическую и семантическую ключевую позицию (второе, конечное место в словосочетании), а прилагательное, существительное в атрибутивной функции, а также причастия I и II и уточняют его семантику.

В 3 из 7 атрибутивных подчинительных словосочетаний уточняющие слова находятся после существительного *stone* ‘камень’ т.е., в постпозиции к нему. В двух из них (*stone*→**Adj**: ~ *free* и *stone*→**Part**: ~ *untuned*) данное существительное сохраняет свою главную синтаксическую и семантическую

роль, а в одной модели (*stone*←N: ~ *steps*) оно само становится в позицию подчиненного слова и играет роль атрибутивного распространителя к другому существительному.

Количество структурных моделей, описывающих китайские словосочетания с коррелятивным существительным 石 [shí] 'камень' оказалось меньше, поскольку в китайском языке отсутствуют 4 модели с причастиями, выполняющие в английском языке роль атрибутивных (определяющих) распространителей. Однако в китайском языке есть на две модели больше, чем в английском, словосочетаний существительного 石 [shí] 'камень' со служебными словами (предлогами и полупредлогами). В общей сложности в китайском языке было установлено 12 видов структурных моделей словосочетаний с существительным 石 [shí] 'камень'.

Как и в английском языке, атрибутивные подчинительные модели словосочетаний со словом 石 [shí] 'камень' в китайском языке являются самыми разнообразными (4 структурные модели) и самыми частотными по употреблению (индекс частотности в корпусе Компьютерного Центра Пекинского университета языка и культуры (Beijing Language and Culture University Corpus Center, BCC) достигает 927).

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о высокой степени сходства структурных моделей двухсловных сочетаний с коррелятивными словами *stone* 'камень' и 石 [shí] 'камень' в обоих языках, что можно рассматривать как доказательство универсальности основных моделей построения словосочетаний с существительными в разных языках. Следует также отметить особую значимость атрибутивных структурных моделей словосочетаний в обоих языках.

В тоже время установлены и определенные различия в классификации структурных типов словосочетаний с именами существительными в английском и китайском языках, обусловленные типологическими различиями языков.

Как показали предварительные данные, наполнение этих структурных моделей конкретными словами обнаруживают весьма яркие и значимые различия в китайском и английском языках, что связано, в первую очередь, с лингвокультурными различиями, и этот аспект сопоставительного изучения словосочетаний является предметом следующего этапа исследования.

Юань Хаошань

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ «ИЗВИНЕНИЕ» И «БЛАГОДАРНОСТЬ»
(на материале китайского фильма «Умираю, как хочу жить»)**

Речевой этикет представляет собой устойчивые формулы общения, употребляющиеся в стандартных ситуациях при творческом выборе общающимися наиболее уместного средства из обширного языкового арсенала (Формановская, 1987). Устойчивыми формулами общения, представляющими интерес для нашего исследования, являются «извинение» и «благодарность».

Благодарность и извинение – частотные как для русских, так и для китайцев речевые акты, желательные для адресата, потому что в обеих ситуациях представляются благожелательные отношения адресанта к адресату. Они различаются, во-первых, ориентацией участников на события: для речевого акта благодарности: «ты мне сделал хорошее, и я должен благодарить». В ситуации извинения – «я сделал тебе плохое и я прошу извинения». Во-вторых, отсутствие и благодарности, и извинения может вызвать недовольство, обиду, раздражение и т. п. (Ли Сюэнь, 2006).

Цель нашего исследования – выявить в китайском фильме «Умираю, как хочу жить» контексты, включающие речевые формулы «извинение» и «благодарность», определить частотность их употребления и специфику перевода на русский язык.

Нами было определено, что *благодарность* в исследованном материале выражается следующим образом:

Пример 1:

(我) 谢谢 (你 / 您) (wo) xie xie (ni / nin) – *Спасибо (тебе/Вам)*.

Формула выражена удвоением лексемы 谢 xie, к которой может прибавляться местоимение либо имя собственное. Данная формула является эксплицитной по речевому выражению, нейтральной по эмоциональной и стилистической окраске. Это наиболее типичная формула благодарности в том случае, когда говорящий хочет выразить благодарность за оказанную ему незначительную услугу в какой-либо формальной ситуации, как того требуют правила речевого этикета.

Пример 2:

(我) 感恩 (你 / 您) (wo) gan'en (ni / nin) – *Я благодарю (тебя/Вас)*.

Формула выражена сочетанием двух лексем: 感 gan и 恩 en – быть благодарным. К данному сочетанию лексем может прибавляться местоимение либо имя собственное. Данная формула является эксплицитной по речевому выражению, по эмоциональной окраске – выражением усиленной благодарности, стилистически нейтральной по стилистической окраске. Формула употребляется в той ситуации, когда говорящий хочет выразить и подчеркнуть благодарность за значительную услугу. Может употребляться как в официальной, так и неофициальной обстановке.

Частотность употребления того или иного вида благодарности в процентном соотношении представлена в таблице.

Пример употребления	Количество употреблений, %
(我) 谢谢 (你 / 您) Спасибо (тебе/Вам)	87,5
(我) 感恩 (你 / 您) (Я) благодарю (тебя/Вас)	12,5

Таким образом, формула усиленной благодарности встречается значительно реже, чем формула благодарности за незначительную услугу.

Также нами были рассмотрены речевые ситуации извинения, встречающиеся в фильме «Умираю, как хочу жить».

Пример 1.

对不起 (duibuqi) – *Извините*.

Глагол выражен тремя иероглифами 对不起 (duibuqi).

Пример 2.

不好意思 (buhaoysi) – *Извините*.

Глагол выражен четырьмя иероглифами 不好意思 (buhaoysi).

Формула извинения 对不起 (duibuqi) имеет в китайском языке значение просьбы о прощении в ситуации реальной вины субъекта коммуникации, в то время как второй вариант формулы извинения 不好意思 (buhaoysi) выражает формальное извинение за незначительную провинность (этикетное проявление вежливости). На русский язык данные формулы переводятся одинаково – *извините*.

Частотность употребления того или иного вида извинения в процентном соотношении представлена в таблице.

Пример употребления	Количество употреблений, %
对不起 (duibuqi) – <i>Извините</i> .	66,7
不好意思 (buhaoysi) – <i>Извините</i> .	33,3

Так, наиболее востребованными оказываются просьбы о прощении в ситуации реальной вины субъекта коммуникации, а наименее востребованными – ситуации формального извинения за незначительную провинность (этикетное проявление вежливости).

Выявленные в китайском фильме «Умираю, как хочу жить» контексты, включающие речевые формулы «извинение» и «благодарность», значительно различаются по частотности их употребления, которая, как показывает материал, коррелирует со степенью выражаемой благодарности или ощущаемой вины соответственно.

Юй Вэй

МЕТАФОРА В КИТАЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ФИНАНСОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Термин *метафора* восходит к греческому слову *μεταφορά* ‘перенос’. Сравн.: «Метафора (от греч. *metaphorá* – перенос) – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, обозначений и т.п., для характеристики или наименования объекта,

входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичных данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин “метафора” применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении». Впервые понятие *метафора* использовал Аристотель, который еще две тысячи лет назад предложил концепцию «использования названия одной вещи для обозначения другой вещи». П. Ньюмарк считает, что метафора является риторической техникой, направленной на: а) трансформирование определенных значений; б) антропоморфизацию абстрактных понятий; в) использование определенных слов или словосочетаний не в буквальном значении, а в переносном. Иными словами, способ метафоризации позволяет с помощью одного слова или словосочетания описывать (называть) разные объекты действительности. Метафорами могут быть как отдельные слова (индивидуальные метафоры), так и сложные конструкции (словосочетания, предложения, идиомы, пословицы, целые фразы или даже басни), которые пробуждают воображение читателя.

Метафорический перенос – это универсальное свойство языка, он используется в различных сферах языковой деятельности и охватывает разные классы наименований (слов) в различных языках. В 1980 г. в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» метафоры были включены в области человеческой деятельности, способы мышления, концептуальные категории, языковые признаки и так далее. Не является исключением в этом отношении и финансовая терминология в китайском и русском языках, изучением которой мы занимаемся. Метафоризация в финансовой терминологии затрагивает как отдельные лексические единицы (сло-ва), так и словосочетания. По существу, *метафора финансовых терминов* – это картографирование концепции исходного финансового термина на концепцию целевого (нового) финансового термина, который в силу своей метафоричности (образности) становится более понятным и выразительным.

Для анализа мы выбрали некоторые финансовые термины, в которых используется метафорическая риторика (метафорический перенос), из «Русско-китайского внешнеторгового и внешнеэкономического словаря» (2014) под ред. Тиана Баосиня и «Русско-китайского экономического словаря» (1984), составленного кафедрой русского языка Пекинского института внешней торговли. В результате исследования нами выделены четыре группы метафорических финансовых наименований.

1. Метафоры, связанные с историей. Китайцы обычно называют это *женьминьби* (人民币 ren min bi) ‘официальное название китайской валюты’ «Дедушка Мао» и «Великое единство». Это обусловлено тем, что пятый комплект женьминьби напечатан с аватаром председателя Мао Цзэдуна, лидера-основателя Китая, которого люди ласково называют дедушка Мао. В результате выражение *дедушка Мао* стало синонимом женьминьби. В Китае женьминьби

также называют *великое единство*, потому что на третьем наборе 10 юаней женьминьби напечатаны некоторые представители народного конгресса. Это символизирует, что люди всех национальностей объединены вместе.

Другой пример – слово *гринбек*, которое происходит от английского *green back*. Известный исторический факт, когда во время Гражданской войны Соединенные Штаты выпустили необналичиваемую денежную банкноту с «зеленой спиной», привел к тому, что слово *зеленый* стало синонимом доллара.

2. Метафоры, связанные с состоянием действия. Выражение *отмывание денег* (洗钱 *xì qián*) означает акт легализации нелегального дохода, сокрытия его различными способами, сокрытия его источника и характера и придания ему законной формы. Слово *отмывание* изначально называет процесс очистки чего-либо от грязи, в результате которого грязные вещи очищаются, получая, таким образом, новое состояние, которое имеет положительную коннотацию. Используемое в китайском и русском языках терминологическое выражение *отмывание денег* имеет, таким образом, одну и ту же метафорическую риторику.

Другой пример – финансовый термин *премия* (溢价 *yì jià*, 升水 *shēng huǐ*), где китайские значения «溢价 *yì jià* – премия» и «升水 *shēng huǐ* – премия» используют метафорическую риторику (перенос). «溢价 *yì jià* – премия» означает «фактическая уплаченная сумма превышает видимую или номинальную стоимость ценной бумаги или акций». «溢 *yì*» первоначально имело значение «вода наполнила емкость и вытекла», это означало, что вода вытекла из собственной емкости контейнера. Следовательно, образ «состояние, при котором из контейнера вытекли излишки воды» был использован в качестве метафоры для обозначения «части фактической суммы оплаты акций и ценных бумаг, превышающей номинальную стоимость», что делает данное действие более понятным для людей; «升水 *shēng huǐ* – премия» означает оценку точек, которые форвардные или фьючерсные цены добавляют к спотовой цене. «升水 *shēng huǐ* – премия» первоначально означает, что поверхность воды или часть поверхности воды поднимается. В итоге точки фьючерсов на споты становятся живыми и понятными. В русском языке финансовый термин *премия* не обусловлен подобным метафорическим переносом.

3. Метафоры, связанные с принадлежностью. Например: *банк-мать* (母亲银行 *mǔ qīn yīn háng*), *банк-дочь/дочка* (女儿银行 *nǚ ér yīn háng*). Посредством метафоры отношения между матерью и дочерью (сначала появляется мать, затем дочь) наглядно отражают подчиненные отношения между банком-матерью и банком-дочкой (сначала появляется основной банк-мать, затем на его базе создается банк-дочка). В данном случае и китайский, и русский языки используют один и тот же тип метафоры.

4. Метафоры, относящиеся к атрибутивным характеристикам. Например, *женьминьби* (人民币 *ren min bi*) ‘официальное название китайской валюты’ также известен как *бумага* (纸币 *zhi bi*), поскольку женьминьби номиналом более чем 5 юаней изготовлены из бумаги, поэтому его также называют *бумага* (纸币 *zhi bi*). Вспомогательная валюта женьминьби изготовлена из стального сплава, поэтому его также называют *стальная звонкая монета*. Российский финансовый термин *грин* происходит от английского *green*, что означает ‘зеленый’, но в финансовом плане это означает ‘доллар США’, потому что на оборотной стороне банкнот доллара США всегда преобладал зеленый цвет. Поэтому данная цветовая особенность (зеленый цвет) используется для названия доллара США.

Таким образом, использование метафорической риторики (метафорического переноса) в китайской и русской финансовой терминологии очень распространено и имеет следующие особенности:

1. В соотносительных китайских и русских финансовых терминах метафоры не всегда используются одновременно; иногда китайскому термину, образованному в результате метафорического переноса, соответствует русская терминологическая единица, не связанная с метафорой.

2. При образовании метафорических финансовых терминов в китайском и русском языках может использоваться один тип метафорического переноса, а иногда одновременно могут использоваться несколько различных типов метафорических приемов.

3. В китайско-русской базе финансовой терминологии есть примеры заимствований из других языках. Нередко заимствованные финансовые термины в языке-доноре образованы в результате метафорического переноса. В процессе заимствования эта метафоричность, как правило, сохраняется и в языке-реципиенте.

ПЕРЕВОД И ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ

Ю. В. Белобрудова

IMPROVING TRANSLATABILITY AND READABILITY WITH SYNTACTIC CUES IN SOFTWARE LOCALIZATION

To make translators' jobs easier or to improve the readability of English-language documents there are some guidelines for improving readability at the sentence, clause, and phrase level. Most of them imply general readability principles such as using short sentences, using passive voice only when appropriate, keeping subjects and verbs close together, and avoiding long noun strings and nominalizations. Like the abovementioned types of guidelines, the syntactic cues guidelines focus on individual sentences, clauses, and phrases, as they take both translatability and readability into account.

Syntactic cues are elements or aspects of language that help readers correctly analyze sentence structure, identify parts of speech, or both. For example, suffixes, articles, prepositions, auxiliary verbs, and word order enable us to make grammatical sense. Still, the emphasis on conciseness and coherence in technical communication makes many technical writers, translators and editors routinely and deliberately eliminate syntactic cues from their documents. However, syntactic cues often improve readability and translatability in one or more of the following ways:

- they enable readers, translators, and machine-translation systems to analyze sentence structure more quickly and accurately. In this respect, they are particularly beneficial for non-native speakers of English;
- they eliminate ambiguities that might not be noticed by human translators and that can therefore result in mistranslation. Ambiguities also are likely to be mistranslated by machine-translation systems, and they often force human translators to seek clarification or to make educated guesses.

Unlike many implementations of controlled English, the syntactic cues guidelines don't impose any restrictions on vocabulary nor on the range of grammatical constructions that are permitted. When used with discretion, the syntactic cues guidelines don't result in language that sounds unnatural to native speakers of English.

It is easy to see that inserting a syntactic cue can make it easier for all reader, and probably also for many machine-translation (MT) systems, to correctly analyze the structure of some sentences. For example, consider the following sentence:

1a After a process creates a resource, any process it starts inherits the resource identifiers.

Human readers, as well as MT systems, are likely to stumble on the main clause because two subjects, *process* and *it*, appear to be followed by two verbs, *starts* and *inherits*. This sequence is an apparent violation of normal word order in English sentences. It is much easier to recognize that the main clause contains an embedded relative clause when we insert the relative pronoun (syntactic cue) *that*:

*1b After a process creates a resource, any process **that** it starts inherits the resource identifiers.*

When a relative pronoun is the subject of a clause, you can often omit the relative pronoun plus a form of the verb *to be*. For example, in sentence 2b, the relative pronoun *that* and the verb *are* have been omitted. Sentence 2a is more syntactically explicit.

*2a Programs **that are** currently running in the system are indicated by icons in the lower part of the screen.*

2b Programs currently running in the system are indicated by icons in the lower part of the screen.

Non-native speakers who are not fluent in English have particular difficulty when *that + to be* is omitted. The participles that are left behind (such as *running* in the above example) can play so many different grammatical roles that they are inherently confusing to non-native speakers. In fact, participles are so problematic that *present* participles (the-*ing* verb forms) should be replaced by other constructions when possible. *Past* participles, which usually end in *-ed*, cannot be replaced so easily, but often they can be expanded into relative clauses. For example, you could replace sentence 3a with sentence 3b, with no loss of meaning and no change in emphasis.

*3a DATAMAX continues **processing** program statements after **repairing** the data set.*

*3b DATAMAX continues **to process** program statements after **it repairs** the data set.*

As sentences 3a and 3b illustrate, the syntactic cues approach is more than just inserting syntactic cues here or there. It often involves replacing an ambiguous or potentially confusing sentence constituent with something that is simpler or more syntactically explicit.

Е. В. Будагова

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОШИБОК СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК КАК ВТОРОЙ ИНОСТРАННЫЙ

Целью данной статьи является анализ и систематизация наиболее типичных переводческих ошибок студентов старших курсов, обучающихся специальности переводчика, изучающих испанский язык как второй иностранный на базе английского языка, в рамках учебных дисциплин «Практический курс перевода» и «Письменный перевод».

Оценка качества перевода – это один из наиболее дискуссионных и неоднозначных вопросов современного переводоведения. Как правило считается, что хороший качественный перевод характеризуется достаточно полной передачей всех особенностей смысла, структуры и стиля подлинника. При этом переведенный текст должен служить полноценной заменой оригинала, обладать безупречностью языка и стиля, быть понятным читателю.

Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы.

Изучение переводческих ошибок является важной частью подготовки как переводчиков, так и преподавателей перевода. Анализ переводческих ошибок – это анализ отрицательных переводческих прецедентов, в ходе которых у обучаемых должен быть постепенно выработан иммунитет к наиболее типичным и грубым ошибкам.

Во многих лингвистических работах представлены классификации ошибок в устном и письменном переводе. Классификации ошибок могут быть ориентированы на оценку перевода, а могут предполагать анализ не столько результата перевода, сколько процесса перевода и отражать возможные причины появления ошибок. Очевидно, что часть ошибок является результатом неверного понимания переводчиком информации, заложенной в исходном тексте, в то время как другая часть ошибок связана с неправильным использованием языка перевода.

Существующие исследования, а также практика обучения испанскому языку как второму иностранному показывает, что причиной значительного числа речевых и переводческих ошибок студентов являются следующие факторы:

- 1) межъязыковая интерференция: родной (русский) язык – иностранный (испанский) язык;
- 2) внутриязыковая интерференция: иностранный (английский) язык – иностранный (испанский) язык;
- 3) психологический языковой барьер;
- 4) недостаточно развитое лингвистическое мышление;
- 5) недостаточный когнитивный опыт, т.е. недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности, так называемые фоновые знания.

Исходя из наблюдения за процессом обучения испанскому языку как второму иностранному на базе английского языка студентов переводческих специальностей, а также анализа их письменных переводов политического дискурса, публицистических, экономических, научных и фрагментов художественных текстов, в целом, следует отметить достаточно высокий уровень языковых знаний студентов, владения переводческими навыками и использования переводческих трансформаций. Рассмотрим типичные ошибки студентов в соответствии с уровнями языка, на которых они были совершены:

- лексические ошибки – ошибки, связанные с неправильным использованием основного или контекстуального значения слова, а также нарушение норм сочетаемости слов в языке перевода;
- грамматические ошибки – нарушения грамматических, в том числе синтаксических, норм языка перевода, не приводящие, а в некоторых случаях приводящие, к искажению смысла оригинала;

- стилистические ошибки – использование слов, конструкций или стилистических средств, не соответствующих по своим функционально-языковым свойствам той жанрово-стилистической разновидности текстов, к которой принадлежит перевод;

- орфографические ошибки – несоблюдение правил пунктуации языка перевода.

Лексические ошибки связаны с выбором лексического соответствия. Их можно разделить на ошибки в понимании информации, заложенной в исходном тексте, и ошибки в использовании переводящего языка. В испанском языке наибольший процент лексического объема имеют слова латинского происхождения, в английском языке их немного меньше. Как правило, слова имеющие общий лексический этимон, например: *condition* – *condición*, *image* – *imagen*, не вызывают трудностей при переводе и знакомые английские слова активизируют усвоение испанской лексики, но есть исключения, не знание которых приводит к лексическим ошибкам в переводе. Существует пласт лексики, провоцирующий лексические ошибки. В нем можно выделить так называемых «ложных друзей переводчика», фразеологизмы, забытые значения многозначных слов, лексические иносказания, несозвучные географические названия, имена собственные, национальные реалии.

Передача географических наименований в переводе с испанского языка на русский представляет определенные трудности. Обычно они воспроизводятся механически – путем транслитерации. Иногда побуквенно: *Madrid* ‘Мадрид’, *Venezuela* ‘Венесуэла’; иногда с небольшими фонетическими изменениями: *Francia* ‘Франция’, *Moscú* ‘Москва’, *Irlanda* ‘Ирландия’. Однако привычка к механическому воспроизведению географических названий часто приводит к ошибкам в переводе, так как встречаются географические объекты, имеющие в испанском и русском языках несозвучные или мало созвучные названия, например: *Maguncia* ‘Майнц’, *Amberes* ‘Антверпен’, *La Haya* ‘Гаага’. Но даже при переводе созвучных названий по причине неверной их транслитерации, невнимательности и, вероятно, недостаточных знаний в области географии студенты допускают такие ошибки как: *Galicía* ‘Галиция’ вместо ‘Галисия’ (Галисия – автономная область Испании, а Галиция – историческая область в Восточной Европе), *Granada* ‘Гренада’ вместо ‘Гранада’, *Colombia* ‘Колумбия’ вместо ‘Колумбия’, *Cataluña* ‘Каталуния’ вместо ‘Каталония’. Избежать таких ошибок помогает поиск эквивалента в словарях и учебных пособиях, упражнения на перевод прецизионной лексики, расширение фоновых знаний, внимательность и сосредоточенность студентов при выполнении перевода.

Грамматические ошибки, как правило, возникают по причине системного расхождения испанского и русского языков. Как показывает практика, чаще всего трудности и ошибки у студентов возникают при переводе грамматических форм и конструкций, специфических для испанского языка и не имеющих прямых соответствий в русском языке. К ним относятся: инфинитивные, причастные и герундиальные обороты; эмфатические и эллиптические конструкции; косвенные падежи личных местоимений; особые

случаи употребления и перевода указательных и отрицательных местоимений; некоторые типы условных предложений; союз *sino*; обстоятельственные придаточные предложения с союзом *sin que*. Межъязыковая интерференция и отрицательный перенос явлений родного и ранее изученного английского языка являются следствием таких грамматических ошибок как: постпозиция, а не препозиция отрицания *no* с глаголом; неправильное использование артиклей; неверное согласование в роде и числе в грамматической структуре *nombre + adjetivo*. Также частотны ошибки в согласовании времен, ошибки в употреблении рода существительных и предлогов. Неверный выбор препозиции или постпозиции некоторых испанских прилагательных по отношению к существительному приводит к лексическим и стилистическим ошибкам и неточностям.

При выполнении переводов студентам следует принимать во внимание тот факт, что аналитический характер испанского языка обуславливает более широкое употребление в нем, по сравнению со многими синтетическими языками, грамматических средств, а также лексических, передающих самые разнообразные оттенки значений.

Д. А. Букаев

ПЕРЕВОД ЛИРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПРОГРАММАМИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: МОЖЕТ ЛИ КОМПЬЮТЕР ПЕРЕВОДИТЬ СТИХИ?

Развитие современных информационных технологий привело к тому, что компьютер во многих сферах может вытеснить человека ввиду явного преимущества в скорости и качестве работы. Однако существуют сферы, в которых преимущество компьютера либо минимально, либо отсутствует вовсе. Одной из таких сфер является сфера деятельности переводчиков. В силу особенностей различных языков программам машинного перевода зачастую не удастся создать в результате своей деятельности текст, равноценный исходному на всех уровнях.

Однако необходимо также отметить, что в рамках перевода есть еще более сложные сферы. Одной из таких сфер является перевод художественных текстов, в частности, лирических произведений. Основной особенностью лирических произведений, отличающей их от произведений других родов литературы, является повышенное значение структурных характеристик таких произведений. Структура лирических произведений может проявляться через многочисленные аспекты, но наиболее заметным является ритм.

Однако проверить тот факт, способны ли программы машинного перевода переводить лирические произведения или нет, можно лишь экспериментальным путем. В рамках данного эксперимента мы проанализируем части лирического произведения, переведенные двумя наиболее популярными программами машинного перевода – Google Translator и DeepL. Исходным

текстом выступит стих белорусского поэта Андрея Хадановича «Паслямова», языком перевода будет немецкий. Первым мы анализируем перевод выполненный программой Google Translator:

Исходный текст	Немецкий перевод
Ты занураўся ў сене, нібы ў Сене, з цыганскаю красуняю Кармэн, ёй недарэчна дорачы насеньне й нічога не жадаючы ўзамен.	Sie werden wie im Heu ins Heu getaucht, mit Carmens Zigeunerschönheit, es ist für sie unangemessen zu säen und nichts dafür wollen.

Как мы видим, перевод далёк от совершенного. Помимо полного отсутствия ритма и рифмы, присущих оригиналу, мы также видим, что программа сделала ряд ошибок при переводе. Так, она не смогла распознать что *Сена* – это название французской реки и перевела название как *Heu*, т.е. сено. Также местоимение второго лица единственного числа *Ты* оказалось в немецком заменено на местоимение 3го лица *Sie*, которое может использоваться при обращении к одному человеку, но в данном случае это лишено смысла, поскольку обращение через *Ты* подразумевает близкие отношения автора и лирического героя, что в переводе полностью теряется.

Дальше идет перевод выполненный программой DeepL:

Исходный текст	Нецмецкий перевод
Ты занураўся ў сене, нібы ў Сене, з цыганскаю красуняю Кармэн, ёй недарэчна дорачы насеньне й нічога не жадаючы ўзамен.	Du liegst im Heu, du liegst im Heu, mit der Zigeunerschönheit Carmen, sie ist eine dreckige kleine Schlampe. und sie sind im Gegenzug nicht gierig.

В данном случае программа полностью не справилась с переводом. Причиной может быть относительная редкость текстов на белорусском языке, поскольку DeepL ориентировано на работу не со словарными базами, как большинство программ машинного перевода, а с группами текстов, из которых и составляется база словарных соответствий. Тем не менее, даже исходя из этого постулата, мы вынуждены констатировать что программа DeepL для перевода лирических текстов не приспособлена.

В чем же причина неспособности программ машинного перевода адекватно переводить лирические произведения? В первую очередь причиной является структура процесса перевода. Переводческая программа, обладая базами словарных соответствий, при переводе выполняет подстановку лексем и словосочетаний исходного языка аналогичными лексемами и словосочетаниями языка перевода. В рамках такой модели зачастую теряется необходимый порядок слов, что приводит к неадекватному с грамматической точки зрения переводу. К тому же в силу особенностей немецкого языка программы попытались составить из белорусских слов *цыганская красуня* составное существительное, что в целом отвечает немецкой узуальной норме, однако в случае Google Translator было употреблено неверно, что привело к искажению смысла.

Второй причиной является отсутствие в механизме перевода алгоритмов, отвечающих за распознавание ритмических элементов в тексте, таких как чередование ударных и безударных слогов или рифма. Создание подобных алгоритмов необходимо, если поставить задачей создать программу, способную переводить лирические тексты. Однако даже создание подобных алгоритмов не гарантирует однозначный успех, поскольку авторы произведений в рамках своего художественного метода могут прибегать к ударениям, отличающимся от общепринятых. К тому же ритм может основываться как на силаботоническом делении текста, так и на других факторах, что также необходимо учитывать при написании подобных алгоритмов.

В сочетании этого фактора с механизмом осуществления перевода методом подстановки и кроется главная причина неспособности систем машинного перевода адекватно переводить лирические тексты. На данный момент мы вынуждены констатировать, что в переводе лирических произведений программы машинного перевода еще не скоро достигнут сравнимого с профессиональными переводчиками уровня.

Е. А. Булат, Е. Борисевич

РОЛЬ ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЙ ПЕРСОНАЖА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Как известно, понятия *эмоции* и *чувства* трактуются психологами как разные уровни эмоционального отражения действительности. В нашей работе для выявления способов передачи эмоционального состояния персонажа при переводе художественного текста с испанского языка на русский эти термины понимаются как преимущественно эквивалентные. Как свидетельствует проведенный анализ, репрезентация эмоций персонажа в художественном тексте достигается преимущественно за счет комбинаторного использования языковых средств вербализации эмоций. Но именно оценочная лексика обладает наибольшей вариативностью, что позволяет описывать широкий спектр психических состояний, переживаний, ощущений человека и передавать их средствами другого языка. Однако важно помнить, что любое описание предполагает субъективную оценку происходящего и передача эмотивного состояния средствами другого языка может вызывать определенные трудности, а адекватный перевод на другие языки текстов, принадлежащих культурам с разным уровнем эмоциональности, порой представляется практически невозможным.

Рассмотрим пример описания персонажа на испанском языке: *Durante unos instantes se desconcentró en lo guapo que era Ahmed. Alto, delgado, con el cabello, como la noche y los ojos de un negro más intenso aun.* В данном примере лексема *guapo* 'красивый' выражает субъективную оценку внешности представителя мужского пола, при этом описание становится еще более эмоционально окрашенным за счет артикля *lo*, выполняющего здесь роль эмфа-

зы. Трудность поиска адекватного эквивалента в русском языке обусловлена тем, что в данных языковых культурах характерно разное гендерное представление о красоте. Исходя из этого, и чтобы у русскоязычных читателей сложилось более полное представление о персонаже, переводчик использует суффикс субъективной окраски *-чик-*, позволяющий передать такие коннотации испанской лексемы *guapo*, как ‘смельчак, задира’: *На несколько мгновений она отвлеклась, невольно подумав, какой все-таки красавчик ее муж: высокий, стройный, с черной как смоль шевелюрой и с выразительными, как у негра, глазами.*

Рассматривая перевод сравнений при описании данного персонажа, следует отметить творческий подход переводчика к их передаче на ПЯ: в первом случае сравнение волос героя с *ночью* передается конструкцией *с черной как смоль шевелюрой*, что позволяет передать эмотивность испанского текста в целом. Во втором случае добавляется сравнение с представителем негроидной расы, что можно посчитать за переводческую ошибку, так в данном случае испанская лексема *negro* соотносится не с расовым признаком как таковым, а с передачей интенсивности черного цвета.

Как видно из вышеприведенного примера, использование диминутивов является эффективным приемом перевода в связи с их компактностью, информативностью и достаточным богатством соответствующих словообразовательных морфем в переводческой паре языков «испанский–русский». Высказывания с такими лексемами приобретают динамичный и весьма экспрессивный характер:

O sea, que eres bisabuelo. Bueno, no estás mal para ser un vejestorio./Так ты теперь прадедушка! Впрочем, ты совсем не похож на древнего старикашку.

Несмотря на презрительный оттенок существительного *vejestorio* из контекста нам становится понятным, что это шутливая форма обращения к другу, и потому из возможных вариантов передачи слова на русский язык *старикашка* и *старая развалина* переводчик, используя прием калькирования, выбирает первый, более мягкий вариант.

В то же время следующее высказывание, наоборот, наполнено отрицательной эмоцией презрения, что и постарался передать переводчик через применение все того же суффикса субъективной окраски *-чик-*, который в данном примере выражает негативное отношение автора к герою:

¡Tú, judío!, ¿quieres acabar como ella?/Ты, еврейчик! Хочешь того же?

Если говорить про отрицательные эмоции, то они обычно вербализуются через ругательства и грубые выражения, как, например, прилагательное *estúpida* в нижеприведенном предложении (ср. эквивалент *дура* в русском переводе):

Otra estúpida – pensó Brown -. Todos los años organiza la misma farsa./Еще одна дура, – подумал Браун. – Каждый год – одно и то же.

Ниже представлены другие примеры функционирования инвективов в испаноязычных художественных текстах и их переводов на русский язык:

*Había llegado a creer que aquel **monstruo** había aparecido de nuevo y ahora se encontraba con que no era él./Он уже было поверил, что этот **подонок** снова попал в их поле зрения, а теперь оказалось, что это был вовсе не он.*

*¿Por qué esos **bastardos** noo bajan también a por piedras? – preguntó Georg./А почему это **отродье** тоже не спускается в карьер за камнями? – спросил Георг.*

Приведем пример грубого оскорбления представителя еврейской нации в атмосфере деспотизма во времена фашистского господства Испании:

*– ¡Cállate, **judío de mierda**! – dijo el joven llamado Georg./– Да заткнись ты, **мерзкий еврей**! – крикнул юноша, которого звали Георг.*

В данном тексте переводчик производит замену существительного *mierda* 'дерьмо' более привычным нам эквивалентом в виде прилагательного *мерзкий*, снизив тем самым резкую негативность эпитета, но умело сбалансировав всю фразу добавлением интенсификатора *да* в начале реплики, используя прием компенсации.

Часто случается так, что испанский текст настолько эмоционально насыщен, что русскоговорящему человеку может показаться, что испанцы слишком грубые или прямолинейные, хотя на самом деле это особенности темперамента данного народа, получившие отражение в их языковой системе. Во избежание таких недоразумений переводчики порой прибегают к опущению эмотивов и заменяют их на нейтральные фразы. Приведем пример опущения инвектива *mierda* при переводе испанского текста на русский язык:

*Se creen que aún son algo y son una **mierda**./Они по-прежнему уверены, что от них что-то зависит, хотя на самом деле ничего не решают.*

В силу наличия яркого эмотивного фона художественного произведения на испанском языке при несовпадении языковых средств для репрезентации оценочных категорий в рассматриваемых языках, переводчик нередко прибегает к использованию приема компенсации с целью не допустить снижения эмоционального воздействия на читателя. Рассмотрим пример компенсации эмотивного эффекта испанского текста за счет введения в переводной текст дополнительных средств эмотивности. Так, Педро Антонио де Аларкон при создании яркого образа алькальда в рассказе «Угольщик алькальд» использует препозицию прилагательных-эпитетов по отношению к определяемым существительным: ... *la voz del formidable carbonero, del invencible alcalde, del invulnerable Atienza, sobresalía entre el común estruendo, gritando desafortadamente.*

В испанском языке грамматической нормой является постпозиция прилагательного, в то время как его препозиция служит целям эмотивной номинации и передает яркие стилистические оттенки единиц эмоционально нагруженной информации. Эта задача невыполнима на уровне эмотивного синтаксиса русского языка в силу его грамматических особенностей. Чтобы увеличить воздействующую силу русского перевода автор прибегает к использованию дополнительной конструкции *господствуя над силами ада*, включающей в свою семантику определенные коннотации, нарушая таким образом лексическую адекватность перевода, но сохраняя его эмоциональную нагруженность: *господствуя над силами ада, гремел голос грозного угольщика, непобедимого алькальда, неуязвимого Атьенса.*

Таким образом, несмотря на внешнее сходство и влияние испанской и русской культур друг на друга, существуют определенные особенности в выражении эмоций в текстах на данных языках. В результате сопоставления художественных текстов и их переводов с испанского языка на русский удалось выявить такие закономерности, как широкая трактовка эмотивных лексем, требующая от переводчика глубоких знаний особенностей вербального выражения эмоций в сопоставляемых культурах, перенасыщенность испанских текстов эмотивной лексикой, требующая корректировки при переводе текстов для носителей менее эмоциональной русской культуры.

А. В. Вдовичев

НОВЫЕ КВАЛИФИКАЦИИ И СПЕЦИАЛЬНОСТИ В ИНДУСТРИИ ПЕРЕВОДА

В современном мире не возникает вопросов относительно подготовки переводчиков для обеспечения международных контактов в разных сферах жизнедеятельности в период глобализации и развития интеграционных политических, экономических и социальных процессов.

Индустрия перевода составляет одну из самых крупных отраслей оказания услуг. Учитывая экспортоориентированный и импортозамещающий характер экономики Республики Беларусь, можно предположить, что специалисты по переводу будут востребованы в разных секторах народного хозяйства для лингвистического сопровождения торговой и финансово-экономической деятельности организаций и предприятий разных форм собственности. Специальный и отраслевой перевод занимают ведущие позиции с точки зрения спроса на квалифицированных специалистов на рынке труда, но создание положительного имиджа страны для реализации разных форм дипломатии, включая спортивную, культурную, народную (общественную и др.) также увеличивает потребность в специалистах, которые смогут выполнить качественный перевод общественно-политических материалов, новостных текстов, контента веб-сайтов государственных органов, учреждений и организаций. Развитие внутреннего туризма с целью привлечения иностранных граждан указывает на необходимость получения дополнительной квалификации, связанной с умением заниматься экскурсионно-краеведческой деятельностью.

Однако в последнее время все чаще слышны вопросы о степени применимости систем машинного перевода, который может в определенный момент заменить традиционный (выполняемый человеком) перевод. «Экзистенциальный конфликт» в переводоведении часто обсуждается на мероприятиях, где одни специалисты утверждают, что машинный перевод никогда не заменит человека, т.к. машина не сможет «прочувствовать» всю глубину чувств и эмоций, которые передаются, скажем, в художественной литературе. Напомним, что сейчас создаются такие интеллектуальные системы, которые сочиняют

стихи и музыку, обрабатывают тексты с огромной скоростью, автоматически составляют базы данных и т.д. Но искусственный интеллект нуждается в доработке и корректировке, а это невозможно сделать без участия человека (по крайней мере, на нынешнем этапе).

Переводчики контролируют системы машинного перевода, анализируя информацию и предлагая самые лучшие варианты для дальнейшего использования. Таким образом, переводчик выполняет функции терминоведа/терминографа, который отвечает за унификацию терминов в определенной системе, соответствие указанных единиц нормам языка перевода и практике применения в той или иной стране, культуре. Лексикография неразрывно связана с переводческой деятельностью, а переводчики, которые прибегают к автоматизированному переводу (использование переводческой памяти, создание параллельных корпусов текстов, составление профессиональных отраслевых глоссариев), получают дополнительную профессиональную квалификацию.

Многие современные стандарты обеспечения качества услуг, в том числе переводческих, предусматривают обязательное привлечение к работе корректора и/или редактора, что гарантирует высокое качество перевода. Принимая во внимание, что зачастую корректор и редактор не только исправляют нормативно-узусальные, нормативно-языковые и стилистические ошибки в тексте перевода, но и проверяют правильность перевода, т.е. оценивают текст по критериям адекватности и эквивалентности, то безусловно, будущим переводчикам рекомендуется овладеть навыками и умениями редакторской работы.

Анализируя веб-сайты, предлагающие вакансии на рынке труда, можно увидеть, что письменный и устный перевод относят к профессиональной области «Административный персонал» или «Журналистика, PR», что открывает широкий спектр профессий, которыми может заниматься специалист с переводческим образованием. В Классификаторе профессий в Великобритании переводчиков относят к сектору «Прикладная лингвистика», где перечисляются специальности в разных сферах, включая, например, информационные технологии (разработка программного обеспечения с последующей локализацией и интернационализацией), маркетинг (межкультурное обеспечение выхода на рынок товаров и услуг), экспертная деятельность (в области гуманитарных наук) и т.д.

В Российской Федерации разработан профессиональный стандарт «Специалист в области перевода и локализации», в котором выпускникам, получившим высшее переводческое образование, предлагается выбор следующих должностей, профессий: (письменный, устный, последовательный, синхронный) переводчик, контент-менеджер, корректор перевода, лексикограф, терминолог, редактор, редактор-переводчик, технический писатель, технический редактор, рерайтер, менеджер переводческих проектов, аудиовизуальный переводчик, переводчик-консультант, переводчик-референт, переводчик-локализатор, переводчик-субтитровщик, переводчик-конфликтолог, переводчик-дактилолог, переводчик-исследователь, переводчик-куратор (ментор,

наставник, тьютор), специалист по межкультурной коммуникации и др. Это далеко не полный список тех профессий, которыми занимаются специалисты после первой и второй ступеней высшего образования, связанных с переводом/переводоведением.

В тезисах не упоминаются должности, которые получают выпускники-переводчики и которые связаны с владением иностранными языками, но не обязательно с переводом (к примеру, в сфере логистики, страхования, международной торговли, управления проектами и т.п.).

Т. И. Гаранович

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Синтаксические фразеологизмы (далее – СФ) – это устойчивые предикативные конструкции, представляющие собой модели с обобщенным модусным значением и характеризующиеся идиоматичностью, воспроизводимостью, наличием в их составе постоянных и переменных лексических компонентов.

В приведенном определении отражена первая из рассматриваемых в данной работе особенностей реализации семантики СФ – наличие обобщенного значения. В то время как невозможно сказать, что все лексические фразеологизмы обозначают что-то одно, в случае с синтаксическими фразеологизмами это именно так: все они выражают модусное значение, а его конкретный вариант определяется, во-первых, моделью, по которой строится СФ, и, во-вторых, контекстом, в котором он употребляется. Термин *модусное значение* мы, на основе концепции Н. Ю. Павловской, понимаем как отношение говорящего к высказыванию, составными частями которого являются эмоциональность, т.е. чувственное восприятие субъекта, и модальность, т.е. то, что мыслится, имеет интеллектуальную, рациональную основу. Синтаксические фразеологизмы могут выражать эмоции, оценку по признаку «хорошо–плохо», (не)согласие, (не)возможность, (не)значимость, ценность, неактуальность, долженствование, соответствие норме, акцентирование и др., и во всех этих семантических вариантах они выражают модусность.

Еще одной особенностью семантики СФ является то, что она закреплена за моделями, по которым они строятся, и, за редкими исключениями, не зависит от лексического наполнения переменных компонентов. Как известно, состав лексических фразеологизмов фиксирован, а их значения закреплены за конкретными сочетаниями слов: например, во фразеологизме *як піліп з каналель* с семантикой ‘неожиданно выскочить, появиться откуда-нибудь’ нельзя заменить зайца на мышь, а коноплю на рожь и сказать *як мыш з жыта*; если фразеологизм *куры не клююць* означает ‘очень много’, такое же по структуре сочетание *авечкі не ядуць* этого значения не приобретает. В составе синтаксических фразеологизмов есть как постоянные, так и переменные компоненты, лексическое наполнение которых, как правило, неограничено. Это связано

с тем, что семантика СФ закреплена за моделями, по которым они строятся, поэтому все СФ одной модели имеют одно и то же значение (или, в случае многозначности, одни и те же). Например, белорусские СФ *дом як дом, чалавек як чалавек, праца як праца* обозначают обычность, потому что они построены по одной структурной модели – *N як N*; английские СФ *he couldn't help saying, she couldn't help laughing, we couldn't help noticing* обозначают невозможность не совершить действие, поскольку в их основе лежит одна модель – *couldn't help + Gerund*.

Синтаксические фразеологизмы могут реализовываться в различных семантических вариантах, на основании чего мы выделяем следующую особенность этих структур – многозначность. В то время как лексические фразеологизмы, как правило, имеют одно значение, синтаксические фразеологизмы, наоборот, демонстрируют стремление к полисемии. В первую очередь это касается белорусских СФ, поскольку практически все они являются многозначными. Например, СФ с постоянным компонентом *мала што* может выражать: 1) неопределенность, неограниченность вариантов (– *Гэтага мы ніколі не даведаемся, – сказаў я. – Мала што там магло здарыцца* (У. Караткевіч) = ‘неизвестно, что произошло; могло произойти что угодно’); 2) незначимость, несущественность (*Мала што язык малоў, – добра прыказка кажа: млын меле – мука будзе, язык меле – бяда будзе* (В. Дунін-Марцінкевіч) = ‘то, что молот язык, не имеет особого значения, не стоит принимать это всерьез’); 3) акцентирование и отрицательную оценку (*Шугачоў цяпер проста-такі ненавідзеў Дашу: мала што спяганіла жыццё сябру, дык яшчэ шкодзіць справе* (І. Шамякін) = ‘Даша не только испортила жизнь другу, но, и это еще хуже, мешает делу’); 4) уступительность (*У Польшчы ня быў ні разу, мала што жыў пры мяжы* (В. Быкаў) = ‘в Польше не был ни разу, хотя жил на границе’). СФ с постоянным компонентом *якое там* может употребляться в 5 значениях, *што за* – в 6, *толькі і* – в 7.

Для английских СФ скорее характерна однозначность, однако и среди них встречаются полисемантические структуры, например, СФ с постоянным компонентом *never mind* может выражать как незначимость, несущественность (*Never mind whose fault it was* (В. Rowlands) = ‘неважно, кто в этом виноват’), так и несвоевременность, неактуальность, приоритетность чего-то другого (“*It was there I won my Scripture prize.*” “*Never mind about your Scripture prize. I'm not talking about your Scripture prize*” (P. G. Wodehouse) = ‘Именно там меня наградили за знание Библии. – Причем тут твоя награда за знание Библии? Я говорю не об этом’).

Согласно результатам нашего анализа, наибольшее число семантических вариантов – 10 – реализуют совпадающие по форме белорусский и английский СФ *N ёсць N* и *N is N*, которые могут выражать: 1) наличие определенных особенностей, закономерностей, свойств; 2) универсальную, неизменную ценность, значимость; 3) превосходство, предпочтительность, приоритетность; 4) сходство/одинаковость всех представителей одного класса; 5) незначительность, незначимость; 6) противопоставление и разграничение; 7) многогран-

ность, разноплановость; 8) узнаваемость, неизменность сути, несмотря на перемены; 9) долженствование, обязательность выполнения/соблюдения; 10) единственность возможного наименования.

Таким образом, основными особенностями реализации семантики СФ в белорусском и английском языках являются, во-первых, наличие у них обобщенного модусного значения; во-вторых, закреплённость значения за моделями, по которым строятся СФ; в-третьих, тенденция этих структур к многозначности.

Т. И. Голикова

ТРЕБОВАНИЯ К ДИПЛОМНЫМ РАБОТАМ ПО ПЕРЕВОДУ

Дипломные работы по переводу выполняются в соответствии с Положением, разработанным в Минском государственном лингвистическом университете, на основе Правил проведения аттестации, утвержденных Министерством образования Республики Беларусь, а также на основании образовательных стандартов высшего образования по специальностям МГЛУ. Дипломная работа, являясь квалификационной работой студента, в случае ее успешной защиты в Государственной экзаменационной комиссии, дает право присвоить студенту факультета межкультурных коммуникаций квалификацию «специалист по межкультурной коммуникации, переводчик-референт».

Работа над дипломом начинается с определения т е м ы, представляющей обоюдный интерес, как для студента, так и для руководителя. Тема определяется таким образом, чтобы была обеспечена возможность отразить ее актуальный характер и показать соответствие выбранной темы современным представлениям в области теории и практики перевода.

Дипломные работы по переводу могут быть представлены разнообразными темами, освещающими проблемы художественного перевода, включая поэтический перевод, письменного или устного перевода, в том числе особенности специального или синхронного перевода, применяемые стратегии и тактики при осуществлении различных видов перевода разнообразных по жанру текстов.

В качестве практического м а т е р и а л а могут использоваться параллельные тексты, а именно тексты оригинала и перевода, выполненного профессиональными переводчиками, будь-то художественная литература, кино/видео продукция, публичные речи, материалы из различных типов курса с учетом прагматических особенностей текста оригинала и перевода.

Важная роль отводится организации п л а н а по подготовке и написанию дипломной работы, что связано с составлением Оглавления, которое является основой для написания работы и дает ориентиры в поиске необходимой по избранной теме литературы. Примерные названия глав (теоретической и прак-

тической), названия разделов и подразделов глав, помогают студенту четче увидеть структуру своей работы и верно направить свой исследовательский поиск на отбор и изучение необходимых источников.

Структура работы по переводу, как и любых других дипломных работ студентов МГЛУ, соответствует прописанным в Положении требованиям и включает введение с описанием актуальности темы, цели и задач исследования, объекта, предмета и материала, теоретической и практической значимости работы; теоретическую главу с анализом изученной по теме литературы; практическую главу, имеющую исследовательский характер; выводы по каждой главе; заключение о выполнении поставленной цели и решении обозначенных во введении задач, а также список использованных источников, оформленный по существующим стандартам. Студенты, к сожалению, иногда игнорируют важнейшее требование по техническому оформлению списка использованных источников, который должен носить репрезентативный характер и быть представлен современными источниками на русском и иностранном языках, он должен совпадать с нумерацией ссылок по тексту дипломной работы.

Важно правильно определить объект, предмет и материал исследования. Очень часто студенты подменяют объект исследования материалом, что приводит их к заблуждению.

Выполнение работы по переводу носит поэтапный характер, связанный с графиком выполнения работы. При подборе литературы по теме исследования необходимо ориентировать студента на то, что изученный теоретический материал должен быть представлен в виде анализа со своими собственными аргументами, при этом важно грамотно оформлять ссылки на соответствующих авторов, а в случае цитирования – указывать страницы, с целью исключения плагиата. Написание теоретической главы, как правило, сопровождается соответствующими примерами либо из известных источников, либо из практического материала, подобранного самим студентом. В случае необходимости, рассуждения по теме исследования автора дипломной работы сопровождаются таблицами и рисунками с соблюдением требований к их оформлению: сначала словесно вводится таблица или рисунок в тексте теоретической или практической главы, далее следует таблица или рисунок, а затем представляется соответствующий комментарий.

Необходимо обратить внимание руководителя дипломной работы на составление совместно со студентом графика выполнения работы. Выполнение графика работы позволяет своевременно вносить необходимые изменения и коррективы по мере поступления замечаний руководителя работы. Особое внимание к редакторской правке текста дипломной работы на завершающем этапе позволяет повысить качество дипломной работы в плане недопущения технических погрешностей, неточности по тексту работы и при оформлении списка использованных источников.

Все дипломные работы по переводу выполняются в соответствии с предъявляемыми требованиями к дипломным работам квалификационного характера, что, однако, не исключает различные варианты и подходы к их написанию. Так, дипломная работа по переводу может включать выполненный студентом самостоятельно перевод текста объемом до 40 000 печатных знаков, а также переводческий или лингвокультурологический комментарий к переведенному материалу. Текст перевода может быть выполнен как с иностранного языка на родной, так и с родного языка на иностранный. В переводческом комментарии описываются способы и приемы перевода анализируемых единиц, способы преодоления переводческих трудностей для достижения адекватности, эквивалентности и точности перевода. Приводятся многочисленные примеры из текста оригинала с их переводом, который сопровождается необходимым переводческим комментарием. Используется количественно-качественный метод исследования, результаты которого представляются в соответствующих таблицах, рисунках и диаграммах. Тексты переводов, выполненные студентами, должны соответствовать хорошему, качественному профессиональному уровню и свидетельствовать о прочных знаниях, навыках, умениях и компетенциях студентов, продемонстрированных при выполнении перевода различных текстов любого уровня сложности.

К дипломным работам по переводу могут также привлекаться материалы уже существующих переводов, выполненных профессиональными переводчиками, что позволяет студенту проанализировать их в сравнительно-сопоставительном плане. Работы могут также выполняться в экспериментально-исследовательском, инновационном ключе, например, при разработке стратегий передачи прагматического эффекта при переводе какого-либо текста. Необходимо указать, что в настоящее время уделяется много внимания поиску и разработке новых переводческих стратегий осуществления различных видов перевода.

Кафедрой современных технологий перевода МГЛУ разрабатываются и выполняются новые темы по переводу на материале трех–четырех языков в типологическом плане. Студенты предлагают материалы из различных вариантов английского языка (новозеландского, азиатского и др.).

В самом начале работы над дипломом студенты ориентированы на участие в научных конференциях преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов МГЛУ с докладами по темам своих дипломных работ. Имеющиеся публикации по материалам конференций, статьи находят отражение в разделе дипломной работы: апробация результатов работы.

Дипломные работы по переводу, как правило, имеют ярко выраженный практико-ориентированный характер, о чем свидетельствуют подготовленные студентами приложения с глоссариями, например, по спортивной тематике, по наименованиям американской, белорусской, британской кухни, национально-окрашенной лексике и т.д. Примером может служить дипломная работа, выполненная в русле сравнительно-сопоставительного анализа

перевода белорусских реалий с русского/белорусского языков на английский язык в текстах экскурсий по Беларуси. К исследованию привлекались аутентичные англоязычные источники, в частности, первый англоязычный туристический справочник Р. Робертса «Беларусь», выдержавший 4 издания.

Ярко выраженный практико-ориентированный характер дипломных работ по переводу полностью согласуется с современными требованиями и подходами к научным студенческим исследованиям.

В дипломной работе по переводу студенты не только демонстрируют умения, навыки и компетенции квалифицированно выполнять различные виды перевода, но и показывают себя в качестве молодых исследователей, поскольку подавляющее большинство дипломных работ совмещает исследовательскую часть работы с лингвистическим продуктом в виде самостоятельно выполненного перевода.

Представленный в дипломных работах практический материал и полученные данные используются на занятиях по дисциплинам перевода и при написании учебно-методических пособий по переводу, а также в виде рекомендаций заинтересованным лицам.

Т. С. Гурова

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СМИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

На сегодняшний день исследованиям, направленным на преодоление языковых препятствий в профессиональной сфере деятельности, уделяется огромное внимание. Не вызывает сомнения и тот факт, что сфера энергетики становится все более значимой для экономической и общественно-политической жизни всех стран мира. В связи с этим в средствах массовой информации появляется все большее количество публикаций данной тематики, а вслед за ними – новые понятия и явления. Для успешной коммуникации необходимо переводить такую лексику максимально точно, поэтому, следует обратить пристальное внимание на проблемы перевода данного типа дискурса.

Во-первых, на начальном этапе работы нужно определить, к какому типу энергетического дискурса относится рассматриваемая статья (традиционная или нетрадиционная энергетика, электроэнергетика, атомная энергетика). В последующем от этого будет зависеть выбор соответствующих специализированных источников (гlossариев, словарей и т.д.), что является важным аспектом в обеспечении качественного перевода, т.к. поможет избежать искажения смысла терминов и терминологических словосочетаний.

Во-вторых, значение терминов и терминологических словосочетаний обязательно устанавливать только опираясь на контекст предложения и содержание статьи. При этом нужно понимать, что энергетика – это непрерывно развивающаяся отрасль, следовательно, постоянно появляются новые термины, для которых может не существовать перевода, закреплённого в сло-

варе. В таком случае можно прибегнуть к краткому описательному переводу или приему опущения. Не исключается и возможность, в случае необходимости, обратиться к автору публикации за разъяснением того или иного термина или даже предложения. Следует обратить внимание и на т.н. «ложных друзей переводчика» энергетического дискурса. Например, адекватный перевод термина *coolant* – ‘теплоноситель’, а не ‘охладитель’.

Энергетический дискурс СМИ имеет открытый характер и пересекается с другими типами дискурса. Например, военным *proliferation of nuclear weapons* ‘распространение ядерного оружия’ или экологическим *clean energy* ‘экологически чистая энергия’. Важно распознать такие лексические единицы и обратиться к словарям и глоссариям непосредственно данных областей. Например, такой термин как *dirty bomb* ‘грязная бомба’ относится к военной терминологии и не включен в словари или глоссарии в сфере энергетики, хотя довольно часто встречается в текстах этой области.

В-третьих, следует обращать внимание на присутствие в публикациях СМИ идиом, синонимов и сленговых выражений для придания тексту эмоциональной окраски. Например, выражения *creeping dose* и *radioactive stuff*, не являются терминами, а принадлежат к разряду сленговых слов. Автор решил заменить ими стандартные термины *radiation poisoning* ‘радиационное отравление’ и *nuclear waste* ‘радиоактивные отходы’ соответственно.

Ещё один немаловажный аспект энергетического дискурса СМИ, который нужно учитывать при переводе – наличие в публикациях разнообразных аббревиатур. Их используют не только для экономии языковых средств и компактного изложения понятий, но и для сокращения количества лексических повторов в тексте. Поэтому нужно уметь правильно их расшифровывать и точно переводить.

Следует отметить, что не стоит использовать такие крайние методы перевода как калькирование и транслитерация, а сначала искать перевод терминологических единиц в специализированных источниках.

Наконец, необходимо минимизировать использование электронных переводчиков, так как это лишь увеличивает количество ошибок и неточностей в переводах публикаций англоязычных СМИ, относящихся к энергетическому дискурсу.

А. М. Гёрен

НЕДОСТАТКИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

В настоящее время невозможно представить нашу жизнь без систем машинного перевода. К ним прибегают практически во всех сферах деятельности (строительстве, предпринимательстве, образовании и т.д.), в процессе общения, ими пользуются даже профессиональные переводчики. Все это обуславливает огромный интерес лингвистов к изучению алгоритмов работы, принципов, преимуществ и недостатков машинного перевода.

Машинный перевод — процесс перевода текстов (письменных, а в идеале и устных) с одного естественного языка на другой с помощью специальной компьютерной программы. Так же называется направление научных исследований, связанных с построением подобных систем.

Машинный перевод можно условно разделить на три направления: аналитический МП, статистический МП и нейронный МП.

Аналитический МП существует дольше других технологий. Здесь используется определенный набор правил перевода с ИЯ на ПЯ. Перевод производится поэтапно:

- 1) анализ морфологических признаков;
- 2) группирование слов;
- 3) синтаксический анализ (подлежащее–сказуемое);
- 4) синтез предложений.

Можно выделить следующие *недостатки* данной технологии:

- ориентация на правила, из-за чего не учитывается контекст и чувствуется «искусственность» перевода;
- необходимость ведения баз данных;
- трудоемкость и длительность разработки правил, на которых основывается работа системы аналитического МП.

Статистический Машинный Перевод основывается на корпусах текста (corpus-based machine translation, CBMT). CBMT работает не с готовыми правилами, а формирует их на основе параллельных двуязычных корпусов текстов, что свидетельствует об эмпирическом подходе. Статистический переводчик членит текст на слова и цепочки слов, после чего использует статистику переводов фраз с ИЯ на ПЯ. Несмотря на огромное количество дополнительных нововведений, эта технология считается неидеальной и лишённой переводческой гибкости, и производит перевод с огромным количеством ошибок.

Недостатки статистического МП:

- работа систем ухудшается, если ИЯ и ПЯ сильно отличаются друг от друга (например, когда речь идёт о паре английский-китайский);
- постоянная нехватка параллельных корпусов текстов (существует прямая зависимость между качеством перевода количеством параллельных корпусов);
- нестабильность перевода, связанная с контекстом и многозначностью слов и выражений;
- «искусственность» перевода.

Нейронный МП основывается на работе искусственных нейронных сетей (neural machine translation, NMT). NMT также обучаются на готовых переводах, но с гораздо большей гибкостью: здесь нет необходимости заранее выделять в тексте фиксированные фразы: нейросетевые алгоритмы сами постепенно обучаются на больших объемах данных оптимальному членению текста на части и запоминают закономерности перевода. Благодаря этому значительно улучшилось качество работы машинных переводчиков.

Можно выделить следующие недостатки технологии нейронных сетей:

- достоверность: (вероятно, больше всего беспокоит то, что нейронный МП может оказаться недостоверным и совершенно непонятным, допустить ошибки при передаче прецизионной информации; здесь не гарантируется точность перевода (часто пропускаются отрицания, отдельные слова или даже целые фразы));
- отсутствие кратковременной памяти (системы запрограммированы на перевод одного предложения, поэтому они не хранят информацию, полученную из предыдущих предложений);
- отсутствие здравого смысла в человеческом понимании (у систем отсутствуют знания о мире и внешний контекст).

Что касается приближения нейронного МП к традиционному (человеческому) переводу, то здесь еще предстоит огромный путь, поскольку в настоящее время системы МП не могут сравниться с переводчиком-человеком. Нейронный МП допускает ошибки, которых человек никогда бы не допустил – и которые свидетельствуют о том, что разговоры об «искусственном интеллекте» преждевременны.

Тем не менее, нейронный МП стремительно развивается и улучшается каждый месяц. Разработчики начинают осознавать проблемы и недочеты, изложенные выше: достоверность, искажение данных, отсутствие смысла в полученном ПЯ, память и здравый смысл.

Таким образом, проанализировав недостатки всех трех технологий машинного перевода, можно сделать следующие выводы: на данный момент мы не можем говорить о существовании идеальной системы машинного перевода; нейронный машинный перевод показывает внушительные успехи, благодаря чему можно говорить о том, что за ним стоит будущее; машинный перевод совершенствуется, поэтому существует постоянная необходимость в его изучении.

О. В. Железнякова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ

Рассматривая устный перевод как особый вид речевой деятельности, можно утверждать, что все выделяемые психологами фазы деятельности (ориентировка, осуществление и контроль) приобретают в условиях устного перевода свою специфику. В зависимости от психологических фаз переводческой деятельности мы определяем этапы обучения устному переводу. При этом особое внимание, на наш взгляд, следует уделять третьему, исполнительскому, этапу овладения студентами навыками и умениями устного перевода.

На этом этапе студентам предлагаются формулирующие упражнения, направленные на обучение правильному оформлению высказывания на языке перевода, когда осуществляется синхронизация мыслительных действий с ре-

чью. Переводчик реализует посредством адекватного речевого и неречевого поведения программу высказывания на языке перевода, созданную, в том числе, посредством переводческой записи.

Отметим в этой связи и опору на видеоматериалы. Применение видео в данном случае позволяет демонстрировать различные варианты реализации программы перевода в соответствии с избранной переводческой стратегией, с учетом норм языка перевода, переводческого этикета и характеристик переводческой аудитории.

В теории устного перевода особое внимание уделяется требованиям к речи переводчика, соблюдение которых в условиях осуществления устной переводческой деятельности предполагает четкую артикуляцию и равномерный ритм говорения, смысловую и структурную завершенность фраз, правильную расстановку смысловых акцентов и др. Эти «элементы подачи перевода» (А. Ф. Ширяев) обеспечивают восприятие слушателями текста перевода во всей его полноте. Кроме того, переводчику необходимо обладать психологической готовностью к различным непредвиденным ситуациям, которые могут возникнуть в ходе устного перевода. Например, коммуниканты могут уклоняться от темы и даже полностью изменять текст своего выступления, может возникнуть напряженность между участниками переводческой ситуации и т.д. В ходе выполнения формулирующих упражнений студенты учатся воспроизводить высказывание на языке перевода в заданном темпе, используя необходимые переводческие приемы и способы, адекватные условиям переводческой задачи и особенностям ситуации. Основными видами указанных упражнений являются *психотехнические, этикетные, адаптационные и исполнительские*.

Психотехнические упражнения предназначены для обучения будущих переводчиков преодолению трудностей устной переводческой деятельности на основе активизации их психофизиологических ресурсов. Ввиду того, что переводчик должен уметь быстро просматривать сделанные им записи, мгновенно выделяя ключевые блоки информации, необходимо использовать задания, направленные на расширение горизонтального и вертикального полей зрения. Большое значение при устном переводе имеет выразительность речи переводчика: соблюдение интонационных требований, отсутствие длительных пауз и слов-заполнителей пауз. В частности, интонация должна быть ровной, уверенной и убедительной. Как свидетельствуют исследования в области устного перевода, такая интонация наиболее комфортна для слушателей. Кроме того, переводчику необходимо работать над тембром голоса. В силу того, что ему приходится постоянно подстраиваться под темп речи говорящего, в процессе устного перевода зачастую случается перенапряжение голоса. В данном случае правильный тембр не только обеспечивает хорошее восприятие, фоногеничность речи переводчика, но также способствует меньшей утомляемости голосовых связок. Известно, что работоспособность и психологическое состояние переводчика определяются не только его физической, но и психической тренированностью, умением сознательно управлять своим настроением и эмоциями. Поскольку устный перевод характеризуется

чрезмерными нагрузками, в деятельности переводчика напряжение должно чередоваться с расслаблением. В этой связи необходимо обучать студентов противостоять стрессу, концентрировать внимание и психологически настраиваться на осуществление устной переводческой деятельности.

Этикетные упражнения направлены на формирование навыков адекватного речевого и неречевого поведения в ситуациях устного перевода, в том числе конфликтного характера. Студенты знакомятся с возможными вариантами развития переводческой ситуации в зависимости от характера общения коммуникантов. При этом они осознают, в каких случаях следует передавать в переводе эмоции говорящих, как необходимо урегулировать возникающие конфликты, как учитывать индивидуальные особенности участников в процессе подготовки к переводческой деятельности и т.д. В ходе выполнения этих упражнений будущие переводчики изучают требования профессионального этикета и особенности поведения переводчика в различных типах переводческих ситуаций (на переговорах, конференциях, выставках, семинарах и др.). Внимание студентов обращается также на особенности менталитета представителей разных лингвокультурных сообществ (например, нормы вежливости и табу в различных культурах, национально-специфические особенности неречевого поведения и т.д.).

Адаптационные упражнения предназначены для обучения будущих переводчиков максимально полному учету потребностей целевой переводческой аудитории в процессе формулирования мысли на языке перевода. Студенты учатся использовать имеющиеся у них языковые и речевые средства, учитывая как лингвистические, так и экстралингвистические факторы межкультурной коммуникации, в частности, характеристики целевой переводческой аудитории (специалисты/неспециалисты в данной области деятельности, обладающие разным объемом фоновых знаний, заинтересованные в получении необходимой информации и т.д.). Студенты должны быстро находить эффективные способы фиксации информации с помощью переводческой записи, в том числе, создавать индивидуальные символы. При этом применение видео позволяет продемонстрировать обучаемым особенности речевого и неречевого поведения переводчика в той или иной аудитории и обогатить имеющийся у них репертуар приемов и способов решения переводческой задачи, которые могут использоваться с целью преодоления трудностей, возникающих в процессе устной переводческой деятельности.

Исполнительские упражнения имеют целью развитие у студентов умений устного перевода с учетом всех рассматриваемых в исследовании переводческих ситуаций и характерных для них трудностей. Эти упражнения реализуются в форме одностороннего и двустороннего перевода. Широко применяется ролевая игра, в которой студенты выполняют роли переводчиков с родного и иностранного языков. Использование этого вида упражнений способствует синтезу энциклопедических и процедурных знаний и их сознательному использованию в условиях, максимально приближенных к реальным. Студенты учатся эффективно реализовывать выбранную стратегию

решения предложенной переводческой задачи с учетом всех компонентов переводческой ситуации. При этом запись выступает в качестве опоры, способствующей более успешному выполнению устного перевода. На данном этапе осуществляется видеозапись переводов, выполненных студентами, с целью их последующего анализа.

Подобное моделирование условий устной переводческой деятельности на занятиях способствует более эффективному развитию необходимых компетенций у будущих переводчиков, повышая их конкурентоспособность на рынке труда.

Е. А. Завадская

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ЗАГОЛОВКОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (на материале современных французских детективов)

Перевод заголовка художественного произведения представляет собой наиболее сложную задачу принятия переводческого решения. Недостаточно принять правильное решение на языковом уровне, недостаточно принять во внимание стиль и жанр текста. Также необходимо принять во внимание воздействующую на читателя силу заголовка и интенцию (прагматическое значение) автора, которые могут выражаться через полисемию, иметь интертекстуальные включения, открытый смысл и быть ключом к разгадке истории в целом.

Наиболее распространенными способами прагматической адаптации заголовков являются трансформация заголовка с добавлением или заменой отдельных лексических единиц для расширения когнитивной информации и смысловая либо контекстуальная замена. Прямой перевод не всегда предполагает сохранение прагматического потенциала и поэтому чаще всего малопродуктивен.

Также можно классифицировать заголовки произведений детективного жанра с учетом указания на содержащуюся информацию:

- указание на персонаж;
- указание на место/время/образ действия;
- указание на факт/предмет/событие.

Заголовки с указанием на персонаж могут переводиться с использованием прямого перевода, если содержат когнитивную информацию о персонаже. Например, детектив «*Requiem pour Gabrielle*» (Franck Hermet. *Territories témoins*, 2019) переведется никак иначе, чем «Реквием для Габриэль», т.к. в заголовке отсутствует прагматический смысл. Слово *реквием* в русском языке и *реквием* во французском языке интерпретируются одинаково и одинаково распространены.

Габриэль – женское имя, которое адаптируется при помощи транскрипции.

Тем не менее, могут быть случаи, когда заголовок с указанием на персонаж не может переводиться при помощи прямого перевода. Например, детектив «*Diaboliques*» (Christoph Chabirand. Éditions Orphie, 2019) в своем названии указывает на характеристики персонажей (2-х женщин) и представляет собой субстантивированное прилагательное. Казалось бы, почему не использовать слово *дьяволицы*? Но в русском языке *дьяволица* обозначает *чертовка, злючка, злюка, дрязгунья* (Словарь русских синонимов), что не совпадает с прагматическим смыслом, вложенным автором во французское слово. Смысл названия в том, что за ангельской внешностью может скрываться дьявол. Поэтому в данном случае предлагается перевести «*Diaboliques*» – «В тихом омуте», т.е. использовать замену.

Перевод заголовков с указанием на место/время/образ действия также может сочетать в себе элементы прямого перевода и различных видов замен, а также трансформации с добавлениями и заменой отдельных лексических единиц. Например, перевод названия детектива «*Une fête de vigne*» (Éric Robinne. Éditions AO-André Odemard, 2017) на первый взгляд не вызывает особых трудностей и может быть переведен как «Праздник виноградной лозы». Если принимать во внимание, что убийства в романе связаны с виноградной лозой, то можно предложить использовать при переводе трансформацию с добавлением лексического элемента: «Праздник кровавой лозы».

Указание на факт/предмет/событие в заголовке также требует тщательного анализа фоновой информации, прежде чем использовать переводческий инструментарий. Например, детектив «*La loi du talion Aline Duret*» (Vent des Lettus, 2019) мы бы перевели как «Талионное право». Этот термин существует в истории юридической практики и, вероятно, был бы понятен представителям юридической сферы деятельности. Опрос фокус-группы показал, что данный термин достаточно узкий и является непонятным для широкой аудитории. Если обратиться к определению талионного права, которое обозначает «закон эквивалентности возмездия в первобытном институте», то становится понятным, что речь идет о древнем законе «око за око», «зуб за зуб». Т.к. вторая часть «зуб за зуб» чаще всего опускается, то данное произведение может иметь название «Око за око».

Таким образом, использование различных способов и приемов перевода заголовков позволяет переводчику внести свой вклад в достижение наибольшего коммуникативного воздействия на целевую аудиторию. Успешный заголовок связан напрямую с коммерческим успехом на книжном рынке.

С. Г. Зверева

ГОЛОСОВАЯ КУЛЬТУРА УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Голос является главным инструментом устного переводчика, с помощью которого он устанавливает и поддерживает контакт с аудиторией в условиях межкультурной коммуникации. Устный переводчик работает перед аудиторией

как актер, и его перевод должен быть понятен, хорошо слышен и восприниматься легко. Профессионально поставленный голос и умение им владеть является важным требованием, предъявляемым к устному переводчику. Также ему необходимо знать способы восстановления голоса в случае его перенапряжения.

Главные качества любого голоса – это сила, высота и тембр. Для хорошо поставленного голоса характерны ещё такие свойства, как благозвучность, полётность, подвижность и разнообразие тона. Чистое, звонкое звучание голоса достигается свободной работой всех органов речи, отсутствием напряжения, мышечных зажимов.

Врачи-фониатры, занимающиеся лечением нарушений голоса, включают профессию устного переводчика в ряд профессий со значительной голосовой нагрузкой. Профессиональная деятельность устного переводчика предполагает различные стрессовые ситуации – многочасовые конференции, деловые встречи, выездные экскурсии. На переводчике лежит большая ответственность, так как от качества перевода зависит результат переговоров. Состояние сильного напряжения и концентрации внимания провоцирует возникновение мышечных зажимов гортани. Регулярное перенапряжение голоса из-за нерациональной манеры голосоведения и неумения правильно дышать может привести к различным голосовым нарушениям, при которых голос становится неполноценным – хриплым, слабым, вибрирующим, быстро утомляемым. Изменения отдельных свойств голоса могут быть вызваны несмыканием голосовых связок, образованием на них узелков и другими причинами.

Для снижения нагрузки на голосовой аппарат врачи-фониатры дают общие рекомендации:

- чередовать периоды работы и отдыха;
- избегать длительной монотонной или отрывистой речи, форсированных звуков;
- исключать по возможности побочные шумы в помещениях, где осуществляется устный перевод;
- уметь правильно переводить с микрофоном, не злоупотребляя чрезмерно громкой фонацией в микрофон;
- заниматься спортом для разгрузки шейного и грудного отдела позвоночника, вести здоровый образ жизни;
- своевременно лечить острые заболевания верхних дыхательных путей, не работать в период лечения и соблюдать адекватный голосовой режим.

Чтобы голос профессионального переводчика был звонким и обладал приятным тоном его можно тренировать. Правильно поставленный голос помогает избавиться от лишних усилий, и переводчика будет хорошо слышно в любой аудитории. Хороший голос – это не случайность, а результат большой работы и практики.

Восстановлением и постановкой голоса с помощью специальных упражнений занимаются врачи-фонопеды. Они говорят, что голос – это озвученное дыхание, поэтому прежде всего рекомендуют научиться правильно дышать

диафрагмой, чтобы при длительном говорении нагрузка переходила с голосовых связок на мышцы диафрагмы. *Диафрагмальное* или *брюшное дыхание* требует меньших усилий и, в отличие от грудного дыхания, задействует легкие полностью. При грудном дыхании поднимаются плечи и грудь, возникают зажимы в гортани и челюсти. Зажимы напрягают голосовые связки, и они травмируются. Для того чтобы связки нормально вибрировали они должны быть расслаблены. При диафрагмальном дыхании голосом легче управлять, понижать и повышать интонации, менять темп речи, можно говорить долго, не уставая. Голос звучит глубже, насыщеннее и ниже.

Для постановки диафрагмального дыхания рекомендуют практиковать следующие у п р а ж н е н и я:

1. Упражнение «Звук [с]». Встаньте прямо, выпрямив спину, ноги на ширине плеч. Сделайте вдох носом, медленно и максимально долго выдыхайте воздух ртом, произнося звук [с]. В процессе упражнения важно следить за тем, чтобы живот на входе выпячивался, а на выдохе втягивался.

2. Упражнение «Звук [ф]». Исходное положение то же. Сделайте короткий вдох носом, быстро и резко выдохните воздух ртом со звуком [ф]. Также следите, чтобы живот на входе выпячивался, а на выдохе втягивался. После нескольких повторений данное упражнение можно усложнить резким троекратным выдохом со звуком [ф]. Живот на трех выдохах должен втягиваться постепенно.

В процессе выполнения вышеописанных упражнений можно положить одну руку на грудь, вторую на живот и следить, чтобы грудь оставалась неподвижной, а живот правильно надувался и втягивался. В качестве контрольного упражнения предлагается лечь на твердую поверхность, положить на живот тяжелую книгу и следить за тем, чтобы книга в процессе вдоха приподымалась.

Перед длительной голосовой нагрузкой или в перерывах между интенсивной работой врачами-фонопедами рекомендуется делать разнообразные упражнения на тренировку мышц артикуляционного аппарата, снятие мускульных зажимов гортани и улучшение резонирования звука. Опишем три базовых упражнения, которые лучше выполнять стоя или сидя, выпрямив спину и расправив плечи.

1. Упражнение «Жевание». Губы сомкнуты, зубы разжаты, имитируйте медленное жевание. Губы описывают круг сначала по часовой, потом против часовой стрелки. Данное упражнение улучшает подвижность мышц речевого аппарата. После артикуляционной гимнастики произносимые слова будут звучать внятно, ясно и четко.

2. Упражнение «Зевание». Сделайте зевок, задержите гортань в опущенном положении на зевке на 3-5 секунд. Позевайте в течение нескольких минут. Это упражнение помогает снять зажимы окологортанной мускулатуры, тем самым содействуя правильному процессу голосообразования.

3. Упражнение «Мычание». Опустите гортань и нижнюю челюстью вниз так, чтобы верхние и нижние зубы не касались друг друга, расслабьте язык. Губы сомкнуты, но не напряжены. Сделайте вдох носом и на выдохе начинайте мычать, добиваясь удержания долгого ровного звука. Вы должны ощутить вибрацию в области носа, переносицы, щек и подбородка. Эпицентр вибрации находится на передних верхних зубах. Оставайтесь в низком и среднем регистре. Можете положить одну руку на голову, чтобы почувствовать вибрацию в черепе, а вторую руку на живот, чтобы контролировать правильное брюшное дыхание. Мычание помогает направлять голос в резонаторы, тело ощущается как единый музыкальный инструмент, на котором вы играете. Данное упражнение является одним из самых универсальных и эффективных упражнений, применяемых в фонопедии.

При подготовке переводчиков в лингвистическом вузе на занятиях по различным видам устного перевода, необходимо уделять внимание постановке дыхания, голоса и тренировке артикуляции. О вышеперечисленных упражнениях рекомендуется рассказать студентам на одном из первых занятий по устному переводу. Полезным разминочным заданием является чтение скороговорок, которое помогает разогреть артикуляционный аппарат. Далее студентам можно предложить чтение стихотворений на родном и иностранном языках с разными установками. Для развития устойчивости голоса стихотворение предлагается читать монотонно на средней высоте, следить, чтобы голос не дрожал, все время был ровным и на одной и той же ноте. Для развития высоты голоса первую строку стихотворения нужно произнести на самой низкой ноте, вторую строку выше по тону и так до самой высокой ноты. Для развития силы голоса первую строку стихотворения нужно читать шепотом, вторую громче, третью еще громче и так далее, но не срываться на крик. Для развития темпа речи первую строку стихотворения читают медленно, вторую быстрее и так далее, ускоряя темп. Для развития интонации голоса читать стихотворения полезно, применяя вопросительную или восклицательную интонацию на каждом слове. Во время чтения важно правильно дышать, опускать гортань и челюсть вниз для максимального расслабления голосовых связок. Студенты должны научиться медленно выпускать воздух, чтобы его хватало на произнесение более длинных фраз. Доборы воздуха должны звучать спокойно, а не судорожно. Необходимо добиваться непрерывности звучания.

Таким образом, голосовая культура является важным компонентом общей профессиональной культуры устного переводчика. Опытный устный переводчик как представитель лингвистической профессии должен уметь управлять своим голосом, чтобы он распространялся равномерно и был хорошо слышен. Приятный, спокойный, уверенный голос делает устный перевод доходчивым и убедительным. Профессиональный переводчик должен стремиться к совершенствованию своего голоса, качества перевода и помнить, что свободное голосоведение достигается ценой долгих, регулярных упражнений.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ
ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ (НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК)**

В условиях современного общества документный текст проявляет себя как важный практический инструмент коммуникации. Лингвисты, занимающиеся проблемами документной лингвистики, указывают при этом на изменение характера документооборота и связывают этот факт с развитием бизнеса и коммерции, что проявляется в развитии новых документных жанров информационно-рекламного характера и влияет на необходимость привести систему деловой документации в соответствие с европейскими стандартами в области делопроизводства (Т. В. Леонтьева). Сближение с мировой практикой делового письма проявляется, в частности, в пополнении словаря официально-деловой речи иноязычными терминами. Поэтому документная грамотность, включающая ее лингвистическую составляющую, должна рассматриваться как показатель профессиональной состоятельности современного лингвиста-переводчика, понимающего актуальную специфику исходного документного текста и умеющего осуществлять при переводе отбор средств, уместных для построения текста переводного документа.

Поскольку документный текст проявляет себя как сложный лингвистический объект, его разработка, оформление и перевод требуют определенного классификационно-теоретического изучения и практической тренировки. Такое изучение осуществляется в рамках преподавания учебной дисциплины «Перевод деловой документации» студентам 4-го курса переводческого факультета и предполагает усвоение норм составления и перевода официальной деловой корреспонденции и документации в соответствии с существующими стандартами.

С лингвистической точки зрения основная цель преподавания данного аспекта перевода – сформировать у студента представление о текстовом документе как о комплексной лингвистической единице. Безусловно, перед преподавателем не может стоять задача по обучению и усвоению полного перечня правил составления всех типов документов при переводе. Но задания и упражнения, предназначенные для создания и оформления переводного документа как целостной сложно организованной структуры, должны поэтапно реализовать жанровый подход к документам как к текстам официально-делового стиля.

В практическом плане система упражнений и заданий в условиях как аудиторной, так и самостоятельной работы должна подразумевать работу по предупреждению типичных ошибок и недочетов, которые (на основе имеющегося опыта преподавателя) наблюдаются у большинства студентов. Студентам необходимо привнести знание и понимание того, что предусмотренные стандартами нормы сказываются не только на формально-структурных

свойствах документа, но и на его лингвостилистическом воплощении. Слово-сочетания, предложения, тексты, приведенные в упражнениях и заданиях в качестве учебного языкового материала, должны иметь прямое отношение к официально-деловому стилю, т.е. обеспечивать овладение способами предотвращения и устранения типичных ошибок, которые можно обнаружить в текстах перевода документов.

Опыт обучения переводу деловой документации указывает на наличие типичных проблем лингвистического характера, которые связаны, в первую очередь, с недостаточным уровнем элементарных знаний переводного (русского) языка. Здесь следует отметить разноуровневый характер ошибок – от орфографии и пунктуации до нарушений в композиции документа. Среди орфографических и пунктуационных ошибок можно констатировать раздельное и слитное написание или через дефис (*приходно-расходная документация*), перенос слов, отсутствие запятой при однородных членах и перед союзом *как*.

На лексическом уровне типичными являются ошибки, возникающие в результате некорректного выбора языковых средств из синонимического ряда, которые различаются на оценочно-стилистическом уровне. Здесь нередко появляется опасность использования элементов разговорной речи, неоправданного с точки зрения соблюдения норм официально-делового стиля: – *Надеемся, что в следующем году Вы снова воспользуетесь услугами нашей фирмы*; – *Он мог бы тогда встретиться с Вами*; – *Просим связаться по телефону немедленно с госпожой Вебер*; – *К сожалению, я должен отменить нашу встречу в грядущий четверг*.

С неумением различать стилистическую окраску связаны и причины морфологических ошибок при использовании полных и/или кратких форм причастий в их написании и употреблении: – *Sie sind sehr qualifiziert – Вы очень квалифицированы*.

Близкими по своему характеру являются ошибки, обусловленные неточным употреблением лексико-фразеологических средств, используемых при переводе. Сюда относится неверный выбор лексических единиц из группы паронимов: – *Поэтому мы просим представить нам информацию о Вашем ассортименте*. Исходя из этого, целесообразно использовать на занятиях упражнения на тренировку выбора из таких пар слов: *представить – предоставить, проплатить – оплатить – заплатить – уплатить, проблемный – проблематичный, компания – кампания*.

Студенты постепенно овладевают знанием языкового стандарта деловых писем и использованием в них языковых формул-клише, то есть, устоявшимися в употреблении сочетаниями слов с активным использованием форм страдательного залога: *оплата гарантируется, контроль осуществляется, цена устанавливается, счет выставляется (оплачивается), задолженность погашается, претензия предъявляется*. При этом студенты при переводе тренируют умение пользоваться также канцеляризмами в виде устойчивых сочетаний атрибутивного типа: *в связи с вышеизложенным, над-*

лежащее исполнение, в установленном порядке, на основании вышеуказанного. Сюда же относится использование предлога *по* в следующем употреблении: *по достижении, по получении, по прибытии*.

Усвоение устойчивых формулировок и языковых формул на переводном (русском) языке сокращает время на обработку текста и превращает процесс перевода документа в отбор унифицированных, разработанных ранее формул и последовательное соединение языковых конструкций для обеспечения адекватной реализации целевой установки документа.

В качестве частых ошибок на морфологическом уровне следует выделить отклонения от нормы русского языка при использовании предлогов *о, ввиду, вследствие, благодаря, согласно, посредством* в правописании имен с этими предлогами и в выборе сочетаемых с ними слов: – *Просим ответить нам посредством факса*; – Согласно **Вашего заказа** холодильной установки мы обязаны сообщить Вам следующее. Представляется, что в данном случае у студентов-переводчиков ошибки в использовании предлогов нередко связаны с неумением «уйти» от буквального перевода: – *Versicherungsschutz für mein Fahrzeug abschließen* – **Заклучить страхование для моего транспортного средства**; – *Wir sind ein Elektrofachhandel* – **Мы имеем специализированный на электротоварах магазин**. Такого рода ошибки требуют от преподавателя составления упражнений и заданий на повторение проблемы многозначности, а от студентов – самостоятельной работы со словарем, в том числе, и при переводе терминологических единиц.

Недооценка студентами роли терминологических и устоявшихся в определенной коммуникативной сфере лексических единиц представляется неоправданной как в переводческом, так и в коммуникативно-лингвистическом плане и негативно сказывается на восприятии текста документа и конкретной сферы коммуникации: – *Unsere Leistungsfähigkeit* – **Наша работоспособность**; – *Reisebeginn: 08:39 Uhr in Dortmund (Stadthaus)* – **Начало рейса ...**; – *Reiseende: 09:08 Uhr in Dortmund (Schützenstraße)* – **Окончание рейса ...**; – *ein Zimmer im Hotel* – **комната в гостинице**; *PS* = **Приписка**;

Лексические и грамматические ошибки, допускаемые студентами при переводе документных текстов, являются результатом их невнимательного отношения к знанию правил русского языка и свидетельствуют о не вполне благополучном состоянии общего уровня грамотности и индивидуальных речевых возможностей наших студентов на родном (русском) языке. Данный факт, безусловно, негативно сказывается на переводческих компетенциях студентов.

Очевидно, что выбор средств родного языка при переводе текста деловой документации является для начинающего изучать данный аспект перевода студента сложным лингвистическим процессом, связанным с построением завершенных текстовых объектов. Переводной текст должен соответствовать исходной коммуникативной ситуации и отвечать совокупности требований формально-лингвистического свойства, включая соблюдение норм официально-делового стиля. Поэтому будущий переводчик, не владеющий основными

сведениями о языковых процессах в письменной деловой коммуникации, дискредитирует себя не только как специалиста, но и как современную культурную личность. Достаточная степень знаний в этой области, глубина проникновения в родной язык, умение «перевести» коммуникативное намерение адресанта в грамотную речь определенной стилистической окраски на родном языке – обязательные качества лингвистически образованного переводчика деловой документации.

Ю. М. Кардубан

ЭЛІМІНАЦЫЯ МІЖМОЎНЫХ ЛАКУН: ЛЕКСІКАГРАФІЧНЫ АСПЕКТ

Пры правядзенні супастаўляльных даследаванняў і ў працэсе выкладання замежных моў можа адбывацца вылучэнне лексічных адзінак, якія не маюць літаральных (аднаслоўных) адпаведнікаў у іншай мове. Наяўнасць у нацыянальных мовах такой – безэквівалентнай – лексікі абумоўлена не толькі денататыўнымі прычынамі, але і сігніфікатыўнымі асаблівасцямі, або спецыфікай успрыняцця і арганізацыі карціны свету ў свядомасці носьбітаў пэўнай мовы.

У нашым даследаванні тэрміны *безэквівалентная лексіка* (як наяўнасць моўных адзінак) і *лакуна* (як адсутнасць моўных адзінак) з’яўляюцца кампліментарнымі паняццямі. Тэрмін *безэквівалентная лексіка* ўжываецца ў дачыненні да мовы-крыніцы, а тэрмін *лакуна* – у адносінах да мовы супастаўлення або мовы перакладу. Калі ў сістэме адной мовы ў параўнанні з іншай адчуваецца лексічная адсутнасць, які-небудзь прабел (gap) у адлюстраванні пазамоўнай рэчаіснасці, то становіцца неабходнай кампенсацыя гэтага прабелу.

Устаноўлена, што міжмоўныя лексічныя лакуны як выпадкі лексічнай адсутнасці могуць кампенсавацца спалучэннямі слоў – такімі асобнааформленымі намінацыямі мовы перакладу, структура якіх абумоўлена/не абумоўлена структурай эквівалентных ім аднаслоўных суцэльнааформленых намінацый у мове-крыніцы.

У тэксце сродкі кампенсацыі дазваляюць расшыфраваць і патлумачыць безэквівалентныя адзінкі, і такім чынам адбываецца інтэрпрэтацыя рэалій іншай лінгвакультурнай супольнасці. Аднак для паспяховай міжкультурнай камунікацыі часам неабходна не толькі адэкватнае ўспрыманне значэння лакуны, але і яе *элімінацыя*, г. зн. фармальнае запаўненне або кампенсацыя моўнага прабелу. Асаблівую актуальнасць мае распрацоўка праблемы міжмоўнай эквівалентнасці для лексікаграфічнай практыкі, бо менавіта вынікі супастаўляльных даследаванняў спрыяюць тэарэтычнаму абгрунтаванню лексікаграфічнага апісання розных моў.

Як вядома, усе слоўнікі, як тлумачальныя, так і перакладныя, заснаваны на пастулаце аб «прэзумпцыі эквівалентнасці». Зразумела, што эквівалентнасць правай і левай частак слоўнікавага артыкула ў тлумачальным слоўніку з’яўляецца адноснай, бо левая частка слоўнікавага артыкула перадае індывідуальныя

значэнні ў максімальна згорнутай форме, у той час як дэфініцыі растлумачваюць сэнс абазначэння. Што датычыцца перакладных слоўнікаў, то тут менавіта міжмоўная эквівалентнасць выступае асновай для выбару параметраў апісання лексікона.

У нашым даследаванні мы далучаемся да такога пункту погляду на з'яву міжмоўнай эквівалентнасці, у адпаведнасці з якім запаўненне і кампенсацыя разглядаюцца як два спосабы элімінацыі лакун. Так, сродкі кампенсацыі лакун дазваляюць толькі расшыфраваць і патлумачыць безэквівалентныя адзінкі, даюць магчымасць інтэрпрэтаваць і адаптаваць рэаліі іншай моўнай і культурнай супольнасці. Аднак для паспяховага функцыянавання моў патрабуецца не толькі адэкватнае ўспрыняцце лексіка-семантычнага значэння лакуны, але таксама і яе ўстараненне, г.зн. фармальнае запаўненне моўнага прабелу.

Калі мы разглядаем міжмоўныя і міжкультурныя аспекты ўкладання перакладных англійска-беларускіх слоўнікаў агульнага тыпу, то найбольшую ўвагу прыцягваюць пытанні семантызацыі лінгвакультурных найменняў. Гэта ў першую чаргу звязана з тым, што карціны свету дадзеных моўных супольнасцей не супадаюць і значна адрозніваюцца адна ад адной. Эквіваленты і аналагі беларускай мовы як мовы перакладу (the target language) знаходзяцца ў пэўнай залежнасці ад мовы-крыніцы (the source language), а магчымасці іх выкарыстання для семантызацыі слоўнікавых адзінак англійскай мовы суадносяцца з неабходнай ступенню апісання мовы-крыніцы.

Акрамя таго, пры лексікаграфічным апісанні лексем у перакладных слоўніках агульнага тыпу асаблівую ўвагу павінны атрымаць наступныя пытанні: несупадзенне аб'ёму семантыкі лексем-карэлятаў; адрозненні ў семантычнай структуры суадносных адзінак; неадпаведнасць сістэм пераносных і тэрміналагічных значэнняў; адрозненні ў лексіка-граматычнай спалучальнасці лексем-карэлятаў; адлюстраванне мадыфікацый семантыкі лексічных паралелей; семантызацыя адзінак з нацыянальна-культурнай семантыкай; адрозненні прагматычных кампанентаў семантыкі лексем-карэлятаў у дзвюх мовах.

Пры гэтым перадача семантыкі лінгвакультурных найменняў з'яўляецца найбольш складанай задачай, бо кожную такую лексему мовы-крыніцы можна назваць унікальнай у дачыненні да мовы перакладу.

Элімінацыя лакун, якія суадносяцца з рознымі тыпамі лінгвакультурных найменняў, што змяшчаюць культурназначную інфармацыю ў дэнататыўным аспекце значэння (геаграфічныя назвы, этнаграфічныя назвы, уласныя асабовыя імёны), у перакладным слоўніку адбываецца шляхам запаўнення. Асноўнымі спосабамі перадачы такіх адзінак з'яўляюцца практычная транскрыпцыя, транслітарацыя і тлумачальны пераклад.

Калі адбываецца семантызацыя адзінак, у якіх культурназначная інфармацыя сканцэнтравана ў канататыўным аспекце значэння, неабходным з'яўляецца пошук аналагаў ці дапаўненне дэнататыўнага аспекту разнастайнымі звесткамі асацыятыўна-фонавага, эмпірычнага, культурна-гістарычнага або светапогляднага характару. У такіх выпадках назіраецца кампенсацыя культурназначнай інфармацыі адзінак мовы-крыніцы сродкамі мовы перакладу.

Такім чынам, міжмоўныя лакуны ўключаюць у сябе з’явы, абумоўленыя як інтралінгвістычнымі, так і экстралінгвістычнымі фактарамі, таму ў сучасных супастаўляльных даследаваннях і лексікаграфічнай практыцы паняцце лакуны аб’ядноўвае разыходжанні як у міжмоўным, так і ў міжкультурным плане. Пры гэтым варыятыўнасць намінацыі пэўных прадметаў, асоб, дзеянняў, якасцей, станаў у розных мовах вызначаецца спецыфікай моў і культур і праяўляецца ў наяўнасці ў мове-крыніцы безэквівалентнай лексікі, або лексічных адзінак, якія не маюць аднаслоўных эквівалентаў у мове перакладу і таму павінны перадавацца сродкамі элімінацыі лакун.

С. С. Ключенович, В. С. Верпечинскис

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Окказионализмы как результат словотворчества авторов художественной литературы позволяют придавать произведениям оригинальный, необычный и яркий характер. Образы, в основе которых лежат окказиональные метафоры и сравнения, привлекают внимание читателей и в наибольшей степени отпечатываются в их памяти.

Широкая палитра словообразовательных средств немецкого языка позволяет создавать единицы со статусом *ad hoc* различной частеречной принадлежности: будь то существительные, прилагательные, глаголы или даже местоимения и числительные. Основой для образования немецких окказионализмов являются возможности «конструирования и переконструирования слов из существующих основ и аффиксов».¹

Что касается окказиональных глаголов, следует отметить, что они не всегда отличаются особой оригинальностью и, на первый взгляд, не заявляют о своей окказиональности. Это происходит по той причине, что они создаются по продуктивным словообразовательным моделям в немецком языке, одной из которых является следующая:

Adverb + Verb (наречие + глагол).

Например, по такой формуле образованы следующие лексические новации:

*Nach dem Brand dieses Palastes habe der Zar einen Wiederaufbau in 15 Monaten befohlen. 6000 Menschen wurden dazu **herangepeitscht**. Die Hälfte davon ging vor die Hunde.*²

*...Wie oft mag der kleine Friedrich die Kastanienallee vom Flußufer bis zum Herrenhaus **hinaufgehastet** sein, wo die Baroness ihn, schon unwillig wartend, der Dienerschaft zum Säubern übergab, damit sie sich wieder Haus und Hof widmen konnte.*²

¹ Розен, Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке : кн. для учителя / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 1991. – 189 с.

² Zucker, R. Berlin ist anderswo / R. Zucker. – Berlin : Rowohlt, 1995. – 144 S.

*Herr Gabriel war sein eigener Mensch, und er begriff, daß die Wohnung seiner Ehejahre genau wie diese Koffer **vollgepfercht** war mit Sinnlosigkeiten, die ihn verwirrten und verdarben und von sich selbst ablenkten.*¹

Глаголы со статусом *ad hoc* *heranpeitschen*, *hinaufhasten* и *vollpferchen* созданы при помощи первых частотных компонентов сложных глаголов *heran-*, *hinauf-* и *voll-*, которые при самостоятельном употреблении функционируют как наречия. В связи с тем, что непосредственные составляющие данных композитов активно комбинируются с другими словообразовательными элементами, описанные окказионализмы не бросаются в глаза своей оригинальностью. Кроме того, для них не характерна высокая степень контекстуальной прикрепленности: предположить, что́ они означают, можно уже по их внутренней форме. Так, глагол *heranpeitschen* выражает действие *peitschen* ('бить, хлестать кнутом'), а частотный компонент *heran-* – движение в направлении определенного предмета. Лексическая единица *hinaufhasten* обозначает спешное, суетливое движение (*hasten* – 'спешить, суетиться') по направлению в/наверх (*hinauf*). Слово *vollpferchen* описывает действие *pferchen* 'загонять животных в слишком тесное пространство' в прямом смысле, но также возможно употребление в переносном значении в отношении вещей, как в приведенном текстовом фрагменте. А компонент *voll-* 'полностью, битком' выполняет интенсифицирующую функцию по отношению к глаголу *pferchen*.

Несмотря на то, что даже без контекста у читателя возникает примерное представление о семантике описанных окказиональных глаголов, вербализация данного образа в другом языке может вызвать в некоторых случаях определенные трудности у переводчиков.

Например, при переводе глагола *vollpferchen* на белорусский язык для передачи усилительного компонента *voll-* было использовано наречие *цалкам*.

*Спадар Габрыэль быў сам сабе гаспадар, і ён разумеў, што кватэра гадоў яго сужэнства была **цалкам забітая**, як і гэтыя валізы, бязглуздзіцамі, што бянтэжылі, псавалі яго і адцягвалі ўвагу ад самога сябе.*

Поскольку глагол *vollpferchen* в немецком языке не обладает оригинальностью (особенно учитывая наличие его узуального синонима – глагола *vollstopfen*), при трансляции на белорусском языке не возникает больших переводческих потерь, когда для перевода мы выбираем узуальный эквивалент *цалкам забіць штосьці чымсьці*.

Такая же ситуация наблюдается и при переводе глагола *hinaufhasten*:

*Як часта маленькі Фрыдрых **спяшаўся** на каштанавай прысадзе **ўверх**, ад берага ракі да панскага двара, дзе баранеса, ужо раздражнёна чакаючы, перадавала яго на мыццё слугам, каб яна магла зноў заняцца гаспадарскімі справамі.*

Перевод окказионального глагола *hinaufhasten*, также не отмеченного нарушением языковых канонов, не повлек за собой серьезных переводческих

¹ Geiger, A. *Anna nicht vergessen* / A. Geiger. – München : Carl Hanser Verlag, 2007. – 256 S.

потерь: семантика немецкого глагола была перераспределена на два слова: глагол *спяшацца* и наречие *ўверх*.

Примечательной является трансляция глагола *heranpeitschen* на белорусском языке: экспрессивность и яркость немецкого окказионализма частично теряется в языке перевода. Обратимся к предложенному нами переводу:

*Пасля пажару ў гэтым палацы цар загадаў аднавіць яго за 15 месяцаў. 6000 чалавек **былі загнаныя на гэта**. Палова з іх памёрла.*

Выбор белорусского глагола *загнаць* в качестве эквивалента для немецкой глагольной новации позволяет передать то, что людей отправляли на восстановление дворца *принудительно*, однако действие *загнаць* не содержит сему инструментальности (как в глаголе *peitschen* – ‘бить кнутом’) как определенной формы реализации насилия. Но, вместе с тем, именно *загнаць* позволяет сохранить экспрессивность лексической единицы и в белорусском языке. Стоит отметить, что, если мы попробуем эксплицировать инструмент насилия, например, используя слово *лупцоўка* (*былі лупцоўкамі загнаныя на гэта*), глагол *загнаць* утратит свою экспрессивность, возникающую в первом случае не в последнюю очередь из-за ассоциации с загоном животных и возможности импликации различных форм осуществления насилия.

Таким образом, несмотря на то, что окказиональные глаголы в немецком языке создаются по продуктивным моделям, как правило, не характеризуются высокой степенью контекстуальной прикрепленности и часто не отличаются оригинальностью, однако такие составные глаголы обладают большой смысловой емкостью, в связи с чем их перевод на белорусский язык в некоторых случаях не может обойтись без определенных потерь. Так, попытка сохранения экспрессивности немецкого окказионального глагола в белорусском языке может привести к утрате некоторых сем исходной единицы.

В таких случаях переводчику необходимо сделать выбор (либо в пользу передачи экспрессивности, либо в пользу полноты трансляции семантики окказионального глагола). На наш взгляд, в художественной литературе первичной является передача исходной экспрессивности, ибо главная функция художественных произведений – эстетическая: способность создавать яркие образы, которые могут вызвать у читателя соответствующие эмоции.

С. И. Ковальчук

МОДИФИКАЦИИ РЕФЕРИРОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Рост объема информации в последние десятилетия привел к возникновению новой дисциплины – *информатики*, предметом которой является изучение закономерностей научно-информационной деятельности, структуры и свойств информации. Главная составная часть информационной деятельности – переработка документов, составление обзоров информационных источников и биб-

лиографий, индексирование, реферирование, аннотирование, перевод, реферативный перевод и аннотированный перевод.

Умению *реферировать*, т.е. сокращенно передавать содержание текста, надо специально обучать. Поэтому оно расценивается как составная часть учебной деятельности студентов в курсе обучения переводу в рамках двуязычной коммуникации и предусмотрено программными требованиями для языковых учреждений высшего образования.

Обучение реферированию, представляющему собой смысловое свертывание или смысловую компрессию текста, предполагает следующие этапы: 1) знакомство с основными понятиями лингвистики текста – грамматики текста, супрасинтаксиса (*suprasyntax*); 2) обучение основам смыслового свертывания текста при помощи операций по работе с целым текстом; 3) выполнение комплекса специальных упражнений, направленных на формирование навыков по работе с отрезками текста.

Реферат является одним из наиболее важных вторичных документов. Его цель состоит в ознакомлении читателя с содержанием оригинала и, таким образом, в замещении его. Реферирование имеет ряд основных модификаций: сигнальное, оценочное, рекомендательное и обзорное (сводное).

Сигнальное реферирование предназначено для выявления новой (ценной) информации, содержащейся в первичном документе. Поскольку степень новизны может определяться несколько субъективно, то и на практике в ходе сигнального реферирования обычно излагается содержание первоисточника с устранением из документа избыточной информации или отдельных фрагментов содержания первоисточника.

Оценочное реферирование связано с критикой, сравнением и отбором новой, ценной и полезной информации, содержащейся в данном документе.

Рекомендательное реферирование предусматривает выявление и отбор в первоисточнике только тех данных, которые имеют значение с точки зрения их использования в определенной сфере общественной деятельности определенным потребителем.

Обзорное (сводное) реферирование предполагает смысловое свертывание целого ряда первоисточников по одной теме, по произведениям одного автора, на одном или нескольких языках.

Для централизованного осуществления реферирования создаются специальные информационные центры, которые обрабатывают множество источников, в том числе иностранных, и распространяют полученные рефераты через реферативные журналы. Основное назначение реферативных журналов заключается в быстрой, систематической подаче актуальной информации в свернутом виде на основе ее смысловой переработки.

При формировании навыков и развитие умений реферирования и аннотирования специальных текстов в разных отраслях знаний, науки и техники, необходимо изучить теоретические основы реферирования и аннотирования, классификацию видов реферирования и аннотирования и требования к указанному виду деятельности переводчика.

Д. О. Козикис

THE ELECTION OF KEIR STARMER AS THE NEW LEADER OF THE LABOUR PARTY IN THE UNITED KINGDOM (MARCH 2020)

The election of the new leader of the Labour party was inevitable because of the poor performance of the Labour party and its major defeat in the 2019 general elections in Great Britain (December 2019). It was a shattering blow for its leader Jeremy Corbyn, who stepped down.

Thus a new leader was to be elected by the party. In March 2020 Sir Keir Starmer was elected as the new leader of the Labour Party. A lawyer by profession he became an MP (Member of Parliament) in 2015 and he won the first round of voting for leadership among the party voters with more than 50 percent of the ballots cast in 2020. He described himself as a socialist and vowed to keep key policies of the Labour party in programme.

Keir Starmer (a human rights lawyer) says he spent his life fighting injustice. He was raised in south London, by his father Rodney (a tool maker) and nurse mother Josephine. As we see his parents were of modest origin. They were Labour party supporters and they named him after Keir Hardie, a very famous politician in the history of the British working class struggle. In 2014 he was granted knighthood which was an official acknowledgement of his outstanding activities for the good of British society.

He studied at Reigate Grammar School and read law at Leeds University and then Oxford before embarking on a legal career which saw him rise to be head of the Crown Prosecution Service.

His CV includes advising the Policing Board to ensure the Police Service of Northern Ireland complied with human rights law.

He entered Parliament as a MP in 2015, stressing the importance of equal rights for all in his maiden speech. He was quickly elevated to the frontbench, serving as a shadow Home Office minister before being promoted to shadow Brexit secretary soon after the EU referendum in 2016.

В. В. Колесников

ДОМЕСТИКАЦИЯ И ФОРЕНИЗАЦИЯ В СВЕТЕ МОДЕЛИРУЮЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДА

Моделирующая концепция, основывающаяся на общей теории моделей, рассматривает перевод как многомерную и многоуровневую модель исходного текста и стоящей за ним материальной и/или ментальной реальности. Согласно указанной концепции, получаемая в результате переводческого моделирования оригинала модель в некоторой степени отображает свойства, характеристики

и связи всех компонентов, задействованных в ситуации моделирования, к которым относятся оригинальный текст; его область референции; его автор со своим когнитивным багажом, языковыми и идейными предпочтениями; целевая аудитория, уровень и вкусы которой автор вольно или невольно учитывает; установки и предпочтения переводчика, уровень его мастерства; характер и вкусы целевой аудитории перевода; свойства исходного и переводящего языка; дистанция между исходной и принимающей культурами.

В настоящей работе нас интересует субъективная сторона переводческого моделирования, связанная с переводческими решениями, направленными на нивелирование или подчеркивание упомянутой культурной дистанции, для которых используются термины *доместикация* и *форенизация*¹. Такие решения могут быть обусловлены характеристиками принимающей аудитории (возраст, культурный уровень, принадлежность к той или иной социальной группе или субкультуре), но также и соответствующими характеристиками моделирующего субъекта – переводчика. Систематическое нивелирование культурной дистанции между оригиналом и его переводческой моделью или, напротив, демонстративное культурное дистанцирование коррелируют с делением переводов на переводы, ориентированные на язык-цель, и переводы, ориентированные на язык-источник. При этом упомянутое деление, помимо культурного аспекта переводческого моделирования, задействует и уровень используемых автором исходного текста и переводчиком языковых средств. Так, перевод, ориентированный на язык источник в своей радикальной форме стремится максимально приблизить языковые структуры перевода к структурам языка оригинала. Хрестоматийный пример тому – окончательный вариант перевода Энеиды Вергилия, выполненного В.Я. Брюсовым. Другим, менее известным отечественному читателю примером форенизации (или остранения) может служить перевод Библии на французский язык, принадлежащий Андре Шураки, где, к примеру, выражение, повторяющееся в нескольких стихах книги Екклесиаста, известное нам по синодальному переводу как «*Все суета и томление духа*» (в переводах, принятых у протестантов – «*Все суета и погоня за ветром*»), выглядит и вовсе загадочно, в том числе и для носителей французского языка: «*Tout est fumée et paissance du souffle*» (в буквальном переводе: «Все дым и пасение дыхания»).

Форенизация и доместикация в современных исследованиях нередко рассматриваются как переводческие стратегии. Более того, согласно ряду исследований, поскольку в условиях глобализации во многих сферах деятельности доминирующее положение занимает английский язык, форенизация выступает в качестве ведущей стратегии при переводе с английского на другие языки².

¹ Любопытно, что сами эти термины обнаруживают явные черты форенизации. Впрочем, существует и вариант в духе доместикации: *одомашнивание* и *остранение*, в литературе встречаются также варианты *очуждение* и *освоение* оригинала.

² Мельничук М.В., Осипова В.М. Роль перевода и переводчика в условиях глобализации знаний // Российский гуманитарный журнал. 2016. Том 5. №4. - с.385 и след.

Иначе выглядит ситуация с художественным переводом, переводом публицистики, а также материалов, посвященных искусству и отчасти гуманитарному знанию. В этом случае переводчик, создавая модель исходного текста, принимает решения с учетом осведомленности принимающей аудитории о реалиях иноязычной культуры, ее запросах и ожиданиях, а также исходя из собственных, порой субъективных и непоследовательных установок и предпочтений. В результате, в процессе перевода происходит своеобразное лавирование между форенизацией и доместикацией, причем в некоторых случаях выбор в пользу той или иной стратегии бывает predetermined устоявшейся в принимающем языке традицией. В этой связи можно упомянуть забавное одомашнивание «по умолчанию» имен собственных, принятое в некоторых языках, например литовском или финском, в результате чего, скажем, *Уильям Оккам* превращается в человека по имени *Вильгельми Оккамилайнен*⁷. Одомашнивание имен собственных – давняя переводческая традиция. На память сразу же приходит *господин Искаримот*, заменивший у В. С. Курочкина оригинального *Monsieur Judas* П.-Ж. Беранже, однако доместикация такого рода жива и по сей день, причем в разных переводческих школах. Так, во французском переводе повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» *Шарик* превращается в *Boule* ‘шарик’, а *Шариков*, соответственно, в *Boulov*. В итальянском же переводе собаку зовут *Pallino* ‘шарик’, а человека – *Pallinov*. Возникает, однако, вопрос: как расценить принятое при экранизации повести (режиссер Альберто Латтуада) решение присвоить Полиграфу Полиграфовичу фамилию Бобиков? Фильм этот, кстати, итальянско-немецкий, и его немецкое название – «*Warum bellt Herr Bobikow?*» Впрочем, и *Boulov*, и *Pallinov* представляют собой некий компромисс между одомашниванием и острашением: окончание фамилии на -ov как бы возвращает несостоявшимся господам *Boulet* или *Pallini* «прописку» на шестнадцать квадратных аршинах в Калабуховском доме на Пречистенке.

Еще больше вопросов может возникнуть, когда речь идет о попытках передать при переводе достаточно внятно для принимающей аудитории иностранный акцент или напротив, особенности местного диалекта. Умберто Эко в уже упомянутой книге не без сожаления отмечает, что его роман «Баудолино» «в переводе утратил смак пьемонтского диалекта», признавая при этом, что если бы переводчики попытались как-то передать эту особенность языка романа, «такое решение в лучшем случае говорило бы, что персонажи изъясняются на некоем местном наречии, однако это наречие не отсылало бы ни к эпохе, ни к точной географической области, которые куда лучше знакомы итальянским читателям»⁸. Иными словами, попытки отразить в переводческой модели исходного текста какие-то его специфические лингвистические характеристики имеют весьма ограниченные шансы на успех.

⁷ Eco, Umberto. *Dire quasi la stessa cosa: Esperienze di traduzione* // Milano: Tascabili Bompiani, 2010, P.200.

⁸ Перевод А. Ковалю.

Однако полное игнорирование диалектных особенностей оригинала при наличии указания на то, что диалог идет на местном диалекте, может вызвать недоумение. Так, во французском переводе романа популярной современной итальянской писательницы Элены Ферранте «Моя гениальная подруга» в одном месте достаточно продолжительного диалога встречается ремарка: «сказала я по-итальянски», в то время как читатель французского перевода и не подозревал, что весь предыдущий диалог проходил не на стандартном итальянском языке, а на неаполитанском диалекте. А несколькими строками ниже встречаем довольно своеобразную попытку форенизации (?) – замену *Мадонна* на *Мамма миа*:

Оригинальный текст:

«*Madonna, come sei brava, Lenù*»

Перевод:

«*Mamma mia, qu'est-ce que t'es intelligente, Lenù !*»

Перевод контекстов, явно или неявно отсылающих к культурным реалиям, как общеизвестным, так и менее знакомым читателям перевода по сравнению с целевой аудиторией оригинала, требует хотя бы минимального соблюдения требования правдоподобия. Это требование оказывается нарушенным в переводе с английского на русский язык романа Рафаэля Сабатини «Венецианская маска», где венецианцы конца XVIII века обращаясь друг к другу, говорят «сэр!»⁹, и в переводе сцены из итальянского сериала «Рокко Скъявоне», где комиссар полиции просит свою помощницу присмотреть за двумя не очень расторопными и дисциплинированными сотрудниками. В оригинале он их называет *Станлио* и *Оллио* – под этими именами (*Stanlio e Ollio*) в Италии известны два популярных американских комических актера середины XX века Стэн (Артур Стэнли Джефферсон) и Олли (Норвелл Оливер Харди), а в русском переводе они превращаются в Торопуньку и Штепселя. Для целевой аудитории перевода последние два персонажа являются, конечно же, более узнаваемыми, чем Стэн и Олли, хотя для молодых зрителей и это не вполне очевидно, но вот незадача – кто поверит, что имена Торопуньки и Штепселя входят в активный лексикон итальянского полицейского, и кто согласится, что звучат они в его устах достаточно аутентично?

Таким образом, приходится признать, что использование форенизации и доместикации предполагают не только наличие определенного духа креативности у переводчика, но и способности строить сбалансированную переводческую модель исходного текста и реалистично прогнозировать реакцию целевой аудитории на предлагаемый вариант перевода.

⁹ Эта неуместная форенизация является, по-видимому, отражением доместикации, допущенной автором английского оригинала – да-да! – автор оригинала тоже может прибегать к доместикации и форенизации, повествуя о событиях, происходящих в далекой стране.

ОБУЧЕНИЕ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЮ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА КАК ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В последние годы очень значимой частью переводческой деятельности становятся системы машинного перевода (МП). Хотя качество МП не соответствует требованиям, предъявляемым заказчиками, полностью его использование в той или иной степени исключить невозможно. Очевидно, что постредактирование МП становится очень важной частью переводческой компетенции, а в последнее время спрос на специалистов, которые владеют данной компетенцией, возрастет многократно.

Постредактированием машинного перевода (англ. ‘Post-editing Machine Translation (PEMT)’) будем называть процесс, когда переводчики-люди вносят правки в сгенерированный системой МП текст перевода. Специалист, который осуществляет постредактирование, называется *пост-редактором*. Следует различать пост-редактора и редактора, т.к. последний вносит правки в текст, созданный человеком. В силу того, что ошибки, которые совершают человек и система в процессе перевода различны, то навыки, необходимые для процессов редактирования и постредактирования, также отличаются.

Постредактирование, кроме того, тесно связано с процессом *предредактирования*, который подразумевает внесение изменений в текст оригинала с целью получения наилучшего результата в процессе перевода с помощью системы машинного перевода. Многие современные системы автоматизированного перевода предлагают возможность пред- и постредактирования.

Различают два основных типа постредактирования:

1) «легкое» (от англ. ‘light’) постредактирование, целью которого является понятное, законченное и точное сообщение, с возможными нарушениями стилистических норм и странно звучащих предложений;

2) «полное» (от англ. ‘full’) постредактирование, целью которого является понятное, законченное и точное сообщение, не отличающееся от сделанного человеком, т.е. пригодное для публикации.

Преимуществом постредактирования, по сравнению с традиционным переводом, является значительная экономия времени и усилий (особенно в случае «легкого» постредактирования) и, как результат, увеличение продуктивности переводчика. Тем не менее, эффективность постредактирования иногда трудно предугадать, т.к. внесение правок может занять больше времени, чем традиционный перевод. В таком случае постредактирование считается бессмысленным.

В связи с тем, что системы машинного перевода с каждым годом становятся все лучше, то в ближайшем будущем постредактирование будет занимать все меньше времени и затрачивать меньше усилий. Таким образом, значение роли пост-редакторов МП также будет возрастать.

В настоящее время в случае необходимости постредактирования роль пост-редактора, чаще всего, берут на себя специалисты-переводчики. У них, однако, возникает много трудностей, связанных с отсутствием необходимой подготовки и опыта. Поэтому снижается эффективность самого процесса постредактирования.

Тем ни менее в настоящее время в высших учебных заведениях нашей страны отсутствуют образовательные программы, направленные на подготовку специалистов в области постредактирования МП, несмотря на то, что востребованность специалистов в данной области растет с каждым годом.

Многие студенты, получающие лингвистическое образование, используют системы машинного перевода в своей деятельности. Однако вследствие отсутствия навыков постредактирования, часто качество перевода не соответствует требованиям. Осознавая это, студенты стремятся улучшить свои навыки. На этом основании можно сделать вывод, что студенты положительно относятся к МП и могут быть заинтересованы в получении дополнительной квалификации, которая поможет им выделяться среди конкурентов на рынке труда.

Все вышесказанное обуславливает актуальность включения обучения постредактированию машинного перевода в процесс подготовки профессиональных переводчиков.

А. А. Кульчицкая

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОРПУСОВ, СЛОВАРЕЙ-КОНКОРДАНСОВ И МОНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ

В связи с постепенной компьютеризацией переводческого процесса требования, предъявляемые к качеству письменного перевода постоянно растут. Современных переводчиков отличает уверенное пользование ПК, использование систем автоматизированного и машинного перевода, знание программ САТ и др. Такие изменения в условиях современного мира диктуют и изменение подхода к обучению перевода с целью улучшения качества предоставляемых услуг.

Одним из способов улучшения качества перевода является использование в профессиональной деятельности лингвистического корпуса текстов. В. Н. Шевчук отмечает, что лингвистические корпуса способствуют улучшению качества перевода, давая четкое представление о лексических, грамматических, стилистических, орфографических и пунктуационных нормах современного языка.

Согласно определению В. П. Захарова, под *корпусом текстов* стоит понимать унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде, предназначенный для гуманитарных исследований. Стоит также отметить, что корпуса представляют собой ценный ресурс для создания заданий и упражнений в обучении студентов дисциплинам перевода.

Наиболее современными лингвистическими корпусами являются: Национальный Корпус Русского Языка (НРКЯ), который содержит 192 млн словоупотреблений, Национальный Корпус Белорусского языка (Беларускі N-корпус, 337 млн), а также Corpus of Contemporary American English (COCA, 1 млрд), British National Corpus (BNC, 100 млн) и др. Интернет со всем обилием представленной информации может также рассматриваться в качестве корпуса текстов. Нередко студенты используют поисковые системы, запрашивая сведения о сочетаемости и частоте использования определенной лексемы или коллокатов. Однако массив данных, представленный в Интернете, не контролируется в отношении содержания и не структурируется с точки зрения жанрово-стилистических характеристик текста.

В связи с этим встает вопрос о необходимости обучения студентов пользованию лингвистических корпусов с целью улучшения качества перевода.

М. С. Коган и Е. В. Куликова отмечают, что использование лингвистических корпусов в обучении студентов переводу способствует развитию переводческих навыков, а также совершенствованию умений грамотно работать с корпусами.

На начальных этапах обучения переводу студентам могут быть предложены упражнения с использованием системы лингвистических корпусов, моноязычных словарей и словарей-конкордансов. Это могут быть такие типы упражнений как лексические, грамматические, лексико-грамматические, а также непосредственно переводческие упражнения.

Современные моноязычные словари, как и корпусы текстов, могут быть использованы в организации упражнений на отработку лексики, выявления грамматических явлений в связи с тем, что многие словари (в частности Cambridge Dictionary, Collins COBUILD, Longman Dictionary of Contemporary English Online, Merriam Webster) имеют свой корпус, либо автоматически отбирают базу текстов на основе авторитетных источников. Как отмечает Д. Ю. Груздев, одним из основных принципов отбора материала является частотность употребления лексем или коллокатов в корпусе.

С целью формирования и совершенствования навыков распознавания лексических явлений, вызывающих трудности при переводе, могут быть использованы словари-конкордансы, которые содержат список употреблений заданного выражения в контексте. Такие конкордансы как Ludwig.guru, Linguee.ru, Context.Reverso и TR-EX.me позволяют организовать упражнения на отработку атрибутивных и связанных словосочетаний, лексических и грамматических трансформаций. Словари-конкордансы можно составлять самостоятельно при помощи платформы WEBCorp, которая является набором инструментов, позволяющих получить доступ к массиву данных сети Интернет в виде мега-корпуса. Платформа позволяет создать собственный список слов и конкорданс на основе анализируемого материала. Похожим функционалом обладает корпусный менеджер Search Engine.

Примерами переводческих упражнений, для которых потребуется использование системы корпусов, являются: 1) определение лексических и грамматических трансформаций на основе параллельных текстов кон-

корданса или НРКЯ; 2) определение значения и частоты употребления связанного словосочетания при помощи контекста; 3) поиск переводческого эквивалента фразеологической единицы; 4) поиск переводческого эквивалента термина, а также поиск возможных употреблений искомого термина; и др.

Важно отметить, что корпуса могут использоваться как самостоятельный инструмент и на последующих этапах перевода: переводческом и на этапе вычитки и редактирования перевода. Система поиска помогает варьировать запросы, поэтому в корпусах искомые единицы можно найти как в разных контекстах употребления, так и в разных регистрах.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что упражнения, требующие обращения к корпусам текстов, позволяют значительно улучшить качество перевода студентов-будущих переводчиков, а также служат мотивацией для студентов к использованию системы лингвистических корпусов в дальнейшей профессиональной деятельности.

О. В. Курилович

ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ В ОНЛАЙН НА ПЛАТФОРМЕ ZOOM

Zoom (официальное название – *Zoom Video Communications*) – является одним из самых популярных на сегодняшний день сервисов для проведения видеоконференций, вебинаров, видео- и аудиозвонков, а также онлайн-встреч. Издание «*The New York Times*», назвало *Zoom* «лучшей программой для организации онлайн-встреч для людей, работающих из дома». *Zoom* использует облачные технологии и работает по бизнес-модели *freemium*.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, начавшаяся в начале 2020 сильно ударила по мировой экономике. Однако кризис вывел *Zoom* на новые вершины и привел к всплеску интереса к данному сервису. С начала года только в США к сервису присоединялись по 300 тысяч человек каждый день. Сегодня у сервиса *Zoom* более 14 миллионов активных пользователей и более 100 тысяч корпоративных клиентов, включая *Samsung*, *Uber*, *Slack* и *Walmart*. С помощью *Zoom* врачи в Китае и других странах мира устраивают собрания и проводят консультации, инструкторы в США проводят классы йоги и боевых искусств. В условиях социального дистанцирования в *Zoom* устраиваются свадьбы и концерты, проводятся свидания.

Использование онлайн платформы *Zoom* особенно актуально в высшей школе. Образовательные учреждения выбирают *Zoom* по следующим причинам:

- программа отлично подходит для индивидуальных и групповых занятий. Студенты могут заходить в нее как с компьютера или со своего планшета, так и с мобильного телефона, находясь в любой точке мира. К видеоконференции легко может подключиться любой, имеющий ссылку, или идентификатор конференции;

- платформа работает стабильно, несмотря на большую нагрузку из-за большого количества пользователей. На данный момент Zoom справляется с обслуживанием сотни тысяч конференций одновременно;

- возможность делиться экраном (*screensharing*) со всеми участниками конференции. Демонстрацию экрана также можно поставить на паузу. Более того, можно делиться не всем экраном, а только отдельными приложениями, например, включать демонстрацию браузера. В настройках можно дать всем участникам возможность делиться экраном, либо включить ограничения, чтобы делать это мог только организатор;

- инструменты в руках у руководителя конференции. Организатор видео-конференции может включать и выключать микрофон, а также выключать видео или запрашивать включение видео у всех участников;

- организатор также может оставлять заметки в чате, использовать интерактивные элементы для вовлечения участников в процесс обучения;

- в Zoom встроена интерактивная доска, которую можно показывать всем участникам видеоконференции. На доске преподаватель или участники конференции отображают записи, рисунки, схемы и пр.;

- возможность проводить запись видеоконференции и в нужные моменты ставить ее на паузу. При необходимости запись можно рассылать коллегам или студентам, которые опоздали на видеовстречу либо не смогли присутствовать по разным причинам;

- возможность делить студентов на пары или группы, распределяя их в отдельные комнаты – сессионные залы (мини-конференции) для более результативной работы и эффективного взаимодействия во время занятия. Количество комнат определяет учитель, участников можно распределить автоматически или вручную. У преподавателя есть возможность проверять происходящее в сессионных залах. Также можно перемещать участников из зала в зал. По окончании работы преподаватель дает студентам обратную связь и корректирует ошибки.

В рамках лингвистического ВУЗа возможности ресурса Zoom позволяют обеспечить выполнение программы преподавания переводческих дисциплин. При проведении онлайн занятий по письменному или устному переводу воплощаются в жизнь дидактические принципы обучения, а именно:

- принцип сознательности и активности. Как показал практический опыт онлайн работы в Zoom, студенты положительно относятся к онлайн занятиям, одобряют применяемые методы и приемы обучения, а также активно взаимодействуют с преподавателем.

- принцип вербальной и невербальной наглядности реализуется посредством использования таких функций Zoom, как, например, *screensharing*, где преподаватель имеет возможность демонстрировать различные видео- и аудио-файлы, фото и текстовые документы для дальнейшей работы над устным или письменным переводом. Интерактивная доска позволяет преподавателю писать, создавать таблицы, схемы, планы, рисунки, опорные конспекты и иные формы логического представления материала. Таким образом формируются устойчивые логические связи и усвоение знаний в системном порядке;

- принцип связи теории с практикой реализуется вовлечением учащихся в активную переводческую онлайн деятельность. В сессионных залах в парах и мини-группах студенты переводят устно или синхронно, слушают видео-или аудио-файлы, применяют переводческую скоропись при прослушивании, участвуют в редактировании переводов, вовлекаются в переводческие игры и кейсы, решают прочие переводческие задачи;

- принцип научности, предполагающий соответствие содержания образования уровню развития современной науки и техники. Преподаватель отбирает современный аутентичный материал для групповой, индивидуальной либо парной работы в Zoom. В процессе обучения используются все возможности данного онлайн ресурса, такие как работа в сессионных залах, включение и выключение микрофона во время ответов отдельных студентов, использование чатов, возможность быстро поделиться файлом, необходимой ссылкой или таблицей и пр.

Во время обучения на платформе Zoom, многие студенты отмечают возросшую вовлеченность в процесс обучения, погружение в предмет, концентрацию при работе над переводом. Следовательно у студентов наблюдается всплеск интереса к предмету и рост мотивации к дальнейшему совершенствованию переводческих навыков и умений.

А. В. Ломовая, А. В. Разумова

РАЗНОУРОВНЕВЫЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ БАЗОВЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Одним из ключевых терминов современной методики преподавания иностранных языков в высшей школе стало понятие компетенции. В самом широком смысле под *компетенциями* понимается набор специфических знаний, умений и навыков, которыми должен владеть тот или иной специалист для того, чтобы успешно заниматься профессиональной деятельностью. Заметим, при такой трактовке существует опасность жесткого ограничения познавательной деятельности будущих специалистов: так, можно предположить, что переводческие компетенции необходимы только лишь для студентов, обучающихся по направлению специальности 1-21 06 01-02 «Современные языки (перевод)». Мы, однако, полагаем, что базовые переводческие компетенции являются важной частью подготовки лингвиста вообще, а не только переводчика в частности. Именно поэтому дисциплина «Введение в переводоведение», которая преподается студентам 4 курса факультета английского языка, обучающимся по направлению специальности 1-21 06 01-01 «Современные языки (преподавание)», является необходимой частью подготовки специалистов со знанием иностранных языков на профессиональном уровне.

Базовые переводческие компетенции включают следующие способности: работать со словарями и справочной литературой, применять основные приемы лексико-грамматических и прагматических трансформаций для

достижения эквивалентности, учитывать стилистические характеристики исходного текста для его адекватной передачи на другой язык и др. Тем самым, дисциплина «Введение в переводоведение» оказывается тесно связанной с функциональной грамматикой, лексикологией и стилистикой английского языка, а также обеспечивает необходимую подготовку к дисциплине «Типология родного и иностранного языков».

Преподавателями кафедры стилистики английского языка была разработана и апробирована система разноуровневых упражнений, направленных на формирование базовых переводческих компетенций у будущих преподавателей английского языка. Данный комплекс упражнений был включен в пособие под названием «Введение в переводоведение» (авторы: А. В. Ломовая, А. В. Разумова, О. В. Ракитская, И. В. Кошкина, Г. Н. Липай) как практикум, включающий упражнения двух уровней сложности.

Упражнения уровня А (начальный) предназначены, в основном, для устного перевода и составлены авторами пособия на основе словарных дефиниций. В ряде случаев использовались моделированные высказывания из учебников по английскому языку («Destination B2», «Destination C1 & C2», «Practical English Usage» и др.). Например, для усвоения темы «Роль контекста при переводе» предлагаются узкие контексты с одинаковыми лексическими единицами, которые вариативно отражаются при передаче с английского языка на русский: *The garage was made of concrete **blocks**; The motorway had a huge traffic **block** for 2 hours because of a lorry accident; The building occupies an entire city **block**; In May Stephen faced a writer's **block** which successfully prevented him from finishing the novel for almost two weeks; I live in an old apartment **block** nearby* и т.п. Такие задания доступны для перевода с листа и не требуют обращения к словарю.

Упражнения уровня Б (продвинутый) предназначены для письменного перевода: приведенные в них высказывания извлечены, по большей части, из художественных произведений, англоязычных корпусов текстов (British National Corpus, Corpus of Contemporary American English), онлайн-словарей и публицистических источников (BBC News и др.). Так, тема «Переводческие замены: целостное преобразование» закрепляется при помощи упражнения на составление диалогов, содержащих 2 типа разговорных формул: стимул (1. *I didn't get the job.* 2. *I don't think I can afford this restaurant, it looks a bit expensive.* 3. *Can I come to lunch?* и др.) и реакция (A. *If you don't mind taking pot-luck.* B. *Oh, this is on me.* C. *You can't get them all*), с последующим переводом на русский язык. Работа с такими материалами способствует развитию и совершенствованию профессиональных навыков студентов, в частности, применения коммуникативной методики в процессе обучения английскому языку.

Упражнения практикума предназначены для аудиторной работы. Наличие двухуровневой структуры позволяет реализовать как принцип постепенного усложнения учебного материала, так и осуществить дифференцированный и личностно-ориентированный подход, в зависимости от языковой подготовки студентов.

Материалы для самостоятельной работы также структурированы согласно двухуровневому принципу: они включают упражнения уровня А (обычно это слова, словосочетания или отдельные высказывания для перевода) и упражнения уровня Б, представленные публицистическими, научно-популярными или художественными текстами. Работа с такими текстами позволяет не только закрепить переводческие навыки, но и расширить страноведческие знания студентов. Кроме того, перевод текста требует анализа дискурсивных характеристик (особенностей жанра, намерений автора, целевого адресата), тем самым способствуя пониманию специфики мировоззрения и менталитета носителей английского языка.

Таким образом, разноуровневые упражнения помогают преподавателю осуществить дифференцированный подход в группах с различными уровнями языковой подготовки, скорректировать распределение заданий в зависимости от данного уровня, что, в свою очередь, позволит будущим учителям иностранных языков овладеть необходимыми знаниями, рецептивными и продуктивными умениями и навыками использования английского языка в качестве инструмента профессиональной деятельности.

В. Л. Максимова

СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ И ИХ ПЕРЕВОД

Словосложение в немецком языке является ведущим способом словообразования. Значительная часть словарного состава немецкого языка – сложные слова. Особенно продуктивно словосложение как способ образования слов, обозначающих предметы и явления, т.е. существительных.

Специфика немецких сложных существительных состоит в том, что они не только являются средством номинации предметов и явлений, но и способом выражения отношений, передаваемых свободным словосочетанием. Таким образом, сложное существительное в немецком языке является как бы однородным образованием, выполняя как лексические, так и синтаксические функции. Синтаксический характер сложных существительных проявляется в легкости и простоте образования их в процессе речи для выражения самых разнообразных смысловых отношений. Причем характер этих отношений формально не выражается. В одних случаях он ясен из семантики непосредственных составляющих, т.е. их внутреннего контекста, в других случаях для правильной семантизации сложных существительных необходим внешний контекст.

Подавляющее большинство немецких сложных существительных составляют определительные сложные существительные, где первый компонент относится ко второму как определяющий к определяемому. При переводе определительных сложных существительных следует помнить, что основным компонентом таких существительных является последнее слово, обозначаю-

щее основное понятие или явление. Остальная часть сложного существительного, стоящая перед основным компонентом, выполняет функцию определения к основному понятию.

В качестве первого компонента немецкого сложного существительного может выступать любая часть речи: существительное (**Brustkorb** – грудная клетка), прилагательное (**Feinschmecker** – гурман), глагол (**Schreibtisch** – письменный стол), наречие (**Außenpolitik** – внешняя политика), предлог (**Mitarbeiter** – сотрудник).

Рассмотрим немецкие сложные существительные, у которых в качестве первого компонента выступает прилагательное, обозначающее цвет, например: **Weißbrot** (белый хлеб), **Braunbär** (бурый медведь), **Blaubeere** (голубика), **Rotkappe** (подосиновик), **Gelbguß** (латунь), **Schwarzpreis** (спекулятивная цена), **Grünfläche** (площадь под зелеными насаждениями).

В результате сопоставительного анализа перевода определяющих компонентов сложных существительных, обозначающих цвет, с немецкого языка на русский можно констатировать, что цветочное прилагательное в составе немецкого сложного существительного не всегда является цветочным компонентом его русского эквивалента.

Немецким сложным существительным с первым компонентом–цветочным прилагательным в русском языке могут соответствовать:

- сложные существительные с аналогичным цветочным первым компонентом: **Weißnäherin** – белошвейка, **Schwarzerde** – чернозем, **Rotkarpfen** – красноперка;
- производные существительные с сохранением цветочного признака: **Schwarzbeere** – черника, **Gelbsucht** – желтуха, **Grünzeug** – зелень, овощи, **Weißmacher** – отбеливатель;
- производные существительные без сохранения цветочного признака: **Weißfuchs** – песец, **Rotdorn** – боярышник, **Blaufisch** – луфарь (рыба), **Schwarzfahrer** – безбилетник;
- словосочетание «цветочное прилагательное + существительное»: **Weißwein** – белое вино, **Rotkäppchen** – Красная Шапочка, **Schwarzpappel** – тополь черный, **Braunkohle** – бурый уголь;
- словосочетание «прилагательное (качественное, относительное) + существительное»: **Weißbier** – светлое пиво, **Weißwurst** – вареная телячья колбаса, **Rotwurst** – кровяная колбаса, **Schwarzfleisch** – копченое мясо, **Rotbarsch** – морской окунь, **Grünland** – кормовые угодья;
- развернутые конструкции с сохранением цветочного признака: **Grüngürtel** – пояс зеленых насаждений, **Rotblindheit** – слепота на красный цвет, **Schwarzhandel** – торговля на черном рынке;
- развернутые конструкции без сохранения цветочного признака: **Schwarzfahrt** – езда без права вождения, **Blaukreuzverein** – христианское общество трезвости.

Сложные существительные с первым компонентом–цветочным прилагательным представлены в немецком языке большей частью устойчивыми (словарными) единицами. Существует целый ряд названий птиц, рыб,

животных и растений, имеющих в своем составе цветовой компонент. В русском же языке в названиях этих животных и растений цветовой компонент отсутствует, например: *Rotschwänzchen* – горихвостка, *Blaumeise* – лазоревка (зоол.), *Weißbuche* – граб обыкновенный, *Rotbuche* – бук лесной, *Roteibe* – тис ягодный, *Rotklee* – клевер луговой, *Braunwurz* – норичник (бот.).

Цветонаименования в составе сложных немецких существительных могут иметь определенные метафорические и стилистические коннотации, например: *Schwarzkünstler* – (разг.) маг, чародей, *Schwarzrock* – (разг., неодобр.) поп (католический, протестантский священник), *Blaujacke* – (разг.) моряк, матрос, *Grünrock* – (шутл.) лесничий, охотник, *Grünschnabel* – (разг.) молокосос, *Braunhemd* – штурмовик, коричневорубашник, *Rotkopf* – рыжий, *Blaustrumpf* – (ирон.) синий чулок (о женщине).

Я. Л. Мароз

АМАНІМІЯ ГРАМАТЫЧНЫХ ФОРМ ЯК ПРАБЛЕМА МАШЫННАГА ПЕРАКЛАДУ

Выкарыстанне машыннага перакладу ў сучасных умовах перакладчыцкай дзейнасці – гэта цалкам дапушчальная практыка, паколькі алгарытмы працы камп’ютарных сістэм выйшлі зараз на якасна новы ўзровень з глыбокім аналізам моўных канструкцый. Сучасныя сістэмы забяспечваюць дастаткова высокую якасць перакладу. Аднак шырокія магчымасці натуральных моў у некаторых выпадках могуць выклікаць складанасці ў машыннага перакладчыка, у прыватнасці, памылкі назіраюцца, калі ён сутыкаецца з моўнымі аманіміямі.

Аманімію на лексічным узроўні лёгка заўважыць, і вядомыя выпадкі, калі, да прыкладу, на этыкетцы марожанага з’яўляецца беларускі надпіс «вавёркі – 2,5 г.», які адразу дае зразумець, што выкарыстаны машынны пераклад з рускай мовы, дзе маецца на ўвазе не жывёла, а хімічнае рэчыва бялок. Больш шырокі кантэкст, верагодна, мог бы дапамагчы машыннаму перакладчыку дакладна інтэрпрэтаваць арыгінал і пазбегнуць памылкі. Але мовам таксама ўласцівая аманімія і на граматычным узроўні. Так, да прыкладу, у англійскай мове аманімічнымі з’яўляюцца канструкцыі з дзеясловам *take* і герундыем і дзеепрыметнікам, дзе несабавая форма дзеяслова можа быць выкарыстана ў ролі а) галоўнага члена атрыбутыўнага словазлучэння, б) галоўнага члена дзеепрыметнікавага звароту, в) аб’ектнага прэдыкатыва, г) носбіта другаснай прэдыкацыі ў каўзатыўнай канструкцыі. І калі для дасведчанага перакладчыка сінтаксічны склад, падзел і сэнс выказвання ў большасці выпадкаў відавочныя, то ў машыннага перакладчыка аманімічная граматычная структура *take* + *назоўнік/займеннік ва ўскосным склоне* + *-ing-форма* можа выклікаць цяжкасці інтэрпрэтацыі.

Параўнаем пераклады з англійскай мовы на беларускую выказванняў з адзначанымі аманімічнымі формамі, адабраных з электронных карпусоў COWEB і iWeb, зробленыя дзвюма папулярнымі ў Беларусі сістэмамі машынага перакладу: Google і Yandex. Пераклады на беларускую мову пакажам без рэдагавання, каб прадэманстраваць тыя варыянты, якія непасрэдна атрымлівае звычайны карыстальнік праграмы.

Інтэрпрэтацыя атрыбутыўных словазлучэнняў у большасці выпадкаў адбываецца без памылак. Абедзве праграмы вызначаюць склад словазлучэння і адносіны паміж яго складнікамі і перадаюць іх у перакладзе: *The free Live Lingua English courses are here to **make language learning** accessible to everybody* – Тут праводзяцца бясплатныя курсы англійскай мовы Live Lingua, каб **зрабіць вывучэнне мовы** даступным для ўсіх (Google). *Private initiatives have also sought to **make HIV screening** more accessible and affordable* – Прыватныя ініцыятывы таксама накіраваны на тое, каб зрабіць **скрынінг на ВІЧ** больш даступным і даступным па цане (Yandex).

У выпадку з дзеепрыметнікавымі зваротамі таксама пераважна не адзначаецца цяжкасцяў з інтэрпрэтацыяй. Машынныя перакладчыкі выкарыстоўваюць або іменныя канструкцыі з элементам прапазітыўнай семантыкі, або адпаведныя кантэксту дзеепрыслоўныя і дзеепрыметнікавыя звароты: *So there you go, that's how easy it is to **make money taking surveys!*** – Так што вы ідзяце, вось як лёгка **зарабляць грошы на апытаннях!** (Google) – *Такім чынам, вось як лёгка **зарабляць грошы, праводзячы апытанні!*** (Yandex). *He can be slow to **make decisions involving emotions** and he can get lost in emotion.* – Ён можа павольна **прымаць рашэнні, звязаныя з эмоцыямі**, і ён можа згубіцца ў эмоцыях (Google).

Складанасці ўзнікаюць пры перакладзе выказванняў, дзе неасабовыя формы дзеясловаў выкарыстоўваюцца ў ролі прэдыкатыва і ў каўзатыўнай канструкцыі з другаснай прэдыкацыяй.

У канструкцыях з аб'ектным прэдыкатывам дзеепрыметнік нясе сему прыкметы, апісваючы новую якасць прадмета або чалавека. У такіх канструкцыях перакладчык сістэмы Google нярэдка няправільна інтэрпрэтуе лагічную структуру канструкцыі, прыпісваючы прыкмету іншаму суб'екту: *I know some of them have been kicked back by the devs cause it will **make things confusing** for people* – Я ведаю, што некаторыя з іх былі адбітыя дэманамі таму, што гэта **зробіць людзей незразумелым**. Як бачым з прыкладу, лексічная і граматычная памылкі ў перакладзе не даюць зразумець сэнс англійскага арыгінала. Яшчэ адной версіяй няслушнай інтэрпрэтацыі ў сістэме становіцца выкарыстанне тут алгарытмаў перакладу аманімічнай каўзатыўнай канструкцыі: *All the parishes are blessed with physical features that **make them engaging*** – Усе парафіі **бласлаўляюцца фізічнымі асаблівасцямі, якія прымушаюць іх займацца**. Перакладчык сістэмы Yandex такіх памылак не дапускае і прапануе наступныя беларускія варыянты перакладу прыведзеных прыкладаў з выкарыстаннем прыметнікаў і дзеепрыметнікаў, якія перадаюць неабходную сему прыкметы, не змяняючы сэнс арыгінала: *Я ведаю, што*

некаторыя з іх былі адкінутыя назад распрацоўшчыкамі, таму што гэта зробіць рэчы заблытанымі для людзей і Усе прыходы бласлаўлены фізічнымі асаблівасцямі, якія робяць іх прывабнымі.

Пры перакладзе каўзатыўных канструкцый сістэмы выкарыстоўваюць эквівалентную беларускую канструкцыю з аб'ектным інфінітывам незаконча-нага трывання, які падкрэслівае працэсуальнасць і ў гэтым суадносіцца з дзеепрыметнікавай формай у арыгінале: *We made them listening to the sounds in the room, noticing the smells, and how it felt to sit in the chair* – Мы **прымусілі іх слухаць** гукі ў пакоі, заўважаючы пахі і тое, як адчувалася сядзець у крэсле (Google) – Мы **прымусілі іх прыслухоўвацца** да гукаў у пакоі, заўважаць пахі і тое, якое гэта – сядзець у крэсле (Yandex). Тым не менш, нярэдка сустракаюцца выпадкі, калі перакладчык сістэмы Google няправільна інтэрпрэтуе сэнс выказвання з-за аманіміі форм дзеепрыметніка, які перадае працэсуальнасць, і герундыя, які абазначае дзеянне па дзеяслове: *Many years back, in one cool evening he had a weird game (in my presence) with some random player, he started his stupid trick with the tower and the other guy did an even more funny thing, he got out his king and made him dancing around in front!* – Шмат гадоў таму, у адзін класны вечар у яго была дзіўная гульня (у маёй прысутнасці) з нейкім выпадковым гульцам, ён пачаў свой дурны фокус з вежы, а другі хлопец зрабіў яшчэ больш смешную справу: ён выйшаў з караля і **прымусіў яго танцы** наперадзе! Сустракаюцца таксама памылкі з інтэрпрэтацыяй лагічнай структуры і адносін паміж членамі канструкцыі, напрыклад, суб'ектам і аб'ектам каўзацыі: *They're different from each other. But somehow they made me loving them badly* – Яны адрозніваюцца адзін ад аднаго. Але неяк **яны мяне вельмі любілі**. У перакладчыка сістэмы Yandex такіх праблем з інтэрпрэтацыяй прыведзеных аманімічных форм і канструкцый не назіраем: *Шмат гадоў таму, у адзін халаднаватае вечар у яго была дзіўная гульня (у маёй прысутнасці) з нейкім выпадковым гульцом, ён пачаў свой дурны трук з вежай, а іншы хлопец зрабіў яшчэ больш пацешную рэч, ён выцягнуў свайго караля і прымусіў яго танцаваць перад сабой! і Яны адрозніваюцца адзін ад аднаго. Але нейкім чынам яны **прымусілі мяне моцна палюбіць іх**.*

Такім чынам, аналіз машынных перакладаў сказаў з аманімічнымі граматычнымі канструкцыямі *take + назоўнік/займеннік ва ўскосным склоне + -ing-форма* з англійскай мовы на беларускую паказвае, што інтэрпрэтацыя атрыбутыўных словазлучэнняў і дзеепрыметнікавых зваротаў выклікае ў сістэм менш праблем, чым больш складаных для аналізу канструкцый, дзе неасабовыя формы дзеяслова выкарыстоўваюцца ў ролі аб'ектнага прэдыкатава або з'яўляюцца носбітамі другаснай прэдыкацыі ў каўзатыўнай канструкцыі. Прычым, пры перакладзе апошніх двух тыпаў канструкцый перакладчык сістэмы Yandex робіць менш памылак у параўнанні з сістэмай Google. Гэта, верагодна, можна патлумачыць тым, што сістэмы выкарыстоўваюць не прамы пераклад у пары англійская-беларуская, а карыстаюцца пасрэдніцтвам рускай мовы. Yandex, магчыма, надае большую ўвагу ўдасканаленню алгарытмаў працы ў пары англійская-руская, а таксама мае больш

назапашаных адпаведнікаў у пары руская-беларуская, што пры марфалагічным і сінтаксічным падабенстве моў дазваляе атрымліваць лепшы вынік пры перакладзе аманімічных граматычных форм.

О. В. Марченко, Н. Ю. Жданова

ПРОБЛЕМА ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Олицетворение представляет собой литературный прием перенесения свойств и качеств человека на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия. Олицетворение состоит в том, что животные, неодушевленные предметы и явления природы наделяются человеческими способностями, даром речи, чувствами и мыслями.

В более широком смысле к олицетворению также можно отнести *олицетворение-действие*. Этот вид олицетворения заключается в том, что неодушевленным отвлеченным и конкретным понятиям приписываются действия, свойственные одушевленным лицам и, прежде всего, человеку.

Олицетворение является одним из традиционных приемов в текстах публицистического стиля: статьях, интервью, публичных выступлениях и речах.

В английском языке этот прием получил большее распространение, чем в русском. В особенности стоит отметить олицетворение-действие. В английском языке, помимо вышеперечисленных случаев, оно проявляется в употреблении в роли агента действия (подлежащего) обстоятельства причины, способа действия, местонахождения и т.д.

Студенты, находясь в процессе обучения навыкам перевода, часто прибегают к дословному переводу. Даже на продвинутом этапе обучения, хотя качество перевода у них и становится выше, и они не переводят отдельные слова, студенты продолжают копировать структуру предложения английского языка, в результате чего предложение на русском языке приобретает ненужную комичность и звучит неестественно. Поэтому мы считаем важным уделять внимание обучению переводу олицетворения.

Рассмотрим следующий пример:

The Oxford trial will recruit people from a range of ages.

Большинство студентов при переводе не изменяют структуру оригинального предложения и предлагают следующий вариант перевода:

Оксфордское испытание будет набирать людей разных возрастов.

Данное предложение является показательным и собирательным примером того, как студенты воспринимают такого рода предложения. Частотность ошибки свидетельствует об отрицательной интерференции, которая возникает ввиду значительного погружения в среду английского языка и игнорирования необходимости изучения родного языка. Практика показывает, что студенты не воспринимают такую структуру предложения как ошибочную, ввиду чего при финальной проверке текста эта ошибка ускользает из поля их внимания.

Тем не менее, для составления грамотного предложения на русском языке нам следует изменить оригинальную структуру, а именно превратить подлежащее *the Oxford trial* в обстоятельство места. Тогда роль подлежащего возьмет на себя одушевленное существительное *people*, в результате чего мы получим естественное предложение на русском языке:

В Оксфордском исследовании примут участие люди разных возрастов.

Ввиду того, что такие предложения очень частотны в английском языке, крайне важно обучить студентов правильному алгоритму действий для достижения наиболее адекватного перевода.

Это можно осуществить следующим образом. В первую очередь, необходимо провести предпереводческий анализ и определить члены предложения. Если подлежащее выражено неодушевленным существительным, то для студентов это должно стать сигналом того, что в дальнейшем возможны определенные простановки. Очень важно донести до студентов мысль о том, что в русском языке неодушевленные существительные крайне редко могут активно выполнять какое-то действие, за исключением олицетворения-действия.

Следующий шаг нашего алгоритма заключается в поиске возможных альтернатив. Необходимо объяснить студентам, что если подлежащее выражено неодушевленным существительным, то в предложении могут быть другие одушевленные существительные, которые при переводе могут занять место подлежащего. Если такое существительное есть, то с еще большей долей вероятности перевод потребует синтаксических изменений.

После проведения подобного анализа можно приступить к выполнению перевода. В процессе обучения можно предлагать студентам делать два варианта перевода – с перестановками и без них – а затем сравнивать их с точки зрения правильности языка перевода. Такое сравнение поможет студентам лучше понять свои ошибки и в дальнейшем более тонко чувствовать родной язык.

Рассмотрим действие данного алгоритма на еще одном примере:

During the mid-19th century crusade to conquer the western frontier, macho ideals made the somewhat effeminate role of Romeo “unplayable” for male actors.

Мы видим, что подлежащим является неодушевленное и абстрактное существительное *ideals*, а сказуемое представлено глаголом действия *to make*. Таким образом, в переводе на русский язык никак не может появиться следующий вариант:

Во время крестового похода середины 19-го века по завоеванию западной границы мачо-идеалы сделали несколько женоподобную роль Ромео «неиграбельной» для актеров мужского пола.

Дальнейшим шагом является поиск одушевленного существительного, которое могло бы занять место подлежащего. В данном примере это существительное *actors*. Данный пример осложнен необходимостью выражения причинно-следственной связи, которая зачастую воплощается в английском языке как раз конструкцией «неодушевленное существительное (подлежащее) + глагол действия (сказуемое)», на чем также стоит акцентировать внимание студентов.

Успешное следование обозначенному выше алгоритму позволит получить следующее предложение на языке перевода:

В течение кампании по захвату западной территории в середине 19-го век мужским идеалом стали «мачо», из-за чего актеры мужского пола не могли играть роль слегка женоподобного Ромео.

При этом причинно-следственные связи выражены разбивкой предложения на 2 части и использованием союза *из-за*.

Таким образом, мы рассмотрели одну из частотных ошибок студентов, которая заключается в ложном олицетворении неодушевленных существительных, и разработали алгоритм действий, который поможет успешно избегать этой проблемы. Ознакомление с данным алгоритмом, который сопровождается комментариями относительно того, на чем следует акцентировать внимание студентов, поможет преподавателям перевода более успешно справляться с обучением студентов по данной теме.

О. В. Морозова, Е. Красникова, Ю. Михнюк

АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

Атрибутивные конструкции представляют собой один из наиболее распространенных типов свободных словосочетаний в современном английском языке. *Атрибутивная группа* – это цепочка определений, состоящая из нескольких элементов (например, из существительных в общем падеже и прилагательных, иногда из целого фразеологического единства или даже предложения), образованных соположением. В работе проанализированы языковые единицы, встречающиеся в книге «Социальная психология» Д. Майерса.

*To understand social behavior, we must consider both **under-the-skin** and **between-skins** influences.* – ‘Чтобы понять поведение масс, необходимо рассмотреть оба уровня восприятия: биологический и социальный’. Атрибутивные конструкции, образованные по формуле «предлог + существительное», переводятся на русский язык описательно.

*Under Nazi influence, many **decent-seeming** people became instruments of the Holocaust.* – ‘Под давлением нацистской идеологии многие люди, раньше казавшиеся порядочными, во время Холокоста стали настоящими машинами для убийства’.

Decent-seeming – безэквивалентная конструкция, образованная по формуле «прилагательное + причастие». При переводе используется причастный оборот.

*And you have exceptional **ego-strength**.* ‘И вы человек с очень сильным эго’.

Атрибутивные конструкции, образованные по формуле «существительное + существительное», в силу отсутствия аналогичной конструкции в русском языке, переводятся описательно.

People-watching is a universal hobby. As we observe people, we form ideas about how human beings think about, influence, and relate to one another. – ‘Изучение человеческой природы интересует многих. Мы наблюдаем за поведением людей и изучаем механизмы их мышления, взаимного влияния и отношений друг к другу’. При переводе этой конструкции наиболее удачным вариантом будет толкование.

Атрибутивная конструкция с внутренней предикацией – продуктивная модель в анализируемом тексте. В переводе на русский язык следующего предложения, конструкция переводится придаточным предложением: *As noted in Chapter 1, the success-feeds-self-esteem principle has led several research psychologists to question efforts to boost achievement by raising self-esteem with positive messages.* – ‘Как говорилось в Главе 1, принцип, согласно которому успех повышает самооценку, заставил некоторых психологов задуматься, можно ли достичь высоких результатов, стимулируя чувство самоуважения при помощи похвалы.

Атрибутивная конструкция переводится описательно – ‘принцип, согласно которому успех повышает самооценку’.

As those Princeton and Dartmouth football fans remind us, what guides our behavior is less the situation-as-it-is than the situation-as-we-construe-it. – ‘И, как показывает пример фанатов футбольных команд Принстона и Дартмута, наше поведение в большей степени обусловлено не *ситуацией*, каковой она является на самом деле, а ситуацией, какой мы ее себе представляем’. Атрибутивная конструкция с внутренней предикацией переводится на русский язык придаточным предложением.

They asked 76 University of Minnesota male students to have a get-acquainted phone conversation with 1 of 76 female students. – ‘76 студентов мужского пола из Университета Миннесоты попросили *познакомиться по телефону с одной из участниц эксперимента*’. Атрибутивная конструкция переводится описательно.

В следующем предложении в английском языке также используется атрибутивная конструкция с внутренней предикацией, однако в этом случае лучше прибегнуть к функциональной замене и использовать термин *эффект хиндсайта*: *Errors in judging the future's foresee ability and in remembering our past combine to create hindsight bias (also called the I-knew-it-all-along phenomenon).* – ‘Ошибочное представление о том, что будущие действия можно предсказать, и неверный анализ поступков в прошлом можно отнести к такому понятию, как «эффект хиндсайта»’.

Атрибутивная конструкция с внутренней предикацией – продуктивная модель в анализируемом тексте. В переводе на русский язык следующего предложения, конструкция переводится придаточным предложением: *As noted in Chapter 1, the success-feeds-self-esteem principle has led several research psychologists to question efforts to boost achievement by raising self-esteem with positive messages.* – ‘Как говорилось в Главе 1, принцип, согласно

которому успех поднимает самооценку, заставил некоторых психологов задуматься, можно ли достичь высоких результатов, стимулируя чувство самоуважения при помощи похвалы.’

Атрибутивные конструкции представляют собой один из наиболее распространенных типов свободных словосочетаний в современном английском языке. Многочисленность атрибутивных конструкций (21 пример на 50 страниц текста) в книге Дэвида Майерса доказывает, что данный вид словосочетаний является достаточно распространенным языковым явлением в психологическом дискурсе. Их перевод на русский язык представляет определенные трудности из-за неравноценности синтаксического и морфологического аспектов в английском и русском языках.

О. В. Морозова, А. Ковалева

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Научно-популярный текст имеет стилистически интегрированную природу. С одной стороны, относясь к научному стилю, он излагает научную информацию, содержание научно-популярного текста то же, что и собственно научного. Рассказывая о научном исследовании, современный автор научно-популярного текста чаще всего показывает его результат, при этом преднамеренно опускается основная часть логических доказательств и аргументации, поскольку автор старается придать тексту более яркую окраску.

Текст научно-популярной статьи, помимо общенаучной лексики и терминов, характеризуется наличием специфических лингвистических и стилистических средств, прямо или косвенно выражающих позицию автора по затрагиваемой в статье теме. Их употребление необходимо для адекватного представления достоверной информации в максимально доступной и увлекательной форме, а также связано с желанием автора убедить читателя в правильности своей точки зрения. Все это создает специфику научно-популярной статьи как особого жанра научно-популярного подстиля.

Автор научно-популярной статьи выступает как субъект познания и речи. На основе этого можно сделать вывод о том, что исследование языковых средств, реализующих категорию позиции автора, направлено прежде всего на изучение лингвистических способов выражения дополнительного структурно-семантического плана текста, указывающего на автора.

В тексте авторская оценка может быть выражена:

- качественными прилагательными, которые помогают определить описываемое или демонстрируемое в статье явление (*important, excellent, useful*);
- оценочными наречиями, которые выполняют ту же функцию, что и качественные прилагательные (*sadly, easily, surprising*);

- сочетанием оценочного наречия с глаголом (*Science has rightly focused on*);

- использованием модальных глаголов с целью эмоционального воздействия на читателя (*might, could, be able to*);

- использованием степеней сравнения для придания особой эмоциональности своей оценке (*to be certainly clearer, to be more useful for, the most important point is*);

- стандартными формулами выражения мнения автора: *I think* ‘я думаю’, *I consider* ‘я считаю’, *I do (not) claim, that* ‘я (не) утверждаю’, *it is important for me* ‘для меня важно’;

- вводными словами: *in my opinion* ‘по моему мнению’, *on the other hand* ‘с другой стороны’, *however* ‘однако’, *as for me* ‘касательно меня’, *as a result* ‘в результате’ и т.д.

Эти слова и выражения называются *модально-оценочными*. Таким образом, можно говорить о высокой степени выраженности субъективной, или авторской, модальности в тексте научно-популярной статьи. Для того чтобы вызвать интерес к предмету сообщения, а также показать свое отношение к описываемому, автор статьи может ввести в текст эмоционально-экспрессивную и оценочную лексику, например *there is no denying that* ‘бессмысленно отрицать, что’; *for the first time* ‘впервые’.

Для анализа были отобраны три англоязычные статьи различной тематики и выделены несколько наиболее значимых стратегий:

1) собственный вывод из предыдущей информации (*Based on that insight* ‘основываясь на этой догадке’);

Based on that insight, whenever the properties of a given element didn't fit the overall pattern, he famously left an empty spot in his table for an as yet undiscovered element. – ‘Основываясь на этой догадке, всякий раз, когда свойства элемента не вписывались в общую схему, он оставлял пустое место в таблице для еще не обнаруженного элемента’.

2) призыв к читателям, выделение определенной информации (*Let that sink in* ‘задумайтесь над этим’; *to us, ...* ‘для нас...’);

Let that sink in. Not Greek. Not Latin. ‘Задумайтесь над этим. Негреческий. Нелатинский’.

To us, a third source of inspiration seems plausible, one that would also explain Mendeleev's enigmatic use of the Sanskrit prefixes. – ‘Нам кажется правдоподобным третий источник вдохновения, который также объяснил бы загадочное использование Менделеевым санскритских приставок’.

3) подведение итогов, выделение главной информации (*Roughly speaking* ‘грубо говоря’);

Roughly speaking, the results were consistent with the subjects being unable to rotate the object in the mind's eye into a more “standard” orientation for comparison with internal idealized mental models. – ‘Грубо говоря, результаты показали, что субъекты не могли мысленно представить объект в более «стандартной» форме для сравнения с внутренними идеализированными ментальными моделями.’

4) заострение внимания на типичности примера (*Characteristically* ‘характерно, что; не удивительно, что’);

Characteristically, he set about writing his own – Osnovy Khimii [Principles of Chemistry] – between 1868 and 1870. – ‘Не удивительно, что он начал писать свой собственный учебник «Основы химии» между 1868 и 1870 годами’.

5) личная характеристика (*So strong indeed* ‘безусловно’);

...they're so strong indeed, that no philologist could examine them all three, without believing them to have sprung from some common source, which, perhaps, no longer exists. – ‘...они настолько сильные, что ни один филолог не мог бы исследовать их всех, не веря, что они произошли от общего источника, которого, возможно, больше не существует’.

6) выделение самой важной начальной информации (*First of all* ‘в первую очередь’; *and most importantly* ‘наиболее важным является...’);

First of all, both required a systematization of the basic building blocks of their subject, which in both cases turned out to be a periodic system. – ‘Прежде всего, обоим ученым была нужна систематизация основных строительных блоков своего предмета, которые в обоих случаях оказались периодической системой’.

And most importantly, how can we learn to see in genuinely new ways? ‘И самое главное, как мы можем научиться видеть все по-другому?’

7) привлечение внимания; новый подход (*Surprisingly* ‘на удивление’);

There is huge distance and still words sometimes sound surprisingly similar. ‘Между ними огромная разница, и всё же на удивление слова иногда звучат схоже’.

8) личный опыт (*I was interested* ‘я заинтересовался...’);

I was interested in this theory because if Einstein was right, we are bathed in these ripples but we have been blind to the information they carry – until now. – ‘Я заинтересовался этой теорией, потому что, если Эйнштейн был прав, мы купались в этих колебаниях, но до сих пор мы были слепы к информации, которую они несут’.

В результате анализа было установлено, что текст научно-популярных статей содержит специфические лингвистические и стилистические средства, выражающие позицию автора по затрагиваемой в статье теме. Позиция автора безоговорочно влияет на наше восприятие любой информации, а авторская оценка формирует мнение читателей.

Н. П. Науменко

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПОПОЛНЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ БИРЖЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Формирование новой терминосистемы проходит несколько этапов: формирование теории – специальное упорядочивание терминов в терминосистему; рост объема знаний – постоянное пополнение терминосистемы

новыми терминами; изменение теории – описание теории старыми терминами и внедрение впоследствии новых. При изменении и создании новой теории и новой терминосистемы остается часть предыдущих терминов и добавляются новые, связанные с новой областью знаний.

Биржевая терминология содержит ряд терминов, которые появились в течение последних лет. Некоторые из ранее употребляемых терминов приобрели новые и дополнительные значения, часть из них стала выходить из употребления, переходя в разряд устаревших. Это связано с интенсивным развитием технологий, их внедрением на бирже и с изменением характера биржевой деятельности. Все это не могло не отразиться на состоянии исследуемой лексики. В рамках данной статьи под *термином* понимается слово или словесный комплекс, существующие в рамках определенной замкнутой системы и отличающиеся семантической целостностью, контекстуальной независимостью, высокой информативностью и точностью. Под *биржевой терминологией* понимается совокупность терминов данной отрасли, образующая особый сектор лексики.

Источником биржевых терминов является, главным образом, *биржевая сводка* – документ, в котором сообщаются данные о сделках по зарегистрированным ценным бумагам на фондовой бирже. Биржевые сводки представлены в виде котировок и находятся на сайтах бирж в открытом доступе. Котировки являются результатами торгов по биржевым сделкам. Биржевая сводка – это жанровая разновидность официально-делового стиля административно-канцелярского подстиля. Это результат анализа различных характеристик и процессов, отражающий важнейшие объекты исследуемого явления. На результат влияют такие признаки как глубина анализа, способ обработки данных, а также место проведения анализа.

Исследуемые термины отбирались методом сплошной выборки из биржевых сводок, размещённых на сайтах англоязычных товарно-сырьевых бирж (Chicago Board of Trade (CME Group), Chicago Mercantile Exchange (CME Group), New York Mercantile Exchange (CME Group), MultiCommodity Exchange, European Energy Exchange, London Metal Exchange)), экономических журналов на английском языке (EnergyGlobal, Investing, Financial Times, The Newecoconferencekiev@i.uaconomy), Англо-русского словаря биржевых и экономических терминов. Объём выборки составил 350 терминологических единиц.

Биржа – форма регулярно действующего оптового рынка товаров, продающихся по стандартам и образцам (товарная биржа), ценных бумаг (фондовая биржа) и иностранной валюты (валютная биржа), а также рабочей силы (биржа труда). Товарная биржа концентрирует оптовый оборот по массовым, в основном сырьевым и продовольственным, товарам (цветные металлы, зерно, хлопок, сахар и др.). Различают универсальные и специализированные (по отдельным товарам или их группам) товарные биржи. На официальных фондовых биржах допускаются операции с акциями только крупных компаний; во многих странах возникают неофициальные фондовые

биржи, где обращаются любые ценные бумаги. Члены биржи делятся на брокеров и дилеров. Биржа устанавливает стандарты на биржевые товары, уровень цен (котировку) на товары и ценные бумаги, анализирует конъюнктуру спроса и предложения, распространяет деловую информацию.

Первые биржевые термины появились на латинском языке. Так, например, лексическая единица *bursa* 'биржа' впоследствии появилась и в других языках.

Биржа как рыночный институт включает в себя три составляющие: *a building* 'место', *merchants* 'купцы' (люди, осуществляющие товарообменные операции), *transactions of business* 'сделки'.

Годом зарождения биржи в качестве финансового института и началом развития английской биржевой терминологии считается 1569 г., когда появляется первая официальная биржа в Лондоне – *London Royal Exchange* 'Лондонская королевская биржа'. Первые биржи располагались в кофейнях, где и начал зарождаться биржевой жаргон, основанный на общелитературной лексике: *puts and refusals* 'предложения и отказы', *bulldog market* 'рынок бульдогов' (иностранный рынок в Соединенном Королевстве), *bulls* 'дилеры, играющие на повышении цен'.

В 1602 г. открылась товарная биржа в Амстердаме, которая начала осуществлять сделки с использованием ценных бумаг, в связи с чем появились такие термины, как: *securities* 'ценные бумаги', *share* 'акция', *paper* 'ценная бумага'.

Для номинации более сложных биржевых операций, функций и т.п. вводятся такие термины, как *capital gain* 'прирост капитала', *debt displacement* 'замещение долга', *price elasticities* 'ценовая эластичность'.

Строительство специального здания *London Stock Exchange* 'Лондонской фондовой биржи' привело к образованию терминов, связанных со структурными подразделениями бирж: *floor* 'торговый зал', *back office* 'подразделение банка, обслуживающее расчеты по биржевым сделкам'.

Необходимость конкретизации понятий привела к появлению многокомпонентных терминов: *price momentum* 'ценовой момент', *simple interest* 'простые проценты', *all equity rate* 'ставки любого акционерного капитала', *bond points* 'облигационные пункты'.

Также множество терминов были заимствованы из других сфер, напрямую связанных с биржевой деятельностью. Такие лексические единицы, как *assets* 'активы', *cash* 'наличный расчет', *creditor* 'кредитор', *debt* 'долг' были заимствованы из банковской терминологии.

Созданием новых технических устройств в период к. XIX – н. XX в., связанный с мировой научно-технической революцией, повлияло на возникновение нового пласта терминологии в биржевой торговле: *run off* 'отражение на ленте тикера цен на момент закрытия биржи', *ticker* 'механизм для получения информации о котировках', *ticker symbol* 'кодовое сокращение ценной бумаги для идентификации и передачи информации'.

В 1848 г. в США появилась *Chicago Mercantile Exchange* ‘Чикагская товарная биржа’, которая впервые использовала *futures* ‘фьючерсы – контракты на продажу товаров или финансовых средств для будущей поставки на товарную биржу’. С появлением фьючерсов возникла новая группа терминов, образованная от данного вида контракта: *futures contract multiple* ‘показатель фьючерсного контракта’, *futuresmarket* ‘фьючерсный рынок’, *theoretical futures price* ‘теоретическая фьючерсная цена’.

Развитие компьютерных технологий в 1970–1980 гг. привело к образованию нового пласта биржевой терминологии, связанной с компьютеризацией биржевой деятельности: *bank wire* ‘банковская компьютеризированная система’, *to monitor* ‘осуществлять мониторинг (контролировать)’.

С появлением *computer exchange* ‘компьютерной биржи’ увеличилось количество биржевых товаров, что привело к усложнению терминов и появлению многокомпонентных понятий. Для упрощения терминологических сочетаний наметилась тенденция к сокращениям: *zero balance account (ZBA)* ‘счет с нулевым балансом’, *weighted average cost of capital (WACC)* ‘средневзвешенная стоимость капитала’, *variable-rated demand bond (VRDB)* ‘облигация на предъявителя с переменной ставкой процента’, *value-at-risk model (VAR)* ‘модель риска стоимости’.

К сокращениям также относятся усечения, т.е. сокращения слов путем сохранения первого слога, реже второго и третьего: *ex* (*exchange*) ‘1. биржа; 2. обмен валют’; *fut* (*futures*) ‘срочные контракты’; *int* (*interest*) ‘процентный доход’.

Таким образом, формирование и пополнение биржевой терминологии зависит как от исторического фактора и развития биржевой деятельности, так и от особенностей функционирования фондового рынка.

Я. Э. Осипова

ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ОПОСРЕДОВАННОГО ПЕРЕВОДА

В связи с тенденцией расширения сотрудничества Республики Беларусь с ведущими международными финансовыми и экономическими организациями (МВФ, Всемирным банком, ЕБРР, Европейской экономической комиссией ООН, ЮНКТАД), а также традиционным участием страны в деятельности ООН, Движения неприсоединения, Организации по безопасности, встает вопрос о подготовке специалистов, готовых к межкультурной коммуникации не только с носителями английского языка, но и с людьми, для которых этот язык не является родным. Ч. Фергюсон отмечает, что большая часть коммуникации в мире ведется на языках, являющихся не родными языками говорящих, а вторыми или «энными», которые были приобретены тем или иным способом и используются по мере необходимости. Так, 400 млн человек называют английский своим родным языком, в то время

как 700 млн человек владеют английским как иностранным языком. Вышесказанное определяет актуальность включения опосредованного перевода в систему высшего лингвистического образования.

Стоит отметить, что в научной литературе до сих пор не существует единства в определении понятия *опосредованный перевод*. Так, в кратком словаре языковых контактов В. М. Панькина и А. В. Филиппова под опосредованным переводом понимается «перевод с перевода (с одного языка на второй, со второго на третий); в случае, если нет текста первоисточника или человек не знает оригинала, но знает язык сделанного перевода». В работах Д. Селескович, М. Шлесингер, Х. Миккельсон, Дж. Макинтош опосредованный перевод («Indirect Interpreting») является синонимичным понятию *эстафетный перевод* («Relay Interpreting») и реализуется во время масштабных многоязычных конференций в тех случаях, когда сложно найти переводчика каждой языковой пары, использующейся на мероприятии. Третьим «языком-посредником», в большинстве случаев, выступает английский. Следует помнить, что эстафетный перевод не относится к ситуациям, когда выступающий на английском языке не является его носителем. В связи с этим наиболее удачным определением опосредованного перевода является, на наш взгляд, следующее: перевод с регионального варианта языка-посредника на региональный вариант Лингва франка (З. Г. Прошина, 2018). Подчеркнем, что участники акта коммуникации (в том числе переводчик) не являются носителями языка.

В научной литературе выделяются три формы опосредованного перевода: 1) общение двух и более иностранцев с участием переводчика, для которого используемый вариант является чужим; 2) общение двух иностранцев без переводчика через английский как лингва-франка; 3) перевод текста, созданного носителем английского языка, погруженного в иноязычную культуру и использующего в своем тексте реалии этой культуры в виде ассимилированных и неассимилированных заимствований.

Сложность осуществления опосредованного перевода обуславливается множеством девиаций стандартного языка, в нашем случае – английского. Согласно словарю социолингвистических терминов, *вариантом* называется форма существования языка, представляющая собой модификацию инварианта, в качестве которого выступает 1) система и структура языка или 2) норма языка. Считается, что количество вариантов языка определяется количеством стран, население которых его используют. Б. Карчу (1996) выдвинул теорию концентрических кругов, схематично продемонстрировав плюроцентричность английского языка. Согласно его схеме в мире существуют три языковых сообщества, которые пользуются английским языком: производящие норму (внутренний круг), вырабатывающие норму (внешний круг) и зависящие от нормы (расширяющийся круг). Разница между кругами заключается в социальной роли языка: если во внутреннем круге английский язык является родным для говорящих на нем, то во внешнем круге – это второй официальный язык страны, а в расширяющемся круге английский

используется преимущественно в рамках межкультурной коммуникации. Из этого следует, что при опосредованном переводе переводчик имеет дело с вариантами расширяющегося круга, где у той или иной разновидности английского языка, ввиду зависимости от стандартного варианта, девиации проявляются наиболее ярко.

Девиации рассматриваются с разных позиций: например, З. Г. Прошина (2018) соотносит девиации с уровнями языка и выделяет фонетические и грамматические девиации, а также лингвистические инновации. В. В. Алимов (2011) предлагает обозначать отклонения от нормы термином *интерференция* и выделяет звуковую (фонетическую, фонологическую и звуко-репродуктивную); орфографическую; грамматическую (морфологическую, синтаксическую и пунктуационную); лексическую; семантическую; стилистическую и внутриязыковую интерференцию. Д. Жиль приравнивает термин *девиация* к термину *трудность* и рассматривает их с позиции восприятия слов, воспроизведения речи и культурных различий. Несмотря на разницу определений, вышеперечисленные авторы высказывают схожую мысль о том, что девиации/интерференции являются одной из самых актуальных проблем перевода и имеют негативное влияние на переводческий процесс. В то же время в обучении переводу внимание уделяется преодолению интерференции будущим переводчиком, но не развиваются умения реагировать на девиации в речи говорящего, преодолевать трудности восприятия, сохраняя при этом высокое качество перевода.

Анализируя возможные проблемы устного перевода и пути их решения, Д. Жиль (2009) отмечает, что большая когнитивная нагрузка во время перевода ведет к ситуации, когда, даже при наличии существенной подготовки и обширных познаний во многих сферах, переводчику требуется больше времени на декодирование высказывания, что может быть критичным в ситуации устного последовательного перевода. Кроме того, что при опосредованном переводе происходит т. н. *зашумливание*, под которым А. В. Козуляев (2019) понимает различные факторы, нарушающие постоянно идущий при переводе процесс синхронизации. В случае опосредованного перевода, такими факторами и можно назвать девиации.

Опосредованный перевод входит в содержание обучения в некоторых российских университетах, однако главным недостатком предлагаемых вариантов обучения является ориентация на письменную речь и практически полное отсутствие устной практики опосредованного перевода. Тем не менее, при обучении студентов устному последовательному переводу, необходимо обращать их внимание не только на культурно-маркированные лексические единицы, но и знакомить их с особенностями грамматической и фонетической структуры родных языков участников акта коммуникации. Делать это необходимо для того, чтобы студенты понимали причины возникновения девиаций в английском языке и знали, как преодолеть возможные трудности перевода, которые данные девиации вызывают. Знакомить студентов с вариантами английского языка целесообразно на материале

видеозаписей многоязычных конференций, саммитов и собраний. Аудиозаписи англоязычных выступлений людей, для которых английский язык не является родным собраны на таких вебсайтах как ello.org и speechpool.net. Преимуществом использования подобных банков речи является возможность подбора аудиозаписей конкретного варианта английского языка. Устные выступления не носителей английского языка можно также найти в репозитории речей европейской комиссии по ссылке <https://webgate.ec.europa.eu/sr/>.

Таким образом, главной особенностью устного опосредованного перевода является вариативность английского языка и наличие в его вариантах ряда девиаций. Отклонения от нормы вызывают у переводчиков трудности в восприятии текста и последующем воспроизведении перевода. Безусловно, невозможно познакомить студентов с каждым вариантом английского языка, более того, попытки выделения критериев отбора вариантов английского языка в обучении устному переводу еще не предпринимались. Нам представляется целесообразным знакомить студентов с вариантами английского языка, которые входят в круги Б. Качру, представленные наибольшим числом людей, использующих этот вариант. Материалами для обучения переводу могут послужить банки речей на английском языке как иностранном. Одним из критериев отбора вариантов английского языка, которые должны лечь в основу обучения студентов опосредованному переводу, может стать выделение внешнеэкономических партнеров Республики Беларусь. Анализ девиаций в речи представителей выделенного круга стран будут способствовать формированию у студентов межкультурной компетенции, базовых навыков опосредованного перевода и развитию умений преодоления вышеназванных видов интерференции.

В. С. Плютов

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА БИНАРНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С РУССКОГО ЯЗЫКА

Прилагательные, предполагающие наличие двух компонентов, или *бинарные прилагательные*, занимают значительный объем лексического корпуса русского языка. Более того, образование новых лексических единиц на основе данной модели является весьма продуктивным процессом, что подтверждается регулярным появлением все новых сложных слов, построенных по данной модели, в разных тематических пластах лексики: *четырёхпроцессорный, баннерообменный, вахтово-экспедиционный, оранжерейно-тепличный, селекционно-семеноводческий, водопроводно-канализационный и ряд других*.

В аспекте переводческих стратегий бинарные прилагательные представляют немалую сложность. Для удачного перевода довольно часто приходится выяснять смысловое значение того или иного термина и определять весомость каждого из формирующих компонентов. Нередко смысловое значение

представляется затуманенным и диктуется скорее сложившимися традициями, нежели логическими взаимоотношениями. Почему, скажем, нельзя просто сказать *ремонтные мастерские* вместо *ремонтно-механические мастерские*? Зацикленность на словесной составляющей может сделать перевод фразы неудобовоспринимаемым. *Machinery repair shop* вариант явно неудачный, так как непонятно, что именно ремонтируется – то ли спомощью некоей *machinery*, то ли сама *machinery*. Перевод *ремонтно-механическийцех* как *maintenanceshop* является наглядным примером опоры на логикосмысловую обработку информации, содержащейся в вышеприведенном словосочетании.

Следует отметить, что в русском языке нередко наблюдается явление избыточности, которое проявляется в употреблении большего количества слов, чем необходимо для выражения того или иного понятия. В значительной степени это относится к бинарным прилагательным. В этой связи от переводчика требуется применение определенных стратегий для достижения содержательной точности и ясности при передаче информации, заложенной в рассматриваемых речевых единицах.

Во-первых, не следует исключать процедуру *а б с т р а г и р о в а н и я*, которая предполагает сокращение некоторых элементов бинарных прилагательных и замену их одним или двумя существительными:

- чулочно-носочные изделия – *hosiery*;
- инженерно-технические работники – *engineers and technicians* или просто *engineers*;
- налично-денежный оборот – *cashflow*;
- проектно-сметная документация – *design estimates* либо *construction documents*;
- древесно-кустарниковые растения – *trees and bushes*.

Во-вторых, при передаче на английском языке таких прилагательных нередко можно сохранять бинарную структуру либо использовать союз *and* для соединения компонентов словосочетания, при этом необходимо не допускать нарушений семантической целостности информации:

- информационно-поисковая система – *information retrieval system*;
- челюстно-лицевая хирургия – *maxillofacial surgery*;
- социально-политический анализ – *sociopolitical analysis*;
- целлюлозно-бумажная промышленность – *pulp and paper industry*;
- строительно-монтажные работы – *building and assembly jobs*.

В-третьих, одно из двух прилагательных, которые составляют синтагму исходного языка, опускается во избежание тавтологии либо в силу того, что одно английское прилагательное вмещает в себя весь смысл словосочетания:

- социально-бытовое обслуживание – *social amenities*;
- контрольно-управляющая техника – *monitoring technology*;
- санитарно-пищевая микробиология – *food microbiology*;
- издательско-полиграфический комплекс – *polygraphic complex*.

Таким образом, при восприятии информации, заложенной в бинарных прилагательных, уровень форм не является преобладающим и не должен быть гиперболизирован. В процессе перевода важно передать логико-смысловые отношения, заложенные в переводимых единицах.

Т. В. Попова, В. Троян

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ С ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В условиях межкультурной коммуникации, то есть в ситуации, когда отправитель сообщения принадлежит к одной культуре, а получатель – к иной, проблема адекватности понимания текста, переводимого с одного языка на другой, в наши дни вызывает повышенный интерес у исследователей. Это обусловлено тем, что в процессе общения участвуют не просто разные личности, но и носители разных культурных и языковых картин мира. Ведь опыт отдельного человека формируется в рамках той культуры, в которой происходит становление его личности, и наша интерпретация событий и явлений обусловлена культурой, к которой мы принадлежим. Однако, несмотря на достижения переводоведения, не каждое слово находит свой эквивалент в другом языке. Так, существует категория культурномаркированных слов, именуемых реалиями, перевод которых способен озадачить порой даже опытного специалиста. Несмотря на значительный вклад ученых в решение этой проблемы, вопрос адекватной передачи чужой реалии на свой язык остается открытым и по сей день, что порождает необходимость дальнейших исследований в этой области.

Термин *реалии* объединяет «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода». Так, в своих исследованиях С. Влахов выделяет следующие группы реалий:

- географические;
- этнографические;
- этнические;
- характеризующие административно-территориальное устройство.

Прагматические различия между языками подлинника и перевода требуют осуществления соответствующих преобразований для естественного восприятия иностранным читателем. Эти многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования именуют *переводческими трансформациями*. Известный советский ученый А. В. Федоров описывает

четыре наиболее распространенных приема перевода слов-реалий: транслитерация либо транскрипция, перифрастический, уподобляющий и гипонимический переводы.

Анализ шести глав романа испанской писательницы Х. Наварро «Dispara, yo ya estoy muerto» и его русскоязычного перевода «Стреляй, я уже мертв» показал, что в данном отрывке преобладают этнографические (*hummus, babuchas, kibutz, rabino, rublo* и др.) и общественно-политические реалии (*shtetl, sóviet, pogromo, sultán, fellah* и др.), что обусловлено тематикой произведения.

Доминирующим видом трансформации является транслитерация (25). Далее следуют уподобляющий (5), перифрастический (4) и гипонимический (3) переводы. Нами также было обнаружено по 1 случаю использования приемов добавления и опущения. Оценивая целесообразность преобладания транслитерации при переводе, мы исходим из того, что этот прием способен обеспечить краткость сообщения без утраты специфичности называемого им предмета или явления. Как показывает анализ, транслитерация была использована в основном для передачи названий титулов (*zar, zarina, sultán, efendi, sharif*), наименования органов и учреждений (*Ojrana, Duma, sóviet*), предметов материального быта (*vodka, hummus, borsch, turbante, caftán, kufiya, babuchas*), религиозных понятий (*Bar Mitzvah, sinagoga, rabino, Alá, Mahoma, Yahvé, Tora, sabbat*), специфических для различных культур. Приблизительное значение транслитерированных реалий легко угадывается из контекста и не требует дополнительной консультации со словарем. На наш взгляд, эти слова естественно вплетаются в текст, не перегружая его, а наоборот, добавляя ему колоритности. Следует отметить также, что в силу частого использования в художественных текстах многие из транслитерированных слов-реалий были переняты другими языками как заимствования. В частности, производные из русского «zar», «zarina», «pogromo», «vodka», «Duma», «sóviet», «bolchevique», «menchevique» и «rublo» пополнили в свое время состав испанского языка. [Словарь RAE] Вместе с тем такие слова, как «Ojrana», «zarato» и «borsch», так и не вошли в словарь испанского языка.

Нами также был произведен сопоставительный анализ 28 предложений оригинального и переводного текстов романа, в результате чего у нас возникло подозрение, что работа была выполнена несколькими переводчиками. Это объяснило бы те многочисленные ошибки и неточности, которые были обнаружены нами в ходе исследования. Например:

¡Suéltale! ¡Suéltale! ¿Quieres ser como él? ¡Por Dios, suéltale! –

Последовать за ним! Последовать за ним, подумать только! ... Или ты думаешь, что попал бы туда же, куда и он? Бог мой, последовать за ним!

Примечательно, что большинство из них не связано с передачей национально-маркированных слов, а носит лишь содержательный характер. Однако, на наш взгляд, даже незначительные погрешности могут привести к неправильному пониманию, а иногда и конфликтам, особенно если речь идет об описании таких самобытных культур, как христианской, иудейской и арабской.

Таким образом, сложность перевода реалий заключается в том, что в тексте оригинала они представляют собой общеупотребительную, известную носителям лексику, в то время как в тексте перевода реалии выполняют не только номинативную, но и художественную функцию, помогая воссоздать национальный колорит подлинника. Следовательно, настоящий переводчик должен уметь распознать реалии в тексте и выбрать такой прием их передачи, который позволит сохранить национальную и историческую специфику оригинала и обеспечит его естественное восприятие читателем.

Г. С. Романов

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УСТНОГО ПЕРЕВОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ

Отличие оценки качества устного перевода в образовательном процессе студентов от профессиональной оценки объясняется главным образом характером ее направленности и той значительной долей внимания, которое уделяется самому процессу перевода, а не исключительно его окончательному результату. В связи с этим представляется логичным использовать на начальном этапе подготовки студентов оценку качества выполняемого ими перевода, исходя из психологических преимуществ такого подхода и его эффективности в плане профессиональной ориентации студентов. При этом необходим постепенный переход к оценке окончательного результата с целью большего участия преподавателя в повышении качества перевода и подготовки студентов к экзаменам, завершающим обучение в вузе. Возможное отличие между используемыми преподавателем критериями и требованиями рынка не представляет собой серьезной проблемы, поскольку оно обусловлено необходимостью достижения более высоких показателей уровня компетентности обучаемых, а не нормами и стратегиями, используемыми профессиональными устными переводчиками.

Оценка качества перевода имеет особое значение как в профессиональном, так и дидактическом плане. На протяжении долгого времени в специальной литературе эта проблема рассматривалась едва ли не исключительно с точки зрения преподавателей, которая, с одной стороны, отражала их личные представления относительно ситуации на рынке, а с другой – те нормы, которые, по их мнению, являются оптимальными для рынка независимо от его реальных запросов. Впоследствии переводческое сообщество осознало необходимость непосредственного изучения ожиданий и реакции своих клиентов. Оно также пришло к пониманию важности учета всех факторов, определяющих качество переводческих услуг, а именно специфику заказа и, в частности, сам тип заказчика. Поэтому цель уже не заключается в достижении некоего абсолюта в плане качества, а в стремлении добиться конкретного уровня качества, определяемого теми или иными обстоятельствами, в которых осуществляется переводческая деятельность, или соб-

ственно личностными характеристиками пользователей. Речь идет о таких компонентах, как лексико-семантические, синтаксические, стилистические, артикуляционные и просодические, прагматические и стратегические характеристики дискурса устного переводчика. Примерами специфики рынка переводческих услуг могут быть официальные выступления в рамках той или иной международной организации и последующие за ними беседы в кулуарах, политические дискуссии во время проведения круглых столов, брифинги, пресс-конференции и т.д.

В отличие от традиционной ориентации исследователей на предъявляемый заказчику конечный **результат** деятельности переводчика **процесс** перевода представляется не менее важным и должен оцениваться в соответствии с его особенностями.

1. Оценка профессиональной компетентности осуществляется представителями двух сторон: переводчиками (студенты-одноруппники, которые слушают друг друга) и преподавателем (выступающим в роли организатора учебного перевода). Студенты могут делать свои комментарии и предлагать собственные варианты. Преподаватель выполняет примерно ту же функцию и при необходимости просит обратить внимание на определенные моменты, влияющие на качество перевода (говорить громче и четче, избегать посторонних звуков при поиске информации в своих документах, не допускать слишком большого отставания от оратора, выдерживать ровный темп речи и т.д.). Такая реакция со стороны преподавателя приобретает характер своеобразной нормы, которой должны следовать обучаемые.

2. Компоненты обучения синхронному переводу. Предполагается, что в начале своего обучения данная категория студентов уже едва ли не полностью овладела своими будущими рабочими языками (что, к сожалению, не всегда соответствует действительности), а также имеет достаточно высокий уровень общей культуры. Таким образом, теоретически обучение такому роду перевода заключается прежде всего в становлении соответствующих навыков и умений и при необходимости в сообщении дополнительных знаний из области терминологической лексики определенной тематики, являющейся наиболее востребованной на конкретном рынке услуг переводчиков-синхронистов (государственное и политическое устройство различных стран, международное право, финансы и экономика, здравоохранение, охрана окружающей среды и т.д.). Ознакомление с технологией синхронного перевода осуществляется на трех уровнях: методологическом, когнитивном и языковом.

2.1. Методологический уровень.

Выполнение устного перевода означает понимание смысла исходного сообщения и его реформулирование на другом языке, а также умение осуществлять подготовку к переводу путем ознакомления с соответствующей документацией, составления тематических глоссариев и т.д. Основопологающим и наиболее сложным элементом здесь является умение принимать практически мгновенно оптимальные переводческие решения в условиях

постоянно возникающих трудностей различного рода: слишком быстрый темп речи оратора и не всегда хорошая дикция, двусмысленность неправильно оформленных фраз, социокультурная специфика выступления, невозможность найти эквивалент на языке перевода, проблемы технического характера и т.д.

Умение переводить – это также владение определенными нормами и стратегиями, которые могут меняться, например, в зависимости от социального статуса коммуникантов. Учитывая все эти факторы, и в частности постоянную когнитивную нагрузку на устного переводчика (в отличие от письменного), он вынужден иногда сознательно опускать некоторые фрагменты с целью сохранения других, которые кажутся ему более значимыми. Кроме того, сюда же можно отнести и навыки ведения сокращенной переводческой записи при последовательном переводе и умение использовать соответствующие технические средства в ходе синхронного перевода.

2.2. Когнитивный уровень

Все виды устного перевода представляют собой в силу предъявляемых к ним требований сложный когнитивный комплекс. Не имея глубоких знаний в области обсуждаемых специалистами вопросов, переводчик должен тем не менее достаточно хорошо понять смысл исходного сообщения для адекватной передачи его на переводящем языке. При этом переводческие решения должны приниматься мгновенно (в случае синхронного перевода) или же в течении нескольких минут (если речь идет о последовательном переводе). Отсутствие необходимого объема оперативной памяти может привести к коммуникативным сбоям при переводе. Поэтому в ходе обучения студенты должны приобрести минимальные когнитивные навыки, позволяющие им справляться с указанными трудностями устного перевода.

2.3. Языковой уровень

Помимо обогащения своего словарного запаса обучаемые приобретают специфический языковой багаж в виде наиболее важных для устного перевода фонологических, грамматических, стилистических и прагматических норм и правил, соблюдение которых позволит избежать различных видов интерференции и сэкономить время путем использования различных перифраз при переводе неизвестных терминов.

Н. М. Селуянова

ОШИБКИ В ПЕРЕВОДЕ И УПОТРЕБЛЕНИИ ХИМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (на материале итальянского языка)

Основные ошибки в переводе и употреблении химических терминов связаны с неправильным пониманием смысла текста и самой терминологии, пробелами в знаниях, нежеланием и неумением пользоваться словарями и справочными материалами. Специфика перевода химических терминов заключается в обеспечении абсолютной идентичности понятий, выражаемых

терминами двух языков. Найти правильный вариант, соответствующий данному конкретному тексту, можно лишь тогда, когда хорошо разбираешься в существе переводимого материала.

Рассмотрим ошибки в переводе и употреблении некоторых химических терминов.

Несколько лет назад в итальянских газетах появились сообщения о том, что продукты, в состав которых входит *amido* ‘крахмал’, могут стать канцерогенными, если их разогреть до высокой температуры. Например, это относилось к жареному картофелю. Здесь возникает проблема с термином *amido*, использование которого в данном случае неверно. Дело в том, что в англоязычном первоисточнике было слово *acrylamide* ‘акриламид’, ‘амид акриловой кислоты’, не имеющее ничего общего с итальянским словом *amido*. Если бы переводчик заглянул в словарь, то обнаружил бы, что на языке оригинала термин *amide* обозначает ‘амид’ (чаще используется во множественном числе и означает производные кислот, в которых гидроксильная группа заменена на аминогруппу) и соответствует итальянскому *ammide*. Если бы переводчик открыл еще и справочник по химии, то увидел бы, что крахмал и амиды – это не одно и то же. Эквивалентом итальянского слова *amido* будет английское *starch* ‘крахмал’. Химический термин *acrylamide* должен переводиться на итальянский язык как *acrilammide* ‘акриламид’ либо *ammide acrilica* ‘амид акриловой кислоты’. Это и есть очень токсичное соединение, образующееся в пище при высокой температуре.

Проблема с употреблением итальянского термина *amido* существует и в криминалистике, где вещество, необходимое для выявления присутствия крови на скрытых отпечатках пальцев (оно окрашивает белок крови в синечерный цвет), называют *amido black*. Видимо, данный выбор обусловлен влиянием немецкого термина *amidoschwarz*, который в английском языке имеет эквивалент *naphthol blue black* ‘азокраситель нафтоловый синечерный, нафтол синечерный’. Но логичнее было бы переводить данный термин как *nero ammidico* ‘черный амид’, взяв за основу слово *ammide* ‘амид’, поскольку при выявлении следов рук вышеуказанное химическое вещество вступает в реакцию с белковыми компонентами крови, а в белках присутствуют амиды аминокислот. В русском языке можно встретить все вышеуказанные варианты названия красителя, но чаще употребляется самый правильный – черный амид.

В химии термин *ароматический* (*aromatico*) имеет несколько иное значение по сравнению с тем, к которому мы привыкли в повседневной жизни. *Ароматические углеводороды* (*idrocarburi aromatici*) – это химические соединения, обладающие характерным неприятным запахом. Поэтому не следует употреблять по отношению к данным веществам существительные *profumo* ‘аромат, благовоние, приятный запах’ и *aroma* ‘аромат’. Лучше использовать слово *odore* ‘запах’. Наличие термина *ароматический* в названии химических соединений имеет конкретное объяснение. Дело в том, что вначале он использовался применительно к продуктам природного происхожде-

ния, которые имели ароматный запах. Поскольку среди этих соединений было много таких, которые включали бензольные кольца, термин стали применять к любым соединениям (в том числе имеющим и неприятный запах), содержащим бензольные кольца.

Следует обратить внимание на прилагательное *chimico* ‘химический’, которое часто используется в значении *nocivo* ‘вредный’, *tossico* ‘токсичный’. Естественно, существуют вредные и токсичные химические элементы, но есть и много таких, которые являются абсолютно безвредными и даже жизненно необходимыми. Например, без воды и кислорода человеческий организм погибает, нехватка ферментов вызывает различные заболевания, но вода, кислород и ферменты – это химические вещества. Учитывая данный факт, переводчики должны быть внимательными при выборе синонимов и антонимов, отдавать себе отчет, что прилагательное *chimico* ‘химический’ не всегда является синонимом слов *artificiale* ‘искусственный’, *sintetico* ‘синтетический’ и антонимом прилагательных *naturale* ‘натуральный’, *salubre* ‘полезный для здоровья’, а также ориентироваться на контекст.

Интерес представляет описание солнцезащитных кремов, которое дает в рекламе один итальянский врач-дерматолог: “*Sono stati immessi sul mercato nuovi prodotti assolutamente naturali, che non contengono sostanze chimiche. Nuovi filtri a base di biossido di titanio, ossido di ferro e di zinco*” ‘На рынок поступили абсолютно натуральные продукты, не содержащие химических веществ. В основу входят новые фильтры – диоксид титана, оксид железа и цинка’. Но титан, железо и цинк – это элементы таблицы Менделеева и некорректно говорить об отсутствии химических веществ в этих продуктах. Можно предположить, что врач употребил здесь слово *chimico* в значении ‘вредный’. Данные элементы, входящие в состав кремов, являются физическими фильтрами, поэтому не таят серьезной опасности и защищают кожный покров от ультрафиолетовых лучей. При переводе на русский язык следует учитывать все вышесказанное и переводить *sostanze chimiche* не как ‘химические вещества’, а как ‘вредные вещества’ во избежание нелепости высказывания.

В качестве эквивалента английского термина *brine* ‘соляной раствор’ в некорректных переводах можно встретить итальянское существительное *brina* ‘иней’. Это происходит, вероятно, по причине схожего написания двух существительных. Из-за своей некомпетентности, нежелания внимательно изучить контекст и лишний раз заглянуть в словарь переводчик лишает перевод всякого смысла. Понятно, что *brina* является эквивалентом английского существительного *frost* ‘иней’. Практически ту же ошибку допускают неквалифицированные переводчики при переводе с английского языка термина *lattice* ‘решетка’ (например, *ionic lattice* ‘ионная решетка’). Данное слово в обоих языках пишется одинаково, но имеет разные значения. Английский термин принимается за итальянский и переводится неправильно, что приводит к полному искажению смысла. На итальянском языке *lattice* или *latice* – это ‘латекс, млечный сок’, т.е. молочко, которое выделяют различные растения. Термин происходит от латинского *latex*, которое как раз и используется в английском языке для

выражения данного значения. Эквивалентом же английского термина *lattice* в итальянском языке является слово *reticolo* (например, *il reticolo di molecole* ‘молекулярная решетка’).

Английский термин *nitrogen* ‘азот’ часто переводится на итальянский язык как *nitrogeno*. Но это неправильно, т.к. в итальянском данный химический элемент называется *azoto*. Английский термин *nitrogen* происходит от латинского *nitrogenium* ‘рождающий селитру’, а итальянский *azoto* – от греческого *azoos* ‘безжизненный’ (префикс *-a*, выражающий отрицание или отсутствие основного слова, и *zoe* ‘жизнь’). В русском языке, как и в итальянском, прижилось название *азот*. Что же касается химического символа, то он одинаков для всех – N.

Таким образом, во избежание ошибок в переводе и употреблении химических терминов необходимо хорошо ориентироваться в данной области научного знания, иметь и постоянно совершенствовать запас терминов, знать и понимать их значение, уметь выбирать из множества вариантов тот, который соответствует данному контексту, использовать словари, энциклопедии и справочники.

Е. В. Стефанова

РЕГУЛЯТИВНЫЕ СРЕДСТВА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Лингвистические и экстралингвистические средства служат основой презентации разного вида информации в публичных выступлениях, главное правило которых, по мнению С. М. Халина, – не только сообщение фактов, но и разъяснение, обобщение представленного материала и демонстрация соответствующих выводов.

Н. С. Болотнова выделяет различные типы регулятивных средств: лингвистические (ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные, синтаксические) и экстралингвистические (композиционные, логические, графические). Наряду с эмотивной, апеллятивной, волюнтаривной, социальной, фатической функциями текста выделяют и регулятивную функцию, которая определяет его прагматику. По словам Н. С. Болотновой, «она заключается в способности текста управлять восприятием и интерпретационной деятельностью благодаря особому отбору средств и организации текста в соответствии с авторской интенцией».

Восприятие, в свою очередь, неразрывно связано с пониманием и интерпретацией прочитанной и услышанной информации. Так, Т. А. ван Дейк говорит о том, что понимание дискурса – это «истолкование его ментальной модели или интенций (ментальных моделей) говорящего».

Известно, что название выступления обычно выражает макроструктуру или тему дискурса. Таким образом, манифестацией регулятивной функции названия выступления является заинтересованность и привлечение внимания слушающих.

Для проведения исследования были отобраны 7 публичных выступлений (выступления формата TED Talks). Цель исследования – выявление наиболее употребительных регулятивных средств в англоязычных публичных выступлениях сельскохозяйственной направленности с фиксацией их количественного параметра.

Принятые обозначения: РС – регулятивное средство, В – выступление, продолжительность указана в скобках: В1 – *A forgotten ancient grain that could help Africa prosper* (15:12); В2 – *Are indoor vertical farms the future of agriculture?* (9:44); В3 – *How urban agriculture is transforming Detroit* (12:11); В4 – *Without farmers, you'd be hungry, naked and sober* (8:57); В5 – *A global food crisis may be less than a decade away* (17:19); В6 – *Crop insurance, an idea worth seeding* (9:50); В7 – *The case for fish farming* (15:07).

Полученные результаты приводим в форме таблицы. Цифровые обозначения (выделены курсивом): 1 – повторная номинация; 2 – эпитет; 3 – метафора; 4 – сравнение; 5 – дейктические местоимения I/you vs we/they; 6 – анафора/эпифора; 7 – ретардация; 8 – антитеза; 9 – полисиндетон; 10 – вопросы (в т.ч. риторические).

Т а б л и ц а

РС	В1	В2	В3	В4	В5	В6	В7
1	7	1	1	1	–	2	–
2	4	3	1	2	4	2	3
3	2	1	3	2	3	4	4
4	2	1	1	2	1	1	8
5	<i>I (17) you (2) we (4) they (1)</i>	<i>I (9) you (16) we (8) they (0)</i>	<i>I (20) you (4) we (12) they (34)</i>	<i>I (13) you (17) we (42) they (11)</i>	<i>I (16) you (7) we (42) they (3)</i>	<i>I (13) you (15) we (14) they (8)</i>	<i>I (8) you (14) we (60) they (1)</i>
6	1	1	7	2	4	2	2
7	2	–	–	1	1	–	1
8	4	1	3	5	5	2	1
9	<i>if (1)</i>	–	<i>and (1)</i>	–	–	–	<i>and (1)</i>
10	6	0	1	13	8	5	7
Итого РС:							
53	41	88	111	94	68	110	

Как видим, большее количество РС зарегистрировано в 2 выступлениях: В4 и В7. При этом обращаем внимание на продолжительность выступлений: В4 – 8 мин 57 сек, а В7 – 15 мин 7 сек.

Представленные научно-популярные публичные выступления обладают характеристиками устной речи (повторы, уточнения, простые предложения, жесты, мимика, варьирование темпа/громкости речи и др.), но в то же время

отмечаем характеристики, присущие формальному стилю (стройность и логичность композиции, последовательность изложения, использование терминов, их пояснение, сложные предложения и др.).

Немаловажным параметром отнесения данных выступлений к научно-популярному дискурсу является эвиденциальность (ссылки на результаты проведенных исследований). При использовании большего количества ссылок на другие источники информации создается уверенность в том, что представленные в публичном выступлении факты являются достоверными и убедительными. Так, выступающие ссылались на слова известных личностей (*Senegal's first president Léopold Sédar Senghor; the great ocean hero Jacques Cousteau; Muhammad Yunus, who won the Nobel Peace Prize*), опубликованные данные (*a recent Guardian article; the latest agricultural census/the latest prediction of the UN; the International Monetary Fund; the WWF; the World Health Organization* и др.).

Ссылка на авторитетное лицо, организацию, данные исследований наряду с повторением, аффирмацией сказанного и *captatio benevolentiae* (лат. 'снискание расположения') не только привлекают внимание к значимости описываемого события или действия, но и одновременно являются средствами суггестивного речевого воздействия (от лат. *suggestio* 'внушение').

М. О. Тригук, Я. И. Коваль

ПЕРЕВОД АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В условиях глобализации и взаимного интереса представителей разных культур к событиям, происходящим в разных странах, возрастает роль перевода в процессе коммуникации. Активно переводятся газетные тексты, в структуре которых выделяется заголовок. По мысли Э. А. Лазаревой, заголовок – это первый сигнал, побуждающий нас читать материал или отложить его в сторону.

Как правило, заголовок сообщает основную мысль газетной статьи, обращает внимание читателя на наиболее интересную информацию, не раскрывая ее сути, тем самым побуждая ознакомиться с материалом детально. В первую очередь заголовок служит для привлечения внимания читателя и лишь во вторую – выполняет информационно-разъяснительную функцию.

Для качественного перевода газетных заголовков важно свободно владеть лексикой газетного жанра, уметь находить и различать все грамматические особенности заголовков, обращать внимание на стилистические приемы, а также устанавливать связи между элементами заголовка и заголовка с текстом.

Проанализируем приемы перевода англоязычных газетных заголовков на русский язык на материале газеты *The New York Times*.

При наличии возможности переводчик использует прием буквального перевода: *Surging Traffic Is Slowing Down Our Internet* ‘Растущий трафик замедляет Интернет’; *Crisis in the Sahel Becoming France’s Forever War* ‘Кризис в Сахеле становится вечной войной Франции’; *Coronavirus Crisis Awakens a Sleeping Giant: China’s Youth* ‘Кризис коронавируса пробуждает спящего гиганта: молодежь Китая’; *Rich Europeans Flee Virus for 2nd Homes, Spreading Fear and Fury* ‘Богатые европейцы спасаются от вируса в своих вторых домах, распространяя страх и ярость’.

Чтобы перевод с ИЯ на ПЯ был осуществлен адекватно, переводчику необходимо уметь пользоваться специальными приемами, которые в лингвистической литературе получили название трансформаций.

К а л ь к и р о в а н и е. Заголовок *The Real German Warning for Cold War II* ‘Предостережение Германии о второй холодной войне’. В приведенном примере термин *Cold War* был калькирован и дословно переведен на русский язык, тем самым привнеся в язык новый термин *холодная война*.

Л е к с и ч е с к о е д о б а в л е н и е. При переводе заголовка *The Deep Policy Failures That Led to Ukraine* ‘Глубокие политические провалы, приведшие к событиям в Украине’ переводчику понадобилось добавить слово *события* для передачи полного смысла заголовка.

П р и е м о п у щ е н и я. В заголовке *Defiant Putin pushes tanks to Ukraine border* ‘Путин направляет танки к украинской границе’ слово *defiant* означает ‘вызывающий, неповинующийся, дерзкий, непокорный’. Применение опущения вызвано этическими требованиями. В заголовках русскоязычных статей такого рода определения к высокопоставленному человеку не принято употреблять, т. к. они дискредитируют его.

П р и е м к о н к р е т и з а ц и и. В заголовке *The Most Surprising Things About America, According To An Indian International Student* ‘Самое удивительное в Америке с точки зрения индийского студента’ использована лексема *student*, которая в английском языке имеет более широкое значение, чем в русском ‘студент, учащийся, ученый’. Содержание статьи дает переводчику четко понять, что речь идет о студенте, проходящем стажировку в компании Кремниевой долины. Для выражения данного смысла подходит слово *студент*, формально воспринимающееся как совпадающее с английским.

Более четко конкретизация видна в следующем примере *A Mathematician Says Schools Are Too Easy* ‘Математик: школьная программа в США слишком проста’. Поскольку на русском языке выражение ‘школы слишком просты’ не передает весь смысл и даже искажает его, то его следует заменить выражением ‘школьная программа’.

В заголовке *Edward Snowden's Half-Baked Revolution* 'Недоделанная революция Сноудена' используется метафора *half-baked revolution*, которую нельзя сохранить при переводе на русский язык. Сочетания 'недопеченная революция' или 'полусырая революция' нарушают нормы сочетаемости в русском языке. Переводчик, стремясь сохранить выразительность и выразить смысл, использует прямое значение лексемы *недоделать* (*недоделанная революция*). Однако данное выражение нарушает нормы сочетаемости, поскольку по-русски слово *революция* выступает в сочетаниях *совершить революцию*, *революция не удалась*, *революция провалилась*. Можно предложить такие варианты перевода заголовка *Неудавшаяся революция Сноудена* или *Провалившаяся революция Сноудена*.

Прием экспликации. В заголовке *Britain seeks travel ban on Russian MPs over Crimea* 'Британия по причине аннексии Россией Крыма вводит санкции на въезд в страну членов российского парламента' использована аббревиатура *MPs*, которая расшифровывается как *Members of Parliament*. В русском языке выражение *член парламента* не сокращается, поэтому при переводе этого заголовка на русский язык переводчик дает полный перевод.

Грамматическая замена. Смысл заголовка *In The Ukraine Crisis, The U. S. Has A Credibility Problem* понятен, но не может быть передан аналогичной грамматической структурой. Предложен следующий вариант перевода 'Вопрос доверия к США в условиях украинского кризиса'.

Итак, из анализа приемов перевода заголовков становится ясно, что перевод газетных заголовков требует трансформаций, применение которых обусловлено семантическими и синтаксическими несовпадениями, несовпадением норм сочетаемости в ИЯ и ПЯ, этическими ограничениями, стремлением к полной передаче смысла. Умение выбирать прием перевода, легко использовать нужный тип трансформации – залог адекватного перевода.

Д. Н. Шаповаленко

ПРИРОДА ОДНОЙ «ОШИБКИ»

Сколько бы теоретики и критики перевода не клеймили позором буквальный или близкий к нему перевод, но вначале все-таки было слово и главным в переводе остается слово: любая мысль идеальна, а материализуется она в слове, что и происходит с идеями и интенциями автора. Поэтому тщательная работа над каждым словом подлинника – это задача каждого добросовестного переводчика, и она никогда и никем не отменялась. Можно прикрываться громкой фразой о том, что в художественном переводе на первом плане для переводчика находится передача эстетического потенциала художественного произведения, поскольку именно эстетическое воздействие на читателя

декларируется в качестве его основной функции. Причем и главным критерием оценки качества художественного перевода в современной теории неоспоримо считается адекватность эстетического и прагматического воздействия исходного текста и его перевода. Но хотим мы этого или нет, а читатель в первую очередь воспринимает предметное содержание и язык автора, т.е. слово, в котором оно передается. Для большинства читателей первичны сюжет, интрига, персонажи, характер действия в произведении, и он верит не только в то, что перевод книги полностью соответствует подлиннику в его объеме, но и во всех планах содержания этого подлинника, включая в первую очередь предметное: о чем и о ком пишет автор, а вот как он об этом пишет, в каких выражениях, с использованием каких стилистических средств и приемов – это уже эстетика, которая нередко вторична и представляет собой как бы задний план театральной сцены, и в восприятии читателя зачастую неоднозначна и весьма личностна. Отсюда нередко можно услышать, что произведение, а точнее его перевод, одному читателю нравится, а другому – нет.

Поэтому задача художественного переводчика, на мой взгляд, заключается в первую очередь в том, чтобы передавать в переводе все то, что написано автором и так, как это написано, только в иной знаковой системе, т.е. переводящим языком. Если писатель точен в выборе лексических средств, использовав конкретное слово из синонимического ряда, то и переводчик должны быть таким же точным; если автор использует просторечные формы, иноязычные вкрапления, то и переводчик обязан неукоснительно следовать в его русле.

В. В. Набоков говорил, что в причудливом мире словесных превращений существует три вида грехов. Первое и самое невинное зло – очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию. Это обычная человеческая слабость – и вполне простительная. Но настолько ли она простительна, следует ли прощать переводчика, когда в подлиннике одно, а в переводе нечто иное, иногда совершенно непонятное или даже вообще несуразное? Простить неточности или ошибки можно переводчикам дореволюционной поры и первой половины прошлого века, когда они были лишены сегодняшних широчайших возможностей поиска необходимых лексических соответствий, ведь даже двухтомный Большой немецко-русский словарь под редакцией проф. О. И. Москальской вышел в свет всего-то в 1969 году. Интернет с его почти неограниченными поисковыми возможностями, электронные словари и форумы переводчиков вошли в повседневный оборот не так давно, на памяти одного поколения. Сейчас, к тому же кроме «бумажных» словарей, существует обширная лексикографическая база! И поэтому становится очень грустно, когда среди переводов, в большинстве своем выполненных добросовестно, выявляются примеры с явными искажениями, неточностями и грубыми лексическими и содержательными ошибками, когда одна ложка переводческого дегтя портит впечатление от прочитанного

и несправедливо создает неверное представление об авторе. Ведь наш усредненный читатель оценивает его произведение именно по переводу. Здесь следует отметить, что страдают этой «болезнью» в большей степени переводы, сделанные в постперестроечный период, а «XXI в.» грешил этим в меньшей степени.

Занимаясь подготовкой для немецко-русского корпуса параллельного текста на основе оригинала романа Э.-М. Ремарка «Der Himmel kennt keine Günstlinge» и его нового полного перевода на русский язык «Жизнь взаимы», выполненного в 2018 г. известным российским переводчиком М. Л. Рудницким в московском издательстве «АСТ», я натолкнулся в одном пассаже на фразу *Herunter mit dem verdammt Gashebel*, которую воспринял как нежелание водителя давить на педаль газа. Основанием для такой уверенности послужило обращение к словарю, где значится *herunter damit!* — *долой!* Но прежде следует взглянуть на сам пассаж: *Weber liegt vorne. Es ist egal, was ich mache. Es ist nicht egal! Wie sich das dreht! Die Karre ist doch kein Flugzeug! **Herunter mit dem verdammt Gashebel!** Angst ist schon der halbe Unfall!*

Интересно было взглянуть на английский перевод как на своеобразный текст-донор, выполненный Ричардом и Кларой Уинстон, который представляет собой практически полную кальку: *Weber is ahead. It doesn't matter what I do. It does matter. How it whirls! This jalopy isn't a plane. **Down with the damned gas pedal.** Fear is halfway to an accident.* В данном случае читатель вправе воспринимать текст так, как он его понимает лично, но и английские словари тоже дают для этого выражения значение 'долой'.

Еще в 1960 г. Л. Б. Черная сделала сокращенный перевод этого романа, и там этот пассаж выглядит следующим образом: *Впереди Вебер. Не все ли равно, с какой скоростью я буду ехать. Нет, не все равно. Что-то крутится перед глазами. **Проклятый акселератор, я должен на него нажать!*** Сравнивая с переводом М. Л. Рудницкого, можно выявить как явные расхождения, как и схожие варианты: *Вебер впереди идет. Плевать, как я доеду. Как же, черта с два плевать! Ишь, как трасса петляет! Это же вам тачка, не самолет! **Да жми ты на газ, черт побери!** Аварии бояться – счастья не видать!* И в первом и во втором случаях бросается в глаза расхождение в переводе фразы *Wie sich das dreht!* Л. Б. Черная – *Что-то крутится перед глазами!* М. Б. Рудницкий – *Ишь, как трасса петляет!*

Интересно, что и в двух переводах на украинский язык Ю. Винничука и Р. Попелюк, Ю. Микитюка и Х. Николиной этот пассаж весьма схож с русскими вариантами: *Вебер попереду. Чи не однаково, з якою швидкістю мені їхати? Все ж таки не однаково! Щось крутиться перед очима! **Натиснути кляту педаль газу!** Страх – то вже половина катастрофи!*

Однако эта фраза никак не может быть переведена по Рудницкому как *Ишь, как трасса петляет!* Попробуйте сделать обратный перевод, и получите ли вы соответствие исходному тексту? Да и вариант Л. Б. Черной – *Что-*

то крутится перед глазами. – тоже далек от контекста. А наш герой, по моему ощущению, думает при этом, ‘*Как же всё оборачивается*’: ему с одной стороны всё равно, как он доедет, и далеко не все равно – надо команду выручать! И тут у главного героя появляется чувство беспокойства или страха, от которого один шаг до аварии! Поэтому он подстегивает себя фразой ***Herunter mit dem verdammten Gashebel! - Пропади пропадом эта проклятая педаль газа!*** Причем по Ремарку довольно трудно определить, что же последует дальше, станет ли герой романа безудержно гнать машину, давя на педаль газа, или проявит благоразумие и осторожность. Но у нескольких переводчиков картина иная: они видят наречие *herunter*, понимая его как указание движения вниз, и заставляют водителя давить на педаль газа! А стоит внимательно посмотреть в словарь, и мы увидим, что наречие *herunter* в сочетании с предлогом *mit* получает собственное фразеологически связанное значение и указывает на снижение чего-то, прекращение действия, и почти полсотни натуральных немцев, носителей языка и, к тому же, работников автошкол на вопрос, как поведет себя водитель, если внутренний голос будет подсказывать ему: *Herunter mit dem verdammten Gashebel!* – в один голос отреагировали – *Entschleunigen!* – т.е. сбросить газ, скорость! В переводах Л. Б. Черной и М. Л. Рудницкого, которых поддержали всего четыре немецких филолога и литератора, ситуация описана с точностью наоборот – ‘давить на газ’, да и фраза *Angst ist schon der halbe Unfall!* – ‘Аварии бояться – счастья не видать!’ совершенно неуместна в данном контексте ни по содержанию, ни по эмоциональному накалу, ведь гонщик, скорее всего, не подбадривает себя, а успокаивает и призывает к разуму.

Усредненный читатель, на которого должно быть рассчитано каждое литературное произведение, воспринимает в первую очередь внешнюю картину, отображенную автором, и наш читатель, если он не литературовед или не литературный критик скорее всего редко вникает в авторские коннотации и не пытается выяснить для себя некий внутренний подтекст: что увидел в тексте, так его и понял! А переводчику не следует давать волю своей фантазии и уходить от конкретного «знака»: *Пропади пропадом эта проклятая педаль газа!*

Е. В. Шестакова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ

На протяжении многих лет специалисты в области перевода текстов официально-делового стиля нередко сталкивались с проблемой передачи на язык перевода аббревиатур различных организационно-правовых форм, таких как

ОАО, ООО, ЗАО и других. Помимо того, что для подобных аббревиатур важно подобрать правильные лексические соответствия, они также должны быть корректны и уместны в определенном контексте с юридической точки зрения.

Главная причина того, что в деловом дискурсе встречается разнообразие вариантов перевода таких аббревиатур на различные языки, заключается в том, что на сегодняшний день не существует общего правила и единообразия их передачи с одного языка на другой.

Анализ текстов официально-делового стиля, а также документации, представленной на официальных ресурсах крупных предприятий русскоговорящих и англоговорящих стран, показал, что существует две тенденции передачи аббревиатур организационно-правовых форм юридических лиц с английского языка на русский и с русского языка на английский.

Одна из тенденций подразумевает непосредственный перевод аббревиатуры с использованием иностранной аббревиатуры: ПАО «Газпром» – *Gazprom PJSC*, ОАО «Нафтан» – *OJSC Naftan*, ЗАО «РРБ-Банк» – *CJSC RDB-Bank*, ООО «Техспайр» – *TechSpire Ltd*. Хотя варианты перевода некоторых аббревиатур зафиксированы в переводных словарях и многие российские и белорусские юридические лица прибегают к такому способу перевода аббревиатур организационно-правовых форм, у него есть немало противников.

Так, у одного из аргументов против данного способа перевода есть юридическое основание. За определенными аббревиатурами стоят определенные организационно-правовые формы, которые определяются и регулируются законодательством разных стран. Рассмотрим такую форму собственности, как ООО (*общество с ограниченной ответственностью*). Перевод такой формы, зафиксированный во многих переводных словарях, на английском звучит как *Limited Liability Company*, или в сокращении *LLC*. Данный вариант перевода чаще используется в США. В Великобритании же подобные предприятия называются *Limited Trade Development*, или *Ltd*. Технически данный перевод может считаться правильным исходя из внешней формы словосочетания, все его элементы были переведены путем калькирования в соответствии с правилом. Однако, что касается внутренней формы словосочетания, согласно нормам организации собственности, в состав *Limited Liability Company* входят акционеры, владеющие акциями, в составе же ООО есть участники, а не акционеры, и такое общество подразумевает не выпуск акций, а установление долей в уставном в капитале.

Исходя из данных юридических нюансов, можно сделать вывод, что два рассмотренных словосочетания являются аналогами, а не эквивалентами, то есть могут рассматриваться только как приближенные варианты перевода. Стоит отметить, что неточности не допустимы при переводе официально-деловых текстов, которые требуют однозначности толкования терминологии.

Второй тенденцией передачи аббревиатур организационно-правовых форм является транслитерация, то есть написание путем передачи букв одного алфавита буквами другого алфавита: *ОАО «Лукойл» – ОАО LUKOIL, СООО «Коммунарка» – SOAO Kommunarka, ЗАО «Атлант» – ZAO Atlant, Huawei Technologies Co., Ltd – «Хуавей Технолоджис Компани, ЛТД»*. Данной стратегии придерживаются на сегодняшний день многие лингвисты и практикующие переводчики. К примеру, доктор филологических наук, профессор Д. И. Ермолович считает, что аббревиатуры, как общее правило, транслитерируются без перевода (исключение представляют те случаи, когда иная передача на латинице зафиксирована в уставных документах компании и используется во всех ее официальных документах).

Транслитерация считается более целесообразным способом передачи аббревиатур организационно-правовых форм, так как в этом случае лица, которые будут работать с текстом перевода, ориентируясь на аббревиатуру, получают достоверные и однозначные сведения о стране регистрации указанного юридического лица.

На сегодняшний день также наблюдается использование комбинированного способа передачи аббревиатур форм собственности. К примеру, аббревиатура транслитерируется, но в скобках дается приблизительный перевод с комментарием, с указанием страны регистрации юридического лица: *ЗАО «Доброном» – ZAO Dobronom (CJSC – Closed Joint Stock Company – under the legislation of the Republic of Belarus)*. Такой способ дает полное понимание о стране регистрации и форме собственности юридического лица, а также говорит о серьезном и аналитическом подходе переводчика к работе с официальной терминологией.

Таким образом, при переводе аббревиатур организационно-правовых форм юридических лиц необходимо учитывать особенности страны регистрации данного юридического лица, требования к организации указанной формы собственности согласно законодательству определенных стран, а также особые черты внешней и внутренней формы таких аббревиатур.

Т. В. Аникеева

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ

Интерпретация современного художественного произведения представляется сегодня как ключевое условие получения филологического знания. Процесс постижения смысла, содержательно пронизывающего художественный текст, является основополагающим для формирования читательской картины мира. Пересечение авторской и читательской картин мира играет существенную роль в процессе интерпретации художественного текста, что подразумевает необходимость учета не только текстового окружения языковой единицы, но и факторов социально-культурного и культурно-бытового характера, объективирующихся через нее.

Данные факторы выделяются как чрезвычайно важные в работах современных исследователей, отмечающих, что ни один текст не порождается и не воспринимается в «безтекстовой» среде, поскольку тематическая, семантическая и синтаксическая организация любого конкретного текста опирается на представления и знания, разделяемые полностью или частично всеми носителями языка и культуры. Включение текста в жизнь истории и общества, в свою очередь, рассматриваемых в качестве текстов через слово как минимальную структурную единицу, является одним из тезисов работ М. М. Бахтина. Восприятие фрагментов текста, предполагающее немедленную языковую отсылку читателя к сведениям внетекстового характера, приводит исследователя к рассмотрению интертекстуальности как свойства текста, вызывающего ощущение *déjà vu* (М. Риффатер). Исследованная как французскими философами-постструктуралистами (Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко, Ж. Деррида), так и в рамках литературоведческого и лингвистического подходов (И. В. Арнольд, Б. М. Гаспаров, И. П. Ильин, Н. А. Кузьмина, Н. Пьеге-Гро, И. П. Смирнов, З. Я. Тураева, В. П. Москвин, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская), интертекстуальность в наиболее общем смысле базируется на диалоге текстов, заключающемся в со-активации сведений о мире, которые не связаны напрямую с вербализуемыми в тексте сведениями, но без которых продуктивность коммуникации снижается. При этом связи, возникающие в процессе реализации интертекстуальности, описываются как интертекстуальные или межтекстовые, и выступают как средства обеспечения взаимодействия между исходным и заимствованным текстом.

Дальнейшая необходимость объективации в тексте языковых средств межтекстовых связей и их последующего анализа приводит исследователя к выделению круга понятий, способных отражать в структуре значения текстовое взаимодействие текста-источника и текста-реципиента. С данной целью

Ю. Н. Карауловым было введено понятие *прецедентного феномена* для описания единицы, обладающей широкими возможностями апелляции как к текстовой совокупности, так и к общекультурному фонду знаний представителя определенного национально-культурного сообщества. Отмечается особое значение прецедентного феномена в интерпретации художественного текста, заключающееся в том, что незнание прецедентного феномена значительно снижает качество коммуникации, что, в свою очередь, может приводить к негативному коммуникативному результату. Представляется, что наиболее очевидную смысловую лауну могут формировать *прецедентные имена*, ономастологически содержащие указание на перенос признака, свойственного реальному человеку или литературному персонажу: *‘Кугельский ненавидел Петербург и то, что от него осталось. Этот город надо было завоевать, влить туда свежую силу из тухлой провинции, но не ждите логики от **Растиньяка**: вместо логики у него инстинкт’* (Д. Быков «Остромов, или Ученик Чародея»). В данном случае, игнорирование интегральных признаков беспринципности и удачливости, свойственных прецедентному имени *Растиньяк*, и имеющее место вследствие отсутствия в сознании читателя соответствующего представления приводит к ослаблению метонимической связи, лежащей в основе прецедентного имени. Схожим образом опущение прецедентного текста несет утерю определенных смысловых коннотаций, релевантных для понимания: *«– Теплый, – сказала она неодобрительно. Видимо, в ее лексиконе это было такое же ругательное слово, как у апостола **Петра**»* (Д. Быков «Остромов, или Ученик Чародея»), что отсылает к упоминанию в священных текстах теплохладности как губительной для христианина черты характера.

Понятие прецедентного феномена как материализованной единицы дискурса соотносится с основными условиями, предъявляемыми к выделению средств выражения межтекстовых связей. А. И. Горшков, впервые употребивший термин *межтекстовые связи*, определяет их особенность, которая заключается в обязательной закреплённости за определенной языковой формой («выраженность с помощью определенных словесных приемов», «материальную воплощенность») и референциальность, подразумевающую возможность отсылок к другому тексту или текстам. Особо отмечается интеракционный характер средств выражения межтекстовых связей, предполагающий не только их тесное линейное, синтагматическое взаимодействие с языковым окружением, но и способность установления связи с текстом-источником, что при этом не нарушает принципа отграниченности как одного из имманентных свойств текста. В качестве основного типа репрезентации средств выражения межтекстовых связей указывается цитата, использование которой как базового приема отражения межтекстовых связей отсылает исследователя к возможности ее понимания в узком значении (как дословной, оформленной определенным графическим образом выдержки из какого-либо текста), так и в широком, что предполагает любой способ отсылки к другому тексту.

Необходимо отметить, что такой способ репрезентации инотекстового знания как *прецедентное высказывание* имеет потенциал отвечать как требованиям первого, так и второго типа цитации в отношении способа своего введения в текст. Достаточно частотным является включение в текст графически неоформленного (без использования кавычек) прецедентного высказывания, характеризующегося большей степенью общеизвестности по сравнению с высказыванием в кавычках: *‘Ты слышишь тихий библейский голос, мечтательно говорил оптовик, глядя на потолок и тиская бесформенную ангорскую кошку. Гнев Господень не в буре и не в громе. Гнев Господень в дуновении тихого ветра’* (О. Славникова «Бессмертный»). Исходный принцип использования цитат в широком значении термина предполагает определенную читательскую эрудицию, позволяющую опознать языковое средство в качестве межтекстового и осуществить выход в более широкий культурно-литературный контекст. Данное положение перекликается с определением прецедентного феномена Ю. Карауловым как общеизвестного и имеющего сверхличностный характер, то есть актуального для членов определенного национально-культурного сообщества.

Необходимо отметить, что глобализация и ассоциированные с ней социальные процессы, развитие сети Интернет и других средств массовой коммуникации оказывают прямое воздействие на национальные языки, что ведет к использованию большого количества языковых единиц, отражающих понятия и культурные артефакты, свойственные другим национально-языковым сообществам. Данный факт находит прямое отражение в русскоязычном художественном тексте XXI в., где прецедентные феномены и стоящие за ними культурные концепты и установки репрезентируют мультикультурность современного мира: *‘Еще работу профессора на территории можно было сравнить с работой кабельного телевидения десятилетней давности, когда первопроходцы бизнеса гнали за вечер по несколько американских фильмов: тогда казалось, будто настоящая жизнь, акварельная от низкого качества пиратских кассет, вот-вот наступит здесь и сейчас, что каждый станет как Шерон Стоун или Арнольд Шварценеггер, а если у кого-то сохранятся материальные проблемы, то измеряться они будут в миллионах долларов’* (О. Славникова «Бессмертный»). Подобным образом англоязычный художественный текст демонстрирует отсылки к франкоязычным произведениям: *She didn’t want to go with that in her mind, a last image of Toni’s poodle hovering transcendently above her like the parrot in the Flaubert story – Ей не хотелось умереть с навязчивой мыслью о пуделе Тони, парящей над ней, словно попугай из повести Флобера* (Э. Миллер «Кислород», перевод – Аникеева Т. В.).

На основании анализа особенностей введения и принципов использования в тексте прецедентных феноменов можно сделать вывод о возможности их исследования в качестве одного из языковых средств выражения межтекстовых связей. Содержательная сторона понятия прецедентного феномена и критерии его выделения позволяют говорить о соответствии его типов, таких как прецедентное высказывание, прецедентный текст, преце-

дентное имя приемам введения в текст средств выражения межтекстовых связей, исследуемым в стилистике текста. Исследование межтекстовых связей и прецедентных феноменов как средств их выражения позволяет выявить универсальные и национально-специфичные черты языковой картины мира в сопоставительном аспекте.

А. В. Верниковская

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В курсе практической грамматики имя прилагательное изучается иностранными студентами не только с грамматической, но также с лексико-словообразовательной, семантической и функционально-стилистической точек зрения.

В качестве материала для наблюдения над ролью имен прилагательных в тексте нами был выбран рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой», включенный в программу по домашнему чтению. Предварительный просмотр одноименного кинофильма позволил иностранным студентам погрузиться в атмосферу жизни в России конца XIX в., зримо представить главных героев, лучше понять смысл и настроение произведения.

Для идиостиля Чехова, следовавшего в своем творчестве девизу «Краткость – сестра таланта», не характерны описания с обилием прилагательных-определений. Именно поэтому представляется особенно интересным установить, какие имена прилагательные встречаются в тексте чеховского произведения и какую функцию они выполняют в нем.

В первой части рассказа перед читателями нарядная толпа праздных отдыхающих в Ялте, где Гуров ради развлечения заводит роман с молодой привлекательной Анной Сергеевной. При описании прекрасной южной природы, окружающей влюбленных, автор использует такие прилагательные: *Вода была **сиреневого** цвета, такого **мягкого** и **теплого**, и по ней от луны шла **золотая** полоса; **широкое** небо; **сказочная** обстановка.*

Во второй части рассказывается о жизни героев, которые вернулись домой к своим семьям: Гуров – в Москву, а Анна Сергеевна – в маленький провинциальный город. Чеховым описываются не столько события, сколько душевное состояние, переживания героев, окружающая их обстановка. В этих описаниях имена прилагательные помогают раскрыть эволюцию чувств, выразить авторскую оценку.

Многоаспектный анализ имен прилагательных предусматривал установление их разряда, грамматических особенностей, роли в тексте, толкование значения, в том числе переносного.

В пределах каждого из разрядов прилагательных были выделены подгруппы в соответствии с их семантическими и функциональными особеннос-

тями. Относительные имена прилагательные рассматривались в зависимости от того, на чем основан признак предмета (отношение к месту ко времени, к лицу, к предмету, к действию), что, в свою очередь, определялось производящим словом: *перелетные (птицы) – перелетать, провинциальный – провинция, ялтинский – Ялта* и др.

Среди качественных прилагательных (которые составляют подавляющее большинство в рассказе Чехова) прежде всего выделялись группы лексики, служащей 1) для характеристики человека (внешнего вида, характера, внутреннего состояния), 2) для описания природы, 3) окружающей обстановки. Особое внимание уделялось анализу прилагательных в составе устойчивых словосочетаний, а также эпитетам: *сказочная обстановка, сладкое забытие, соблазнительная мысль, в порыве горького чувства, научен горьким опытом*.

Как показал анализ, наиболее значимой явилась лексика, характеризующая человека. Особо были отмечены прилагательные, раскрывающие внешнюю привлекательность Анны Сергеевны, ее незащищенность и чистоту: *очаровательная, порядочная, наивная, трогательная, красивые серые глаза, неподвижные, испуганные глаза, тонкая, слабая шея, ласковый шорох ее одежды, бледная, ошеломленная, в унылой позе, с трогательной улыбкой*. Она, в глазах Гурова, отличается от других женщин – *капризных, неумных, не рассуждающих, властных, с хищным выражением*. О себе Анна Сергеевна говорит, что она «*дурная, низкая женщина*». Следует предостеречь студентов от буквального понимания прилагательных в данном контексте. Так, слово *дурной* может употребляться в значении ‘плохой’ (*дурной вкус, пример*), ‘низкий’ – для оценки морального уровня (*низкий поступок, низкая душа*).

Имена прилагательные в «Даме с собачкой» служат также для характеристики окружающей обстановки, ее оценки глазами главного героя и автора. Это «*мелькание перед глазами праздных, нарядных, сытых людей*» в Ялте. Жизнь в Москве, вдали от любимой женщины, кажется Гурову бессмысленной: «*Какие дикие нравы! Что за бесптолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни: неистовая игра в карты.... Ненужные дела, ... какая-то куцая, бескрылая жизнь..., точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!*».

Выразительные авторские эпитеты *куцая, бескрылая* к слову *жизнь* говорят об отсутствии у Гурова цели, смысла жизни, вдохновения. Недаром Чехов сравнивает влюбленных с птицами, которые не могут «*освободиться от этих невыносимых пут*», улететь на свободу: «*...точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках*».

Обстановка в провинциальном городе, где живет Анна Сергеевна, была угнетающей. Город «*имел совсем мертвый вид*», в нем все казалось серым. «*Против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями*». В гостинице Гуров «*сидел на постели, покрытой дешевым серым, точно больничным, одеялом*», «*пол был обтянут серым солдатским сукном, и была на столе чернильница, серая от пыли*».

Часто повторяющееся определение *серый* у Чехова символизирует тоску, безнадежность, безысходность. Гуров «ненавидел *серый забор*», за которым томилась Анна Сергеевна. В провинциальном театре «*на узкой, мрачной лестнице дул сквозной ветер, обдавая запахом табачных окурков*». Спектакль шел «*под звуки плохого оркестра, дрянных обывательских скрипок*». С помощью оценочной лексики автор выражает отношение к укладу жизни в городе, где живет героиня рассказа: *серый, плохой, дрянной, дешевый, мрачный, сквозной, проклятый, лакейски-скромный*.

При анализе грамматических особенностей имен прилагательных обращалось внимание на их употребление в роли не только определения, но и именного сказуемого (как правило, в краткой форме): «Он был *растроган, грустен и испытывал легкое раскаяние*; ведь эта молодая женщина ... не была с ним счастлива; он был *приветлив с ней и сердечен*».

Особое внимание было уделено анализу имен прилагательных в составе устойчивых выражений: *Наступила глубокая зима; Ни одна живая душа не знает; встреча с интересною женщиной, тяжелый на подъем; поцелуи среди белого дня; говорил о вечном сне* (о смерти).

Анализ семантики некоторых прилагательных потребовал комментариев культурологического плана, объяснения реалий быта и общественного устройства в России рубежа XIX–XX веков.

В словосочетании *простые люди* прилагательное служит для обозначения социальной, сословной принадлежности человека, не относящегося к так называемому «высшему обществу», которое было принято называть *порядочным* (*у порядочных людей; она из порядочного общества*). Для понимания значения словосочетаний *неприсутственный день, званые обеды* с отглагольными именами прилагательными необходимо знать об укладе жизни дореволюционной России. На званые обеды в богатых домах обычно приглашались (звались) многочисленные гости. В неприсутственные дни в учреждениях не принимали посетителей.

Прилагательное *обывательский* производно от существительного *обыватель*, воспринимаемого в настоящее время как слово с отрицательной коннотацией (не прогрессивный, отсталый, недалекий). Однако прежде словом *обыватель* назывался житель маленького городка. Для точного понимания значения этого прилагательного необходимо учитывать контекст. Чехов рассказывает о тягостном впечатлении Гурова от провинциального театра, плохого оркестра, спектакля «*под аккомпанемент дрянных обывательских скрипок*». Определение *дрянной* (очень плохой, негодный) характеризует обстановку, в которой приходится жить Анне Сергеевне.

Предложение «*Посылала человека в красной шапке*» становится понятным после пояснения, что красную шапку раньше надевали посыльные, доставляющие письма.

Для понимания значения субстантивированного прилагательного в составе выражения *нечистый попутал* также необходимы комментарии: среди верующих людей бытует мнение, что *нечистый* (т.е. сатана, дьявол) толкает человека на греховные, недостойные поступки, ошибки.

Как видим, имена прилагательные в художественном тексте, выполняя информативную, характеризующую, уточняющую, эмоционально-экспрессивную, психологическую функции, позволяют автору полнее воплотить замысел. Приведем заключительные строки рассказа, в которых прилагательные помогают нам глубже понять мысли и чувства главных героев: *«И казалось, что еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается»*.

Г. А. Гвоздович

О ТЕРМИНЕ *КОРОН(О/А)ВИРУС* – (*КОРОНА-ВИРУС*)

Окружающая человека объективная действительность находит отражение в языке, основной функцией которого является коммуникативная. Огромный количественный и качественный скачок информации, возникающий в результате процесса познания, требует своего языкового воплощения и обслуживания. Приобретая материальную форму в языковом знаке (в широком значении данного термина), знания, таким образом, получают возможность стать предметом научного исследования, поскольку тогда открывается доступ к оперированию с соответствующими понятиями и одновременно оптимизируется процесс интеллектуальной коммуникации, без которой нереален прогресс. «Каждое дело требует своих инструментов. Бессмысленно явиться в операционную с топором. Не менее наивно и глупо отправляться на лесоповал со скальпелем». Так же и в науке: необходим строгий понятийный аппарат и адекватное его материальное воплощение в термине, чтобы уяснить по крайней мере то, как нами осмысливается и репрезентируется предмет исследования, какова его сущность.

Сам по себе терминологический состав языка имеет длительную историю, сопоставимую с историей человеческой деятельности. Однако «понятие ‘термин’ в науке в основном сформировалось к началу XX в. “Энциклопедический словарь” Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона следующим образом определил термин в терминологию: “Термин – слово, которому соответствует определенное понятие, или изолированное, или входящее в состав суждения или умозаключения... Научные термины ... – слова, имеющие специальное, строго определенное в данной научной области значение. Совокупность прочно установленных в данной науке терминов образует терминологию данной науки...”».

Считаем важным отметить, что термины, возникая в пределах конкретной науки, нередко проникают в литературный язык и становятся вследствие этого фактом общенационального языка, а зачастую переходят из разряда узкоспециальных в разряд общеупотребительных, при этом оставаясь термином определенной области знаний. Подобное мы наблюдаем и по отношению к вынесенному в заглавие нашей статьи термину. Внимание практически всех людей на планете обращено к тревожным событиям, связанным с вызванным вирусом тяжелым заболеванием, перешедшим в пандемию, поэтому и термин стал практически общеупотребительным. Сам по себе термин и вирус не являются новыми для исследователей. Доктор медицинских наук профессор И. А. Гундаров, давая интервью «Открытой студии», отметил, что изучать этот вирус, разновидностей которого обнаружено несколько десятков, начали еще в 50-е г. прошлого столетия. У многих неравнодушных к культуре языка людей возник вопрос, как правильно отображать этот термин графически: *коронОвирус*, *коронАвирус*, *корона-вирус*. Написание с буквой *А* несколько обескураживает, поскольку, как известно, в русском языке в сложных словах используются две соединительные гласные – *О* (после первой производящей основы на твердый согласный) и *Е* (после первой производящей основы на мягкий согласный, шипящий и Ц), хотя не обходится здесь и без исключений, сравните: *кровЕтворение* – *кровОобращение*, *конЕвод* – *конОкрад* и др. В рассматриваемом нами термине два корня соединяются в одном сложном слове, поэтому логично написание через *О*, которое не перечит правилам русской орфографии и свидетельствует об освоении русским языком заимствований: термины *корона* (под микроскопом видно, что вирус имеет выступы в виде короны, венца) и *вирус* хорошо освоены русским языком и не воспринимаются как чужеродные. Чем же объясняется наличие буквы *А*? На сайте «Русский язык», где эта тема активно обсуждается, Л. И. Рубинчик убеждает, что термин этот латинского происхождения (от лат. *Coronaviridae*, *coronavirus*), воспринят он русским языком без изменений (надо понимать способом транслитерации), то есть сохраняет написание исходной лексемы. Для обозначения разновидности вируса, которая вызывает заболевания в наши дни, используется аббревиатура *Covid-19*, восходящая к английскому словосочетанию *Corona Virus Disease* (Co + vi + d).

Практически не обсуждается на сайте написание рассматриваемого нами термина через дефис – *корона-вирус*. Такая графическая форма была узаконена «Русским орфографическим словарем» в 2012 г., поскольку активно употреблялась. Так, в «Вестнике ЗОЖ» №9 за 2003 г. помещено интервью с академиком А. Г. Чучалиным под названием «Корона-вирус становится агрессивным». На научно-информационном ресурсе Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Грамота.ру» в статье **Коронавирус** «Академического орфографического словаря» указывается, что написание изменено, ср. РОС 2012: корона-вирус. Причина изменения написания не называется.

Вполне возможно, что изменение написания связано с процессом унификации терминологии. Языку уже известен зафиксированный словарем термин *ротавирус*. Заимствован он из латинского языка и почти ничего не имеет общего с русским словом *рот*, хотя эта инфекция и связана со слизистой рта, через которую вирус проникает в организм. Название свое этот вирус получил по внешнему виду: под микроскопом, как утверждают исследователи, этот вирус напоминает колесо с четко очерченным ободком. В переводе с латинского языка *rota* означает 'колесо'. По-видимому, можно было оставить дефисное написание обоих терминов, но они уже прочно входят в речь с написанием через А и слитно.

О. И. Десюкевич

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ В ПОЛЬСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ И РУССКОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛИНГВИСТИКЕ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Человек говорящий, проявляющий себя в актах понимания и создания текстов, является объектом изучения очень многих лингвистических школ. Из всего их разнообразия рассмотрим русскую антрополингвистику (В. И. Карасик) и люблинскую школу этнолингвистики (Е. Бартминьский), которые объединяет то, что свои исследования представлений о личностях, воплощающих свою (и/или чужую) лингвокультуры, они основывают на достижениях когнитивной науки.

В русской аксиологической антрополингвистике, основанной на теории языковой личности Ю. Н. Караулова, разработана типология языковых личностей. На основании критерия уровня языковой культуры выделены элитарные и массовые языковые личности: в рамках первого типа – «творцы» и «эксперты»; в рамках второго – маргинальные (экстернальные) и вульгарные языковые личности. Кроме этого, разработана теория *лингвокультурных типажей* (ЛКТ).

Содержанием ЛКТ является обобщенное представление о личности, модельной для определенной культуры, которой подражают или, напротив, сходства с которой стремятся избежать. Как и другие типы концептов, ЛКТ представлен в русле аксиологических исследований как сложное единство понятийного, перцептивно-образного и ценностного компонентов, выделяемых на основе анализа системных данных (прежде всего статей толковых словарей), употреблений соответствующей лексики в текстах разных типов, кроме того, для описания типажа могут привлекаться данные опросов. Типология типажей многопланова, поскольку типизация может проводиться по разным основаниям. Среди существенных признаков, позволяющих рассматривать определенную личность как ЛКТ, исследователями выделяются типизируемость, значимость, возможность как фактического, так и фикционального существования, а также наличие упрощенной,

карикатурной репрезентации. Примерами ЛКТ могут служить американский ковбой, английский аристократ, русский интеллигент. Данные социально-культурные типы рассматриваются как модельные личности, поскольку они существенны для знаний о целой лингвокультуре, они представимы, т.е. помимо собственно понятий о характере деятельности данной личности, они легко соотносятся с образом, «мыслительной картинкой», носители культуры способны интерпретировать и оценить данную личность, соотнести с воплощаемыми ею ценностями данной лингвокультуры. Статус личности как ЛКТ подтверждает присутствие в значимых для лингвокультуры литературных и кинотекстах, а также возможность ее иронической интерпретации, представления в «сниженном» тоне.

Понятие *лингвокультурный типаж* соотносится с понятием *стереотипа*, который в рамках анализируемой школы воспринимается скорее в социологическом смысле, в связи с чем типаж противопоставляется стереотипу. Типажу приписывается многомерность и относительная объективность, поскольку в его основе лежат обобщенные характеристики реально существующих или созданных творческим воображением людей. Стереотип является инструментом для обработки общественного мнения, навязывания обществу моделей поведения и связанных с ними ценностей.

Лингвокультурный типаж в реконструированном виде представляет собой *модусно-диктумное единство*, в котором *диктум* составляют выявленные исследователем типичные признаки модельной личности, а *модус* – типичные ее оценки, причем как собственные, так и оценки его другими представителями данной лингвокультуры. Например, лингвокультурный типаж английского чудака (диссертационное исследование Е. А. Ярмаховой) может быть представлен как модусно-диктальное единство, в котором диктумом являются признаки чудака и чудачества, а модусом выступают типичные позиции людей по отношению к чудакам: (Модус: Недоумение) + (Диктум: Необычность как странность, загадочность, стремление выделиться, непредсказуемость). Внутренняя форма номинаций чудака мотивирует признак странности признаками отклонения, искривления, физической ненормальности, психической ненормальности. Модус ЛКТ *чудак* определяется отношением к нему как неопасному, хотя и эксцентричному человеку. Сопоставление данных опроса английских и русских респондентов выявило, что для английских респондентов релевантны прежде всего особенности социального поведения чудаков (эксцентричность свойственна богатым людям либо выступает как знак успеха), в качестве типичного чудака у них приводится чудаковатая старушка; русские респонденты демонстрируют скорее стереотипное представление о типичном английском чудаке как пожилым чопорным джентльмене с зонтиком.

Лингвоперсонология в люблинской школе этнолингвистики не выделена в особое направление, обобщенные представления о личностях эксплицируются теми же методами, что и другие объекты. Предметом изучения в рамках данного направления являются *языковые стереотипы*, для экспликации которых был разработан метод профилирования.

С точки зрения Е. Бартминьского, стереотип неотделим от сущности естественного языка, от тех его стилей, для которых свойственны эмоциональные способы упорядочения мира, в которых отражена обыденная категоризация действительности. Таким образом, стереотип как единица обыденного мышления противопоставляется понятию как единице мышления научного. В отличие от последнего, стереотип не поддается воздействию опыта, характеризуется устойчивостью и выполняет защитную и интегративную функции, имеет яркую субъективную окраску, особую внутреннюю организацию и входит в состав культурно-языковой картины мира данного коммуникативного сообщества.

Введение в практику описания значения слова стереотипа позволяет более полно представить смысловое содержание слова, уловить связь значения с говорящим субъектом, его точкой зрения, системой ценностей, выявив таким образом не только семантику соответствующего языкового знака, но и его прагматику.

В с о д е р ж а н и и с т е р е о т и п а взаимосвязаны языковые и энциклопедические знания, которые в когнитивном подходе разделять признано непродуктивным. Языковой стереотип может быть выявлен посредством анализа внутренней формы слова, производных значений слова, значений его дериватов, фразеологизмов, в котором данное слово возникает как компонент, а также имплицатур. Выявленные путем анализа этих данных признаки составляют с е м а н т и ч е с к о е я д р о стереотипа, которое дополняется с помощью анкетирования и анализа учебных, художественных, публицистических текстов. Результатом профилирования является организованная относительно нескольких категориальных признаков (аспектов) совокупность частных признаков (фасет), в целом представляющих образ предмета, явления. В профилировании образа человека Е. Бартминьский предлагал выделить биографический, психологический, социальный, бытовой и этический профили (аспекты).

Так, когнитивная дефиниция работника верфи (stocznowiec) включает в себя помимо акционального предиката 'работает на верфи' характеризующие – сильный, умелый, работающий тяжело и любящий свою тяжелую работу, последние актуализируют образ трудоголика и составляют бытовой профиль стереотипа. Ответы респондентов о прототипе работника верфи содержат указания на признаки человека, борющегося за свои права, выступающего против режима, – в данном образе актуализируются представления о солидарности общества, что пополняет социальный и этический профили образа.

Рассмотренные методологические подходы объединяет направленность исследования не только на экспликацию традиционных представлений об объекте, как это свойственно московской, екатеринбургской школам этнолингвистики, но также на обнаружение изменений в этих представлениях, характерных для современного городского общества. В достаточно большой степени коррелирует и выбор материала: анализ языковых и текстовых

данных дополняется экспериментальными данными, с тем отличием, однако, что в люблинской школе разработана этнолингвистическая анкета, позволяющая эксплицировать прототип образа, связанные с ними имплицатуры. Отличия подходов состоят в систематизации и представлении данных: в русской антропологистике выявленные признаки организуются в модельно-диктумное единство, в польской школе систематизируются относительно аспектов профиля. Самое существенное отличие состоит в толковании стереотипа: в рамках первой он получает социологическое толкование и рассматривается как упрощенное оценочное суждение об объекте, во второй – это целостная единица обыденного мышления, включающая категориальные и оценочные признаки.

Е. М. Дубровченко

ПРИВАТНОСТЬ И ПУБЛИЧНОСТЬ В КОММУНИКАЦИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Приватность и публичность представляют собой особый интерес для исследователей многих дисциплин, поскольку они выступают важными параметрами каждой коммуникативной ситуации. Большое значение обретает изучение приватности и публичности с позиции культурологии, позволяющей выявить ценностные ориентиры и национально-культурную специфику коммуникативного поведения.

Понятия *публичность* и *приватность* не получили однозначной интерпретации в научной литературе, кроме того, любопытным представляется тот факт, что эти феномены трактуются по-разному в разных культурах. Американское восприятие «публичного» и «приватного» значительно отличается от восприятия, принятого в России. Более того, в русском языке нет отдельного слова для наименования приватности. Марк Гарцелон утверждает, что американское понимание «публичного» «в значении социально заметного (*visibility*) или преобладающего общественного мнения» в русском языке соответствует терминам *общественный* или *социальный*.

В нашем исследовании приватность и публичность рассматриваются в качестве основных факторов, определяющих коммуникативную дистанцию. *Коммуникативная дистанция* представляет собой область пересечения геометрического и социального пространства, в котором проявляется тип взаимоотношений между коммуникантами (Ефанова). Геометрическое, или физическое, расстояние между коммуникантами в разных культурах различно, например, величина личной дистанции в арабской культуре гораздо меньше, чем в американской. Для американской культуры характерны 4 межсубъектные зоны, каждая из которых имеет близкую и дальнюю фазу и определенное количественное измерение: 1) интимную (0 – 45 см); 2) личную (46 – 120 см); 3) социальную (120 – 400 см); 4) публичную (более 400 см) (Холл). На основе данного деления коммуникативной дистанции можно

заклучить, что на своих полюсах публичность и приватность образуют бинарную оппозицию: приватность, т.е. осознание человеком своей личной сферы, противопоставляется общественной (публичной) сфере. Между данными полюсами «приватность – публичность» находятся переходные зоны. Основной характеристикой выступает подвижность их границ. Эти границы меняются в зависимости от пола, возраста, социального статуса, взаимоотношений коммуникантов, личных особенностей собеседников, национальной принадлежности и культурных норм.

Коммуникативное поведение в пределах каждой зоны имеет свои национальные особенности. Для примера рассмотрим такую форму тактильной стимуляции, как прикосновение, влияющее на коммуникативное поведение и психологическую установку собеседника. Прикосновения характерны для интимной дистанции, однако для персональной дистанции они могут быть недопустимы с точки зрения одной культуры и приемлемы с точки зрения другой. Прикосновение может свидетельствовать о стремлении сократить дистанцию и установить менее формальные отношения; оно может использоваться малознакомыми людьми для перехода на иной, более дружеский уровень отношений, при этом негативная реакция на прикосновение показывает нежелание другого человека менять коммуникативную дистанцию и расценивается как нарушение его приватности, вторжение в зону его личного пространства. Отказ от пожатия руки в большинстве культур ассоциируется с игнорированием человека и может символизировать оскорбление.

Приватность и публичность не являются врожденными параметрами. Их осознание происходит в период социализации в зависимости от того, где человек родился. Если человек в детском возрасте оказывается в иной культурной среде, вероятнее всего, он усвоит нормы коммуникативного поведения, которые характерны для новой культуры. Знание норм поведения и правил этикета обеспечивается воспитанием. Говоря о воспитании, следует отметить, что в данном аспекте осознание приватности и публичности соотносится с лингвопрагматической категорией вежливости, разрабатываемой рядом исследователей (Р. Brown and S. C. Levinson, R. Lakoff, G. Leech, Д. Гордон, Г. П. Грайс, и др.). Кроме того, особую роль в выборе и соблюдении коммуникативной дистанции играет врожденное чувство такта, позволяющее ориентироваться в ситуации. Здесь уместно сказать о «чувстве дистанции», благодаря которому человек интуитивно выбирает определенную коммуникативную дистанцию или меняет ее, чтобы избежать коммуникативных неудач.

Потребность в приватности и публичности является универсальной для современного общества (Х. Арендт), однако степень этой потребности имеет национально-культурную специфику, которая ярко проявляется в этнических стереотипах поведения.

Ориентиры поведения, принятые в определенном обществе, указывают на систему ценностей, характерных для определенной культуры. Приватность, выступающая в качестве фундаментальной ценности американского народа, ранее имела некоторый негативный оттенок в русской культуре. В настоящее время под воздействием социальных, экономических и полити-

ческих изменений, а также мощного западного влияния и глобализации, ее удельный вес в системе ценностей стал другим, но различия до сих пор очевидны, потому что ее содержание в культурах обеих стран определяется различиями менталитетов, а изменение ментальных установок происходит очень медленно. В американской культуре правила и нормы поведения, связанные с защитой своей приватности и сохранением приватности других людей, объясняются и прививаются американцам с детства. Во многих семьях ребенок с момента рождения имеет свою комнату, свое личное пространство, в школах ученики сидят за односторонними партами. Для американцев очень важно строгое соблюдение дистанции при общении, их культуре свойствен индивидуализм. Русской культуре, напротив, присущ коллективизм. Следовательно, можно говорить о превалировании образцов поведения, присущих индивидуализму в американской культуре и коллективизму – в русской культуре.

В концептах «публичность» и «приватность» противопоставляются индивидуальные и общечеловеческие ценности. Индивидуальный концепт «приватность» богаче и разнообразнее, чем коллективный концепт «публичность», потому что коллективное сознание и коллективный опыт представляют собой условную производную от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в определенный коллектив. Однако с точки зрения исследования коммуникации, больший интерес представляют концепты, существующие в коллективном сознании, так как именно они формируют общее основание (common ground) (Кларк), которое является непременным условием для любого вида совместной человеческой деятельности (Шкудунова).

Таким образом, есть все основания полагать, что приватность и публичность человека социально обусловлены, а, следовательно, и культурно детерминированы. Изучение характеристик приватности и публичности в современном коммуникативном пространстве, анализ их языкового обозначения позволяет выделить принятые в обществе эксплицитные и имплицитные нормы поведения, предписывающие соблюдение границ личного пространства участников общения, а также исследование этих феноменов позволяет проводить лингвокультурные сравнения, фиксирующие культурные различия и культурные универсалии, стереотипы и ценности.

В. В. Евдокимова

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В ЗАГОЛОВКАХ АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ
(на материале русского, белорусского и испанского языков)**

Как известно ключевая функция любых медиа – взаимодействие с аудиторией, а основной функцией заголовочного комплекса является установление контакта с читателем и поддержание интереса к публикации. В заголовочных

комплексах аналитических статей эти функции могут реализовываться и с помощью *прецедентных феноменов*, соотносимых с культурой каждого из трех сопоставляемых языков.

Функционирование прецедентных феноменов в публицистическом тексте традиционно связываются с выражением авторской интенции, экспрессивно-эмоциональной оценки событий и персонажей. В данном разделе мы хотим обратить внимание на способность таких единиц к информационному сжатию и созданию стилистического контекста для приращения смысла слова, которое не снимается, а наоборот добавляется в контексте заголовка.

Функции прецедентных текстов, их структурные виды и типология, роль в современных массмедиа, достаточно полно исследованы в русистике (см. труды Ю. С. Караулова, Е. А. Нахимовой, и др.). Выделяются следующие *характеристики* прецедентных феноменов: они должны быть известны значительной части представителей национально-лингвокультурного сообщества; актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение к ним обнаруживается в речи представителей соответствующего национально-лингвокультурного сообщества. К прецедентным феноменам относятся: прецедентное имя и прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентный текст.

В качестве *прецедентных высказываний* в материале исследования выступают различные лексические единицы: части известных высказываний из классической литературы, кинофильмов и песен, а также пословицы, фразеологизмы, общеизвестные устойчивые фразы. Прецедентное высказывание определяется учеными как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое; прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка» (Д. Б. Гудков).

Несмотря на то, что прецедентность свойственна публицистике вообще, в выборке статей данное явление наиболее ярко с большим количеством примеров представлено в материале белорусского и русского языков, в испанском языке данное явление имеет более низкий процент функционирования.

В нашем материале прецедентные высказывания представлены в основном в трансформированном виде. В качестве заголовка статьи *Век живи – век трудись: права пожарных на пенсию предлагают уравнивать* автор употребляет прецедентное высказывание, основанное на устойчивом выражении *Век живи – век учись*. Статья рассказывает о пенсионной реформе для работников МЧС, которая направлена на устранение неравенства выплат для сотрудников, которые проработали не менее 25 лет в структурных подразделениях МЧС и сотрудников, выполняющих ту же работу, но трудящихся в региональных пожарных службах. Таким образом, региональные служащие смогут пользоваться такими же правами, как и служащие МЧС.

В статье *Как карантин ляжет: общий ущерб от пандемии может составить почти 18 трлн* анализируются экономические изменения в разных сферах из-за режима самоизоляции. Игра построена на ассоциации с выражением *Как карта ляжет*. В сжатом виде транслируется мысль о том, что из-за кризиса, вызванного пандемией коронавируса, могут пострадать многие отрасли экономики, однако этого может и не произойти, если правительство примет соответствующие меры.

Статья *Прекращай, оружие: участников крупнейших конфликтов вновь призвали к перемирию* рассказывает о том, что главы Европейского союза призывают к прекращению огня во всем мире из-за коронавируса. Заголовок статьи ассоциируется с названием известного романа Эрнеста Хемингуэя *Прощай, оружие*. В данном случае прецедентное высказывание полностью сохраняет своё исходное значение. В заголовочном комплексе употребляется прецедентное высказывание *Просьбы о главном*, которое отсылает читателя к общеизвестной фразе *Коротко о главном*. Функцией данной общеизвестной фразы является резюмирование важной информации в сжатом виде. Прецедентное высказывание *Просьбы о главном* сохраняет эту функцию, так как далее раскрывается информация о просьбах лидеров стран ЕАЭС глобального перемирия на время пандемии коронавируса.

В статье *Стоп, не снято: Минкульт попросил помочь кино- и музыкальной индустрии* анализируется то, как справляются с кризисом, вызванным пандемией, производство кинофильмов и телепрограмм, музыкальную индустрию и деятельность музеев и зоопарков. В качестве заголовка употребляется прецедентное высказывание *Стоп, не снято*, основанное на общеизвестной устойчивой фразе *Стоп! Снято!*, однако, в статье утвердительное предложение меняется на отрицательное.

В статье *Не заблытаца ў глабальнай павуціне* анализируется комплекс проблем, связанных с распространением различной запрещенной информации в сети интернет, употребляются сразу несколько прецедентных высказываний. *Што ў інтэрнет трапіла, тое прапала?* – данное прецедентное высказывание основано на пословице *Что упало, то пропало*, однако в статье утвердительная форма исходного предложения меняется на вопросительную форму, что мотивирует определенный прагматический ракурс его интерпретации читателем. Прецедентное высказывание *Вынесці смецце з каментарыяў* отсылает читателя к фразеологизму *не выносить сор из избы* и в контексте статьи меняется с отрицательного предложения на утвердительное. Прецедентное высказывание *Сыходзячы, гасіце святло і чысціце старонку ў сацсетцы* ассоциируется с узуальной фразой *Уходя, гасите свет* и сохраняет свое исходное значение, обращая внимание читателя на то, что после себя надо оставлять чистым любое пространство, в том числе и виртуальное.

В заключение данного раздела приведем несколько примеров из материала испанского языка. В статье *Telefonía 5G: mucho humo...y algunas nieces* анализируются преимущества и недостатки нового поколения мобильной связи 5G, которое вызвало бурное обсуждение среди специалистов. В заголовке

употребляется прецедентное высказывание *mucho humo...y algunas nueces*, мотивирующее ассоциации читателей с устойчивым выражением *mucho ruido y pocas nueces*.

Статья *El miedo en tiempos de coronavirus* рассказывает о том, что в настоящее время общество озадачено непростой ситуацией связанной с пандемией, однако в такое непростое время, считает автор, также могут произойти положительные изменения в сообществе. Прецедентное высказывание в заголовке статьи отсылает читателя к названию знаменитого испанского произведения *El amor en los tiempos de cólera* Габриэля Гарсиа Маркеса, хотя и приобретает негативную коннотацию.

В статье под названием *Sofá, manta, internet y coronavirus* анализируется образ жизни современного общества во время пандемии коронавируса. В последнее время люди вынуждены оставаться дома и переносить свою привычную жизнь на просторы интернета. В заголовке употребляется прецедентное высказывание, основанное на общеизвестной фразе *sofá, manta y peli* и сохраняет своё исходное значение, обращая внимание на то, во время самоизоляции люди работают и учатся из дома, прибегая к привычным домашним атрибутам.

Как уже было сказано выше, прецедентность является универсальной характеристикой публицистического дискурса, но при более детальном рассмотрении можно выявить национальную специфику их реализации, обусловленную, с одной стороны, языком как системой, а с другой, этническими особенностями менталитета носителей испанского, русского и белорусского языков.

В. Т. Иватович-Бабич

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Фразеологизмы являются специальными единицами не только языка, но и культуры, поскольку возникновение многих из них непосредственно связано с духовной жизнью народа.

Безусловно, двойственная природа *фразеологизма* как языкового знака с устойчивой структурой и метафорическим значением и одновременно как средства сохранения и ретрансляции культурного кода народа определяет сложности его передачи в процессе перевода текста любого стиля. Особую сложность эта задача получает в условиях художественного перевода.

Несмотря на близкородственность белорусского и русского языков, их фразеологические фонды имеют яркую национально-культурную специфику.

Фразеология наиболее полно отражает своеобразие культуры и национальную самобытность языка в целом и в пространстве художественного текста в частности. При переводе произведений художественной литературы всегда остро стоит проблема передачи ФЕ оригинала; не является здесь исключением и перевод с белорусского языка на русский.

В тексте художественного произведения фразеологизмы в качестве национально-культурного компонента являются маркером идиостиля писателя, его эстетических приоритетов, а также в определенной степени позволяет воссоздать языковую ситуацию того или иного исторического периода. В этом отношении интересным представляется вопрос об использовании в тексте фразеологизмов-заимствований.

В рамках исследования мы остановимся на рассмотрении особенностей функционирования фразеологизмов-полонизмов и русизмов в оригиналах и переводах на русский язык художественной прозы В. Короткевича.

Вследствие долгого взаимодействия белорусского и польского языков и в период ВКЛ, и в период Речи Посполитой многие фразеологические полонизмы закрепились в языке белорусском и не воспринимаются как заимствования: – «...*А табе, Ганчаронак, я дам дыхту*» («Чорны замак Альшанскі»). – «*Не буду, хай вас кадук*» «Цыганскі кароль» .

Однако в белорусском языке, особенно в пограничных районах, функционирует ряд польских фразеологизмов с прозрачной этимологией.

Фразеология польского языка представлена здесь рядом выражений, которые по-разному оформлены в тексте:

1. Фразеологизм передается и в оригинале и в переводе буквами латинского алфавита: –*Do jasnej cholery!* – *лямантаваў Бжэжак* «У снягах драмае вясна»)/*Do jasnej cholery!* – *возмутися между тем Бжежсек*.

Na Starym Miescie/Przy wodotrysku/Puikownik Trepow/Dostai po pysku («Каласы пад сярпом тваім»).

В переводе на русский язык также в рифмованном контексте и в сноске и у автора, и у переводчика приводятся эквиваленты: *схапіць на пысе* – *схватить по морде*, однако в стилистическом отношении, на наш взгляд, в переводе наблюдается неточность в передаче коннотативной информации оригинала.

2. Польский фразеологизм передается графическими средствами белорусского языка:

А) *Але «да яснэй халеры», як кажуць палякі, ногі ў трыццацівасьмігадовага зусім не такія , як у васемнаццацігадовага* («Чорны замак Альшанскі»)/*Но, как говорят поляки, «до яснэй холеры» ноги у тридцативосьмилетнего совсем не такие, как у восемнадцатилетнего.*

Б) *Калі на стала з'явілася кава і тое, што да кавы, часам спажыўнае, а часам і не дужа, і мы ўжылі і тэго і другэго(ці овэго?), як кажуць браты-палякі, Шчука адкінуўся на спінку крэсла* («Чорны замак Альшанскі»)/*Когда на столе появился кофе и то, что к кофе, часом питательное, а часом и не очень, и мы употребили и тэго и другэго(или овэго?), как говорят братья-поляки, Щука попросил рассказать новости..* В данном случае следует отметить, что рифмовка компонентов не допускает межъязыковой трансформации, которая привела бы к разрушению рифмы, а значит и фразеологизма в целом (такие ФЕ, построенные по законам рифмы и ритма, характеризуются наибольшей устойчивостью).

В) *Толькі і я не лыкам шыты, як кажуць рускія. Мы тэж не яцы-тацы, а цваняцы, як кажуць палякі і не нагою смаркаемся, як кажам мы («Чорны замак Альшанскі»)/Только и я не лыком шит, как говорят русские. Мы tez nie jasy-tasy, a swaniasy, как говорят поляки, и не ногою сморкаемся, утверждают белорусы.* В тексте перевода дана сноска: *Мы тоже не такие-сякие, а ловкачи.* В границах одного высказывания автор использует фразеологизмы-синонимы из разных языков, что способствует усилению эмоционально-экспрессивной оценки явлений, служит для индивидуализации речи персонажа (в частности, свидетельствует о глубокой эрудиции ученого Космича).

Г) *Кампанія ў мяне была невелька, але бардзо пожондна, – сказаў я словамі не дужа прыстойнага польскага анекдота (Чорны замак Альшанскі)/Компания у меня была nie wielka, ale bardzo porzadna, – ответил я словами не очень пристойного польского анекдота.*

Д) *Разумны. Толькі ты, як паляк, мондры по шкодзе. Спаханіўся позна («Чорны замак Альшанскі»)/Только ты вроде русского, задним умом крепок. Спыхватился поздно.* В контексте фразеологизм в переводах на русский заменяется соответствующим эквивалентом, это позволяет достаточно точно передать значение фразеологизма, но приводит к утрате образа ФЕ оригинала и в то же время искажает особенности речевой характеристики героя, созданной автором произведения.

Следует обратить также внимание на функционирование русских ФЕ в оригиналах произведениях В. Короткевича: автор иногда пользуется приемом цитирования русских ФЕ, тем самым позволяя персонажам демонстрировать свое знакомство с русской культурой и языком, что также способствует индивидуализации их речевых характеристик: *Два Рима пали, а Москва – Третий Рим, а четвертому не быть («Хрыстос прызямліўся ў Гародні»)/Той бачыць непатрэбнае і неістотнае, гэты – «зрит в корень» («Чорны замак Альшанскі»)/Бачыў усе купецкія выбрыкі, не дазваляў падмяняць купленага, прымушаў «показывать товар лицом» («Зброя»).*

Следует сказать, что все вышеперечисленные иноязычные вкрапления выполняют определенные стилистические функции: делают речь героев более яркой, индивидуализируют их характеры, придают определенный колорит обстановке. Кроме того, очевиден тот факт, что эти выражения характерны для речи людей образованных (шляхты, студентов, учителей, врачей, ученых), что, по-видимому, должно свидетельствовать об их широкой эрудиции, высокой культуре и владении иностранными языками. Кроме того, функционирование фразеологизмов-полонизмов и русизмов в текстах художественной исторической прозы В. Короткевича, адекватно передает черты межъязыкового взаимодействия белорусского, польского и русского языков на территории современной Беларуси в составе разных государственных образований. Большая часть выявленных в ходе исследования фразеологизмов-полонизмов используется автором в романе «Черный замок Ольшанский», в котором повествуется о событиях на территории Западной Беларуси, а здесь и в настоящее время велика доля полонизмов в речи местных жителей, в силу чего индивидуализация речи героев является органичной и исторически оправданной.

АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ
КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
(В АСПЕКТЕ ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Ассоциативный словарь, являясь репрезентацией картины мира носителя языка, отражает специфику мировосприятия как отдельной личности, так и лингвокультурной общности в целом. По словам В. В. Красных, особенности национального языкового сознания «отражаются в наборе национальных прецедентных феноменов, национальных стереотипов, в фрейм-структурах сознания и – на поверхности – в ассоциациях, рождающихся у представителей национально-лингво-культурных сообществ в процессе коммуникации» (курс лекций «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология», 2002 г.).

В статье «Русский ассоциативный словарь как источник изучения русской языковой картины мира» (2014 г.) Н. В. Уфимцева отмечает: «Каждой культуре свойственна своя система организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. Уникальной же является именно система организации элементов опыта. Организующим для такой модели в целом и для каждого её отдельного фрагмента является принцип значимости / ценности (*valeur* в терминологии Ф. де Соссюра). Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение, и значимость одновременно. Именно это и свидетельствует, что он входит в систему, и его значимость / ценность определяется исходя именно из системы как целого».

Сопоставляя данные ассоциативных словарей в диахронии, можно выявлять изменения в национально-языковом сознании, отражающие развитие общества; сопоставляя ассоциативные нормы носителей разных языков – выявлять национально- и универсально-прецедентные феномены. Например, по данным «Русского ассоциативного тезауруса», составленного в 1988–1997 гг., наиболее частотными реакциями к стимулу *Япония* являются *страна, солнце, остров, техника, электроника*. В современном ассоциативном тезаурусе «Карта слов и выражений русского языка» второй по частотности оказывается реакция *суши*, отсутствующая в словаре конца XX века. Очевидно, что указанное отличие спровоцировано изменениями в жизни социума. Сопоставление с данными современного англоязычного тезауруса «Small World of Words» показывает совпадение большинства ассоциаций: *sushi, country, kimono* и пр., что говорит о влиянии процессов глобализации на национальные культуры. Межкультурные отличия проявляются в наличии среди русских реакций ассоциации *Курилы*, а среди английских – *Pearl Harbor*, которые восходят к прецедентным для каждой культуры ситуациям.

Все вышесказанное приводит к мысли о целесообразности включения работы с материалами ассоциативных словарей в процессе формирования межкультурной компетенции учащихся.

Рассматривая типы ассоциаций, В. В. Красных выделяет пять основных групп:

- 1) не имеющие дополнительных коннотаций (*поле* → *трава*);
- 2) обладающие национально-культурной маркированностью (*поле* → *пшеничное*);
- 3) связывающие части целого (*поле* → *футбол*);
- 4) образующие особую единицу – «имя предмета, с которым связаны определенные коннотации» (*поле* → *перекати*);
- 5) восходящие к прецедентным феноменам (*поле* → *русское*, *поле* → *перейти*).

С точки зрения обучения межкультурной коммуникации, особый интерес представляют ассоциации, обладающие национально-культурной маркированностью и восходящие к прецедентным феноменам (ситуациям, текстам, высказываниям и именам).

Одной из задач формирования межкультурной компетенции является обеспечить учащихся знаниями об аксиологических установках, принятых в определенной культурной среде. Учитывая тот факт, что «ценностные кар-касы различных культур» (М. А. Халиль) сформировались под воздействием религиозных систем, остановим наше внимание на понятиях *вера* и *грех*.

В «Русском ассоциативном тезаурусе» (1988–1997 гг.) зафиксировано 109 реакций на стимул *вера*, из них 44 различных реакции. Наиболее частотными оказались: *вера* → *надежда*, *надежда* = *любовь*, *любовь*, *в бога*, *в любовь*, *маленькая*, *в светлое будущее*, *в себя*, *имя*, *в будущее*, *в жизнь*, *в коммунизм*, *в человека*, *мама*, *девушка*, *человек*. Очевидно, что в конце XX в. В когнитивной базе у большинства тестируемых носителей русского языка понятие *вера* в основном не соотносилось с религиозным контекстом, что объясняется, на наш взгляд, отношением к религии в Советском Союзе. Несмотря на то что триада «вера, надежда, любовь» восходит к именам святых мучениц и символизирует главные христианские ценности, предположим, что реакции *надежда* и *любовь* нужно интерпретировать, скорее, как ассоциации-штампы, порожденные в первую очередь лингвистическими когнитивными структурами. С точки зрения межкультурной коммуникации, интерес представляет ассоциация *вера* → *маленькая* как связанная с прецедентным текстом и восходящая к названию художественного фильма «Маленькая Вера» (1988 г.), ставшего одним из символов эпохи Перестройки.

Анализ ассоциативных связей стимула *вера* в современных тезаурусах показал частотность следующих реакций: *вера* → *надежда*, *любовь*, *имя*, *бог*, *верить*, *церковь*, *религия*, *доверие*, *девушка*, *женщина*, *человек*, *дружба*, *рай*. Ассоциации *бог*, *церковь*, *религия*, *рай* демонстрируют усиление влияния религиозного фактора на культуру. Культурно значимым представляется абсолютное отсутствие в современном тезаурусе реакций *вера* → *коммунизм*, *вера* → *светлое будущее* (хотя понятие «светлое будущее» известно с античных времен, предположим, что в сознании носителей русского языка оно ассоциируется, прежде всего, с такими понятиями, как *коммунизм* и лозунгом советских времен «Вперед в светлое будущее!»).

Сопоставление реакций носителей русского языка на стимул *грех*, зафиксированные в «Русском ассоциативном тезаурусе» и тезаурусе «Карта слов» так же, на наш взгляд, отражают возрастающее влияние религии на современную культуру. Отметим, что в обоих словарях ассоциативные поля включают частотные реакции, концептуализирующие религиозную составляющую понятия *грех*: *грех* → *смертный, первородный* (Русский ассоциативный тезаурус); *грех* → *бог, церковь, Библия, Ева, Адам* и т.д. (Карта слов). Однако ассоциации, представленные в современном тезаурусе, в отличие от словаря 1988–1997 гг., демонстрируют более полное представление респондентов об искомом понятии. Так, в конце XX в. среди реакций зафиксированы только 3 единицы, называющие разновидности греха, – *жадность, измена, украсть*, тогда как в современном источнике выявлены 12 единиц: *убийство, чревоугодие/обжорство, воровство, зависть, прелюбодеяние, гордыня, жадность/алчность, измена, гнев/злость*. Кроме того, здесь же присутствуют реакции, восходящие к прецедентным ситуациям и текстам (Библии, в частности): *Ева, яблоко, змей, Иисус*, – отсутствующие у респондентов, тестируемых в 1988–1997 гг. Несомненно, более детализированное представление о понятии *грех* у современных носителей русского языка связано с изменением отношения к религии и распространении религиозного дискурса.

Таким образом, анализ материалов словарей ассоциативных норм демонстрирует связь культуры и языка в сознании народа и позволяет проследить изменения в социальной жизни лингвокультурного сообщества. Результаты исследований ассоциативных словарей могут использоваться при обучении межкультурной коммуникации.

Т. А. Козлова

ОСОБЕННОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЕДИНИЦ РОДСТВЕННЫХ И НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Сопоставительные семантические исследования являются актуальным направлением при выявлении национально-культурной специфики лексических единиц, объективирующих определенную сферу внеязыковой действительности, поскольку именно сопоставление позволяет установить черты, характерные для одного языка и не свойственные другому.

Особенностью сопоставления семантики единиц неродственных языков является необходимость увидеть общее или схожее в различном. При этом сопоставление семантики единиц родственных языков предполагает обнаружение различного в схожем. Так, например в белорусском и русском языках наименования отсутствия желания получить выгоду представлены эквивалентными единицами *альтруістычнасць* – *альтруистичность*, *бескарыслівасць* – *бескорыстие/бескорыстность*, *ахвярнасць* – *жертвенность*, *рыцарства* – *рыцарство*. При этом в белорусском языке уникальной является лексема

самаадданаць, а в русском – лексемы *самоотвержение/самоотверженность*, *некорыстность*, *нерасчетливость*. Сходство с английским языком наблюдается в совпадении корня *-сам-*, представленного в белорусском и русском языках, и корня *-self-* в английском языке (*selflessness*, *unselfishness*, *self-sacrificingness*, *self-forgetfulness*). При этом второй корень (при его наличии) имеет различную внутреннюю форму: «*дать*» – в белорусском языке, «*бросить*» – в русском языке, «*жертва*» и «*забывать*» – в английском языке. В английском языке существует лексема, внутренняя форма которой свидетельствует об отсутствии личной заинтересованности – *disinterestedness*.

Противоположное качество в сопоставляемых языках представлено эквивалентными единицами *эгаістычнасць* – *эгоістичность* – *egocentricity*, *індывідуалізм* – *индивидуализм* – *individualism*. Особенностью английского языка является большая номинативная плотность отрицательного плана по сравнению с белорусским и русским языками. Кроме указанных выше единиц широко представлен корень *-self-*: *self-centredness*, *selffulness*, *selfishness*, *self-interestedness*. Внутренняя форма слова *self-centredness* указывает на ещё одну особенность семантики единиц указанной группы в английском языке – помещение себя в центр.

Сопоставление функционирования лексем в художественной литературе второй половины XX в. позволяет выявить их невысокую частотность употребления, что может объясняться особенностью семантики данных слов: противопоставляемые группы лексем называют качества, именующие либо полный отказ от собственного «я» ради блага другого, либо чрезмерную заинтересованность в личной выгоде, что не свойственно для обычного человека, ежедневно взаимодействующего с другими людьми.

Сопоставление функционирования лексем, называющих положительные моральные качества в белорусском и русском языках, позволяет выявить случаи, в которых формально близкие языковые средства эксплицируют не эквивалентные значения. В белорусском языке зафиксирована идея культивирования качеств, называемых рассматриваемой лексикой (*узгадаваць бескарыслінасць*, *самаадданаць*), смещение оценки с положительного полюса в сторону отрицательного происходит в случае сомнения в искренности проявляемого качества определенной категорией лиц, что может быть обусловлено социальным статусом или занимаемой должностью (*распінацца ў бескарыслінасці яе [латарэі] завадатараў; ахвярнасць* звычкі, абавязкаў, якія накладваліся на яго пасадаю, бацькоўскім званнем). Отрицательная оценка как следствие бессмысленности и ненужности проявления именуемых данными лексемами качеств отмечается при их переносе на события, которые несут неблагоприятные последствия для человека (*мы зведалі яе [вайну] ва ўсёй неразумнасці, лютасці, подласці, ахвярнасці*). Особенность семантики лексемы *самаадданаць* заключается в том, что, с одной стороны, она может фиксировать наивысшую степень проявления качества (*працавіты да самаадданаці*), а с другой стороны, для интенсификации обозначаемого качества данная лексема может определяться прилагательным, принадлежа-

щим к этой же тематической группе (*бескарыслівая самаадданаць, улюбёнаць да сваёй, відаць, неверагодна цяжкай працы*). Обращает на себя внимание взаимосвязь лексико-семантических групп «Працавітасць» и «Бескарыслівасць».

Функционирование соответствующих лексем русского языка отличается указанием на свойственность именуемых качеств лицам юношеского возраста (*и в бескорыстии вынашиваемых планов [...] и есть счастье юности*), лицам женского пола (*Счастье, добро – все, все на свете в ее жертвенности, в ее разумности, приветной нежности*. В. Астафьев. «Прокляты и убиты»), влюбленным (*рыцарство влюбленного оператора, самоотверженность любящей женщины*), а также военным (*самоотверженность действий Отдельной истребительно-противотанковой бригады; Геббельс заставлял всех работников пропаганды смотреть добытый за границей фильм про оборону Ленинграда, чтобы на примере противника они научили берлинцев стойкости и самоотверженности*. Д. Гранин. «Зубр»). Внутриязыковое противопоставление лексем *бескорыстие* – *самоотвержение/самоотверженность* – *жертвенность* позволяет выявить следующую закономерность: первая единица фиксирует качество, свойственное представителям различных классов (*партийное бескорыстие, бескорыстие интеллигенции*), вторая пара слов чаще других используется при указании на качества военных, а третья лексема – скорее, при описании качеств женщин. Для русского языка характерно выражение абсолютной положительной оценки (*удивительная самоотверженность и потрясающее бескорыстие, великая идея жертвенности*). Отрицательная оценка фиксируется в случаях употребления лексем при недостаточности проявления только называемого ими качества, а, возможно, необходимости совокупности различных качеств (*Бескорыстие – это красиво, но ненадежно*. Д. Гранин. «Иду на грозу»; *Чтобы совершить подвиг во время войны и тем более в мирное время, как правило, уже недостаточно самоотверженности и готовности рисковать собой [...]*. А. Крон. «Капитан дальнего плавания») или отсутствии необходимости в них (*Не стоит так решительно готовиться к жертвенности, лейтенант*. Ю. Бондарев. «Горячий снег»).

Совпадение в функционировании соответствующих единиц английского и белорусского языков заключается в указании на наличие именуемых ими качеств у родителей (*unselfishness of mothers; ахвярнаць бацькоўскага звання*). Для трех сопоставляемых языков характерна экспликация, как именно проявляется называемое лексемами качество (*I am not generous. If the truth were known, it is only because I have for so long been lonely that I welcome demands for help. It is only that I feel I may make a new friend and be rewarded with company. That is not selflessness or goodness. No. I have, after all, my own interests at heart and I must recognise this*. S. Hill. «Gentleman and Ladies»).

Отмечалось, что для русского языка характерна экспликация абсолютной положительной оценки. В английском языке схожая тенденция наблюдается при функционировании единиц отрицательного плана (*bloody-minded*,

rotten, terrible selfishness). Сема пола, актуализируемая при функционировании лексем положительного плана в русском языке, может быть выявлена при функционировании соответствующих лексем отрицательного плана английского языка. При этом фиксируется наличие данного качества у мужчин (*typical male selfishness, male "selfishness" after it [childbirth]*). Тем не менее, говорить о поляризации моральных качеств, называемых исследуемыми единицами, по признаку пола неправомерно (*with the egocentricity of all human creatures, exacerbated by my youth and misery [...]*). Наличие эгоистичности у представителей молодого поколения фиксируется и в русском языке (*ребяческая эгоистичность*).

Универсальным для сопоставляемых языков является наличие «эквивалентов» *individualism* – *індывідуалізм* – *индивидуализм*. Однако если в белорусском языке фиксируется лишь отрицательное восприятие качества, называемого данным словом (*змагацца з індывідуалізмам, праявы індывідуалізма насцярожваюць*), то в русском языке встречаются случаи смещения оценки в семантике данной единицы в сторону положительного полюса (*культивировавших [...] известный индивидуализм; Так хорошо было читать тут и предаваться радостям индивидуализма. Ю. Герман. «Дорогой мой человек»*). В английском языке при функционировании в тексте в семантике данной лексемы актуализируется преимущественно положительная оценка, которая проявляется в благоприятном отношении к проявлению отличительных характеристик (*It's individualism. Shows your personality. Makes you someone. Someone different. Yourself. P. Carter. «Bury the Dead»*).

Таким образом, различное в семантике родственных языков заключается в неполном совпадении слов, репрезентирующих лексико-семантические группы «Бескарыслівасць» – «Бескорыстие», неполном соответствии внутренней формы соответствующих слов, в указании на различную категорию лиц, которым преимущественно свойственны качества, называемые исследуемыми лексемами.

Сходство в семантике единиц неродственных английского и белорусского языков заключается в указании на наличие именуемых данными словами качеств у совпадающих отдельных групп лиц, в семантике единиц английского и русского языков – в большей эмоциональности при указании на наличие моральных качеств, называемых исследуемыми единицами, а также в указании на гендерную принадлежность. Внутренняя форма единиц сопоставляемых языков проявляет сходство в апелляции к самому себе.

А. А. Куц

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ ПАНЯЦЦА ПЕРАМОГА Ў БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ МОЎНАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ

З прычыны адсутнасці слоўнікаў, якія ўключаюць у сябе апісанне ключавых паняццяў беларускай культуры, складанне фрагментаў такіх слоўнікавых артыкулаў ўяўляецца актуальным на сучасным этапе развіцця беларускай лексікаграфічнай справы.

З аднаго боку, па паходжанні, паняцце з'яўляецца прадуктам разумовай дзейнасці і ўяўляе сабой вынік пазнання, у якім рэзюмуецца пэўная сукупнасць ведаў. З іншага боку, паняцце належыць ўзроўню мовы, так як яно мае план выражэння – лексему, ці сукупнасць лексем. Паняцце можа быць аб'ектывавана з дапамогай пабудовы структурных сувязяў лексіка-семантычных палёў, а таксама вербалізавана на ўзроўні мовы і маўлення. Мадэль паняцця ў структуры дадзенага артыкула ўвасабляецца ў лексікаграфічных параметрах прадстаўлення аб ментальнай сутнасці паняцця. Прадстаўленны ў артыкуле дадзеныя, атрыманы ў выніку ўліку семантычных і сінтаксічных асаблівасцяў матэрыялу 500 кантэкстаў газетных артыкулаў «Звязды» і «Нашай Нівы», у якіх актуалізуецца слова *перамога*. Прыказкі і прымаўкі адабраны з тлумачальнага слоўніка беларускіх прыказак і прымавак «Крынічнае слова» І. Р. Шкрабы.

Сярод **асноўных лексічных рэпрэзентацый** перамогі можна вылучыць наступныя: *трыумф*, *урачыстасць* 'бліскучы поспех, выдатная перамога'; *пераможца*, *пераможцац*, *трыумфатар*, *чэмпіёнка*, *чэмпіён* 'той, хто перамог, дабіўся перамогі'; *фаварыт* 'той, хто мае найбольшыя шансы на першыноўство ў спорце (звычайна пра коней)'; *лідэр* 'той, хто ідзе першым у якім-небудзь спаборніцтве'; *пераможаны* 'той, якога перамаглі'; *пераможны*, *перамаганосны* 'той, які мае адносіны да перамогі, які закончыўся перамогай, нясе перамогу'; *здабытак*, *поспех*, *дасягненне* 'станоўчы вынік працы, дзейнасці'; *адольны* 'такі, якога можна адолець, перамагчы ў барацьбе'; *непераможны* 'такі, якога нельга перамагчы'; *перамагчы*, *выйграць*, *пераадолець*, *адолець*, *трыумфаваць*, *перажыць*, *дасягнуць*, *дамагчыся*, *дабіцца*, *атрымаць*, *дапаць*, *дастукацца* (разм.), *дайсці*, *здабыць*, *заваяваць* 'дасягнуць перамогі ў змаганні; разбіць праціўніка; выйграць у якім-небудзь спаборніцтве; справіцца з якімі-небудзь цяжкасцямі, перашкодамі'; *прызёр*, *рэкардыст*, *рэкардсмен* 'удзельнік спаборніцтва, які атрымаў прыз, ўстанавіў рэкорд'; *трыумфаваць* 'радавацца, весяліцца з прычыны перамогі над кім-небудзь, з паводу поспеху ў чым-небудзь'; *трыумфальны* 'урачысты, пераможны; які праходзіць з незвычайным уздымам'; *разграміць* 'разбіць, знішчыць у баі, у выніку барацьбы'.

Комплексныя сумешчаныя рэпрэзентацыі паняцця *перамога* прадстаўлены наступным чынам: *спаборніцтва*, *алімпіяда*, *бой*, *гульня*, *ігра*, *конкурс*, *матч*, *паўфінал*, *першыноўство*, *спартакіяда*, *турнір*, *універсіяда*, *фінал*, *чвэрцьфінал*, *чэмпіянат* 'формы правядзення рознага роду спаборніцтваў для выяўлення пераможцы'; *іпадром*, *рысталішча*, *спортпляцоўка*, *рынг*, *памост*, *картынг*, *скетынг-рынг*, *корт* 'месцы правядзення рознага роду спаборніцтваў, дзе выяўляюцца пераможцы'; *кубак*, *лаўры*, *медаль*, *ордэн*, *прыз*, *трафей* 'узнагарода пераможца ў спаборніцтве'; *чэмпіён*, *герой*, *лаўрэат* 'званні, якія прысуджаюцца ў выніку перамогі'.

Да **ўстойлівых асацыятыўна-вобразных рэпрэзентацый** адносяцца наступныя лексемы: *верх* 'вышэйшае дасягненне' (пераноснае значэнне); *вырваная* (з *дзірваном*) 'перамога, дасягнутая вельмі цяжка'; *атрымаць* «золата», *стаць першым*, *прабіцца ў васьмёрку мацнейшых* 'перамагчы'; *разграміць*, *размазаць* 'разбіць у баі, у выніку барацьбы'.

Фразеалагізмы з’яўляюцца непасрэдным кампанентам культуры, крытэрыем духоўнасці народа, адлюстроўваюць шматвяковую творчасць і светапогляд носьбітаў мовы. З прычыны сваёй выключнай выразнасці, фразеалагізмы уваходзяць у літаратурную і нацыянальную мову. Да фразеалагізмаў, якія рэпрэзентуюць паняцце *перамога* належаць наступныя: *атрымаць (заваяваць) перамогу* ‘дасягнуць поспеха ў барацьбе за што-небудзь’; *браць (узяць) голымі рукамі* ‘авалодваць кім-небудзь без асаблівых цяжкасцей’; *вораг будзе разгромлен* ‘зацвярджэнне, як ужо адбыўшайся падзеі, або гарантыя таго, што каму-небудзь будзе нанесена паражэнне’; *вярнуцца з перамогай* ‘дасягнуць поспеха ў барацьбе за што-небудзь’; *галоўнае – не перамога, а ўдзел* ‘суццэшным тым, хто не дасягнуў(е) поспеху ў спаборніцтве, альбо ў іранічным тоне, у якасці ацэнкі шанцаў аўтсайдэраў у якой-небудзь галіне дзейнасці’; *Пірава перамога* ‘перамога, здабытая вялікімі ахвярамі і таму роўная паражэнню (ад гістарычнай падзеі – перамогі эпірскага цара Піра над рымлянамі, якую ён атрымаў цаной вялікіх ахвяр)’; *пабіць рэкорд* ‘ўсталяваць новы рэкорд, вышэй ранейшага’; *скласці (аддаць, узлажыць, прынесці) што на алтар перамогі* ‘прынесці ў дар, аддаць, ахвяраваць дзеля перамогі’; *узыйсці на п’едэстал перамогі* ‘атрымаць высокае грамадскае становішча; тое, што вылучае, узвышае каго-небудзь над навакольнымі, надае яму асаблівую значнасць, аўтарытэт у выніку перамогі’; *шлях да перамогі* ‘сродак, спосаб, магчымасць дасягнення, здзяйснення чаго-небудзь’.

Прыказкі і прымаўкі з’яўляюцца канцэнтратам нацыянальнай спецыфікі моўнай карціны любога народа. Яны адлюстроўваюць шматвяковы жыццёвы і працоўны вопыт, мудрасць народа, яго погляды на сусвет. Зыходзячы з гэтага, прыказкі і прымаўкі займаюць важнае месца пры апісанні паняўнага фрагмента перамога ў беларускай нацыянальнай моўнай карціне свету.

Пераможцаў не судзяць ‘таму, хто дасягнуў нечага вялікага і значнага, можна зрабіць палегку, паблажліва дараваць нешта або прабачыць’. *Адзін у полі не воін* ‘важнасць аб’яднання ў калектыв для дасягнення перамогі’. *Будзе і на нашай вуліцы свята* ‘упэўненасць, што няўдачы мінуцца, што задуманае збудзецца, праўда пераможа няпраўду’. *Бярэ не сіла, а смеласць* ‘рашучымі дзеяннямі можна лепш дасягнуць мэты, чым праз сілу’. *Галавою сцяну не праб’еш* ‘несуразмернасць намаганняў з перашкодай, якую трэба пераадолець’. *Дай бог (божа) нашаму цяляці ваўка (воўка) спаймаці (з’есці)* ‘пажаданне сабе або іншаму поспеху ў якой-небудзь справе’. *Дзе чорт не зможа, туды бабу паішле/Дзе чорт не возьме, баба справіцца* ‘жанчыны ў стане перамагчы любыя нягоды’. *За двума зайцамі пагонішся, ніводнага (ні аднаго) не зловіш* ‘лепш давесці да канца адну справу, чым пацынаць адразу некалькі, не дасягаючы поспеху ні ў адной’. *І ваўкі сытыя, і авечкі (kozy) цэлыя* ‘дасягнуць мэты так, каб не было асаблівых страт і ўсё засталіся задаволены’. *І дзець сцер, і лапці здер, і не паспавядаўся* ‘кажуць, калі не шанцуе дасягнуць задуманага’. *Хто дбае, той і мае* ‘калі прыкладаць намаганні і шмат працаваць, то можна дасягнуць жаданай мэты’. *Ніхто не забыты, нішто не забыта* ‘крылаты выраз пра святую памяць савецкіх людзей, пра

тых хто загінуў у Вялікай Айчынай вайне, і тых, хто набліжаў Дзень перамогі'. *Не хваліся, ідучы на раць/Не кажы гоп, пакуль не перескочаш* 'спачатку трэба дасягнуць мэты, а толькі потым хваліцца'. *Не нашаму цяляці авука з'есці* 'шкадаванне, што ўдача або поспех не выпадае сабе або блізкаму чалавеку'. *Не маю цяпер, буду мець у чацвер* 'спадзяванне, што задуманае або жаданае збудзецца'. *Ці пан, ці прапаў* 'аб неабходнасці выбару, які можа прывесці альбо да значнага поспеху, альбо да вельмі сур'ёзных непрыемнасцяў'. *Кропля дзяўбе камень* 'настойлівасць і цярплівасць у дасягненні мэты дае жаданыя вынікі'. *Калі гінуць, дык з музыкай* 'рашучасць дасягнуць пастаўленай мэты, нават калі ў імя гэтага трэба ахвяраваць самым дарагім'.

Такім чынам, у артыкуле прадстаўлена зона слоўнікавага артыкула паняцця *перамога*, у якую ўваходзяць лексічныя сродкі рэпрэзентацыі паняцця, комплексныя сумешчаныя рэпрэзентацыі, а таксама фразеалагізмы, атрыманыя ў выніку комплекснага аналізу 500 кантэкстаў газетна-публіцыстычнага стылю. Усе яны маюць спецыфіку, абумоўленую нацыянальна-культурнымі асаблівасцямі моўнай карціны свету беларускага народа.

Е. А. Кучугурная, Л. Осипенко

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЛУПОМ ЧЕЛОВЕКЕ
В РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(на материале устойчивых сравнений)

Лингвокультурологические особенности тех или иных языковых единиц, в частности фразеологизмов, не раз становились объектом лингвистических исследований. Как фразеологизмы в целом, так и устойчивые сравнения в частности, по замечанию В. И. Зимины, «представляют собой ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них “просвечивают” особенности жизни и быта, отражающиеся в образном мышлении данного языкового коллектива, все, чем жил человек в глубоком прошлом и что сейчас активно участвует в формировании культурных кодов, способствует усвоению культурной информации посредством языка и определяет культурный менталитет народа».

В *компаративных фразеологизмах* в качестве образа сравнения употребляются конкретные наименования (названия предметов, животных) либо прецедентные имена. Данные имена и предметы «создают у человека чувственно-наглядное представление, обеспечивающее образность устойчивых сравнений. При этом важно, что имя, используемое в устойчивом сравнении, представляет сознанию не просто стереотипные признаки предмета, а ассоциативный образ предмета» (В. И. Зимин).

О компаративных фразеологизмах написано немало, однако, как представляется, их лингвокультурная специфика на сегодняшний день изучена недостаточно. В нашей работе мы обратились к изучению устойчивых сравнений, используемых для характеристики глупого человека в русской и испанской лингвокультурах.

Проведенный анализ позволил выявить как общие, так и национально-специфические представления о глупости. Так, и в русском, и в испанском языках в качестве образа сравнения могут выступать:

1) названия животных, птиц, насекомых (*курица, баран, овца, осел, корова, burro, buey, pavo, mosca*);

2) неодушевленные предметы (*пробка, валенок, бревно, дуб, дубина, пень, полено, чурбан, чурка, cubo, zapato*).

Как можно заметить, наименования животных и птиц, выступающие в качестве образа сравнения, существенно не различаются. Например, в обоих языках глупого человека часто сравнивают с ослом: *Я с вами глуп, как осел* (Э. Радзинский); *Benzema fue tonto como un burro* (marca.com); с коровой (в русском языке) или быком (в испанском языке): *Ты считаешь, что она глупа, как корова?* (Л. Лузина); *Fuerte como un toro, pero tonto como un buey* (M. Lagunas). Вместе с тем, можно выделить и некоторые различия. Так, в русском языке довольно популярны сравнения с курицей, в испанском же они носят характер индивидуального употребления: *Если ты будешь есть много мороженого, ты станешь толстой и глупой, как курица* (А. Котов). А сравнения с индюком более типичны для испанской лингвокультуры: *«Tontos» o «eres más tonto que un pavo de Navidad» eran algunas de los insultos que una profesora lanzaba a sus alumnos* (sevilla.abc.es). Кроме этого в испанском языке существуют грубые варианты сравнений не просто с курицей или индюком, а с их экскрементами: *Las cuatro son tan tontas como la caca de sus gallinas* (C. Funke); *Es más tonto que la mierda de pavo y no lo aguanta nadie* (A. Buitrago). В русском языке, в отличие от испанского, часто встречаются сравнения с бараном или овцой: *Он был практически умен, хитер как лиса, но и туп как баран* (Б. Сарнов), а в испанском, в отличие от русского, есть сравнение с мухой: *Hay más tontos que moscas, de hecho si los tontos volaran no se vería el sol* (ecodiario.eleconomista.es).

Что касается неодушевленных предметов, общим для двух языков является сравнение с предметами, которые отличаются простотой в устройстве и использовании, однако сами эти предметы различаются. Так, в русском языке доминируют сравнения с валенком (сибирским), пробкой, пнем, бревном: *Ничего не видел, ничего не слышал, ничего не читал. Тупой, как валенок* (С. Говорухин); *Учёба давалась тяжело, я чувствовал себя глупым как пробка* (Ю. Рожкова). Для испанского языка наиболее характерно сравнение с ведром (*cubo, el asa de un cubo*): *Eres más tonto que el asa de un cubo* (cuadernosmanchegos.com). В целом можно отметить, что сравнения с неодушевленными предметами в большей степени свойственны для русской лингвокультуры.

Наиболее яркой специфической чертой испанских компаративных фразеологизмов, в отличие от русских, является использование в качестве образа сравнения имен собственных (*Abundio, Perico, Pichote, Carracuca, Pinito*). Эталоном глупости в испанском языке является *Abundio*, это так называемый *tonto nacional* 'национальный дурак' (eldiariomontanes.es). Существуют раз-

личные гипотезы относительно того, кем был этот человек в действительности. Одни утверждают, что он был крестьянином, другие, что капитаном фрегата. Совершенно точно, что поступки данного человека интерпретировались как в высшей степени глупые: «продал ботинки, чтобы купить шнурки», «продал корову, чтобы купить молока» и др. Само имя *Abundio* латинского происхождения и означает ‘обильный, избыточный; преувеличивающий’ (abc.es). Устойчивые сравнения с данным именем являются наиболее частотными в нашей испаноязычной выборке: *¡Soy más tonto que Abundio!* (С. Pérez Merinero). Другим весьма популярным именем собственным, ассоциируемым с дураком, является *Perico el de los palotes*. *Abundio* и *Perico* – это «dos tontos muy tontos» ‘два очень глупых дурака’ (culturainquieta.com). Имя *Perico*, как и *Juan*, часто используется в испанском языке для обозначения некоторого лица, имя которого неизвестно. Как указывает С. де Коваррубиас, так звали одного умственно отсталого барабанщика, или, согласно другой гипотезе, глупого человека, который никак не мог научиться писать, и вместо букв у него получались только палки (отсюда *el de los palotes*): *El novio de Ana es más tonto que Perico el de los palotes. Se cree todo lo que le dices* (J. Salanova). Еще одним известным глупцом в испанском языке является *Pichote*. Происхождение выражения *más tonto que Pichote* связывают с гангстерской войной 20-х гг. в Чикаго. Имя *Pichote* происходит от итальянского слова *picciotto* (исп. *muchacho*) ‘юноша’. Как утверждается, это кличка одного из гангстеров, который обладал юношеской внешностью. Его обманули крайне наивным образом, заманили в бар, где он и был убит. С тех пор это имя ассоциируется с глупостью и наивностью: *Tiene cara de buena persona, pero es más tonto que Pichote* (С. Pérez Merinero).

Имя *Carracuca* широко употребляется в устойчивых сравнениях, характеризующих не только глупого, но и некрасивого, старого и несчастного человека. *El nombre de Carracuca proviene de uno de esos personajes proverbiales de filiación desconocida a los que se usa como paradigma de lo negativo* (А. Buitrago). По мнению отдельных исследователей, *Carracuca* – это прозвище бродяги, карлика или придворного шута XVII века.

Помимо общенациональных, есть в Испании и региональные дураки. Так, в Кантабрии таким дураком является *Pichucas el del Muelle*. Это прозвище бродяги, настоящее имя которого Педрин и который действительно жил в Сантандере в XIX веке. Он был угрюмым, необщительным, носил на голове огромный берет, был объектом шуток и насмешек. Известен своим сквернословием и глупостью (eldiariomontanes.es). В Андалузии есть свой дурак – *Pinito*. Выражение *más tonto que Pinito* употребляется в романе Х. Р. Хименеса «Платеро и я»: *Platero, muerto él sin saber yo cómo era, ya sabes que, según ese chiquillo, hijo de una madre que lo conoció sin duda, yo soy más tonto que Pinito* (J. R. Jiménez). *Pinito* – персонаж романа, нищий пьяница, которого все считали очень глупым и насмехались над ним.

В ходе исследования нами были выявлены сравнения, которые появились совсем недавно. Так, в Испании весьма популярным в последнее время стало сравнение *más tonto que el pulpo Paul* ‘глупее, чем осьминог

Пауль'. Выражение было употреблено во время предвыборной кампании в парламент в 2011 г. лидером партии «Объединённые левые» Кайо Лара по отношению к действующему правительству и его главе Х. Л. Родригесу Сапатеро: *Es más tonto que el pulpo Paul, que acertó que España iba a ganar el Mundial de fútbol y el Gobierno no acierta ni una* (elimparcial.es). Осьминог Пауль, как известно, предсказал победу Испании в Чемпионате мира по футболу в 2010 г., хотя до этого не раз ошибался. Однако его предсказания не имеют никакого отношения к науке и многими воспринимаются как «глупости». Сегодня сложно сказать, станет ли данное выражение устойчивым. Однако на данный момент оно довольно популярно и часто цитируется.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно утверждать, что компаративные фразеологизмы, характеризующие глупого человека, обладают рядом национально-культурных особенностей, отражающих традиционные представления о глупости в русской и испанской лингвокультурах.

Л. М. Надумович

АССОЦИАТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЛОВ-ЗООНИМОВ РУССКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

В данном докладе представлены результаты исследования концептных значений слов-зоонимов в русском и монгольском языках, а также сходств и национальной специфики данных значений на основе сопоставительного исследования двух национальных языковых картин мира. Для решения поставленных задач была использована комплексная методика, включающая в себя эксперимент с носителями монгольского и русского языков, направленный на сбор языкового материала, обработку собранного материала, его описание и интерпретацию.

Нами проведено исследование ассоциативных полей слов *корова, кошка и кролик* в русском языке и *үнээ, муур и туулай* в монгольском языке. Отбор материала осуществлялся с учетом того, какое место занимает животное в жизнедеятельности конкретного этноса. Корова относится к пяти основным домашним животным в Монголии. Кошка и кролик – домашние животные, которые редко встречаются у монголов. Корова и кошка – домашние животные, часто встречающиеся у русских; кролик – редкое домашнее животное и в России.

С опорой на ассоциативные поля слов и с целью описания ассоциативного значения мы составили список когнитивных признаков, отражающих различные компоненты обыденной семантики, который был положен в основу семантической интерпретации ассоциативного материала. В данный список вошли следующие признаки: 1) продукты, полученные от животного человеком; 2) название тела животного, части тела, органа, продукта; 3) общее обозначение животного, а также обиходные, сниженные и метафориче-

ские названия, клички; 4) характерный признак, качество; 5) характерное врожденное или приобретенное свойство; 6) исконная или приобретенная функция; 7) характеристика совершаемой животным функции; 8) человек, имеющий отношение к животному; 9) места обитания, а также предметы, признаки и свойства этих мест; 10) корм для животного; 11) эмоциональное или оценочное отношение к животному; 12) название класса, подкласса, отряда, рода, породы; 13) название самок, самцов, детенышей, а также их обиходные названия; 14) действие человека, связанное с животным; 15) названия других животных; 16) название совокупности животных; 17) предметы, которые использует человек в работе с животным; 18) культурные артефакты; 19) изделие из животного продукта; 20) отношение к человеку; 21) ассоциации по форме; 22) другие.

Энциклопедические компоненты ассоциативных полей слов двух различных национальных картин мира имеют зоны тождества, которые образуются совпадающими реакциями, и зоны контраста с различающимися реакциями. В качестве примера приведем фрагменты ассоциативных полей слов *корова* и *үнээ*: *рога 5, трава 4, деревня 3, мычит 2, теленок 2, Буренка, волоокая 1, вымя 1, детство 1, колокольчик 1, коровник 1, луг 1, Индия 1, мычание 1, сено 1, сметана 1, стадо 1, пятна 1, плетка 1, рогатая 1, пастбище 1, пастух 1, хвост и пятна 1; 4 хөхтэй 2 (с 4-мя сосками), урт сүүлтэй 1 (с длинным хвостом), тугал хөхүүлэх 2 (кормит теленка), эвэр 1 (рога), ам 1 (рот), дэлэн 1 (вымя), тарган 2 (упитанный), бүдүүн 1 (толстый), номхон 1 (спокойный), тайван 1 (тихий), тугал гаргадаг 1 (заводит теленка), тугаллах 1 (телиться), мөөрөх 1 (мычать), хуцах 1 (лаять), мөөрнө 1 (мычит), ферм 1 (ферма), өвс 1 (сено), тугал 8 (теленки), бух 2 (бык-производитель), үхэр 6 (бык), сарлаг 4 (як), чоно 1 (волк), ямаа 1 (коза), үнэр 1 (запах), сандал 1 (табуретка), зэл 1 (протянутая волосная веревка для привязывания телят и жеребят).*

Из сопоставительного анализа видно, что совпадающими в ассоциативных полях являются 8 реакций; а различающимися – 15 и 18 реакций соответственно. К совпадающим ассоциациям на слова *корова* и *үнээ* в двух лингвокультурах относятся слова, обозначающие внешние признаки животного (*рога, вымя, хвост, урт сүүлтэй, эвэр, дэлэн*), особенности его поведения (*мычать, мөөрнө*), кормления и содержания (*сено, коровник, ферм, өвс*). Различающиеся ассоциации в русской национальной языковой картине мира связаны с местом и оседлым характером содержания животного (*деревня, пастбище, пастух, трава, колокольчик, плетка, луг*), с возрастом человека (*детство*), с культурными артефактами (*Индия, Буренка, волоокая*); в монгольской национальной языковой картиной мира – с характерными свойствами животного (*номхон, тугал хөхүүлэх, тайван, тарган*); с плодородием (*тугал хөхүүлэх, тугал гаргадаг, тугаллах, бух, зэл*).

Сопоставительный анализ слов *як*, обозначающего экзотическое животное для носителей русского языка, и *сарлаг*, которое обозначает животное, распространенное в Западной Монголии, показал очень низкий процент

совпадения реакций, относящихся к энциклопедическому компоненту (рога, горы, степь); *эвэр* (рога), *уул нурууд* (горы), *хангай газар ихэвчлэн амьдардаг* (живет в местности, где степь, горы и реки).

Наиболее близкими в содержательном отношении являются утилитарные компоненты различных национальных языковых картин мира. Совпадение реакций, входящих в состав данных компонентов, во многом связаны с совпадением прагматического отношения людей к домашним животным в обеих национальных культурах. Например, даже в ассоциативных полях слов *як* и *сарлаг* встретились такого рода совпадения: молоко, шерсть, еда; *сүү* (*сүүтэй*) (молоко, молочный), *өрөм* (пенки) *ноос* (шерсть). Исключение составляют слова *кролик* и *туулай*, *кошка* и *муур*. Различия прагматических компонентов у данных слов мы связываем с особенностями образа жизни двух народов: исторически сложившийся кочевой образ жизни монгольского этноса не позволял разводить кроликов и кошек в качестве домашних животных; и напротив, оседлый образ жизни русского народа позволяет содержать данных животных в качестве домашних.

А. Ю. Петух

АНДАЛУЗСКИЙ ДИАЛЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ИСПАНИИ

Об андалузском диалекте были высказаны самые разнообразные идеи не только лингвистами, но и исследователями региональных национализмов. Это обусловлено многими факторами: наибольшим количеством фонетических, лексических и грамматических особенностей, а также большой распространённостью андалузского диалекта.

Данные особенности уходят своими корнями глубоко в прошлое. В ходе Реконкисты христианские феодальные княжества, освобождаясь от мусульманского владычества, образовывали самостоятельные государства, где шел процесс формирования собственных политических и хозяйственных структур, происходило становление особенных культурных и языковых норм.

Языковые нормы развиваются в языке по внутренним законам, присущим системе языка, а также под воздействием внешних условий жизни общества. Юг полуострова всегда был более подвержен иностранному влиянию. В средние века на этой территории проживали выходцы из Арагона, Галисии; Португалии, Италии, Франции, Германии. При подобном многообразии речь жителей динамично развивалась.

Особенность «андалузского говора» наиболее репрезентативна на фонетическом и лексическом уровнях. Фонетика заметно отличается от норм пиренейского стандарта, причем можно выделить такие явления, которые позволяют провести границы его распространения. Например, явление *seseo* в Севилье подразумевает произношение фонем *[s]* и *[θ]* как *[s]*. Вторая особенность также характерная для Севильи, но в меньшей степени, – *seseo*,

в результате получается звук [θ]. Оба варианта противопоставляются друг другу через различное произношение звука [s] и глухого зубного щелевого согласного [θ]. Данные явления присущи, преимущественно, жителям сельской местности, кроме того это находит свое отражение в литературе, являясь отличительной чертой персонажей из низших слоев общества.

Так же как, например, в санскрите конечное -s перед паузой превращается в придыхание, или в армянском, где -s перед гласными или перед паузой не произносится, в андалузском диалекте наблюдается опущение -s в конце слова или перед согласными. Несмотря на довольно высокую распространенность этого явления, в окончаниях множественного числа существительных и прилагательных и в форме 2-го лица единственного числа глаголов -s практически всегда сохраняется. Однако опускается, например, в окончаниях 1-го лица множественного числа глаголов, в именах собственных и др. Подобная избирательность отражает сознательный выбор авторов в пользу употребления диалектной формы, а это является неотъемлемым признаком стилизации. Стилизация диалектной речи используется как прием создания речевой характеристики персонажей, и это подтверждается применением диалектизмов в речи героев.

Именно эти традиционные фонетические особенности являются одними из наиболее выразительных. Стоит отметить их проникновение в литературный язык, где они используются в целях характеристики персонажей, для создания местного колорита или создания эмоционального напряжения.

Наличие структурно значимых изменений по сравнению с кодифицированным испанским языком на фонетическом уровне подчеркивает его языковой статус в современной лингвистической ситуации Испании.

О. А. Полетаева, А. А. Горбацевич

ЗООМОРФИЗМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА (на материале русского и английского языков)

Для нашего исследования мы определили функционально-семантическую группу зооморфизмов как совокупность названий животных (зоонимов), употребляемую во вторичном значении и используемую по отношению к человеку.

Материалом для анализа выступили 74 наиболее общеупотребительных зооморфизма, отобранных из «Толкового словаря» Ефремовой Т.Ф., «Большого толкового словаря русского языка» Кузнецова С.А. и «Толкового словаря русского языка» Ожегова, и эквиваленты этих зооморфизмов в английском языке, взятые из онлайн-версий таких словарей, как «Collins English Dictionary», «Cambridge Dictionary». Значения зооморфизмов сравнивались в контекстах художественных текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка и Британском национальном корпусе.

В английском языке 42 из 74 лексем зоонимов имеют переносное значение, способное употребляться по отношению к человеку. Однако это ни в коем случае не говорит о бедности английского языка, поскольку некоторые животные, имеющие несколько номинаций в русском языке (*собака, пес, кобель*); в английском представлены одной лексемой *dog*.

Примечательно, что из 42 случаев, только в 14 переносные значение в языках различаются, в 5 случаях семы частично совпадают, что связано, в первую очередь, с тем фактом, что зачастую зоонимы развивают более, чем одно вторичное метафорическое значение. Это объясняется тем, что в основу метафоры могут быть положены разные признаки животного (внешность, особенности поведения или ассоциации, которое это животное вызывает.) Например, *слизняк* в русском языке – *безвольный человек*, а *slug* в английском – *ленивый человек*. В 23 случаях вторичные зооморфные значения совпадают (*свинья, pig* – *подлый человек, человек с плохими манерами, стервятник, vulture* – *жестокый человек*).

Зооморфная лексика несет в себе ярко выраженную оценочность. В русском языке 22 % проанализированных лексем содержат положительные коннотации (*газель, голубка*), 10 % – нейтральные (*морж, сова*) и 68 % – отрицательные (*крыса, крокодил*). В английском языке процентное соотношение примерно такое же: на отрицательные коннотации приходится 60 % (*drone, dog*), нейтральные – 22 % (*whale, bull*) положительные – 17 % (*lambkin, lion*).

Стоит отметить, что одни и те же явления окружающей действительности по-разному отражаются в языковой картине мира носителей разных языков, а зооморфная лексика является культурно-специфичной. Таким образом, изучение зооморфных метафор способствует осмыслению национальной самобытности и особенностей менталитета разных народов.

А. А. Романовская

СУГГЕСТИВНАЯ ФУНКЦИЯ АНТИЧНОГО СИМВОЛА

Античный символ, используемый в современном художественном тексте, внушает, вызывает определенные представления у получателя (референта), иными словами, выполняет суггестивную функцию. Рассмотрим в плане суггестивности выражения, в которых присутствует символ. Именно наличие символа создает эффект внушения.

Представим Сталина, ... допускающего существование так называемого Демиурга (Ю. Алешковский). Античный *Демиург* символизирует культурное геройство, творчество, созидание, цивилизацию. И если в современном тексте повествователь использует данный античный символ, то можно (на основе суггестивной функции символа) предположить, что речь идет о Богосоздателе, и тогда становится понятным императив автора представить Сталина, но другого, допускающего существование Бога.

Оставьте в покое свою Мнемозину, милостивый государь (С. Соколов). У одного данная фраза вызовет такие же ассоциации, как и фраза *Оставьте в покое свою Надежду, Анну* и т.д., у другого – вызовет любопытство по

отношению к женщине, которую зовут Мнемозина, у третьего – Мнемозина вызовет ассоциации, связанные с античной мифологией, заставит извлечь из глубин культурной памяти генотип, выражающий имплицитный смысл, находящий свое воплощение в константе «память» (*Мнемозина* – символ памяти).

Наличие символа в высказывании задает эстетический стимул, но это не значит, что он обязательно вызывает эмотивный эффект. Реферативная фраза, отмечает У. Эко, сказанная при определенных обстоятельствах, может приобретать эмотивное значение, а также эмотивное выражение в некоторых ситуациях приобретает значение реферативное. Для нас важным является факт наличия в высказывании античного символа, делающего сообщение суггестивным на основе эмотивности, которая проявляется потому, что знак, используемый как двусмысленный, в то же время воспринимается как отсылка, предполагающая и культурно-мифологическое значение, с которым символ соотносится однозначно, и ряд коннотаций, возникающих на основании функционирования символа в контексте.

Рассмотрим контекст, содержащий перифразу, отсылающую к античному символу. *Я – неволя, недоля и дольная незабудка. Я – любит-не-любит. Я – терпится-слюбится, слюбится-воспарится. И воспарив над юдолью, начнешь препарировать бытие, вычленять из него парную, кровоточащую суть. Не корми ею птиц небесных: те сыты печенью Огнекрада. Но капля по капле, кусок за куском претворяй ее в прозу живую. Терпи и трудись* (С. Соколов). Огнекрад вызывает ассоциации, связанные с античной мифологией. Это Прометей. Мифологический Прометей – символ героизма, справедливости, силы, ловкости, храбрости, мудрости, хитрости, цивилизации. Фраза *Птицы сыты печенью Огнекрада* напоминает об орле, который ежедневно выклевывал печень прикованного Прометея. Орел – священная птица Зевса – направляет сознание к генотипу, воплощенному в константе «верх, верховная власть». Тогда смысл, заключенный в контексте, выражает обращенный к писателю призыв – трудиться над познанием жизни и над отражением ее в живой прозе, необходимой людям. Таким образом, данное сообщение (контекст) на основе суггестивной функции символа открыто целому ряду коннотаций, которые выходят за рамки обозначаемого. Различная реферативность выражения заключается не в нем самом, а в его получателе. Добавим, что речь идет в нашем случае о сообщениях, взятых из художественных текстов, то есть заданных автором-писателем (одним человеком). Другими словами, от получателя-интерпретатора зависит, какими путями будет осуществляться продвижение к генотипу, если такое путешествие предполагается вообще. Если символ оживит воспоминания в сознании, то генотипические (имплицитные) смыслы дадут в дискурсе игру коннотаций, которые будут своими, особенными у каждого получателя, но не различными, имеющими пределы, называемые, *полем суггестивности* (У. Эко). Параметры поля обусловлены языковой картиной мира, культурными и психологическими параметрами адресата, особенностями среды его обитания.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ И РУБРИКАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Важнейшим фактором формирования общественного мнения в современном обществе его жизни являются средства массовой информации. Частичным синонимом понятия *средства массовой информации* является термин *пресса* как самый основной, распространенный и исторически самый ранний вид масс-медиа. Функциональным стилем, соответствующим языку прессы, является п у б л и ц и с т и ч е с к и й ф у н к ц и о н а л ь н ы й стиль.

Тематический диапазон публицистического стиля чрезвычайно широк, он включает в себя политику, идеологию, экономику, культуру, спорт, здоровье, текущие события и др. Именно по этой причине публицистику называют «летописью современности».

Объектом исследования стали цветообозначения, употребляющиеся в публицистическом тексте с целью выражения оценки, эмоций, хода мысли, взволнованности темой и предметом публицистического выступления.

В рамках данной работы были проанализированы цветообозначения в двух рубриках публицистического текста испанской качественной прессы: «Политика» и «Спорт».

Для анализа цветообозначений в рубрике «Политика» были отобраны лексические единицы, включающие следующие хроматические цвета: *rojo*, *verde*, *azul*. Для анализа был привлечен материал качественных испанских изданий: «El Mundo», «El País», «ABC».

Политические цвета – это цвета, связанные с различными политическими идеологиями, которые выступают в качестве знака или символа идентификации. В большинстве случаев данные колоративы совпадают с цветами флага или какими-либо другими сторонами политической символики, в частности, цветом рубашки. Тем не менее, иногда использование некоторых цветов может сталкивать противостоящие политические идеологии. Политические цвета могут быть связаны с другими движениями, примыкающими к политике, а также с различными общественными движениями и пропагандой некоторых экономических систем.

Такие цвета как *красный* и *синий* являются одними из самых употребительных, так как они ассоциируются с политическими партиями левого и правого толка. Однако данное противопоставление появилось значительно раньше, чем происхождение данного политического спектра (левые–правые). Еще во времена Великой французской революции широкое распространение получило цветовое выражение для обозначения социальных различий: противостояние между голубой кровью и красной кровью. Кроме того, оппозиция *красного* и *черного* также широко используется для тех же целей. Это можно увидеть в названии романа Стендаля «Красное и черное», которое отражает оппозицию между мундиром, символизирующим революцию, и рысой, которая символизирует старый порядок.

В настоящее время *синий (голубой)* обычно ассоциируется с правыми силами в политике. Так, например, его используют Народная партия в Испании и Консервативная Партия Великобритании. Синий считается цветом политических партий консервативной идеологии. Данная традиция восходит к партии тори, которые уже в XVII в. использовали его как «политический» цвет в Великобритании, первой стране, которая приняла парламентскую монархию.

Во время Французской революции *синий* начал использоваться как цвет республиканцев и выступал в роли оппозиции белому цвету монархии и черному, который использовался как цвет клерикальной партии. Таким образом, синий начал характеризовать правых под влиянием британской партии тори и по причине разделения французского парламента, в тот момент состоявшего из республиканцев (умеренных, которые сидели справа) и более радикальных (которые занимали места слева). С этого момента и появилось разделение на левых-правых в политике

Зеленый цвет, в связи с преобладанием этого цвета в растительном мире, чаще всего ассоциируется с так называемыми «зелеными» партиями, выступающими за защиту окружающей среды.

Партии «зеленых», или партии экологов это формально созданные политические партии, основанные на принципах зеленой политики. Обычно эти принципы включают социальную справедливость, зависимость от низовой демократии, ненасилие и акцент на защиту окружающей среды. «Зеленые» считают, что осуществление этих принципов ведет к улучшению здоровья в мире. Зеленые партии в настоящее время играют все более важную роль в политической жизни многих стран.

Также проводилось исследование об употреблении цветообозначений в рубрике «Спорт». Широко известно, что каждый футбольный клуб имеет определенную раскраску спортивной формы. Следует учитывать, что цвет имеет не только прямое назначение, т.е. обозначает одну команду и отличает ее от другой, но и становится своеобразным символом игроков. «Защищать цвета клуба» – это уже давно не просто выражение, повсеместно известное и часто мелькающее на страницах газет, оно приобрело новое значение, как для футболистов, так и болельщиков. Однако всегда ли игроки защищали конкретный цвет или некоторые клубы претерпели изменения в экипировке?

Опираясь на цветовую гамму спортивной формы, в испанской прессе широко используются клубные цветонаименования. Так, в печати часто встречается название *azulgrana*, которое обозначает футбольный клуб «Барселона».

Для анализа спортивных цветообозначений в испанской прессе были выбраны лексические единицы двух хроматических цветов: *rojo* и *azul*. Был привлечен материал качественных испанских изданий: «El Mundo», «El País», «ABC».

Стоит отметить, что данные цвета не имеют столь частотного употребления в испанской прессе, так как большинство команд не имеют экипировки

данных цветов, однако стоит учитывать, что высокий показатель частотности синего цвета обеспечивают «сине-гранатовые» игроки клуба «Барселона».

«Красно-белые» в испанской прессе – игроки «Атлетико Мадрид», а «зелеными» именуют сборную Ирландии по футболу, а также баскетбольную команду НБА «Бостон Селтикс».

Таким образом, можно отметить, что в современной испанской прессе широко используется цветовая политическая символика. Политические партии и общественные движения активно используют цвет для самоидентификации и в роли символа. Цветовая гамма политических цветов в испанской прессе достаточно разнообразна. Цветовые прилагательные получают в публицистике новое символично-политическое осмысление. В спортивной рубрике данные цветообозначения не получили столь широкого распространения, что связано с небольшим количеством успехов клубов данных цветов.

А. С. Саевич

ПОНЯТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ЯЗЫКА (на примере испанского языка)

За последние десятилетия в языкознании выделилась новая область лингвистических исследований – *теория вариантов языка*, занимающаяся изучением форм существования языка, языковых систем, которые включают в себя идиолекты, говоры, диалекты, территориальные и национальные варианты языка.

Г. В. Степанов стал первым ученым, который начал заниматься вопросами национального состояния системы единого литературного языка. Именно ему принадлежит формулировка концепции национального варианта литературного языка. Под *национальным вариантом языка* понимаются «такие формы национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но, вместе с тем, приобретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности». Важно отметить в этом определении, что национальный вариант языка «обслуживает нацию, как и любой национальный язык». Однако стоит разграничивать понятия языкового варианта и диалекта, т.к. диалект не обслуживает столько большую национальную общность, а только лишь часть этой общности, в ограниченной сфере общественной жизни.

Национальные разновидности выступают в роли определенных форм приспособления единого языка к нуждам общественного развития, к традициям данной нации, иными словами, представляют особые формы функционирования единого языка. Г. В. Степанов подчеркивал, говоря о странах Латинской Америки, что «У американской разновидности испанского языка за четыре с лишним столетия сложилась своя история, в странах Латинской Америки возникла своя языковая традиция, своя языковая политика, свое эстетическое понимание норм общенародной речи».

Для культурно-языкового строительства определенной нации одним из важнейших факторов является национальная нормализация литературного языка. А. И. Домашнев отмечает, что *национальный вариант литературного языка* – это специфичная форма функционирования единого языка, которая не обладает резкими структурными расхождениями от других таких же форм данного языка. По такому определению важным является то, что национальные варианты литературного языка представляют собой результат сложения литературных норм на базе родственных диалектов или «трансплантации» языка в процессе миграции его носителей, или разъединение «коллектива сношений» вызванного установлением политической и территориальной границы в рамках единого языкового ареала.

Еще одним важным моментом является то, что литературный язык будет значительно отличаться от «*островных языков*», т.к. последние обслуживают представителей языковой общности, рассеянных среди других этносов, либо компактно проживающих в иноязычном окружении. Функций, схожих с национальным вариантом языка, у них не наблюдается и «островные языки» существуют в условиях постоянного двуязычия.

Таким образом, в условиях каждого отдельного коллектива выявляются релевантные языковые черты, которые в своей совокупности и образуют национальное своеобразие данного литературного языка.

Изучение особенностей национальных вариантов испанского языка стало крайне интересным и важным с введением в научный обиход понятия *национальный вариант испанского языка*, т.к. именно это вызвало интерес среди латиноамериканских и испанских лингвистов в отношении статусов разновидностей испанского языка.

Однако сложным является дифференцировать признаки вариантов испанского языка в Латинской Америке, и в литературе еще не выработаны эти дифференциальные признаки, которые смогли бы четко разграничивать и классифицировать такие понятия как *диалект* и *национальный вариант языка*. Так, например, в этнодемографическом справочнике С.И. Брука «Населения мира» можно встретить такие определения как: «аргентинский диалект испанского языка», «гватемальский диалект испанского языка», «местный диалект испанского языка» (о языке никарагуанцев), в которых произошла подмена хоть и родственных, но все-таки очень различных понятий.

Под *диалектом* подразумевается разновидность языка, распространенного на определенной территории и часто отличающегося от литературной нормы лексическими, фонетическими или грамматическими характеристиками. Диалект складывается в пределах одного государства. Например, андалузский диалект испанского языка распространен в Испании в таких регионах как Андалусия, Мелилья, Сеута, Гибралтар, встречается только в Испании и лимитирован территориально. Несмотря на языковое единство Латинской Америки, в силу территориальных, исторических и культурных обстоятельств в каждой стране существует свой национальный вариант испанского языка.

Язык как средство коммуникации непосредственно связан с культурой самыми разнообразными и сложными отношениями. При этом языковые контакты возникают как при непосредственных контактах народов, так и при отсутствии их, представляя важную часть опосредованных контактов культур.

Заимствование лингвистических единиц является одним из серьезных последствий взаимодействия культур, одновременно представляющее собой определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей. Таким образом, отмечается активное заимствование лексики, обозначающей различного рода объекты природы и явления культуры.

По причине существования многочисленности вариантов испанского языка для него характерны сопоставительные исследования, которые проводятся с целью сравнения функционирования различных языковых средств национального варианта языка Латинской Америки с национальным вариантом языка Испании.

Существует множество теорий о происхождении и формировании языковых вариантов испанского языка в Латинской Америке. Испанские исследователи выделяют три теории: *teoría andalucista*, *teoría indigenista* y *la koiné antillana*.

Из данных теорий именно *teoría andalucista* ‘теория субстрата’ получила наибольшее распространение и стала центром серьезной полемики между испанскими и латиноамериканскими лингвистами. Р. Ленц в своей работе «Estudios chilenos. Fonética del castellano en Chile» провел первые исследования о влиянии субстрата на испанский язык в Латинской Америке. Ученый «впервые возвел “фонетические пороки” речи в ранг феноменов, достойных научного изучения». Ленц сопоставлял местные особенности в Чили с приблизительно сходными фактами арауканской фонетики, однако пришел к «ошибочной теории об арауканизации испанского языка как о решающем факторе формирования чилийского диалекта». Это случилось в силу отсутствия сведений о других разновидностях испанского языка в Латинской Америке. Р. Ленц пришел к неверной мысли о том, что фонетика чилийского диалекта эволюционировала больше, чем на любой другой территории.

Позднее А. Алонсо приходит к выводам, идущим в разрез с теорией Р. Ленца. Он выявил, что фонетические «отклонения» охватывают значительно большую часть территории распространения в Латинской Америке, и встречаются не только в Чили, но и в Боливии, Эквадоре, Парагвае, Аргентине и т.д. А. Алонсо допускал явление субстратов только там, где это было невозможно объяснить в рамках диахронической испано-американской диалектологии.

Проблема заключается в том, чтобы установить, обязана ли какая-либо лингвистическая особенность субстрату или адстрату или же ее причиной послужила внутренняя эволюция лингвистической системы.

Известно, что субстрат не оказал никакого влияния на фонетическую и морфосинтаксическую систему испанского языка, однако его влияние хорошо заметно в лексической системе языка. Можно сделать вывод, что важность субстрата зависит не от важности самого туземного языка, а от первенства исторического контакта.

Лингвистическая интерференция в Латинской Америке всегда была полемичной и волнующей темой, но никогда не подвергалась чисто лингвистическому исследованию, а скорее, историко-географическому или политическому, что не давало объективной картины. Таким образом, испанисты отрицают важность влияния туземного субстрата, в то время как индихенисты, наоборот, преувеличивают ее роль.

Испанский язык принадлежит к одному из самых распространенных языков мира. Социолингвистический статус испанского языка в латиноамериканских государствах определяется как «национальный вариант» испанского языка. Несмотря на то, что каждый из национальных вариантов испанского языка имеет свои национально-культурные особенности, он продолжает оставаться единым для всех испаноговорящих государств.

Е. В. Тихоненко

ФАКТЫ КУЛЬТУРЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение. Язык не может быть выделен из культуры и существовать в изоляции от нее. Учащиеся, изучающие иностранный язык, неизбежно будут сталкиваться с фактами культуры на пути овладения иностранным языком. Социокультурный компонент в содержании обучения иностранному языку играет существенную роль в развитии личности учащегося, так как дает возможность не только ознакомиться с наследием культуры страны изучаемого языка, но и сравнить его с культурными ценностями своей страны, что способствует формированию общей культуры студента.

Как показывает анализ педагогической и научно-методической литературы, проблема всестороннего рассмотрения принципов отбора факторов культуры и их интерпретации в методике обучения РКИ до настоящего времени является одной из наиболее острых и пока недостаточно изученных.

Обучение иностранных студентов в Беларуси обладает спецификой, которая предполагает обучение русскому языку и белорусской культуре. Изучая русский язык, иностранные учащиеся получают возможности расширить представления о русской культуре и жизни русского народа. Говоря об уникальной позиции Беларуси, нельзя не отметить взаимопроникновение русской и белорусской культур, предпосылки для которого складывались

исторически. В то же время в культурном и историческом плане Беларусь сохраняет и транслирует свою самостоятельность и независимость от России. Этот факт нашел свое отражение и в сложившейся практике обучения иностранных студентов в Беларуси на русском языке. Иностранные студенты, выбирая высшее учебное заведение Беларуси, оказываются в регионе со своими национально-культурными особенностями, которые инофону необходимо понять и освоить. Таким образом, при обучении иностранцев русскому языку в Беларуси гармонично сочетается проблема привнесения белорусского социокультурного компонента в содержание обучения на основе русского языка.

Историко-культурное наследие Беларуси является достоянием белорусского народа и неотъемлемой частью достижений мировой цивилизации, представляет собой важнейший источник для формирования фактического материала культуроведческой направленности, на основе которого возможно пополнить знания обучаемых о белорусской культуре, политической и экономической жизни страны, а также предоставляет широкие возможности для формирования социальной, лингвистической и коммуникативной компетенций учащихся. Источники этих представлений могут быть самыми разнообразными: информация о Беларуси, ее культурных ценностях, географическом положении и климате, а также об основных вехах развития ее истории, выдающихся событиях и людях.

Перейдем непосредственно к рассмотрению принципов отбора фактов культуры при обучении РКИ. Одним из эффективных принципов является предложенный В. В. Сафоновой принцип дидактической культуроразности, который включает в себя несколько составляющих. Согласно этому принципу, при отборе фактов и событий культуры, а также способов их интерпретации следует учитывать ценностный смысл и ценностную значимость отбираемых материалов. Кроме того, В. В. Сафонова считает важным соответствие информации интересам учащихся. Это поможет увеличить вероятность использования полученных знаний на родном языке.

Не менее существенным является учет принципа приемлемости культуроведческого материала с точки зрения возрастных особенностей, когнитивных и коммуникативных возможностей обучающихся. Следует определить наличие и такого культуроведческого материала, на основе которого возможно ознакомить обучаемых со способами защиты от культурной агрессии и культурной дискриминации.

Принцип поликультурности – использование текстов, содержащих информацию сразу о нескольких странах с целью сопоставления родной и иноязычной культуры.

Принцип образцовости текста, в котором показывается, как под влиянием событий в жизни страны, явлений природы изменяется жизнь людей, какие особенности и формы она приобретает, что делает один народ отличным от другого. Именно из подобных текстов учащиеся получают

самую разнообразную информацию, связанную с жизнью страны изучаемого языка, а также образцы предъявления такой информации о родной стране для успешного взаимодействия с представителями другой культуры.

Важнейшим принципом отбора текстов по русскому языку как иностранному является принцип «дуплекса», в соответствии с которым отбираются два текста на одну и ту же тему, важную для диалога культур, раскрывающие содержание темы с точек зрения коммуникантов. При этом отбирается актуальный учебный материал, который либо оказывает влияние на эмоциональную сферу обучаемого, либо содержит интересные для обучаемых факты.

Эффективность обучения обусловлена следующими методами: 1) поощрение и стимулирование интереса учащихся; 2) поощрение творческого подхода; 3) метод проблемных ситуаций и проблемных вопросов; 4) частично-поисковый и исследовательский методы; 5) контент-анализ и лингвокультурологический анализ пословиц, поговорок, фразеологизмов и характерных для русских высказываний; 6) метод освоения всех аспектов языка через призму культуры; 7) метод приучения, предназначенный для выработки навыков культуры поведения.

Использование перечисленных выше принципов отбора фактов культуры можно проследить на примере материалов культуроведческого модуля программы по «Практике устной и письменной речи» для иностранных учащихся первого курса, в который включены лингвострановедческие темы, композиционной и содержательной основой каждой из которых является текст, служащий базой для обучения межкультурной коммуникации: «Живем и учимся в Беларуси», «Минск – столица Республики Беларусь», «Искусство», «Спорт», «Известные люди Беларуси» и др.

Приведем несколько примеров заданий, выполняемых на занятиях русского языка, в рамках лингвокультурологического подхода:

1. Задание на скороговорки очень полезно как для развития дикции, тренировки интонации, а также эффективно для определения культурных концептов. Предлагаемые скороговорки должны содержать фоновые знания, а также иметь возможность выявления и анализа культурных концептов.

2. Задания на изучение и анализ фразеологизмов, пословиц и поговорок позволяют расширить культурный уровень учащихся, повысить уровень владения языком, поскольку употребление в речи крылатых и образных выражений делает речь говорящего более эмоциональной, живой и яркой.

Таким образом, необходимость специального отбора и изучения лексических единиц, в которых наиболее ярко проявляется своеобразие национальной культуры и которые невозможно понять, не владея определенными знаниями культурно-исторического плана, остро ощущается во всех случаях межкультурной коммуникации. Работа над объяснением и уточнением семантики воспитывает у студентов-иностранцев культуру мотивированного употребления слов, помогает правильно понимать и воспринимать факты культуры, используемые при обучении межкультурной коммуникации.

БЕССОЮЗНЫЕ АВТОРСКИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗНОСТИ
В ПОЭЗИИ Ф. ИСКАНДЕРА

Сравнение – одна из эмоционально-экспрессивных форм художественного мышления. Образность сравнений, по мнению Г. А. Основиной, служит раскрытию «внутреннего мира персонажей, конкретизации картины внешнего мира, различных зрительных и слуховых представлений читателя».

Общеизвестна классификация типов выражения сравнений А. И. Ефимова, который выделяет следующие конструкции:

- сравнительные обороты с союзами *как, словно, точно* и др.;
- сравнительные придаточные предложения;
- сравнения, выраженные творительным падежом;
- сравнения, выраженные родительным падежом вместе со сравнительной степенью имени прилагательного;
- сравнения, образованные с помощью имени прилагательного *похожий*;
- сравнения «спадающие» или развернутые.

Сравнение является важным элементом идиостиля художников слова, поскольку отражает индивидуальный образ мира автора, создает неповторимые ассоциативные характеристики. Смоделированные автором художественного произведения образы выступают как альтернатива действительному миру. Это явление наблюдается в поэтическом языке Ф. Искандера, больше известного нам как прозаика.

В рассматриваемом нами сборнике стихотворений «Путь» (1987 г.) были отобраны бессоюзные сравнительные конструкции: «имя существительное в т.п.» (22 ед.), «сравнения со словом *похожий*» (11 ед.), «сравнения со словом *подобный*» (2 ед.).

Конструкция «имя существительное в Т.п.» представлена следующими образованиями: *вихрями крови и снега; вывернутая изнанкой; грохочущую колею; гусарскою шпорой; дятлом; звездой падучей; золотозубая горою; и в одиночку и капеллой; листовую брызнули зеленой; монеткой; отрезвевшею змеею; первородною свежестью; птица птицей; пулей рванулся; раной ножевой; столбами света; строенной иглой; струей крученой; тоскою пустынной и желтой; тяжелым сфинксом; царевной; яичком.*

Автор наиболее часто обращается в своей поэтической речи к таким областям жизни, как:

- **мир природы:** кукуруза – гора; ястреб – птица; вода – изнанка; колья – листва; вода – струя; плод – звезда; вожак – сфинкс.

Золотозубая горою кукуруза

Навалена почти до потолка... («Абхазская осень»)

*Обрывистое, каменное ложе.
Вожак загадочным (но хрюкающим все же),
Тяжелым сфинксом замер на скале.
Он словно сторожил свое надгробье,
На океан взирая исподлобья
С гримасой самурая на челе. («На лежбище котиков»);*

• **артефакты:** мелочь – шпора; телефоны – капелла.

Например:

*Хозяин портального крана –
Пускай не изысканный вид,
Но мелочь порой из кармана
Гусарскою шпорой звенит. («В парке»);*

• **человек:** брат – пуля; летчица – вихри; путь слезы – рана; глаза – змея; шейка – яичко; наколка – игла; Фекла – царевна; мы – дятел; командировочный – монетка.

Вихрями крови и снега

Кончилась, затихая,

Словно упала с неба

Летчица молодая. («Баллада об охоте и зимнем винограде»);

• **абстрактные понятия:** рань – свежесть; дружба – тоска; день – столб света.

Помоги мне. Неужто напрасно?

Или чем-нибудь веку опасна

Родниковая ранняя рань?

Дай мне силы раздвинуть плечи,

Слово вымолвить по-человечьи,

***Первородною свежестью грянь!** («Дедушкин дом»);*

Авторские сравнения, выраженные лексически – с помощью слова *похожий*, затрагивают такие области, как:

• **мир природы:** ломти арбуза – соты; айва – морда льва.

Арбуз просахарен от жары

До звонкой и тонкой своей кожуры.

Прохлада ознобом проходит по коже,

*А ломкие ломти **на соты похожи.***

Влажной землей арбуз пропах... («Первый арбуз»);

• **человек и его деятельность:** игра – счастье; человек – верблюд, олень, тюлень, коняга, соенок, ребенок, баран, тиран.

Сей человек откуда?

Познать – не труд.

Похожий на верблюда

Пьет, как верблюд.

Похожий на оленя

Летать горазд.

Похожий на тюленя

Лежит, как пласт.

...Похожий на конягу и тянет воз.

...Похожий на совенка,

Возлюбит мрак.

Похожий на ребенка:

Мудрец, чудака.

Похожий на барана –

Баран и есть!

Похожий на тирана

Барана ест. («Сходство»).

Сравнительные конструкции со словом *подобный* представляют собой:

- **мир природы:** пена – молоко.

...Клубится густая пена, подобная молоку. («Баллада о рыбном промысле»);

- **человек и его деятельность:** двор – чаша.

Двор округлый, подобие чаши,

Алычою да сливой обсажен... («Дедушкин дом»).

Таким образом, исследованные авторские сравнительные конструкции создают неповторимый авторский стиль и свидетельствуют об оригинальности и мастерстве Ф. Искандера как поэта.

Л. В. Чернышова

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Дух любого народа живет в родном языке, и во многих случаях даже пассивное владение белорусским языком накладывает отпечаток на русскую речь белорусов. Культуре русской речи в условиях белорусско-русского двуязычия посвящены многочисленные лингвистические исследования, так как влияние родного языка на русскую речь белорусов является очевидным. Можно предполагать, что у многих белорусов, говорящих по-русски, близость языков создает некоторую иллюзию их тождества, а легкость взаимопонимания, несмотря на наличие в речи многочисленных отступлений от норм, эту иллюзию поддерживают и углубляют.

Таким образом, некоторые нарушения русской речи белорусов на различных языковых уровнях очевидны. Однако мы хотим отметить, что использование белорусских этикетных формулировок вводится в русскую речь билингов осознанно и не является речевой ошибкой.

Д. Б. Гудков, (как ранее академик М. Бахтин), называет коммуникацию взаимодействием «говорящих сознаний», подчеркивая при этом, что для такого взаимодействия необходимо пересечение когнитивных пространств общающихся: чем больше зона пересечения, тем адекватнее коммуникация. Зона пересечения, понимание усиливается с употреблением этикетных белорусизмов.

Обычно выделяют монокультурную и межкультурную коммуникацию. Наша проблема находится в раках первой, которая предполагает общение представителей одного национального-лингвокультурного общества, обладающих единой когнитивной базой. Употребление в русской речи белорусских этикетных стереотипов апеллирует к принадлежности к одному национальному сообществу, то есть к группе «своих», и этикетные формулы напоминают об этом самим коммуникантам. Они функционируют в речи в качестве своеобразного приглашения к монокультурному общению. Наличие стереотипных особенностей в менталитете русских и белорусов (например, пресловутые русская широта души и белорусская толерантность) налагают отпечаток на коммуникацию, в большей степени на невербальную ее часть, но присутствуют и в речевых этикетных формулировках.

Заметим, однако, что для межкультурной коммуникации подобное явление является определенным препятствием. На сайте www.arrivo.ru, созданном для русских туристов, учредители поместили следующую информацию о белорусах: «Хотя белорусский и русский языки являются «ближайшими родственниками», понять в Белоруссии язык местных жителей бывает довольно сложно: довольно быстрая речь и ударения, отличающиеся от русского языка, часто вводят туристов в состояние прострации. Местные жители, в основном пожилые, проживающие в глубоких провинциях, хотя и знают русский язык не хуже первого официального языка Белоруссии, все равно предпочитают говорить с приезжими на белорусском, показывая, «кто здесь хозяин», и что неместных здесь, как в принципе и во всем мире, не любят». Вот такое неожиданное для белоруса мнение о его толерантности.

Речевой этикет – важный элемент культуры народа, продукт культурной деятельности человека, чем более разнятся культуры народов, тем более различается их этикет. Речевые стереотипы имплицитно содержат культурную информацию, которую коммуниканты сегодня уже не ощущают. Истоки речевого этикета лежат в древнейшем периоде, когда он (как и этикет в целом) имел ритуальный смысл. Слову придавалось особое, магическое значение, оно, с точки зрения членов архаического социума, могло воздействовать на людей, весь окружающий мир. В связи с этим некоторые этикетные формулы представляют собой пожелания, некогда воспринимавшиеся как действенные.

Общность человеческой психики обусловила сходный, универсальный взгляд на мир, что и отражают языки. Однако, как доказывают многочисленные исследования, проведенные в русле когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и других наук, существует национально-специфическое видение всего сущего.

Русская и белорусская языковые картины мира, кроме общности, содержат и различия, которые сигнализируют о специфике в культуре, в менталитете. Эти данные в языках имплицитны, незаметны, но в свете гипотезы лингвистической относительности (о воздействии языка на его носителя) имеют большое значение. Экспликация и учет национально-культурной информации, закодированной на всех языковых уровнях, обеспечивает высокое качество контактирования народов носителей языков.

Русскоязычный речевой этикет билингвов включает в себя белорусский этнолингвистический компонент и национальные этикетные формулы, то есть, говоря по-русски, белорус все же ощущает свою принадлежность к белорусской нации, вводя в свою (русскую) речь белорусские слова, фразеологизмы, этикетные формулировки.

К вербальным стереотипам, принятым в этикете, относятся формулы приветствия, прощания, обращения, так называемые «формулы поглаживания» и умение ответить на любой вопрос. Из-за ограниченности объема работы обратимся только к некоторым *формам выражения благодарности*.

Слова благодарности почти во всех языках пришли в разговорную речь из языка торжественного ритуала. Постепенно они превращались в обычные формы выражения признательности, утрачивая признаки книжности. Таковы русские стереотипы *благодарю* (благо+дарю) и *спасибо* (спаси+бог).

В качестве формулы благодарности белорусы используют этимологически совсем отдаленное слово *дзякуй*. Используется и эта основная формула, и многочисленные выражения, содержащие ее в своем составе: *Шчыры дзякуй! Вялікі дзякуй! Сардэчна дзякую!* и под.

Белорусское *дзякуй* и его более полная, глагольная форма *дзякую*, *дзякуем*, инфинитив *дзякаваць* указывают, что белорусы близки к культурному сообществу западных славян, где распространена именно такая форма: в польском *dzięki*, в чешском *dekuji*. Украинцы форму *дякую* употребляют параллельно со *спасиби*.

Этимология слова *дзякуй* спорная, но большинство исследователей склоняется к тому, что лексема пришла в белорусский язык из польского и восходит к немецкому *danken*. Происхождение белорусской лексемы обсуждается на форуме, и участники дискуссии пришли к мнению, что и английское *thank*, и немецкое *danke*, и указанные славянские лексемы восходят к единому индоевропейскому источнику, и это похоже на правду.

В ответ на *спасибо/дзякуй* предполагается русское *пожалуйста* и белорусское *калі ласка*. Многочисленная литература по русскому речевому этикету отмечает, что еще в прошлом веке этимология слова *пожалуйста* от

слова *пожалуй*, то есть *подай* хорошо ощущалась. Глагол *пожаловать*, от которого была образована интересующая нас лексема, имел несколько значений: 'пожалеть', 'помиловать', 'простить', 'почтить'. Сегодня слово *пожалуйста* можно перевести на современный язык как *будь милостив, будь добр*.

Этикетный стереотип *калі ласка*, по мнению белорусского фразеолога И.Я. Лепешева, возник в результате сокращения более полной формы *калі твая (ваша) ласка будзе*. Белорусское *калі ласка* переводится на русский язык как *пожалуйста, будьте любезны, добро пожаловать*. В украинском языке имеется похожее выражение *ласкаво просимо* – *добро пожаловать*. Русскому выражению *Сделай милость* соответствуют белорусские *зрабі ласку, будзь ласкавы*. Если появилось желание высказаться иронически (порусски это звучало бы как *Благодарю покорно!*), говорят *Дзякуй табе за ласку!*

Таким образом, речевой этикет белорусов коррелирует с этикетами (культурами) соседних народов, не только с русским (а коммуникация осуществляется именно на русском языке), но также с украинским (*ласкаво просимо*), польским (*dziękuję* и др.), чешским (*dekuji*). Белорусский язык не испытал воздействия старославянского языка, мощное влияние которого на русский несомненно, следы его обнаруживаются и в этикетных стереотипах.

Таким образом, различные лингвистические и экстралингвистические факторы привели к возникновению особенностей в речевых стереотипах. Последние сигнализируют о специфике национальных картин мира русских и белорусов. Используя белорусские этикетные стереотипы в русской речи, белорусы таким образом стремятся к большему взаимопониманию, доверительности, как бы включают собеседника в круг «своих», как бы обращаются к тому, что лингвисты называли «говорящим сознанием». На уже упоминавшемся сайте *paviny.by* нам встретилось высказывание одного из пользователей, которое, на наш взгляд, точно отражает сложившуюся в Беларуси ситуацию: «...И я не считаю это особой необходимостью, служебной формой или темой, без чего не обойтись (имеется в виду необходимость точно следовать нормам русского языка – прим. авт.)...среди окружающих меня людей порой сказать «калі ласка» – вместо «пожалуйста». Это не вызывало вопросов ни у кого. Наши люди двуязычны в плане обоих языков. И в этом есть своя прелесть. Пользуются немногие, но помнят и знают все».

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Т. Н. Андреева

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологический фонд языка – это ценнейшее лингвистическое наследие, которое позволяет постигнуть мир и место человека в нем. Идиоматика занимает особое место в отражении концептуальной и языковой картины мира, поскольку история фразеологического состава языка – это и история мировидения и миропонимания народа. Отбор образов и их языковая презентация – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоциональное.

Ключевой идеей в современной лингвистике является *идея антропоцентричности языка*. В центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия. Человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем, в основе данной парадигмы лежит переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке. Тело играет первостепенную роль в познании действительности. С этой точки зрения несомненный интерес представляет одна из самых обширных и продуктивных групп в корпусе фразеологии – *соматическая фразеология*.

Понятие *соматизм* включает наименования функционально облигаторных частей тела, представленных словами с прямым и переносным значением ‘тело человека’. Соматическую фразеологию образуют фразеологические единицы, один из компонентов которых – название части тела человека. Широкое употребление соматизмов в составе фразеологических единиц в значительной степени обусловлено тем, что это один из древнейших слоев в лексике различных языков, составляющих ядро основного состава словарного фонда языка. Без слов, относящихся к сфере телесности, нет языка.

Но от языка к языку рассматриваемый лексический пласт разнится в количественном и качественном отношении, что связано с культурно обусловленными факторами. Например, в языковой паре «английский–русский», в целом отмечается тенденция к детализации в английском языке, и тенденция обобщения в русском, проявляющаяся, к примеру, в обозначении различных частей тела: *foot/leg, chest/breast/bosom* и соответственно *нога, грудь* в русском.

Отмечается различная частотность использования названий частей тела в составе фразеологических единиц: одни соматизмы используются очень часто, так, например, в языковой паре «английский–русский» для обоих языков отмечены такие единицы, как *рука/hand, голова/head, глаз/eye*; другие соматизмы используются очень редко.

Фразеологизмы с компонентами-соматизмами отличаются степенью продуктивности при передаче многочисленных значений при их переосмыслении: отношение человека к окружающей среде и другим людям; характеристика взаимоотношения людей; физическое и эмоциональное состояние человека; качественно-оценочная, образная характеристика человека с включением разнообразных оттенков: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др.

Семантика основной массы фразеологизмов с компонентами-соматизмами связана с эмоционально-психической жизнью человека. Эмоции представляют собой своеобразную форму отражения реального процесса взаимодействия человека с окружающей средой. В процессе активного взаимодействия со средой человек не остается безразличным, у него возникают переживания, выражающие его субъективное отношение к этим явлениям. Выделение двух разрядов эмоционально-оценочных лексических единиц с положительной и отрицательной (негативной) характеристикой показало преобладание негативной коннотации в значениях фразеологизмов с компонентами-соматизмами.

Связь между эмоциями, стрессом и заболеваниями, выраженная языковыми средствами, является одной из загадок психики человека. Среди заболеваний, лидирующих в причинах смерти, признаются заболевания сердечно-сосудистой системы. Сердечно-сосудистые заболевания напрямую связаны со стрессом, что непосредственно отражается в языке: *It would make your blood boil; She died of a broken heart; My heart was in my mouth*. Позвоночник, как основа человеческого тела, признан ответственным за многочисленные недуги человека, связанные, в том числе, с эмоциональным состоянием человека, его характером и внутренним миром, что находит отражение в значениях языковых единиц, содержащих компонент 'back': *Put your back into it; It's back-breaking work; Always backing out of things*. Состояние страха, волнения находит отражение в языковых единицах, содержащих компонент 'stomach': *Stomach butterflies; My stomach turned over; Knot in my stomach*. Это обусловило особый интерес к значениям идиоматических выражений, включающих лексические единицы *heart, back, stomach*, связанных с психосоматическим состоянием человека, представлением его эмоционального мира.

В результате проведенного анализа отобранного корпуса указанных единиц в английском и русском языках было установлено, что наиболее употребительным соматическим компонентом в составе фразеологизмов является лексема *heart/сердце* (63 %), затем следуют *back/спина* (25 %) и *stomach/живот* (12 %). Подобное распределение можно соотнести с жизненной важностью органов, обозначенных данными единицами. Сердце представляет центр физической жизни человека, сосредоточие его истинных чувств и желаний. Фразеологические единицы с этим компонентом отличаются широким спектром эмоционально-оценочных значений как положительных – доброты, счастья, искренности: *to have a heart of gold, from the bottom of one's heart, золотое сердце, от всего сердца*; так и отрицательных – чувства тревоги, волнения, отчаяния: *to eat one's heart out, to have one's heart in one's boots, сердце кровью обливается, сердце в пятки уходит*.

Значения фразеологических единиц с компонентом 'спина' связаны с особенностью местоположения спины на теле человека и трудовым процессом. В значениях данных единиц выделяются компоненты, связанные с тяжестью труда, коварством, волнением и гневом, избеганием общения: *to break one's back, behind one's back, to get (put, set) smb's back up, спина отваливается, оборачиваться спиной, мурашки забегали по спине*. Как в русском, так и в английском языках в значениях указанных единиц отмечается ярко выраженная негативная коннотация.

Неоднозначны выводы по эмотивным значениям фразеологизмов с соматизмом *живот*. В русском языке отмечается непосредственная связь значений с жизнью, жизнеобеспечением: *живота не жалеть, даровать живот, набить живот*, в английском названные значения передаются фразеологизмами с компонентом *belly*: *to be given to one's belly*, но фразеологизмы с компонентом *stomach/ belly* имеют и значения, связанные с чувственной сферой, стойкостью: *to have a strong stomach, to turn one's stomach, to give smb. the bellyache*.

Этимологический анализ рассматриваемых лексических единиц (*back, heart and stomach*) показал общность их индо-европейского происхождения, что позволяет соотнести выявленные значения со значениями подобных единиц и в других языках, сделать вывод, что большая часть английских и русских фразеологизмов, связанных с лексикой «Части тела» совпадают по смыслу и образности из-за общеупотребительности этого пласта лексики, что в другой тематике наблюдается редко. При соотнесенности указанных значений в русском и английском языках: ср. *a stab in the back* и *нож в спину; a hard heart* и *каменное сердце, бессердечность*, отмечается определенная национальная специфика их языкового выражения: *to turn someone's stomach – с души воротит; every heart knows its own bitterness – у каждого свои горести*.

В результате анализа идиоматических выражений, содержащих лексические единицы *heart, back, stomach*, было установлено, что все они выражают отрицательные эмоции – страха, волнения, отчаяния, отвращения, мести, предательства и др.: *to have one's back to the wall* 'to be in a desperate situation'; *to put someone's back up* 'to anger'; *to break someone's heart* 'to cause great sorrow'; *to have one's heart in one's boots* 'to be very depressed'; *to turn someone's stomach* 'to make someone feel disgusted, sick or angry'; *to have butterflies in one's stomach* 'to feel a fluttering sensation in one's insides as a result of nervousness'. Они относятся к одной концептуальной области «болезнь», что предполагает непосредственную связь между соматическими и психосоматическими недугами человека.

Эмоционально-оценочные значения с негативным оттенком преобладают в семантической структуре фразеологических единиц с соматическим компонентом в языковой паре «английский–русский». Они являются вторичными значениями ключевых компонентов идиом и отличаются универсальностью в отношении определенных концептуальных сфер.

ЭМФАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В английском языке широко распространен прием эмфатического подчеркивания одного из членов предложения путем трансформации его в предикатив главного предложения с подлежащим *it*. При этом вся остальная часть предложения оформляется придаточным предложением. Подобная трансформация служит средством выделения подлежащего, дополнения или обстоятельства, а сами предложения часто именуются *расщепленными*.

Расщепленные предложения могут служить либо средством выделения времени или места протекания событий – *It was **in the autumn** that you noticed them; It was **on the railway station** that we met; It was **only on the way back** that she remembered Duncan's maniacal activity of the night before*; либо подразумевать контраст, противопоставление, особенно когда конструкция используется для выделения имени или именной группы: *It was always **the absurd number of bathrooms** that she felt compelled to draw attention to*.

Фокусное положение в расщепленных предложениях могут занимать именные группы, выполняющие в нерасщепленном предложении роль подлежащего или дополнения: *It was **lies like those** that reminded her that she had someone to go home to*; предложные обороты и придаточные обстоятельственные предложения: *It is not **until Friday morning** that Evelyn goes through her pockets; It was **only when she moved abroad** that she saw her self-image as the clever little sister had always been built on the unconditional support of her family*.

Негативная пресуппозиция может быть выражена эксплицитно: *It was **only the location** she had wrong, **not the act of infidelity itself***; или же может подразумеваться. Она также может быть сдвинута вперед: *It was **negligence, not sentiment**, that kept things in their place year after year*. Отрицательный вариант подобного типа конструкции включает в себя отрицательный фокус, а утвердительная пресуппозиция контрастна и часто вводится союзом *but*.

Глагол *be* после *it* в расщепленных предложениях в современном английском представлен только формами настоящего или прошедшего простого времени: *It **is** not until Friday morning that Evelyn goes through her pockets; It **was** the part about opposites that did it, of course*; глагол *be* может быть использован также в форме инфинитива в составе составного глагольного модального сказуемого: *It **might be** Martin who stole the money*.

В случае, если речь идет о человеке, придаточное определительное начинается с местоимения *who*: *He suddenly remembered that it was **Lisa who** liked the band they were watching, and he felt regretful*. Если речь идет о неодушевленном предмете или явлении, если выделению подвергается предложный оборот, используется местоимение *that*: *It was **the light that** made Kirk feel like running back to Manila, or all the way back to Sydney; It was **only during that***

brief period in London that he felt he had glimpsed the possibility of another life. В неформальной обстановке *that* также может использоваться, если речь идет о людях: *You think it's **babies that** make the world go round.*

Порой может возникнуть ситуация, когда определить, имеем ли мы дело с расщепленным предложением или с придаточным определительным предложением, может быть затруднительно, и предложение может быть истолковано двояко. В устной речи в этом случае ориентиром служит интонационное выделение темы в расщепленном предложении, и отсутствие такого интонационного выделения, если придаточное предложение – это придаточное определительное. В письменной речи на помощь приходит контекст: *Of course, **it was only the secrecy of the act that would have given her any idea**, so presumably the smuggling was for his benefit, rather than hers, a way of investing a mundane loan with the faintest scent of adultery.*

Псевдорасщепленные предложения начинаются с *what, when, where, why* и служат для выделения именного словосочетания, предложного оборота, придаточного именного предложения, сказуемого или части сказуемого. Важно разграничивать псевдорасщепленные предложения, такие как: ***What came after that** was a mystery, although not one he was particularly anxious to solve;* и придаточные предложения, выполняющие роль подлежащего: ***What was agony for some** could be just a twinge for her.*

Центральное положение в псевдорасщепленных предложениях занимает глагол *be*, подобные предложения могут быть подвергнуты следующей трансформации: *What came after that **was** a mystery; A mystery **was** what came after that.*

Как отмечает ряд авторов, для разговорной речи характерно использование указательных псевдорасщепленных предложений, начинающихся с указательных местоимений *that* или *this*: *They had not eaten lunch. **That** was Muriel's punishment for not speaking when she had been asked about the visitors to her room.* Данный тип расщепленных предложений оказался самым частотным в проанализированных текстах.

Расщепленные предложения, начинающиеся с *it*, и псевдорасщепленные предложения, начинающиеся с *what, when, where, why* долгое время считались взаимозаменяемыми. Тем не менее, они отличаются пресуппозицией и выполняемой ими функцией. Пресуппозитивная часть псевдорасщепленных предложений содержит известную слушателю информацию, о которой, по мнению говорящего, он думает, например: *If you couldn't write songs yourself, then surely **what Julie had done** was the next best thing?* В расщепленных же предложениях пресуппозитивная часть содержит информацию, которую читатель знает, или к которой он может прийти путем логического умозаключения, но это не та информация, о которой читатель или слушатель думает в этот момент: *It was the nurses in the ICU **who had been overwhelmed by Poppy's birth.***

Пресуппозитивная часть (*who had been overwhelmed by Poppy's birth*) в расщепленных предложениях часто длиннее фокусной части (*the nurses in the ICU*). В псевдорасщепленном предложении наоборот, фокус чаще длиннее пресуппозиции: ***What struck him** (пресуппозиция) **was that she had***

not hesitated (фокус). Здесь можно проследить действие прагматического принципа использования минимально возможного количества слов для известной информации.

Расщепленные предложения делятся на фокус-ориентированные и информационно-пресуппозитивные. Первые включают в себя известную информацию в пресуппозитивной части и используются для выделения: *It was **those flat white London skies** that sapped his spirit*; читатель знал, что он грустил, в первой части предложения подчеркивается причина его грусти. Информационно-пресуппозитивные, в свою очередь, содержат новую информацию в пресуппозитивной части, которая вынесена в конец предложения для достижения риторического эффекта: *It was only when she got back from lunch, and felt no better, **that she remembered that she had left Muriel Axon's file on the back seat of the car***. Здесь вся часть, начинающаяся с *that*, содержит новую информацию.

На настоящий момент объем исследования составляет 853 страницы текста британского художественного дискурса. Всего зафиксировано 33 случая употребления расщепленных предложений, 8 псевдорасщепленных и 53 указательных псевдорасщепленных предложений.

В белорусском языке широко используются такие средства выделения информации, как указательные частицы *вось, вунь, гэта*; уточняющие частицы *акурат, якраз, амаль, менавіта, іменна*; выделительно-ограничительные частицы *толькі, хоць, хіба, толькі*; усилительные частицы *і, нават, ды, дык, ж (жа), аж (ажно), такі*: *It was only years later that she realized the most luxurious thing of all was that Dr Finn could spend thirty minutes with every patient* ‘І **толькі** шмат гадоў пазней яна зразумела, што самая раскошная рэч у працы доктара Фина – гэта было тое, што ён мог удзяліць 30 хвілін кожнаму пацыенту’; *What struck him was that she had not hesitated* ‘**Вось** што яго уразіла, **дык** гэта тое, што яна не вагалася’; *They had children, these people. That was how they stood it* ‘У гэтых людзей былі дзеці. **Вось** як яны спраўляліся з гэтым’. Анализ перевода отобранных расщепленных предложений на белорусский язык показал, что могут использоваться и предложения, очень близкие по своей структуре к расщепленным предложениям английского языка: *It was those flat white London skies that sapped his spirit* ‘Але **гэта** было тое сумнае белае неба Лондана, **што** пазбавіла яго радасці жыцця’; *What I'm worried about is me* ‘**Што** мяне хвалюе, **дык** гэта я’.

О. А. Артемова

ДЕЙКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Одним из базовых компонентов любого вида коммуникации является *дейксис* (от древнегреч. *deiktikos* ‘указание’) – лингвопрагматическая категория, актуализирующая компоненты ситуации речи. Универсальность и обязательное присутствие дейксиса в коммуникации относят его анализ к приоритетным задачам современных лингвистических исследований.

Эта категория конституируется тремя подсистемами: 1) личным дейксисом – указание на участников коммуникации *адресант/адресат/некоммуникативные респонденты* (лица, которые не участвуют, но присутствуют в речевой ситуации и воспринимают ее слухом или зрением); 2) пространственным дейксисом: а) местонахождение объекта речи с указанием расстояния *близко/недалеко/далеко* и без указания расстояния; б) указание на направление его перемещения: *от перцептора/к перцептору/от (к) перцептору*; 3) темпоральным дейксисом порядок следования событий: а) предшествование с указанием отдаленности *давно/недавно* и без указания отдаленности до точки отсчета; б) одновременность; в) следование с указанием отдаленности *скоро/не скоро* и без указания отдаленности относительно точки отсчета. Данная категория манифестируется на разных языковых уровнях: словообразовательном (префиксы), морфологическом (категория лица, видо-временные формы глагола), лексическом – дейктическим компонентом в структуре значения личных, притяжательных, возвратных и указательных местоимений, частиц, наречий, предлогов, прилагательных, глаголов, существительных, фразеологизмов.

Организация личного дейксиса в белорусском и английском языках предопределяется структурой коммуникативной ситуации и делением объектов действительности по их отношению к говорящему: 1-е лицо – сам говорящий/нарратор (автор, повествователь), 2-е лицо – адресат/собеседник, 3-е лицо – некоммуникативные респонденты. Данная стратификация позволяет перцептору соотносить дискурс с реальным адресатом речи – **адресативность** – и устанавливать соотношение между своей точкой зрения и чужой – **интерсубъективность**. Национальной спецификой личного дейксиса в белорусском языке выступают: а) обязательное маркирование социального статуса адресата в зависимости от межличностных отношений и степени формальности коммуникации (*ты* и *Вы*); б) **экстраспекция** – направленность сознания перцептора на объекты внешнего мира и описание ситуации с позиций нескольких участников одновременно (*Вось яна/ён я*); в) **инклюзивность** – включение собеседника в личное пространство перцептора конструкцией с поглощенным референтом *мы з табой, мы з ім/з ёй*. Английскому личному дейксису свойственна обязательная актуализация **субъектных планов собеседников** двойным маркированием лица – личными местоимениями и кореферентными им притяжательными (*I had the fan belt in my hand* ‘Я держала в руке приводной ремень’) или возвратными местоимениями (*I asked myself* ‘Я спросила себя’).

Пространственный дейксис, осуществляя указание на местонахождение объектов и их перемещение относительно перцептора, обеспечивает **пространственную континуальность** дискурса. Для данного типа указания в белорусском языке характерны: а) трехкомпонентная структура поля восприятия перцептора с *проксимальным* (близка), *медиальным* (недалёка) и *экстремальным дейксисом* (далёка), выраженная наречиями; б) инклюзия объекта и трассы его перемещения в пространство восприятия

перцептора – **транзитивный дейксис**, манифестируемый указательными местоимениями *сюдой, сюдою, сюдэма*. В английском языке пространственный дейксис регулируется: а) коммуникативным статусом источника информации (*this* указывает на сведения, предоставленные говорящим: *listen to this*; *that* – на данные, предоставленные третьими лицами: *who told you that?*); б) разделением коммуникативных пространств собеседников (употребление указательного местоимения *that* ‘тот’ и указательного наречия *there* ‘там’ при обращении к собеседнику: *Who is that speaking? Hi, there*); в) точной структурой личного пространства перцептора для сохранения *определенной дистанции с собеседником* (*at arm's length* ‘не подпускать ближе вытянутой руки’).

Темпоральный дейксис указывает на структуру временной организации дискурса, обеспечивая его **континуальность**, и характеризуется в двух языках: а) большей прагматической значимостью прошедших событий (*нядаўна, recently*) по сравнению с актуальным настоящим (*цяпер, now*) и предполагаемым будущим (*заўтра, tomorrow*); б) смещением центра ориентации высказывания с момента его продуцирования на другое событие при переходе из прямой речи в косвенную – **дейктическим сдвигом**. В белорусском языке этот сдвиг частичный. Он маркируется лексически – заменой местоимений 1-го и 2-го лица на 3-е (*я, мы, ты, вы* → *ён, яна, яны*) в дополнительном придаточном предложении сложноподчиненного предложения: *І мама сказала, што лепш яна ўжо сама не пойдзе ў кіно*. Для английского языка характерен полный дейктический сдвиг со смещением центра личного, пространственного и темпорального указания. Данный сдвиг маркируется: 1) грамматически: прошедшим временем группы Past глагола-сказуемого придаточного предложения; 2) лексически: а) заменой местоимений 1-го и 2-го лиц на 3-е в личном дейксисе (*I, we, you* → *he, she, they*); б) заменой проксимальных указателей дистальными в пространственном дейксисе (*here* → *there*); в) заменой лексических маркеров в темпоральном дейксисе (*ago* → *before*): *He explained that he had moved there two years before*.

Функционирование белорусской и английской дейктических систем предопределяется синхронным взаимодействием разновекторных языковых процессов – **конвергенции** и **дивергенции**. Интралингвистически **конвергенция** обусловлена общими индоевропейскими корнями сопоставляемых языков. Экстралингвистически данный процесс обеспечивается взаимодействием *когнитивных* (универсальные механизмы познания действительности), *перцептивных* (выделенность объекта указания и его нахождение в поле восприятия), *психоэмоциональных* (наличие общего фонда знаний и эмпатия), *географических* (освоенность природного ландшафта) и *социокультурных* (принадлежность белорусского и английского языковых сообществ к евро-пейскому лингвокультурному ареалу) факторов. **Дивергенция** белорусской и английской дейктических систем детерминируется структурной разнотипностью сопоставляемых языков и гетерогенными *онтогенетическими* (культурно-исторические условия развития), *географи-*

ческими (средовые условия проживания их носителей), психологическими (стереотипные формы поведенческой активности) и лингвокоммуникативными (нормы вербального общения) факторами.

Критерием оценки эффективности функционирования дейктических единиц сопоставляемых языков выступает схождение прагматических пресуппозиций коммуникантов, обозначающих их предварительные знания о ролях и социальных статусах объектов указания (*персональные пресуппозиции*), их локализации в пространстве (*пространственные пресуппозиции*) и времени (*темпоральные пресуппозиции*) относительно координат речевой ситуации и обеспечивающих **релевантность** дискурса. Расхождение персональных, пространственных и темпоральных пресуппозиций собеседников, обусловленных неверной идентификацией референтов личных местоимений 3-го лица, указательных местоимений и наречий, приводит к коммуникативным неудачам: «*Адчыніце, яго спаць трэба пакласці!*» – «*Каго яго?*»; «*Didn't you like them?*» – «*Them? Who's them?*» – «Они тебе не понравились? – Они? Кто они?». Установленное количественное преобладание коммуникативных неудач, вызванных расхождением персональных пресуппозиций, реализуемых личными местоимениями (55,1 %), свидетельствует о системообразующем статусе личного дейксиса в коммуникативно-прагматической организации дискурса в двух языках.

Таким образом, дейксис – обязательная категория дискурса, которая связывает воедино языковые единицы с внеязыковой действительностью через указание на структуру его персональной, пространственной и временной организации и обеспечивает структурно-семантическую и лингвопрагматическую целостность.

А. С. Баханович

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ИРОНИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ (на материале белорусских и англоязычных произведений)

В силу амбивалентной природы феномен иронии правомерно рассматривать как вид комического и трагического, интеллектуальную эмоцию, мировоззренческую позицию, эстетический способ рефлексии, особую модальность, форму языковой игры, стилистический прием-троп.

Прежде всего необходимо очертить границы понятия иронии. Так, Б. Дземидок термином *ирония* обозначает разнообразные явления, объединенные идеей несовпадения ожидаемого и реального положения вещей. Л. Хатчеон подчеркивает неразрывную связь иронии с контекстом, в котором она реализуется. По мнению этого автора, ирония – дискурсивная стратегия, которую невозможно понять вне ее воплощения в контексте. Авторитетные лингвисты отмечают, что ирония – категория семантическая – манипулирует значениями слов, рождает энантиосемию, иронические виды тропов – ироническую метафору, ироническое сравнение и т.д. Но она также категория

прагматическая: ее структура отражает отношения между участниками речевого акта – продуцентом иронии, объектом и наблюдателем. К. Kerbrat-Orecchioni определяет иронию как троп семантико-прагматичный.

Мы рассматриваем *иронию* как явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, пример не прямой, содержательно осложненной коммуникации, которая требует дополнительных декодирующих усилий со стороны адресата-интерпретатора. В качестве источника иронических контекстов анализируются произведения С. Давидовича, А. Браво, С. Фрая и Х. Филдинг.

Известно, что большинство иронических высказываний опираются на контекст, фоновые знания, ситуацию, вне связи с которыми иронический смысл может быть понят как буквальный. Классический пример – создание иронии за счёт использования лексики признакового характера, в данном случае слова *charming* ‘прелестный’, которое имеет положительное семантическое значение, однако использовано в противоположном смысле, выражает притворную оценку Джейн плачевного состояния ее дяди Теда, что становится очевидным только исходя из контекста: *I don't mind in the least, but I am sorry you have been feeling unhappy and "blue-devilled". What a charming expression* ‘Я ничуть не обижена этим, мне только жаль, что Вы чувствуете себя несчастным и «лезете на стену». Какое прелестное выражение’.

Наблюдения показывают, что ирония не всегда нуждается в контексте, ироническое высказывание может быть самодостаточным: *Ярык мацюкаецца, але да віртуозаў каналізацыі яму далека*. Л. Витгенштейн отмечает, что ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, не любит умеренности. Эта высокая степень может быть в самом обозначении признака (*Геніяльна! Цудоўна! Incredible! Fabulous!* и т.п.), а также в семантических сигналах – употреблении возвышенной лексики, в которой фиксирована функция сигнализации иронии (*зрабіце сабе ласку, pretentious, grandiloquent*).

Иронические высказывания часто сочетаются с *интенсификаторами*. Обратимся к определению К. М. Сувориной: «интенсификаторы – функциональные слова, лишённые конкретного предметно-логического значения, семантика которых носит абстрактный характер и заключается в выражении большей по сравнению с нормой степени признака, обозначенного знаменательным словом, которому интенсификатор подчинен».

В своей работе Н. Д. Арутюнова пишет: «Эмоции побуждают человека постоянно прибегать к преувеличениям и к преуменьшениям. Лексикон количественных значений легко метафоризируется. Человек, очевидно, больше склонен преувеличивать, чем преуменьшать».

Гиперболичность, выражающую ироническое отношение говорящего к объекту высказывания можно обнаружить в описаниях персонажей. Представленное описание-характеристика примечательно наличием гиперболы, реализующей иронию, раздвоенную на гротеск и дифирамб, а также интенсифицированную за счёт наречий: *unsparingly* ‘беспощадно’, *unceasingly* ‘бесперывно’: <...> *...his power within his family and his power over his family*

and the great radio beams of pure sodding charisma that he gives out so unsparingly and so unceasingly much as weightlifters and literary editors give off

ВО ‘<...>...власти, которой он обладает в своей семье, власти над семьей и колоссальным радиолучам чистой воды харизматичности, которые Майкл выпускает с такими расточительством и неустанностью, с какими портят воздух штангисты и литературные редактора’.

Интенсификаторы, как правило, усиливают иронический смысл, но на сами интенсификаторы ирония обычно не распространяется. Иронически переосмысливается только интенсифицируемый признак. В следующем примере наречие *смяртэльна* приобретает функцию антифразиса, имплицитный смысл которого контрастирует с изложенным. Наличие интенсификатора *смяртэльна хворы* не влияет на ироничность всей ситуации, его опущение только ослабит иронический пафос. Данная ироническая оценка представляет собой насмешливый упрек в адрес мужа-алкоголика. Восклицательное высказывание: ты ж у мене смяртэльна хворы – пример гиперболизации целого предложения, с полярно противоположной импликацией, что свидетельствует об иронической двуплановости:

– Ці ж я часцей ці болей п’ю за астатніх? – спрабаваў астудзіць Мацей жонку. – Усяго сем разоў на тыдзень! <...>

– Ты ж у мене смяртэльна хворы, ляжы роўненька!

В следующем примере именно выразительный генитив *the entire might of the British Passport Office* ‘вся мощь британской паспортной службы’ вербализуется с таким преувеличением, за счет прилагательного *entire* ‘весь, всеобъемлющий’, что усиливает гротескность ситуации и является каузатором порождения иронического смысла с семантикой язвительного упрека в сторону неуместного упрямства инфантильной матери: *It became increasingly clear that the entire might of the British Passport Office was not going to be much of a match for Mum and the old photo* ‘Мне становилось все яснее и яснее, что вся мощь британской паспортной службы – ничто по сравнению с желанием моей мамы сохранить старый паспорт со старой фотографией’.

Среди интенсификаторов нейтральными, заключающими в себе общую оценку, можно считать слова *вельмі, зусім, very, very much, highly*, выражающими исключительно количественное значение, без добавочной семантики. Большая же часть интенсификаторов совмещает идею количества с другими семами (*фантастычна зручних*). Словосочетание *страшэнна інтэлегентных* является оксюмороном, так как состоит из взаимоисключающих, противоположных понятий. Наречие *страшэнна* дает парадоксально усилительный оттенок, который трудно было бы передать такими наречиями, как *вельмі, надзвычайна*: *Абодва віды адказна-безадказных, фантастычна зручных, страшэнна інтэлегентных досыць часта сустракаюцца, у гарадках накішталт нашага – проста масава, бо асаблівага выбару катавальнай камеры тут няма*.

Необходимо отметить, что ирония может выражаться путем отрицания интенсификаторов (употребление с частицей *not*) *two distinctive, but distinctly*

not beautiful ‘две примечательные, но примечательно некрасивые тройни’: *Not content with these twelve strong beautiful brothers and sisters, Ouranos and Gaia gave the world yet more progeny – two distinctive, but distinctly not beautiful, sets of triplets* ‘Не удовлетворившись рождением этих двенадцати сильных красивых братишек и сестреноч, Уран с Геей подарили миру еще потомство: две примечательные, но примечательно некрасивые тройни’.

Нередко ирония использует и средства преуменьшения степени, так называемые анти- или деинтенсификаторы: *she had been a little upset* ‘она слегка расстроена’ в ситуации, когда Кронос поглотил всех детей Реи: *It was quite natural that she had been a little upset by his consumption of their six children, but she surely understood that he had had no choice* ‘Вполне естественно, что она слегка расстроена из-за того, что он поглотил шестерых ее детей, но она, разумеется, понимает, что ничего другого ему не оставалось’.

При довольно большом количестве и разнообразии интенсификаторов антиинтенсификаторы в белорусском языке представлены несколькими словами: *трохі, трошкі, ледзь-ледзь, крышачку, кропельку*: *Канспектаваць думкі шэффа крышачку лягчэй, чым лавіць блох на сабаку, які знаходзіцца ў буянай фазе шаленства.*

Деинтенсификаторы часто содержат в себе весь иронический смысл. Наречие *трохі* явно не соотносится с пятидесятым размером, относящимся к разряду плюс сайз, что порождает ироничность следующего высказывания: *Ёй было неабходна трохі схуднець, каб улезці ў сукенку пяцідзiesiąтага памеру.* Если убрать вышеупомянутый деинтенсификатор предложение лишится имплицитности.

В ходе проведенного анализа иронических контекстов мы пришли к выводу, что ироничность высказывания, на страницах белорусской и английской прозы, может выражаться не только преувеличением степени признака, но и явным преуменьшением, при помощи специальных средств – интенсификаторов, которые лишь усиливают ироничность и могут быть опущены, и деинтенсификаторов, заключающих в себе ироническую образность.

А. В. Бенедиктович

ВАРИАТИВНОСТЬ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С АБСТРАКТНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В МЕДИАДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Существительные общесобытийного значения являются подклассом абстрактных существительных. В существующих классификациях абстрактных существительных они выделяются наряду с именами действия, состояния, качества. Исследователи определяют данный разряд существительных как широкозначные существительные, существительные с обобщенным зна-

чением, *shell nouns* и обращают внимание на специфику их номинативного значения. Общесобытийные существительные рассматриваются как промежуточные полудейктические знаки, образующие традиционные переход от знаменательных частей речи к классу местоимений.

Характерной чертой данной группы имен является их семантическая опустошенность и контекстуальная обусловленность. Существительные общесобытийного значения позволяют представить сложное, многоплановое событие посредством временного именного концепта, содержание которого меняется в зависимости от ситуативного и языкового контекстов. Выполняя функцию характеристики, общесобытийные существительные, как правило, называют события в максимально обобщенном виде: *decision, question, way, point, thing, effect, скандал, задача, проблема, дело, вопрос, правда*.

*People do not only make **decisions** on the grounds of economic self-interest, as Brexit proved (Times, 21.11.2016). Another **question** over Lisas is the **way** they favour wealthy families (Times, 21.11.2016);*

*В Германии разгорается **скандал**: Федеральное ведомство по миграции и делам беженцев (BAMF) разрешило остаться в стране слишком большому количеству людей. Когда Свободные демократы говорят о том, что немецкие ведомства не были готовы, а потому не справились с **задачей**, это **правда** (СБ – Беларусь сегодня, 8.06.2018).*

Абстрактные существительные являются средством номинации как реальных событий объективной действительности, так и их субъективной интерпретации говорящим.

Атрибутивная сочетаемость абстрактного существительного реализуется с помощью препозитивных и постпозитивных атрибутов, которые позволяют конкретизировать описание события через обозначение его участников: *the foreign secretary's remark, the view of Britain, the British dream, a danger to the world, the US experience, тревога президента Макрона, ситуация с BAMF, представления о постиндустриальном обществе, предложения от органов госуправления и бизнеса, пощечина всей цивилизованной Европе*.

*Churchill's wartime government checked out **the US experience** and envisaged half a million houses assembled off site (Times, 21.11.2016);*

*А в Австрии к тому же крайне правая партия Свободы вошла не только в парламент, но и в правительство – **пощечина всей цивилизованной Европе** (Народная газета, 1.06.2018);*

Атрибуты при рассматриваемых именах могут представлять конкретные детали события: *the horrors of multiculturalism, tendency towards protectionism, программа действий, идея общего бюджета и введения должности министра финансов для еврозоны, возможность отслеживать предложения и более вдумчиво подходить к покупке, задача увеличить к 2020 году долю промышленности в ВВП*.

*There are common elements in Britain's vote to leave the European Union, the victory of Donald Trump, and the **likelihood that Marine Le Pen of the Front National (FN) will be in the run-off for the French presidency...** It could be that the **tendency towards protectionism** is the monster that emerges from anti-elite politics (Times, 25.11.2016);*

*Европейская комиссия поставила задачу **увеличить к 2020 году долю промышленности в ВВП с 16 до 22 процентов** (Народная газета, 1.06.2018).*

Атрибуты в постпозиции могут быть представлены существительными, инфинитивами, а также придаточными предложениями, которые занимают особое место в реализации обобщающего потенциала общесобытийных абстрактных существительных. Придаточное предложение содержит наиболее полную и точную интерпретацию события, обозначенного именем.

Прекозитивные атрибуты общесобытийных существительных реализуют широкий спектр дескриптивных и субъективно-оценочных значений: *a military operation, ingenious solutions, massive postwar building programme, conventional wisdom, обычная тактика, кризисная ситуация, самый большой удар, серьезные изменения, основная причина, важный момент.*

*However, **the most remarkable** thing about Philip Hammond's autumn statement was not so much the increase in the deficit but the reaction from the market, which could barely contain its boredom (Times, 25.12.2016)*

*Надо учитывать и еще один **важный момент**. Более половины мировой торговли между странами проходит в долларах (СБ – Беларусь сегодня, 1.06.2018).*

Обобщенное обозначение события общесобытийным существительным предопределяет развитие синтаксических и семантических дискурсивных связей, обеспечивающих последовательную детализацию описания события. В данном случае речь идет об анафорических и катафорических связях, в которые вступают абстрактные имена, обеспечивая связность и последовательное развитие дискурса. Между абстрактным именем и его антецедентом или постцедентом устанавливаются связи контактного или дистантного характера:

So there is work to be done. The good news is that in Mr Hammond we finally have a chancellor who might grasp the nettle. So, on that basis, might I suggest a few areas to concentrate on in next year's budget double-bill (Times, 25.11.2016);

А как события будут разворачиваться осенью, зависит от многих факторов. Но маловероятно, что цены стремительно пойдут вниз. Жилищные кредиты, которые сейчас выдают под 13–16 % годовых, по-прежнему довольно привлекательны. Кроме того, продолжают расти, пускай и понемногу, доходы граждан... (Новая газета, 01.06.2018).

Таким образом, абстрактные существительные общесобытийного значения являются лингвистическим средством обозначения сложных, многоплановых событий посредством обобщенного именного концепта, содержание которого изменяется в зависимости от ситуативного и языкового контекстов.

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В настоящее время чрезвычайно возрос уровень агрессии в речевом поведении людей. Общая нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне и другие факторы провоцируют возникновение конфликтов между людьми. Конфликтное общение деструктивно, в зоне его действия не могут быть достигнуты по-настоящему позитивные результаты, соответствующие речевые акты не могут обеспечить долговременного полноценного общения. В то же время люди довольно часто сознательно идут на конфликт, относясь к нему как к действенному способу решения проблем, дающему сиюминутный эффект. Чаще всего такие психологические установки решаются речевыми средствами, поэтому изучение речевой агрессии как экспликации комплексных процессов в сознании языковой личности представляется весьма актуальным и направленным на решение многих конкретных проблем, так или иначе возникающих в ходе социального взаимодействия отдельных людей. В самом общем виде *речевую агрессию* можно определить, как грубое, оскорбительное, обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме: оскорбление, угроза, грубое требование, грубый отказ, обвинение, насмешка. Агрессивные намерения скрыто или косвенно выражаются и в жалобах, доносах, сплетнях. Большинство людей, демонстрируя склонность к обидному общению, не оценивают свою речь как агрессивную, не способны к объективной оценке собственного речевого поведения, а значит – к его анализу и изменению. Люди могут словесно унижать, намеренно оскорблять, запугивать, высмеивать друг друга, чтобы повысить самооценку, продемонстрировать позицию лидера, укрепить свой авторитет в коллективе. Агрессия часто появляется в речи молодёжи: пренебрежительно-грубое или повелительно-покровительственное отношение друг к другу проявляется в повышении тона, резких восклицаниях, грубых замечаниях, неоправданно частом употреблении повелительного наклонения глаголов, отсутствии необходимых формул речевого этикета и язвительных насмешках.

Языковая агрессия – это, соответственно, агрессия, инструментом которой является не сила, а слово. Вербальная агрессия в современном мире оценивается общественным сознанием как менее опасная и разрушительная, чем агрессия физическая. Но вербальную агрессию можно считать первым шагом на пути к физической. Возможно, поэтому речевая агрессия сдерживается очень слабо. В традиционной культуре были попытки сдерживать речевую агрессию: дворянство за оскорбление вызывало на дуэль.

В большинстве текстов с речевой агрессией используются «лингвистические усилители» такие как лексемы, связанные в сознании людей с агрессивными действиями, например, *scratched face, yelled with pain, to get*

hysterical, monster. Что касается морфологии, то здесь преобладают: а) глаголы: *to scream, to attack, to yell, to offend, to cut, to horrify*; б) прилагательные с описанием агрессора или жертвы агрессии: *mad, wild, miserable, hysterical*; в) описание орудия насилия: *knife, finger-nails*; г) существительные, связанные с описанием жертвы агрессии: *vermin, monster*.

К эксплицитным формам речевой агрессии в двух лингвокультурах относятся инвективные единицы, выражающие оценку адресата объекта высказывания, которые можно разделить на две группы: 1) единицы, указывающие на умственный недостаток: *blockhead, clown, jerk*, которые означают ‘тупо-лоб’, ‘клоун’, ‘дебил’; 2) единицы, выражающие оценку поведения адресата: *animal, dog, fox; животное, козел, кобель, тварь*. В английской и русской лингвокультурах также существуют гендерно-маркированные инвективные единицы второго типа, выражающие оценку как мужского, так и женского поведения: *bastard – ублюдок, стерва, грымза*. В двух указанных лингвокультурах инвектива также может выражаться в восклицаниях: *Wake up, Goddamn it! – Проснись, черт поберу!* Другими формами, выражающими эксплицитную агрессию, являются лексические единицы низкого стиля, а также акты негодования и угрозы, подчеркивающие враждебное отношение к адресату: *Shut up! – Заткнись!* Основная функция негодования – это проявление негативных эмоций говорящего в процессе высказывания. Одной из форм, выражающих акт негодования в коммуникативном поведении русских, является вопросительное предложение, подчеркивающее негативную оценку адресата к поведению адресата: «Муж флегматично посмотрел на меня и пожал плечами: – Бывает! – Что значит «бывает»? В коммуникативном поведении англичан акт негодования употребляется реже и в менее категоричной форме: *You called me twenty minutes ago and said you had it! Ready to make delivery, you say! Come down and get it! And here you are, you are wasting my time, you are wasting my wife's time*. Языковыми маркерами в приведенном примере являются вводная конструкция *you say* – ‘ты сказал’, которая, усиливает эмоциональный оттенок высказывания и глагол *waste* – ‘тратить’, отражающий негативную оценку адресата к поведению адресата.

Речевой акт агрессии является результатом комплексного взаимодействия средств различных сегментных и супraseгментных уровней, в частности, таких, как уровень просодики высказывания, лексический и синтаксический уровни языковой системы, а также уровень дискурса. Данные средства взаимно определяют наличие друг друга и способствуют достижению максимального иллюкутивного и перлокутивного эффектов от вербализации агрессивной установки или определенного конфликтоустраемленного эмоционального настроения.

Формы и способы выражения речевой агрессии зависят от этнокультурных особенностей представителей разных лингвокультур (в нашем случае, русской и английской). При выражении речевой агрессии присутствуют следующие речевые тактики: оскорбления, угрозы, насмешки, порицания,

жалобы, доноса, обвинения, враждебных замечаний и грубых требованиях. Экспрессивность и эмоциональная окрашенность являются неотъемлемой чертой речевой агрессии.

СМИ являются одним из важнейших способов воздействия на читателя и причин распространения данного явления. Печатные СМИ именно через слово воздействуют на массовое сознание. Заголовки статей, привлекая внимание читателя, одновременно воздействуют на читателя и настраивают на отрицательное отношение к тем фактам, о которых идет речь. Что касается агрессивно написанных статей, то такие материалы больше всех привлекают внимание читателей, воздействуют на эмоциональную сферу человека и настраивают на решительное действие.

В современных газетных текстах, помимо проявления речевой агрессии, можно также наблюдать случаи описания физической агрессии. Такие статьи, в основном, информируют о совершении разных насильственных действий, когда идет детальное описание агрессивных актов, начиная от побоев и заканчивая совершением убийства. В языковом сознании русских понятие речевой агрессии в СМИ почти всегда связано с понятием власти. Британские СМИ стремятся стереотипизировать значение слова *aggressive* и зафиксировать смысл данного слова с позитивным значением в восприятии англичан.

Ведущая роль в раскрытии агрессивных состояний героев художественных текстов принадлежит лексическим средствам, так как именно они помогают передать представления об эмоциональном мире человека и раскрыть конкретный авторский замысел. В современной русской, так и в английской литературе часто можно наблюдать использование нецензурной лексики в речи персонажей.

Лексико-семантический анализ глаголов и существительных, номинирующих агрессию в современном русском языке, позволяет выделить 2 основные тематические группы: а) глаголы, номинирующие неречевую/физическую агрессию; б) глаголы, номинирующие речевую агрессию. В группу глаголов неречевой агрессии включены: 1) глаголы физического воздействия на объект (глаголы нанесения удара); 2) глаголы отрицательного воздействия на объект агрессии; 3) глаголы агрессивного эмоционального состояния. Что касается группы глаголов речевой агрессии, то здесь выделяются: 1) глаголы словесного нападения; 2) глаголы грубого речевого поведения; 3) глаголы оскорбления; 4) глаголы угрозы; 5) глаголы порицания; 6) глаголы насмешки. В современном английском языке, по сравнению с глаголами агрессии русского языка, не выявлены группы глаголов словесного нападения и грубого речевого поведения.

Группа существительных неречевой/физической агрессии имеет следующие подгруппы как в русском, так и английском языках: 1) существительные, номинирующие образ агрессора; 2) существительные агрессивного эмоционального состояния; 3) существительные агрессивных действий; 4) существительные, номинирующие средства (орудие)

агрессивных действий. В группу существительных речевой агрессии соответственно входят: 1) существительные оскорбления; 2) существительные угрозы; 3) существительные порицания (упрека, обвинения); 4) существительные насмешки (иронии, колкости).

Н. В. Егоров

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Цель автора научно-популярной дискурса заключается в донесении сути научного события до сознания массового читателя в максимально доступной форме. Это довольно сложная задача, т.к. исходным материалом служит научное сообщение, которое необходимо достоверно передать и одновременно сделать понятным для восприятия, для чего следует внимательно отбирать и строго дозировать необходимые языковые средства, с помощью которых реализуется функция информирования.

Большинство лингвистов считают научно-популярный тип разновидностью научного, руководствуясь наличием терминологии. Вместе с тем Н. Н. Маевский указывает на самостоятельность научно-популярного стиля, исходя из того, что научные тексты обращены к профессиональной аудитории, в то время как популярные тексты рассчитаны на расширенный круг читателей. Поэтому при популяризации научного знания такие признаки как отвлеченность, безэмоциональность, безличность, обобщенность и объективность сообщения становятся вторичными. С терминологией происходят схожие процессы: стилистически нейтральный термин в научно-популярном изложении приобретает эмоциональную окраску, в то время как в чисто научном терминология служит для конкретизации идеи.

Термином является слово или словосочетание, точно обозначающее определенное понятие, применяемое в науке, технике, искусстве. Его особенность заключается в направленности на специальное понятие и закреплённости за определенной терминосистемой.

В текстах как научного, так научно-популярного дискурса используется общеупотребительная, общенаучная и терминологическая лексика. К первой разновидности относятся наиболее употребительные слова общего фонда языка, которые составляют основу любого научного повествования. В состав общенаучной лексики входят слова, отражающие определенные понятия и используемые автором в описании явлений из разных сфер науки и техники.

Значительную часть терминологической лексики в текстах научно-популярного дискурса составляют общеупотребительные термины, поскольку авторское изложение должно быть доступно широкому кругу читателей. Научно-популярный текст отличается от собственно научного, в первую очередь, своей адресностью. Непосредственная ориентация на адресата выражается в диалогичности научно-популярного дискурса.

Терминология вносит простоту и ясность в научно-популярный текст. В составе терминологической лексики можно выделить несколько пластов, различающихся областью употребления, содержанием понятия, спецификой обозначаемого объекта. Это деление отражается в разграничении общенаучных терминов (*hypothesis* ‘гипотеза’, *cell* ‘клетка, элемент’; *тэст-сістэма*, *матрыца*), составляющих понятийный фонд науки в целом, и специальных (*vertebrate* ‘позвоночный столб’, *synapse* ‘нейромедиатор’ (биологически активное вещество для передачи нервного импульса); *вашчына* (тонкий восковой лист с начатками ячеек пчелиных сотов), *крыёніка* (технология сохранения человека в состоянии глубокого охлаждения)), закрепленных за определенными областями научных знаний. Терминологическая лексика информативна и логически оптимизирована, потому ее употребление является необходимым условием лаконичности и точности повествования.

Введение термина в текст и его правильное толкование является важной процедурой для автора научно-популярного дискурса. В текстах рассматриваемого типа дискурса важна последовательность ввода терминов, которая позволяет адресату получить не обрывистые сведения, а целостную научную картину. Объем терминов, представленный в такой последовательности, обычно не превышает порога восприятия адресатом научной информации. Адресат имеет возможность осмыслить и усвоить термины, чтобы в дальнейшем вместе с автором свободно ими оперировать.

Установлено, что наиболее частотными способами введения терминов в текстах научно-популярного дискурса являются прямое введение, синонимизация, этимологизация терминов, истолковывающий контекст.

Прямое введение термина дает возможность подчеркнуть главные, существенные признаки научного понятия в их системе. Полнота и точность дефиниции термина зависят от адресата: чем лучше подготовлен адресат, тем точнее и полнее дается определение. Например: *Some of the most exciting research on depression concerns the role of the **gut microbiome** – the contingent of bacterial cells that live in the stomach and intestines* (Popular Mechanics, 10.2015) ‘Некоторые из наиболее перспективных исследований о депрессии касаются роли **микрофлоры ЖКТ** – совокупности бактериальных клеток, населяющих желудок и кишечник’; *A за ім з диска **акрэцыі** – кучы камянёў і пылу, якія ляталі навокал нованароджанага Сонца, – з’явіўся Юпітэр* (Звезда, 03.07.2017).

Синонимизация терминов осуществляется как с помощью дублетов, так и с помощью нетерминологических элементов – лексических единиц, не входящих в терминосистему или не признаваемых лексическими элементами научного стиля, т.е. стилистическими синонимами. Например: *SLA achieves **a resolution, or layer thickness**, of 0.05 mm, allowing for smoother, more intricate designs* (Popular Mechanics, 04.2016) ‘Метод стереолитографии позволяет достичь **разрешения**, иными словами, **толщины слоя** в 0,05 мм для печати весьма замысловатых моделей с более плавными очертаниями’; *Менавіта тады на тэрыторыі цяперашняй Стаўбцоўшчыны і з’явіліся першыя **румы*** –

прыстані на беразе Нёмана, дзе складзіравалі і падрыхтоўвалі да сплаву на рацэ вывезенае з лесу бяровенне. Такія, кажучы сучаснай мовай, **лесанарыхтоўчыя пункты** існавалі ў Мікалаеўшчыне, Новым Свержані <...> і іншых прынёманскіх паселішчах (Беларуская думка, 10.2017).

Этимологизация терминов в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках как способ введения терминов наименее распространен и зачастую входит в структуру прямого определения. Такого рода «симбиоз» повышает интерес адресата к историческому происхождению самого термина и описываемому научному знанию, в целом, что расширяет фоновые знания носителя языка. Данный способ нередко представлен в тексте в виде латинских и греческих эквивалентов. Например: *But the real dodo, **Raphus cucullatus**, a large, flightless, fruit-eating bird endemic to the island of Mauritius, had thrived in its peaceable home for many thousands of years –until **Homo sapiens** and other predators arrived* (National Geographic, 03.2018) ‘Но настоящий дронт **Raphus cucullatus** – большая, бескрылая, питающаяся фруктами птица – эндемик острова Мавритания, умиротворенно жила в своем раю на протяжении многих тысяч лет, пока не появился **Homo sapiens** вместе с другими хищниками’; *На паверхні алмазы трапляюць з **кімберлітам** – старажытнай магмай, якая калісьці прарвалася на паверхню праз **кімберлітавую трубку** – адносна вузкае жарало, якое злёгку пашыраецца ўгору. Назвай трубка і мінерал абавязаныя паўднёваафрыканскаму гораду Кімберлі, каля якога ў XIX стагоддзі была адкрыта першая такая трубка* (Звязда, 18.09.2018)

Истолковывающий контекст как способ введения в научно-популярный текст нового термина заключается в подробном описании научного знания вместо сжатого терминологического обозначения. В такого рода описании автор отображает важные стороны научного понятия, которые не только усиливают впечатление, но и делают сам предмет изображения более понятным и осязаемым. Следуя за автором от простого наблюдения над примерами к формулированию идеи и знакомству с термином, адресат как бы принимает участие в открытии научного понятия, которое будет им усвоено. Например: *The concept isn't that radical: instead of a magnetic strip, your phone uses **near-field communication** (NFC), a short-range radio frequency, to give your credit card information to the vendor. No signing a screen, no receipt to find in your laundry a week later and throw away* (Popular Mechanics, 08.2015) ‘Концепция не столь нова: вместо магнитной полосы ваш телефон использует **ближнюю бесконтактную связь** (NFC), технологию радиочастоты малого радиуса действия, для передачи данных вашей кредитной карты продавцу. Без подписи на экране, без чека, который, как это бывает, найдется в вашем белье для стирки неделю спустя и отправится прямиком в мусорное ведро’; *Створаны новы спосаб кадыравання інфармацыі. Мы назвалі яго «Мінскім кодам». Уявіце, што ў вас у руках не традыцыйны айфон, які працуе на радыёхвалях, а мабільнік, арыентаваны на светлавыя імпульсы. Такі апарат – **лайтфон** – таксама наша ноўхау* (Звязда, 28.06.2018)

Сочетание в научно-популярном дискурсе терминологической, нейтральной, разговорной лексики позволяет говорить о противопоставлении таких характеристик, как объективность и субъективность, логичность и эмоциональность, однако неизменным остаются точность раскрытия научного знания, в частности, благодаря своевременному введению терминов и образности их толкования в тексте, что создает единство эмоционального восприятия и когнитивного познания научной картины мира.

Н. Л. Заборонок

СПОСОБЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ ЛЕКСЕМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Основными способами заимствования лексики являются транскрипция, транслитерация и калькирование.

Транскрипция – это такое заимствование словарной единицы, при котором сохраняется ее звуковая форма. Иногда форма может быть несколько видоизмененной в соответствии с фонетическими особенностями языка, в который слово заимствуется.

Транслитерация – это способ заимствования, при котором заимствуются написание иностранного слова. Буквы заимствуемого слова заменяются буквами родного языка. При транслитерации слово читается по правилам чтения родного языка. В английском языке много слов греческого, латинского и французского происхождения, которые сохранили свои графические особенности, хотя и читаются по правилам английского языка.

Калькирование – это способ заимствования, при котором заимствуются ассоциативное значение и структурная модель слова или словосочетания. При калькировании компоненты заимствуемого слова или словосочетания переводятся отдельно и соединяются по образцу иностранного слова или словосочетания. В результате калькирования создаются кальки, т.е. слова и выражения, созданные по образцу иноязычного слова или словосочетания. Например, немецкое существительное *Vaterland* ‘родина’, переведенное по частям, дало английскую кальку *Fatherland*.

Калькирование, транскрипцию и транслитерирование как способы заимствования следует отличать от одноименных способов перевода. Не различаясь по своему механизму, они различаются по своим конечным результатам. При переводе не происходит увеличение словаря, тогда как при заимствовании в языке появляются новые словарные единицы.

Таким образом, в результате влияния на английский язык других языков в его словарном составе произошли некоторые изменения.

В английском языке появился ряд иноязычных словарных единиц, а также иноязычных словообразовательных элементов. Как правило, аффиксы не заимствуются отдельно, а вычленяются из потока заимствованных слов, присоединяясь потом к исконным основам и создавая вместе с ним новообразования.

Появилось много разностилевых синонимов. Кроме того, в результате заимствования английский язык пополнился интернациональными словами. Интернациональными называют слова, встречающиеся во многих языках, но имеющие незначительные фонетические различия, связанные с особенностями произношения каждого языка. Например: *социализм*, *socialism* (англ.), *socialisme* (фр.), *Sozialismus* (нем.).

Появилось много слов, произношение и написание которых не соответствует нормам английского языка и которые имеют некоторые грамматические особенности, т.е. слов, не полностью ассимилировавшихся в языке.

В английском словарном составе имеется значительное количество лексем, заимствованных из немецкого языка. Стоит отметить, что весьма большое количество заимствованных из немецкого языка слов, относящихся к области науки, имеют латинские и греческие корни, то есть по большому счету являются словами интернациональными, хотя и были заимствованы из немецких источников. К заимствованиям из немецкого языка, в первую очередь, относятся слова, выражающие понятия общественно-политического и философского характера. Большинство из них оформилось в английском языке в форме кальки, то есть, в форме прямого перевода.

Таким образом, около 10 % немецкой лексики было заимствовано в английский язык путем калькирования: 7 % немецких заимствований являются кальками, 3 % – полукальки.

Т а б л и ц а

Способ заимствования		Примеры заимствований
Калькирование(10 %)	Кальки (7 %)	<i>Braunhemd</i> – <i>Brown Shirt</i> ‘коричневорубашечник, нацист’, <i>Todeswunsch</i> – <i>death wish</i> ‘желание умереть’, <i>Endlösung</i> – <i>Final Solution</i> ‘окончательное решение’, <i>Gastarbeiter</i> – <i>guest worker</i> ‘гастарбайтер, иностранный рабочий’, <i>Hochdeutsch</i> – <i>High German</i> ‘верхненемецкий язык’, <i>Plattdeutsch</i> – <i>Low German</i> ‘нижненемецкий язык’, <i>Machtpolitik</i> – <i>power politics</i> ‘политика с позиции силы’, <i>Ding an Sich</i> – <i>thing-in-itself</i> ‘вещь в себе’
	Полукальки (3 %)	<i>Alpenglühien</i> – <i>Alpenglow</i> ‘отблеск лучей солнца на вершинах гор’, <i>Kaffeklatsch</i> – <i>coffe klatch</i> ‘встреча за чашкой кофе’, <i>Leberwurst</i> – <i>liverwurst</i> ‘ливерная колбаса’

Необходимо заметить, что процесс ассимиляции немецких заимствований проходит по-разному. Некоторые заимствованные наименования проходят сложный путь в языке-реципиенте. Например, слово *Weltanschauung* 'мировоззрение' было переведено как *world-view*, но также употреблялось как *Weltanschauung*.

Типичным является поступательное вживание в английский язык. Немецкое слово может сначала существовать в первоначальном виде и лишь позднее становится калькой или полукалькой. Например, слово *Kriegsspiel*, 'военная игра' позже было переведено как *war game*.

Однако отдельные заимствования переводятся сразу: *Pechstein* – *pitchstone* 'флюолит, смоляной камень', *Meinheit* – *selfhood* 'индивидуальность, личность'.

Иногда возникает несколько вариантов калек немецкого заимствования, например: *Übermensch* - *overman*, *superman*, *beyondman* 'сверхчеловек'.

Таким образом, можно утверждать, что большая часть немецких слов оформилась в английском языке в переводной форме, т.е. в форме кальки. Калькирование ряда словосочетаний и сложных слов немецкого языка облегчалось за счет близкого родства языков.

А. Э. Иванов

СТРАТЕГИЯ СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ОБЩЕНИЯ В РАЗГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В условиях повышенной конфликтности межличностной коммуникации в современном мире исследователи, занимающиеся вопросами современного языкознания и, в частности, лингвопрагматики, все больше обращают внимание на поиск наиболее эффективных путей осуществления общения между коммуникантами в диалоге. В коммуникативной лингвистике принято выделять две базовые программы коммуникативного поведения – конфронтационную и бесконфликтную, которая зачастую называется кооперативной. В данном случае *конфликт* представляет собой деструктивный тип ведения коммуникации, при котором нарушаются основные принципы и правила (максимы) общения. В настоящем исследовании под *кооперативностью* понимается не только следование основным принципам и правилам коммуникации (принцип вежливости, принцип кооперации), но также достижение целей общения оптимальными, приемлемыми для обоих участников диалога средствами. Это значит, что в центре внимания находится не только результат общения и его восприятие партнерами по коммуникации, но и сам процесс общения и его характеристики.

Достижение целей общения с высокой степенью необходимости предполагает понимание таких понятий, как *коммуникативная стратегия* и *коммуникативная тактика*. В данном исследовании под *стратегией* понимается набор определенных, заранее запланированных говорящим теоретических

ходов, которые направлены на достижение коммуникативных целей, в то время как *тактика* представляет собой набор практических ходов, реализуемых в процессе речевого взаимодействия между говорящими. Кооперативные стратегии ориентированы на достижение целей коммуникации обоюдодоприемлемыми средствами, что в итоге детерминирует успешность общения в целом.

В разговорном дискурсе выделяется несколько кооперативных стратегий, а именно стратегии солидаризации, искренности, самопрезентации, разрешения конфликта и другие. Целью данного исследования является установления тактического репертуара кооперативной стратегии создания позитивной тональности общения, а также языковых средств ее реализации.

Материалом для исследования послужили разговорные диалоги, отобранные из британских и белорусских художественных фильмов – 150 диалогов на английском и 150 диалогов на русском языке. Кинематографический дискурс не случайно был выбран в качестве материала для анализа, так как позволяет исследовать как вербальные, так и невербальные средства; в то время как разговорная сфера общения предполагает более свободный выбор языковых средств в процессе речевого взаимодействия.

Стратегия создания позитивной тональности общения играет особую роль в осуществлении кооперативного общения, так как незначительные элементы данной стратегии можно обнаружить практически во всех исследуемых диалогах. Несмотря на это в своем непосредственном выражении, т.е. в том случае, когда стратегия создания позитивной тональности общения занимает одну из лидирующих позиций в диалоге, она была зарегистрирована в 10 % в диалогах на английском языке и 7,8 % в русскоязычном материале.

Целью же данной стратегии является создание особой доверительной атмосферы общения, коммуниканты стремятся вызвать положительные эмоции у адресата, установить доброжелательные отношения, содействующие как солидаризации, так и проявлению искренности. Это позволяет сделать вывод о том, что данная стратегия является необходимой составляющей кооперативной коммуникации, а, следовательно, набор тактик, ее конструирующих, является достаточно обширным. В данном случае целесообразным представляется рассмотрение лишь наиболее специфических тактик-репрезентантов стратегии создания позитивной тональности общения. Таковыми являются следующие тактики: шутки, выражения положительного эмоционального состояния, интимизации, комплимента, похвалы, благодарности и извинения. Рассмотрим более подробно наиболее частотные из них.

Как в англоязычном, так и в русскоязычном материале достаточно часто употребляется *тактика шуток*. Целью данной тактики является установление позитивного фона общения путем создания шуток или иронии по поводу, не оскорбляющему личности коммуникативного партнера. Актуализируются данная тактика различными стилистическими средствами, а именно языковой игрой, анекдотом, крылатой фразой и т.д. Зачастую ее употребление сопровождается различными невербальными сигналами, такими как смех, улыбка и др. Шутка и ирония также могут дополняться *тактикой*

выражения положительного эмоционального состояния.

Пример диалога на английском языке:

A: Milk's gone up. 49 p a pint. 'Цены на молоко снова выросли. 49 пенни за пинту'.

B: Good grief! We'll have to economize. I suppose we could always sell the car or take in paying guests! (Смеются). 'Боже мой! Нам придется экономить. Я полагаю, мы всегда сможем продать машину или сдавать комнаты'.

Пример диалога на русском языке:

A: Марина – просто балерина. Посмотри: спинка пряменько, голову держит. Ну-ка, давай выпрямись.

B: Ну, ты даешь, мама! Она с пяти лет танцами занимается, а ты меня в художественный уклон отдала. Вот она и ходит как струнка, а я рисую как кукрыниксы.

Еще одной рекуррентной тактикой является тактика комплимента, целью которой является сообщение о расположении говорящего к адресату и положительной оценке его внешности и качеств, присущих или приписываемых ему. В сравнении с тактикой похвалы (границы между данными тактиками могут быть весьма размыты) побудительная семантика играет гораздо меньшее значение, более важной является интенция сказать собеседнику нечто приятное, сблизиться с ним. Как в русском языке, так и в английском языке данная тактика зачастую выражается эпитетами с использованием различных интенсификаторов; коммуникативный тип предложения, как правило, представлен его восклицательной разновидностью. Также возможно употребление сравнительных оборотов, подчеркивающих субъективность эмоциональной оценки. В частности, примером тактики комплимента на английском языке может послужить следующее предложение: «*You were very steady, cool under pressure, but so creative. You could be a poet*» ‘Ты был очень стабильным, спокойным, но креативным. Ты бы мог быть поэтом’. Примером данной тактики в русскоязычном материале является следующее высказывание: «*А невеста ты чудесная, не зря к тебе Селина как магнитом тянет*».

Тактика интимизации является универсальной кооперативной тактикой, так как может актуализировать не только стратегию создания позитивной тональности общения, но также и стратегии солидаризации и искренности, поскольку ее целью является сближение партнеров по коммуникации, создание особого коммуникативного пространства доверия, который по сути означает переход к более доверительному, «интимному» общению. Тактика интимизации, как правило, реализуется уменьшительно-ласкательными суффиксами в русском языке, а также различными вариациями имен в английском, зачастую используются прозвища.

В результате проведенного анализа было установлено, что в англоязычном разговорном дискурсе для реализации стратегии создания позитивной тональности общения чаще всего используются тактики шуток, комплимента и выражение положительного эмоционального состояния – 28 %, 24 % и 23 %, соответственно. Для русскоязычных разговорных диалогов более

характерными являются тактики шутки, комплимента и интимизации – 25 %, 25 % и 17 %, соответственно. В результате не было выявлено отличий в актуализации данной стратегии носителями английского и русского языков в исследуемом материале, за исключением более активного употребления тактики интимизации в русскоязычных диалогах, что может свидетельствовать об установлении более близких доверительных отношений между коммуникантами. В целом стратегия создания позитивной тональности общения способствует осуществлению кооперативной коммуникации как в английском, так и в русском языке.

О. В. Изотова, Е. А. Гиркина

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОТКРОВЕННОСТИ В НИДЕРЛАНДСКОЙ И РУССКОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ

В статье подвергаются анализу некоторые аспекты вербализации откровенности в русской и нидерландской коммуникативных культурах

Анализ специфики реализации откровенности в медийной коммуникации продемонстрировал разнообразный характер откровенности, что обусловлено рядом факторов, а именно, внешними условиями и внутренним состоянием говорящего, его готовностью к вербализации откровенности, степенью искренности и доверительности, а также целью конкретного дискурса. Степень откровенности может варьироваться от минимальной (*частичная откровенность*) до максимальной (*исповедальная откровенность*).

Нами были обозначены следующие культуроспецифичные аспекты вербализации откровенности в рамках интервью, относящихся к русской коммуникативной культуре:

1. Присутствие оправдательных реплик (по отношению к другим): *«Я долго думала, почему она меня так позорит при всех, потом поняла – это был ее дикий страх, что ребенка сглазят»* (В. Полозкова);

2. Присутствие эмотивной лексики: *«этот год был **худишим** в моей жизни»* (В. Полозкова);

3. Использование понятия судьба: *«Но в целом, я не знаю, честно говоря, как жизнь **выкрутит**»* (И. Охлобыстин);

4. Использование вставки *знаете* при описании события собеседнику: *«Ксения предельно вежлива. Опоздав, приносит цветы, подчеркнуто обращается ко мне на «вы» («Это, **знаете**, мое питерское воспитание!»)»* (К. Собчак), *«**Вы знаете**, я родилась в послевоенное время, и меня никто не баловал никакими елками или подарками»* (Л. Рубальская);

5. Эллиптические конструкции: *«Он впечатление хотел произвести. **И произвел**»* (Н. Самбурская);

6. Передача собеседнику суждения о собственной вине или невинности: *«Я всегда заканчивала отношения сама и всегда чувствовала себя виноватой»* (К. Собчак).

Анализ интервью, относящихся к нидерландской коммуникативной культуре, позволил выявить следующие аспекты вербализации откровенности:

1. Выражение собеседнику негативных эмоций через вербализацию негативной оценки раздражителя: «*Hij was een rotjoch. Egocentrisch en agressief*». – «Он был ужасным подростком. Эгоцентричным и агрессивным» (П. Вилдерс);

2. Присутствие попыток ухода от ответа: «*Ik zal geen privédetails vertellen, maar hij was extreem, zelfs voor een puber*». – «**Не буду вдаваться в подробности**, но он вел себя экстремально, даже для подростка» (П. Вилдерс);

3. Использование вставки *kijk* (≈*знаете* (букв. *смотрите*)) при описании события собеседнику: «**Kijk**, als ik schrijf, ben ik gelukkig». – «**Знаете**, когда я пишу, я счастлив» (Р. Наср);

4. Исповедальная откровенность, которая выражается в описании личной жизни: «*Ik denk steeds vaker dat ik verkeerd geleefd heb. Ik heb echt voor de poëzie geleefd – en waarom eigenlijk? 'Ik krijg voor het eerst van mijn leven gedachten die ik nooit heb gehad. Had ik toch maar kinderen gekregen. Was ik toch maar getrouwd. Ik weet heel goed waarom ik het altijd heb afgewezen. Dat deed ik voor de poëzie. Dat is nogal wat, als je het zo bekijkt, want nu zit ik met lege handen*». – «Я все чаще думаю, что жил неправильно. Я действительно жил ради поэзии – и собственно говоря зачем? – Впервые в жизни меня посещают такие мысли. Почему у меня нет детей? Если бы я был женат. Я прекрасно понимаю, почему я все это отвергал. Я делал это ради поэзии. И в итоге остался ни с чем» (М. Вигман).

В результате проведенного анализа были также выявлены следующие закономерности: в интервью представителей нидерландской и русской лингвокультуры нашей выборки одинаково часто используются техники исповедальной откровенности.

Представители нидерландской лингвокультуры несколько чаще прибегают к техникам ухода от ответа в отличие от представителей русской лингвокультуры.

Представители русской лингвокультуры значительно чаще прибегают к техникам оправдательной откровенности.

И. В. Лешкевич

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ В КОНТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КИНОРЕЦЕНЗИИ

В человеке все движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, аксиологическое поведение и все его вербальные рефлексии (В. И. Шаховский, Ш. Бали, Э. Станкевич, Д. Гоулман, Э. Стивенсон). В том, что эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления, социального поведения, уже

мало кто сомневается. Именно поэтому успешно разрабатываются проблемы эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения во внутри- и межкультурной коммуникации (А. Вежбицкая, В. И. Шаховский). Однако, несмотря на многочисленные разработки концепции эмоций отечественными и зарубежными лингвистами, ученые так и не пришли к созданию единой непротиворечивой теории.

Материалом данного исследования служат 20 кинокритических рецензий из британских и американских периодических изданий за 2019–2020 гг.: «The Observer», «The Guardian», «The New York Times», «USA Today» и др. *Кинокритическая рецензия* представляет собой особый семантический тип текста – эмотивный, т.е. текст, отражающий эмоциональные состояния говорящих и их взаимоотношения, а также оказывающий эмоциональное воздействие на участников общения. Компоненты эмотивного текста можно дифференцировать на языковые (эмотивная лексика и фразеология, набор эмотивных конструкций и др.) и неязыковые (эмоциональная ситуация, которая включает эмоциональную пресуппозицию, эмоциональные намерения и позиции коммуникантов в момент общения, а также их общий эмоциональный настрой). В результате все перечисленные компоненты находят свое формальное выражение в лексике, синтаксисе, структуре и стилистике, которые выступают в качестве сигналов об эмоциональной информации данного текста. Специфика эмотивного текста заключается и в том, что он может полностью редуцировать логико-предметное значение совершенно нейтрального в эмотивном плане значения слова и сделать его контекстуальным эмотивом, «навести» эмосему на семантику нейтрального слова.

В рамках данного исследования нас интересует, с одной стороны, экспликация скрытых, глубинных эмосем, т.е. когда нейтральное слово имеет скрытую эмотивную валентность, проявляющуюся в специальном контексте; с другой стороны – приращение эмосем из контекста, когда в слове нет своей эмосемы, но в ситуативных контекстах на его семантику наводится эмотивная сема, которая исчезает из этого слова с его выходом из данного контекста. Таким образом, речь идет о контекстуально-эмотивных единицах, которые дифференцируются на *узуальные имплицитивы* и *окказиональные имплицитивы*.

Установлено, что в случае узуальных имплицитивов эмосема может быть эксплицирована методом семантического распространения или углубления дефиниции слова, а также через сочетаемость слова в речевой цепи и диагностирующий контекст. Так, в американской рецензии на фильм «Паразиты» автором используется лексема *scheme* ‘схема’, основное значение которой ‘a plan, design, or program of action to be followed; project’, однако в контексте актуализируется значение ‘an underhand plot; intrigue’, т.е. ‘тайный сговор’, целью которого является обман семьи: <...> *a destitute family occupies a wealthy household in an elaborate **scheme** that goes comically – then horribly – wrong* (The New York Times. 12.12.19) – ‘<...> нуждающаяся семья занимает богатый дом, используя сложную схему, которая развивается комично – затем ужасно –

неправильно'. Таким образом, контекст разворачивает глубинную часть смыслового содержания слова *scheme*, эксплицируя его потенциальную эмотивность, т.е. окрашивая его отрицательную оценку эмоциональностью. Аналогичный потенциал, «эмотивный зародыш» имеют многие слова: *spin* 'поворот', *to target* 'направлять', *flavor* 'вкус', *cuckoo* 'кукушка' и др.

Анализ кинокритик из британской и американской прессы показал, что в тексте практически любое слово способно выражать эмоции. Данный факт можно объяснить и тем, что отношение человека к объектам мира присутствует как в номинации, так и в коммуникации, поскольку мы отражаем, обозначаем и чувствуем одновременно. И это отношение в зависимости от ситуации может стать эмоциональным. К способам наведения эмосемы относятся *ситуация, макроконтекст, микроконтекст, экспрессивный синтаксис, способ ложных деривационных связей, «игра в денотаты»* и др. Самыми употребительными являются первые четыре способа.

Так, лексическая единица *television* 'телевидение' является сама по себе нейтральной и не содержит эмосемы в своей дефиниции: 'a device shaped like a box with a screen that receives electrical signals and changes them into moving images and sound, or the method or business of sending images and sound by electrical signals'. Однако в контексте рецензии на фильм «Джокер» ее актуальный смысл становится эмотивным: 'нечто совершенно ужасное, источник зла и людских бед'. Ср.: *Arthur's uncontrollable laughter arises from a medical condition <...>. His profound alienation also arises from social inequality, the decline of civility, political corruption, television, government bureaucracy and a slew of other causes. Rich people are awful. Poor people are awful* (The New York Times. 12.12.19) – 'Неконтролируемый смех Артура возникает из-за заболевания <...>. Его глубокое отчуждение также вытекает из социального неравенства, снижения цивилизованности, политической коррупции, телевидения, государственной бюрократии и множества других причин. Богатые люди ужасны. Бедные люди ужасны'. Приведенный отрывок иллюстрирует такую закономерность текста кинокритики, как скопление эмотивов, что объясняется их взаимопритяжением, взаимоинтенсифицированием и, как следствие, распространением эмотивности на весь текст. В данном случае такой эффект достигается использованием эмоционально-оценочных прилагательных и существительных, а также параллельных структур.

Наводить эмосему могут и микроконтексты, например: *But he can only get a job as a clown in grinning makeup and floppy-toed shoes* (The Guardian. 03.10.19) – 'Но он может получить работу только клоуна в улыбающемся гриме и туфлях с большими носами'; *Meanwhile, the usual armies of skeptics and fans have squared off with ready-made accusations of bad faith, hypersensitivity and quasi-fascist groupthink* (The New York Times. 12.12.19) – 'Между тем, обычные армии скептиков и фанатов расправились с готовыми обвинениями в недобросовестности, гиперчувствительности и квазифашист-

ском групповом мышлении'. В приведенных примерах под воздействием ближайших оценочных лексических единиц *grinning, skeptics, fans* происходит наведение эмосем на нейтральные лексемы *makeup, shoes* и *army*.

Наведение эмосемы может осуществляться и повтором нейтрального слова, например, лексемы *shadow* 'тень': <...> *the film turns out to be afraid of its own shadow, or at least of the faintest shadow of any actual relevance* (The New York Times. 12.12.19) – '<...> фильм оказывается боится собственной тени или, по крайней мере, малейшей тени какой-либо реального значения'. Использование разнообразных возможностей экспрессивного синтаксиса, например, повтора, параллелизма, парцелляции и др., способствует возникновении эмоциональности: *Joker's embrace of radical evil becomes a kind of integrity. Or something.* (The New York Times. 12.12.19) – 'Охват фильмом «Джокер» радикального зла составляет его целостностью. Или нечто подобное'.

Сравнительный анализ британских и американских кинокритических рецензий позволил установить общую тенденцию употребления контекстуально-эмотивной лексики, *узуальных* и *окажизональных импликативов*. Отличие заключается в использовании более разнообразных способов наведения эмосем британскими авторами, а именно: возможностей *экспрессивного синтаксиса, деривационных механизмов* и др.

А. И. Маркова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ (на примере современных песен)

Что для Вас музыка? Какое место она занимает в Вашей жизни?

Если задать подобные вопросы профессиональному виолончелисту, гитаристу, пианисту, вокалисту, музыканту-любителю или любому другому человеку, напрямую связанному с музыкой, то, без сомнения, можно получить широкий и развернутый (или же четкий и лаконичный) ответ, выражающий всю значимость этого культурного явления. Эти люди не представляют свою жизнь без музыки, она является частью их действительности, их жизни, для большинства из них музыка и есть жизнь. Что же делать тем, кто не умеет ни петь, ни играть на музыкальных инструментах, и никаким образом не может причислить себя к этой «музыкальной касте»? Обозначает ли это, что такие люди могут спокойно жить без музыки? Определенно, нет! Действительно, музыка никак не является необходимым для человека компонентом жизнедеятельности, ее нельзя вдохнуть, как воздух, ее нельзя потрогать, ею не получится утолить жажду и голод. Однако именно музыка, будучи одним из ключевых элементов культуры, дает человеку эмоциональное и духовное насыщение. В музыке мы зачастую черпаем вдохновение, перекладываем на нее свои внутренние переживания, ассоциируем с ней значимые для нас мо-

менты и события. Музыка есть незаменимый элемент в жизни каждого человека, и не имеет абсолютно никакого значения, сочиняете вы ее, или же она просто играет у вас в наушниках по дороге на работу. Между прочим, меломаны в наушниках, сидящие где-нибудь в метро или автобусе, как никто другой это подтвердят!

Когда-то давно вехой музыкальной культуры считалась классика, затем, с течением времени, стали появляться джаз, рэп, рок и многие другие жанры. Времена меняются, и музыка тоже, но ее ценность и значимость остаются неизменными.

В эпоху глобализации и культурной интеграции музыка вышла на новый уровень развития: произошло смешение музыкальных жанров, появились новые возможности звука и аранжировки, и, что самое главное, существенно упростился доступ ко всему вышеперечисленному. Именно поэтому одним из наиболее важных для современной лингвистики вопросов является проблема перевода текстов музыкальных произведений, иначе говоря, песен. Возможно, слово *проблема* здесь не совсем уместно, т.к. сам по себе перевод проблемой не является. При желании, абсолютно любой человек, не владеющий иностранным языком, может воспользоваться словарем, интернетом или соответствующим мобильным приложением, чтобы перевести непонятное слово или даже целый текст. Проблема заключается в **интерпретации** полученного перевода на переводящий язык. Именно из-за неверной интерпретации смысл оригинального текста так часто теряется, искажается или же попросту вводит слушателя в заблуждение.

Замечали ли вы когда-нибудь, как, «заслушивая до дыр» очередную любимую песню, вы без устали напеваете припев (или любые другие понравившиеся строки), а потом вдруг узнаете, что там вообще другие слова поют! Вообще не то, что так долго прокручивалось у вас в голове и к чему вы, вероятнее всего, уже привыкли.

Справедливости ради, стоит отметить, что с такой ситуацией может столкнуться абсолютно любой человек, невзирая на то, насколько хорошо он владеет иностранным языком и владеет ли им вообще. Во втором случае возникшее недопонимание вполне оправданно, тогда как в первом ему может служить ряд причин, самой банальной из которых является темп, или же «скорость исполнения».

Все мы говорим в определенном темпе и с определенной интонацией, что обусловлено индивидуальными речевыми особенностями каждого человека. Кто-то привык говорить в достаточно быстром темпе, соответственно, скорость реакции у такого человека, вероятнее всего, также будет довольно быстрой, без долгих речевых пауз и заминок. В англоязычных песнях исполнители очень часто «проглатывают» некоторые звуки, чтобы добиться ритмичности и сохранить нужную рифму. У «неносителей» английского языка это часто вызывает затруднения в смысловом распознавании текста песни, особенно в сочетании с ее быстрым темпом.

Такой же эффект может наблюдаться и в противоположной ситуации – если песня медленная, то исполнитель стремится растянуть некоторые звуки, чтобы добавить певучести и мелодичности. В таком случае отдельные слова и целые фразы могут сливаться воедино, что, с точки зрения музыкального восприятия, звучит очень красиво, однако вызывает дополнительные трудности в распознавании текста.

Ключевым моментом в переводе англоязычных песен на русский язык является адекватная передача всех лексических единиц текста-оригинала с передачей заложенного в нем смысла и настроения. Как правило, любую песню переводят двумя способами, первый из которых является наиболее простым и распространенным на просторах интернета: любая англоязычная песня просто переводится построчно, согласно структуре текста-оригинала. Каждая фраза/предложение (в зависимости от того, как выстроены слова песни) переводятся отдельно, пренебрегая смысловой связью между предыдущими и последующими строками. Существенным недостатком такого перевода является игнорирование устойчивых лексических единиц, таких как фразеологизмы и фразовые глаголы, а так же дословный перевод метафор, сравнительных оборотов и других стилистических приемов. При таком переводе существенно искажается смысл текста оригинала. С одной стороны – текст переведен и, вроде как, русскоговорящий слушатель понимает, о чем там поется. С другой стороны – перевод не согласован, не объединен, из-за неправильного перевода отдельной лексики смысл деформировался и может быть частично либо полностью не понят.

Второй способ перевода более сложный и требует навыков стихосложения. Очень часто англоязычные песни переводятся на русский язык с целью последующего музыкального исполнения. В таком случае, переводить текст построчно недостаточно, поэтому первый способ является нецелесообразным. Тем не менее, у обоих способов есть общая закономерность – для начала, текст песни все равно придется перевести построчно. Однако здесь недопустима погрешность в виде дословного перевода фразеологизмов и других примеров, приведенных выше. После этого необходимо трансформировать переведенный текст в своего рода «стих», поскольку в песне, как в стихотворном произведении, должна быть соблюдена рифма.

Зачастую изобретая нужную рифму, переводчики отходят от полученного ранее текста и используют вольный перевод, добавляя некоторые фрагменты «от себя». При этом необходимым условием является сохранение основного посыла и настроения текста-оригинала. В конечном результате переведенная песня не должна быть абсолютно новым произведением, узнаваемым лишь по знакомой музыке. Слушая русскоязычный вариант человек должен прочувствовать те же эмоции, что и при прослушивании песни в оригинале.

Пример перевода куплета песни Wicked Game
американского исполнителя Chris Isaak

WICKED GAME	ЖЕСТОКАЯ ИГРА
What a wicked game you play	В какую жестокую игру ты играешь?
To make me feel this way	Заставляя меня чувствовать себя подобным образом,
What a wicked thing to do	Как жестoko поступаешь,
To let me dream of you	Позволяя мне мечтать о тебе,
What a wicked thing to say	Какие жестokie слова ты говоришь,
You never felt this way	Ты же никогда этого не чувствовала,
What a wicked thing to do	Как жестoko поступаешь,
To make me dream of you	Заставляя меня мечтать о тебе

Е. В. Невмержицкая

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СЛУШАТЕЛЕЙ СТАРШЕЙ ВОЗРАСТНОЙ ГРУППЫ

Статья посвящена специфике преподавания фонетического аспекта английского языка обучающимся старшей возрастной группы в сфере дополнительных образовательных услуг. Делается акцент на то, что основными принципами обучения в данной ситуации являются осознанное усвоение артикуляционно-интонационных характеристик изучаемого языка наряду с лексическим и грамматическим материалом, а также учет психолого-педагогических особенностей организации учебного процесса в рамках обучения взрослой аудитории.

В настоящее время практическое владение иностранным языком – необходимость для того, чтобы быть успешным. Владение английским языком – одна из важнейших характеристик специалиста высшей квалификации любого профиля, так как конкурентоспособность современного специалиста определяется не только его высокой квалификацией в профессиональной сфере, но и готовностью решать профессиональные задачи в условиях иноязычной коммуникации. Владение иностранным языком – необходимое условие профессионализма специалиста, которое позволяет работать с информацией, доступной во всем мире, а также свободно общаться с иностранцами в зарубежных поездках.

Можно сказать, что взрослые обучающиеся, в сравнении со школьниками, имеют богатый жизненный опыт, целеустремленность и склонность к анализу. Данная аудитория отличается особой учебной мотивацией, а также прагматическим отношением к образовательным услугам.

Для некоторых взрослых людей изучение иностранного языка может оказаться сложной задачей, так как они иногда начинают учебу, а потом бросают ее из-за чувства страха и языковых барьеров. Однако любой взрослый может освоить иностранный язык при правильном понимании особенностей своего восприятия, способов закрепления и воспроизведения в процессе обучения. Поэтому одной из основных задач, стоящих перед преподавателями иностранного языка, работающими со взрослой аудиторией, является обучение иноязычной коммуникации при помощи средств изучаемого языка специалистов, уже владеющих профессиональными знаниями и умениями в определенной сфере. При этом следует учитывать, что владение звуковым строем и произносительными нормами изучаемого языка является обязательным условием успешного общения. В непосредственной ситуации общения – человека, произношение которого далеко от идеала, но который при этом правильно ставит ударение в словах и не допускает грубых фонетических, а уж тем более фонематических ошибок, конечно же, поймут. В противном случае велик риск быть понятым неправильно и попасть в неприятную ситуацию. Поэтому именно правильным образом сформированные нормы произношения являются залогом нормального функционирования монологической и диалогической речи.

В ситуации, когда количество аудиторных часов ограничено, фонетика для взрослых обучающихся представлена не в качестве отдельной дисциплины, а в рамках интенсивного вводно-коррективного курса на начальном этапе обучения, а также как подразделы в рамках отдельных тематических модулей на последующих этапах обучения. Фонетический материал охватывает весь звуковой строй английского языка, правила чтения, основы ритмической организации английской фразы, главные компоненты интонационной структуры. В ходе обучения, вероятно, не стоит уделять чрезвычайного внимания теоретической составляющей, а наоборот, делать акцент на практической стороне обучения. Так, например, при изучении системы английских звуков важно обращать внимание слушателей на то, что желающим произносить английские слова так же, как это делают носители языка, следует запомнить фонетические значки (транскрипционное изображение звуков – ведь во многих случаях между тем, как слово выглядит на письме и тем, как оно произносится существуют значительные расхождения), отработать положение языка, зубов и губ, чтобы создать нужный поток воздуха для правильного произнесения того или иного звука. При всем при этом, не стоит сильно загружать слушателей фонетической терминологией и давать развернутую (детальную) классификацию звуков.

Далее, в ходе формирования и тщательной последовательной коррекции произносительных навыков слушателей используется комплекс упражнений с аудио сопровождением, где предусмотрены этапы восприятия, имитации, дифференциации, репродукции и комбинирования. Фонетические упражнения представлены в транскрипции, что в дальнейшем может облегчить работу со словарем. В процессе работы над звуками особое внимание следует уделить звукам, представляющим определенную артикуляционную

сложность в освоении ввиду их отсутствия в русском языке (например, межзубные [ð]–[θ]; губно-губной сонант [w] и особенно в сочетании с губно-зубным [v]; а также звукам, близким по звучанию к звукам русского языка, но имеющим принципиальные артикуляционные отличия: например, аспирированные согласные [t, d]; заднеязычный сонант [ŋ]; соотношения гласных звуков по долготе и напряженности). От соблюдения в произношении последней упомянутой особенности английских гласных, кстати, зачастую зависит значение слова, поэтому так важно обращать внимание слушателей на соблюдение позиционной долготы гласных при их воспроизведении в потоке речи, ведь именно на этапе изучения можно допустить промахи, избавиться от которых будет потом сложно. Кстати, с целью повышения уровня аутентичности произносительных навыков будет целесообразным использовать такие фонетические приемы как ассимиляция, элизия, редукция.

Для того, чтобы быть правильно понятыми собеседниками недостаточно освоить произношение, накопить словарный запас и не путаться в грамматике. Очень важно придавать своим предложениям верную интонацию. Поэтому изучение просодических явлений происходит в рамках освоения базовых акцентно-ритмических структур английской фразы и основ правильного интонационного оформления коммуникативных типов высказываний через осознанное понимание отличий от просодических явлений русского языка. Так, работа над упражнениями просодического характера имеет своей целью формирование, корректировку и совершенствование интонационных навыков, обучающихся до уровня, делающего процесс дальнейшего общения наиболее продуктивным. Стоит отметить, что немалая часть интонационных упражнений моделирует реальные ситуации общения с учетом активного лексико-грамматического материала, что является весьма полезным фактором ввиду отсутствия подлинной языковой среды.

В заключение следует отметить, что одним из негативных факторов, влияющих на качество произношения, является языковая интерференция, которая проявляется в языковом акценте. Некоторые слушатели взрослой аудитории уверены, что интерферирующее влияние родного языка слишком сильно, т.е. акцент истребить невозможно. Однако чем больше уделять внимания правильному произношению, правильной постановке ударений, тем успешнее будет коммуникация с носителем языка. Кроме того, следует учитывать ряд благоприятных факторов, характеризующих взрослую аудиторию, (о которых говорилось выше – это анализ, синтез, сравнение и обобщение, а также внимание, мышление, сознательность и целеустремленность и, как правило, высокую мотивацию). Сегодня в распоряжении изучающих английский язык есть огромное количество технических средств помимо непосредственных занятий в аудитории, и если целью обучающихся является не только хорошо знать язык, но и добиться произношения, максимально приближенного к носителям языка, достичь ее вполне возможно.

КАТЕГОРИЯ СУБЪЕКТНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ: ДИАЛОГ МНЕНИЙ

Аналитическая статья характеризуется открытой манифестацией авторского «Я». Доминантой медиажанра является субъективное мнение адресанта, которое находит свое воплощение в *авторской точке зрения* – обязательном семантическом компоненте текста. Категория авторизации тесным образом связана с понятием *субъектности*, отражающим различные формы участия говорящего в высказывании (Т. П. Карпилович).

Маркеры субъективного мнения автора статьи многообразны и представлены как на лексическом, так и грамматическом уровнях. Анализ публикаций, размещенных на веб-сайтах белорусского издания «СБ. Беларусь сегодня» и американского издания «The Washington Post» в 2020 г., показал, что обсуждение актуальных вопросов политики, экономики, здравоохранения и т.д. сопровождается эксплицитной авторской оценкой происходящего.

К основным средствам вербализации субъективной точки зрения в исследуемых аналитических статьях мы относим эмоционально окрашенную лексику: *Сейчас кварталы старых панелек выглядят уныло*; *The U.S. and global response has been slow, haphazard and far too limited*. Как видно из приведенных примеров, она преимущественно передает негативную оценку и используется в целях критики, выражения неодобрения. Употребительны слова с модальным значением необходимости (*The world needs a massive investment to protect against the next health threat*), а также вводные слова с разнообразной семантикой. Последние могут указывать на отношение, степень уверенности или уточнять сказанное: *К сожалению, пока «кворум» не собран ни в одном из нуждающихся в модернизации зданий*; *To be clear, we are well aware that the process of scientific discovery is often messy*. Для придания размышлениям адресанта «разговорности» используются различные средства диалогизации, такие как риторические вопросы (*Кому из путешественников хочется вместо прогулок по культурным достопримечательностям сидеть неделями в номере?*) или эмфатические конструкции (*Victory is by no means assured*). Эти и другие средства экспликации мнения подчиняются замыслу автора и работают в комплексе, выражая субъективное отношение на фоне объективного изложения фактов и давая эмоциональную оценку обсуждаемой проблемы.

Однако категория субъектности является глобальной дискурсивной категорией и не сводится к манифестации авторской точки зрения. Она также включает субкатегории адресата и других участников дискурса. Это выражение позиции любого говорящего субъекта, которым может быть не только автор статьи, но и все те, чье мнение приводится в сообщении в той или иной форме (дословно в виде цитаты или косвенно). Таким образом, между адресантом и «третьими лицами» завязывается своеобразный диалог, и чужое мнение может приводиться как с целью поддержать авторскую позицию, так

и сыграть на контрасте с ней. В последнем случае статья отражает столкновение интересов противоборствующих субъектов, являющихся представителями различных социальных групп.

Рассмотрим случаи обращения к чужой точке зрения в русскоязычных статьях из белорусского издания. В проанализированной выборке превалирует отсылка к организации как участнику коммуникации (29 % случаев): *Два министерства – здравоохранения, а также спорта и туризма – в начале недели дали рекомендации воздержаться от поездок в Китай и на север Италии. Это может быть организация в целом или ее подразделение (отдел, служба и т.д.): в пресс-службе авиакомпании подтвердили. Приведение мнения конкретной персоны сопоставимо по частотности (28 % примеров): директор Департамента по энергоэффективности Михаил Малащенко убежден; начальник управления жилищного хозяйства Министерства ЖКХ Андрей Ромашко подчеркивает. Как правило, слово дается представителям государственных организаций (министерств, исполкомов и т.п.), при этом «выступающие» занимают руководящие должности (начальник, директор, заместитель председателя). Употребительно обращение к мнению не отдельной персоны, но социальной группы в целом (24 %): *Слонимчан приходится уговаривать начать модернизацию их многоэтажек. Группа может быть выделена по территориальному, гендерному, профессиональному признаку или по интересам (минчане, туристы, зоозащитники).**

Примечательно, что обращение к неличным источникам информации (документам, периодике) для белорусской прессы менее характерно. Так, отсылка к документам встречается в 10 % случаев (*Указ № 327 «О повышении энергоэффективности многоквартирных жилых домов»; новая редакция Правил содержания домашних собак, кошек*), тогда как СМИ упоминаются в 5 % ситуаций (*сообщает «Эль Эспанол»*). В последнем случае издание не обязательно называется конкретно: *испанские СМИ сообщили. «Размытые» указания на источник характерны для 4 % всех отсылок к чужому мнению: исследования показали, зарубежный опыт говорит.*

В американском издании апелляция к чужому мнению осуществляется в два раза чаще, чем в отечественном. Категории говорящих субъектов аналогичны, однако их количественное распределение отличается. Превалирует обращение к мнению персоны (25 % случаев): *said Christopher Walker, vice president for studies at the National Endowment for Democracy; “We cannot let a regime that continues to blatantly undermine the rules-based system by failing to ensure open markets or respect for intellectual property rights, ascend as the global leader of intellectual property policy,” Sens. Tom Cotton (R-Ark.) and Charles E. Schumer (D-N.Y.) wrote to President Trump last month.* Это влиятельные люди, занимающие руководящие должности в правительстве или организациях политического характера.

Неличные источники информации более релевантны, чем в белорусском издании, поскольку отсылка на документы делается в 22 % случаев (*the Constitution, Proceedings of the National Academy of Sciences*), а на СМИ – в 16 % (*the New York Post featured a story*). Специфичным для американского издания является упоминание информации из соцсетей (*Twitter, Facebook*).

Указание на организации и социальные группы дается реже, чем в русскоязычном материале (17 % и 16 % соответственно). Организация может быть названа конкретно или обобщенно (*DESA – the United Nations' Department of Economic and Social Affairs, the Center for Disease Control and Prevention, the U.S. government, leading health authorities*). В случае обращения к мнению группы, как правило, речь идет о профессиональном сообществе (*reviewers, journalists, social scientists, researchers, politicians, academics*). Как и в белорусском издании, отсутствие конкретики при отсылке к источнику информации наблюдается в 4 % случаев: *reports revealed, several sources have said*.

Таким образом, субъектность, будучи глобальной категорией, не может быть ограничена средствами вербализации авторской точки зрения и должна анализироваться с учетом позиции других участников коммуникации, прямо или косвенно упоминаемых в медиасообщении. Несмотря на то, что манифестация авторского «Я» является ядром аналитической статьи, а точка зрения адресанта воплощается посредством достаточно богатого комплекса языковых средств, для публикаций в белорусских и американских периодических изданиях характерен плюрализм мнений. Подобные сообщения представляют собой своеобразный диалог, когда в тексте делаются отсылки к различным субъектам общественного мнения, личным или неличным источникам информации. Анализ статей из белорусского издания «СБ. Беларусь сегодня» и американского издания «The Washington Post» позволил выявить сходный набор говорящих субъектов (персоны, организации, социальные группы, СМИ, документы, неконкретизированные источники), однако преобладающие категории различны в двух лингвокультурах. Так, в американских изданиях в большинстве случаев слово дается влиятельному человеку или цитируется неличный источник (документ), тогда как для белорусской прессы характерны апелляции не столько к конкретной персоне, сколько к организации или социальной группе в целом.

Д. Л. Тригунова

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЦЕНЗИРУЮЩЕЙ АННОТАЦИИ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ФИЛЬМУ

Аннотирование художественных фильмов – один из малоисследованных аспектов кинолингвистики. Интерес представляет изучение, анализ и сопоставление киноаннотаций различных типов. Данное исследование посвящено рассмотрению сущности и характеристик одного из типов аннотаций к кинофильму – *рецензирующей аннотации*. Актуальность исследования рецензи-

рующей аннотации обусловлена ограниченной представленностью данного феномена в англоязычных источниках и отсутствием аналитической информации в русскоязычных источниках.

Рассмотрим возникновение рецензирующей аннотации (англ. 'blurb') как лингвистического явления. Как показывает анализ литературы, данное понятие существует на протяжении полутора столетий и изначально обозначало краткие положительные комментарии, оценки и рецензии авторитетных писателей, размещенные на обложках книг менее известных авторов с целью привлечения внимания. Впервые данный тип аннотации использовал американский поэт и публицист У. Уитмен в 1856 г., разместив на своей книге цитату из письма, полученного им от одного из крупнейших мыслителей, эссеистов и писателей США Р. У. Эмерсона: *I greet you at the beginning of a great career* 'Я приветствую вас в начале великой карьеры'. Сам англоязычный термин *blurb* был предложен лишь 50 лет спустя американским искусствоведом, поэтом и писателем Фрэнком Г. Берджессом. Он определял *blurb* как «a flamboyant advertisement; an inspired testimonial» 'яркая реклама; вдохновенный отзыв'.

Современные словари дают следующие определения термина *blurb*:

- Cambridge Dictionary: «a short description of a book, film, etc., written by the people who have produced it, and intended to make people want to buy it or see it» 'краткое описание книги, фильма и т.д., написанное авторами и предназначенное для того, чтобы люди захотели купить книгу или посмотреть фильм';
- Collins Dictionary: «information about a new book, film, or exhibition that is written in order to attract people's interest» 'информация о новой книге, фильме или выставке, написанная для того, чтобы привлечь интерес аудитории';
- Macmillan Dictionary: «information printed on the outside of something, especially something for sale, to describe it or make it attractive to buy» 'информация, напечатанная на предмете для продажи, чтобы описать его или сделать привлекательным для покупки'.

Приведенные определения показывают, что данный термин может быть использован не только для характеристики книг, но и для оценки и характеристики кинофильмов. Рассматриваемый тип аннотации является частью рекламной кампании фильма и обычно состоит из позитивных красочных отрывков из опубликованных обзоров и рецензий известных источников.

В некоторых литературных источниках выделяют *description blurb* и *review blurb*. Под первым понимается более подробное описание содержания и сюжетной линии, а под вторым – цитаты из критических обзоров. Таким образом, *description blurb* приближен по сущности к другому типу киноаннотации – синопсису, сутью которого является краткое последовательное изложение сюжета фильма, его завязки, поворотных моментов и основного конфликта. Термин *review blurb* более точно отражает первоначальное значение обобщенного термина *blurb*, дополнительно подчеркивая его связь с рецензиями на тот или иной кинофильм.

В русском языке отсутствует общепризнанный эквивалент английского термина *blurb*. Основные варианты контекстуального перевода – аннотация, рецензия, реклама, краткая аннотация. На основании выявленной сущности и особенностей данного явления в контексте кинолингвистики автором данного исследования предлагается термин *рецензирующая аннотация*, под которым понимается краткое положительное описание кинофильма, составленное из фрагментов рецензии или отзыва влиятельного критика, автора или источника для продвижения и рекламы за счет ссылок на авторитет. Рецензирующая аннотация обычно размещается на постере, афише или обложке диска с записью фильма.

В качестве практического материала для исследования языковых характеристик рецензирующих аннотаций собраны аннотации данного типа к 50 художественным фильмам производства США, выпуск в прокат которых состоялся в 2018–2019 годах. Выявлено, что у 84 % исследуемых фильмов есть рецензирующие аннотации, притом у 29 % кинофильмов обнаружено по две, у 26 % – по одной и у 19 % – по три аннотации данного типа. Максимальное выявленное число рецензирующих аннотаций (девять) выявлено у кинофильма «Green Book» ‘Зеленая книга’. Всего собрано 119 рецензирующих аннотаций.

Самый распространенный вид рецензирующей аннотации – одно простое повествовательное предложение. Такие аннотации составляют 73 % от общего числа. Встречаются также восклицательные предложения, например: *Big shark, big action, big fun!* ‘Большая акула, большой экшн, большое веселье!’ («The Meg» ‘Мег: Монстр глубины’), *Exquisite!* ‘Изысканно!’ («If Beale Street Could Talk» ‘Если Бил-стрит могла бы заговорить’). В ряде случаев используются сложные предложения либо два и более предложений: *Rami Malek takes on the role of Freddie Mercury as if born to it. Watching Bohemian Rhapsody, we always feel like we’re seeing Freddie Mercury standing right in front of us* ‘Рами Малек играет роль Фредди Меркьюри так, как будто рожден для нее. Во время просмотра Божемской рапсодии, мы всегда чувствуем, что видим Фредди Меркьюри, стоящего прямо перед нами’ («Bohemian Rhapsody» ‘Божемская рапсодия’).

Отмечено, что рецензирующие аннотации содержат большое количество оценочной лексики. Оценочно маркированные единицы используются для придания драматизма, с помощью чего делается попытка заинтересовать потенциального зрителя в просмотре фильма. Выявлены оценочные имена прилагательные: *fascinating* ‘очаровательный’ («Once Upon a Time... in Hollywood» ‘Однажды... в Голливуде’), *exceptional* ‘исключительный’ («Vice» ‘Власть’); имена существительные: *charm* ‘очарование’ («The Sun Is Also a Star» ‘Солнце тоже звезда’), *fun* ‘веселье’ («The Meg» ‘Мег: Монстр глубины’); наречия: *superbly* ‘великолепно’ («The Kid» ‘Малыш Кид’), *certainly* ‘несомненно’ («Shazam!» ‘Шазам!’).

Распространенными являются рецензирующие аннотации, утверждающие, что данный фильм является самым успешным, интересным, страшным, захватывающими т.д. в этом месяце, году, сезоне и т.д. Например, *One of the*

most provocative and enigmatic films of the year ‘Один из самых провокационных и загадочных фильмов года’ («High Life» ‘Высшее общество’); *One of the sharpest, funniest and smartest movies of the year* ‘Один из самых остроумных, смешных и умных фильмов года’ («Vice» ‘Власть’); *The film of the year* ‘Фильм года’ («Joker» ‘Джокер’).

Часто рецензирующие аннотации дают оценку актерской или режиссерской работе, что отмечено в 24 % фильмов. Большинство из аннотаций включают имя актера или режиссера, однако отмечены также случаи оценки актерской или режиссерской работы без указания имен. Рассмотрим примеры оценки актерской работы: *Rosamund Pike delivers the performance of her career* ‘Розамунд Пайк демонстрирует лучшую игру в своей карьере’ («A Private War» ‘Частная война’); *Richard Roundtree & Samuel L. Jackson didn’t disappoint* ‘Ричард Раундтри и Сэмюэль Л. Джексон не разочаровали’ («Shaft» ‘Шафт’); *Master class performances* ‘высококласное исполнение ролей’ («Vice» ‘Власть’). В качестве примеров оценки режиссерской работы приведем следующие фрагменты: *Tyler Perry’s best comedy yet* ‘Лучшая комедия Тайлера Перри на данный момент’ («Nobody’s Fool» ‘Нас не проведешь’); *Another movie from the master of horror* ‘Еще один фильм от мастера ужасов’ («Pet Sematary» ‘Кладбище домашних животных’).

Ряд проанализированных аннотаций дает оценку режиссеру или актеру с помощью упоминания кинопремии «Оскар», например: *Immediately an Oscar contender* ‘Сразу же претендент на Оскар’ («A Private War» ‘Частная война’), *A stunning Oscar-worthy turn by Rami Malek* ‘Потрясающий достойный Оскара поворот от Рами Малек’ («Bohemian Rhapsody» ‘Богемская рапсодия’).

Таким образом, анализ показывает, что рецензирующая аннотация – это краткое положительное описание кинофильма, составленное из фрагментов рецензии или отзыва влиятельного критика, автора или источника для продвижения и рекламы за счет ссылок на авторитет. Аннотации могут давать оценку актерской или режиссерской работе, а также выделять фильм среди других, вышедших в определенный промежуток времени.

В. В. Чалагаева

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В настоящее время изучение экспрессивных синтаксических конструкций является одним из наиболее актуальных в лингвистике, поскольку в современной науке о языке приоритетным направлением исследования становится изучение субъективной стороны речи и прагматики на уровне высказывания и текста.

Различные исследователи трактуют категорию экспрессивного синтаксиса по-разному. В узком понимании *экспрессивность* рассматривают как разновидность прагматической информации, связанной с понятием интенсивности (усилительности). В данной работе под *экспрессивным синтаксисом* мы понимаем «свойство синтаксических структур иметь эмоциональную направленность, а также служить средством логического усиления изобразительности, выразительности, образности».

Материалом исследования средств экспрессивного синтаксиса выступили тексты гастрономической тематики британских изданий «The Guardian» и «The Telegraph», а также русскоязычных изданий в Беларуси «СБ: Беларусь сегодня» и «Народная газета». Общее количество проанализированных публикаций составило 30 статей.

Вслед за А. Ю. Земсковой и А. В. Олянич мы трактуем *гастрономический дискурс* как разновидность институционального дискурса, который рассматривается как особая система, вобравшая в себя особенности национальной культуры и отличающаяся набором профессионально-ориентированных знаков, устойчивых оборотов, структур.

Следует отметить, что гастрономический дискурс представляет собой систему, отражающую особенности национальной культуры. Данная система, обладая социальными и гендерными характеристиками, является особым видом общения, в котором используются определенные профессионально-ориентированные знаки, например шаблонные фразы при общении официанта с посетителями, устойчивые обороты, структуры, характерные для рецепта. В структуре гастрономического дискурса выделяют участников, хронотоп, цели и т.д.

Участниками англоязычного гастрономического дискурса выступают: «агент», т.е. человек, который обладает значительным опытом, навыками, умениями, знаниями в области гастрономии, служащий учреждения общественного питания, и «клиент», т. е. человек, который собирается что-то приготовить или посетить заведение общественного питания.

Хронотопом гастрономического дискурса являются время, закрепленное за кулинарным производственным процессом и обслуживанием посетителей в заведениях общественного питания, а также место, где происходит соответствующая работа по приготовлению пищи.

В качестве целей гастрономического дискурса выделяют передачу опыта или обучение, ознакомление с кулинарной культурой и традициями других народов, оценку рецепта на основании собственного опыта, формирование пищевых предпочтений и доминант.

В результате исследования и анализа текстов гастрономической тематики британских и русскоязычных изданий («The Guardian», «The Telegraph», «СБ: Беларусь сегодня», «Народная газета») мы пришли к выводу о том, что наиболее частотным средством экспрессивного синтаксиса в гастрономическом дискурсе на двух языках являются присоединительные конструкции.

Присоединительные конструкции, представляющие собой синтаксическое образование, при котором две части высказывания не вмещаются в единую смысловую плоскость, демонстрируют примерно одинаковую степень продуктивности в англо- и русскоязычном гастрономическом дискурсе. Высокая употребительность данных структур обусловлена, во-первых, их маркированностью в печатных жанрах, поскольку они акцентируют семантически значимые компоненты, и, во-вторых, способностью присоединения выступать в качестве синтаксической связи: *Meanwhile, roughly chop the sausages (slicing on the angle looks good), then add to the pan along with the beans and lentils*. ‘Тем временем небрежно нарежьте колбаски (нарезка под углом выглядит хорошо), затем добавьте в кастрюлю вместе с фасолью и чечевицей’ («The Telegraph», 03.01.2020).

В данном примере в основной части предложения описывается рецепт, причем излагается в императивной форме (повелительное предложение) – указывается, что должен делать человек, готовящий блюдо. Что касается вставной конструкции, то она представляет эмоциональную оценку автором вида нарезки, его личное, субъективное мнение. Однако, поскольку автор предложения является и автором рецепта, то части гомогенны – и в основной части предложения, и во вставной конструкции автор предлагает готовящему блюдо, поступать так, как делает он сам.

Особенностью русскоязычного гастрономического дискурса, по сравнению с англоязычным, является употребление такого средства экспрессивного синтаксиса как эллипсис, придающие повествованию естественность живой разговорной речи. Рассмотрим пример: *В канун Рождества в воздухе витают ожидания от главного праздника в году, однако рождественская кулинария – что-то большее, чем просто главный праздник* («СБ: Беларусь сегодня», 02.01.20).

Частотность эллипсиса в исследуемом материале на русском языке можно объяснить устройством рассматриваемых языков: развитая система флексий белорусского языка, в отличие от английского, позволяет без труда восстанавливать различные отсутствующие элементы предложений.

Таким образом, экспрессивный синтаксис является одной из наиболее исследуемых категорий современной лингвистики, так как служит не только средством организации текста, но и позволяет правильно расставить акценты восприятия действительности.

Круглый стол «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПАНИСТИКЕ»

Е. А. Кучугурная, Ю. Снеткова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ

Современный мир очень сложно представить без *рекламы*. Она возникла тогда, когда люди начали обмениваться произведенными продуктами. Реклама воздействует, создает и в то же время использует стереотипы или же ломает их. Основная цель рекламы – информирование потребителя о продукте, но так как в обществе потребления необходимо стимулировать спрос, рекламу используют как средство манипуляции общественным сознанием. Благодаря широкому распространению телевидения особое значение приобретает *телевизионная реклама*. Средства воздействия на адресата в телевизионной рекламе отличаются большим разнообразием по сравнению с печатной и, следовательно, вызывают повышенный интерес со стороны исследователей.

Огромным воздействующим потенциалом в рекламе обладают *прецедентные феномены*. Внедренные в рекламный дискурс, они воздействуют на человека, ссылаясь на определенные явления культурной среды. При этом чем известнее отсылка, тем сильнее стимул. Телевизионная реклама наполнена прецедентными феноменами из различных сфер. При этом доминирующими являются сферы музыки, кино, мультипликации, а также литературы, живописи, истории.

Как известно, прецедентные феномены подразделяются на тексты, высказывания, имена и ситуации. Все четыре типа активно используются в телевизионной рекламе. Среди прецедентных текстов стоит отметить, прежде всего, тексты известных песен. Так, например, Vodafone в рекламной кампании 2020 г. использует известную песню 80-х *Rey del Glam*, которую в ролике исполняют современные артисты. Прецедентные высказывания также довольно широко представлены в телевизионной рекламе, например, в ролике «LaLiga», созданном в поддержку тех, кто работает день и ночь в условиях пандемии, есть высказывание *En los momentos oscuros es cuando más brillan las verdaderas estrellas* (от *Cuanto más oscura es la noche, más brillantes son las estrellas* – ‘Чем ночь темней, тем ярче звезды’). Примеры прецедентных имен можно встретить практически в любом рекламном ролике. Это имена актеров, музыкантов, персонажей кино и мультфильмов и т.п., например, *Mozart*, *Cenicienta*, *Romeo y Julio* (от *Romeo y Julieta*). Телевизионная реклама дает возможность использовать и различные прецедентные ситуации, например, когда карета Золушки превращается в тыкву; мачеха Белоснежки спрашивает у зеркала, кто прекрасней всех на свете; волк дует на домик трех поросят. Часто упоминаются известные события из повседневной жизни, сферы

культуры и т.п. Например, Loterías y Apuestas del Estado рекламируют фестиваль *Joker de La Primitiva*, делая отсылку к выступлению группы Queen на фестивале 1985 года.

Проведенный анализ показал, что часто компания, выбрав однажды удачный прецедентный феномен, использует его в дальнейшем. Ярким примером может служить реклама одной из наиболее популярных страховых компаний Verti. Первые рекламные ролики (2011 г.) строятся на противопоставлении жизни спящих людей (грустной) и жизни проснувшихся (веселой, радостной), при этом утверждается, что именно Verti меняет жизнь к лучшему. Появляется лозунг *La compañía de seguros de la gente despierta*, который как в неизменном, так и несколько трансформированном виде (*Seguros para la gente despierta*) активно используется в последующих рекламных роликах на протяжении нескольких лет. Повторяется впоследствии и песня, прозвучавшая в первом ролике. А в рождественской рекламе несколько меняется мелодия, появляется звук колокольчиков, напоминающий всем известную песню *Jingle Bells*. В рекламе Verti 2014 г. активно используется новый прием: трансформированные тексты известных детских сказок («Три поросенка», «Белоснежка и семь гномов», «Золушка» и т.д.). Акцент делается на тех несчастьях, которые происходили со сказочными персонажами и от которых может спасти страховка. Например, в рекламе автострахования: *“Soplaré, soplaré y de este lío huiré en mi coche, en mi moto o en los dos a la vez” – pensó el lobo. ¡Déjate de cuentos!*. В последующих роликах используются другие сказки, высказывание же *¡Déjate de cuentos!* повторяется в каждом из них и ассоциируются у потребителя с соответствующей компанией.

Необходимо отметить, что в телевизионной рекламе прецедентные феномены часто подвергаются трансформациям, например, *Dale calabazas a tu antiguo seguro; ¿Cómo es tu seguro? ¿Verti o falso?; Soplaré, soplaré y de este lío huiré* (реклама Verti); *Romeo y Julio* (реклама Uber); *El pero hace uoff, el gato hace miau, el pájaro pip, el ratón squeek, la vaca hace muu, el pato cuak y la foca ow ow ow pero algo nuevo está llegando... Firefox hace line, line, line, mail, mail, mail, tw, tw, tw, tw, Twitter. Firefox hace foto, foto, foto, foto, face, face, face, Facebook...* (реклама Movistar).

Таким образом, в современной телевизионной рекламе широко используются все типы прецедентных феноменов как в первоначальном, так и трансформированном виде. Они привлекают внимание, облегчают запоминание и активируют другие когнитивные процессы, тем самым увеличивая успех реализации продукции.

Т. В. Попова, М. Черткова

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКИ (ПОСЛЕСЛОВИЕ)

Выдающийся испанский поэт, драматург и прозаик Федерико Гарсиа Лорка был одной из ключевых фигур второго поколения испанских интеллектуалов XX в. – так называемого «поколения 27 года» (называют также

«поколением Лорки-Гильена»). Принадлежавших ему писателей, художников и композиторов объединяли либеральные воззрения, а также схожие культурные и литературные ориентиры. Лорка рано прославился как в Испании, так и далеко за ее пределами; среди друзей и почитателей его таланта были П. Неруда и Г. Уэллс, С. Дали и Л. Бунюэль, М. де Фалья и Х. Р. Хименес.

Федерико Гарсиа Лорка, обладавший необычайным талантом, за свою короткую жизнь, всего 38 лет, успел написать одиннадцать пьес для обычного и кукольного театров. Первая из них, «Колдовство бабочки» (1920) была откровенно слабой, и после нескольких представлений в мадридском театре «Эслава» ее сняли со сцены. Большая часть остальных пьес, начиная с исторической драмы о народной героине Испании «Мариана Пинеда» и заканчивая вершиной драматургического таланта Лорки – «Йермой», в которой говорится о трагедии бесплодной женщины-крестьянки, с успехом ставились при жизни Федерико и не сходят со сцен мирового театра до сих пор.

Первой успешной постановкой стала «Мариана Пинеда». Пьесу ставили в разных странах, в том числе и в Советском Союзе, по ней снимали художественные фильмы. Эскизы к декорациям по просьбе друга готовил С. Дали. Первое представление «Марианы Пинеды» состоялось 24 июня 1927 г. в театре «Гойя» в Барселоне. В этом театре спектакль показывали четыре раза. После этого пьеса была поставлена в театре «Фонтальба» в Мадриде 12 октября 1927 года. Всего там было дано десять представлений. Это было несомненным успехом. Федерико Гарсиа Лорка был признан испанским драматургом.

18 августа этого года исполнится 84 года со дня смерти всемирно известного драматурга. Словам Федерико Гарсиа Лорки, написанным в его стихотворении «Memento», не суждено было сбыться. Талантливый литератор, воспевавший в своих стихотворениях Андалусию, прожил всего 38 лет и трагически погиб в первые месяцы Гражданской войны. До сих пор историкам не удалось точно установить обстоятельства его смерти и место захоронения...

Смерть Лорки потрясла всю страну – репрессии затронули прежде всего интеллигенцию, и гибель поэта стала символом духовной катастрофы нации.

Скандал и возмущение, вызванные исчезновением Лорки после отъезда из Мадрида в родную Гранаду, сразу же породили много вопросов к военным властям Испании. При этом лояльные франкистам газеты в сентябре-октябре 1936 г. публиковали заведомо ложные сведения о случайной гибели Лорки в Мадриде, Барселоне и, наконец, в самой Гранаде. Скандал не утихал и постепенно приобрел международный характер. В интервью газете «La Prensa» от 26 ноября 1937 г. Франко заявил следующее: «За границей очень много говорят об одном писателе из Гранады, подлинный талант которого мне не дано оценить, как невозможно судить, насколько широко распространилась бы за пределами Испании слава о нем, останься он в живых, – о нем говорят так много, потому что красные использовали его имя для своей пропаганды. Однако факт остается фактом: в первые моменты восстания в Гранаде этот писатель погиб, так как связался с бунтовщиками. Это обычные случайности, неизбежные в ходе военных действий. Гранада в течение

долгого времени была в осаде, безумные действия республиканских властей, раздавших людям оружие, привели к ряду стычек в городе, в одной из которых и погиб этот гранадский поэт... Так что запомните раз и навсегда: мы не расстреливали никакого поэта».

Политические мотивы гибели Лорки были очевидны многим, писавшим о его смерти, однако наиболее аргументированно их изложил в своей книге ирландский исследователь Я. Гибсон «Гранада 1936 года: Убийство Федерико Гарсиа Лорки» (1979). Гибсон приехал в Гранаду в 1965-м, опросил многих современников событий августа 1936-го и составил подробную картину последних дней жизни поэта. В частности, он обозначил предполагаемое место казни (около местечка Виснар) и написал, что Лорка был расстрелян вместе с двумя тореро и стариком-учителем.

Чувства, охватившие в момент его гибели многих, с удивительной силой передал П. Неруда:

«Война в Испании, изменившая мою поэзию, началась для меня тем, что сгинул поэт. И какой поэт! Я не встречал больше ни в ком такого сочетания блистательного остроумия и таланта, крылатого сердца и блеска под стать хрустальному водопаду. Федерико Гарсиа Лорка был подобен щедрому, доброму волшебнику, он впитывал и дарил людям радость мира, он был планетою счастья, радости жизни. Простодушный и артистичный, одинаково не чуждый и космическому и провинциальному, необыкновенно музыкальный, великолепный мим, робкий и суеверный, лучащийся и веселый, он словно вобрал в себя все возрасты Испании, весь цвет народного таланта, все то, что дала арабско-андалусская культура: он освещал и обдавал благоуханием, словно цветущий жасминовый куст, всю панораму той Испании, какой – Боже мой! – теперь уже нет... Федерико Гарсиа Лорку не расстреляли: Федерико Гарсиа Лорку убили. Само собою, никому в голову не могло прийти, что его когда-нибудь убьют... Он был самым любимым поэтом в Испании, его любили больше всех, а его чудесное умение радоваться делало его – как никого другого – похожим на ребенка. Кто бы поверил, что на его земле сыщутся чудовища, способные на такое невероятное преступление?»

Долгое время пытались расследовать тайны гибели поэта, интерес не утихал, появлялись различные предположения...

В 2015 г. испанская сеть радиовещания Cadena SUR 22 апреля опубликовала неизвестные ранее документы из архивов Главного полицейского управления Гранады, подтверждающие расстрел Федерико Гарсиа Лорки франкистами (а именно полицейский рапорт 1965 г., утверждавший о «неблагонадежности» Лорки из-за его социалистических взглядов, принадлежности к масонам и подозрений в гомосексуальности). Версия исследователя Гибсона подтвердилась. Однако во время раскопок братской могилы в Андалусии, в которой, как полагалось, были похоронены поэт, два тореро и преподаватель, исследователям не удалось найти человеческих останков. Позднее появилась еще одна версия: раненого поэта тайно переправили в Аргентину.

Федерико Гарсиа Лорка оставил после себя след, имеющий значение в развитии мировой культуры, литературы, политики. Его пьесы не сходят со сцен театров во всем мире, его стихотворениями наслаждается не одно поколение людей. О Федерико, восхваляя его, писали стихотворения В. Кузьмина, Л. Вершинин, Р. Рождественский и другие.

В 1986 году на площади Санта-Ана в центральной части Мадрида установили памятник Федерико Гарсиа Лорке. Его автор – известный испанский скульптор Хулио Лопес Фернандес. В руках бронзовый Федерико держит голубя с расправленными крыльями, кажется, что птица вот-вот взлетит. Небольшой памятник является одной из достопримечательностей испанской столицы.

Памятный знак у Парка Федерико Гарсиа Лорки в Альфакаре: как гласит памятный знак возле входа в красивейший горный заповедник с фонтанами и памятниками, «парк посвящен Федерико Гарсиа Лорке и всем жертвам Гражданской войны». Он был создан в 1986 г. в Барранко-де-Виснар, где поэт трагически погиб 18 августа 1936 года. В день смерти Лорки здесь каждый год проходят торжественные памятные концерты и поэтические вечера.

С 2003 г. в Гранаде ежегодно вручается Международная поэтическая премия имени Федерико Гарсиа Лорки.

В 2005 г. стихотворение Гарсиа Лорки «De profundis» было нанесено на стену одного из зданий в центре Лейдена (Нидерланды).

В 2011 г. российские селекционеры, ученые и преподаватели Тимирязевской академии (Москва) вывели новый сорт сирени и назвали его в честь испанского поэта Федерико Лорки.

В Испании созданы три музея Федерико Гарсиа Лорки – в домах, в которых он когда-то жил (в Фуэнте-Вакеросе, в Вальдеррубио и Гранаде). Его именем называют улицы, театры (Большой театр Гаваны Гарсиа Лорка), аэропорты (Аэропорт «Гранада Федерико Гарсиа Лорка»). Кроме того, в честь поэта выпускают монеты и почтовые марки (в 1993 г. Монетный двор Республики Куба выпустил юбилейную монету достоинством 1 песо в честь 95-летия со дня рождения испанского поэта и драматурга).

О Федерико Гарсиа Лорке, его жизни и творчестве писали многие личности из его круга общения и не только, поэта восхваляли разные народы. Будучи молодым, он обладал необычайным талантом и гениальностью. О нем не переставали и не перестают говорить и вспоминать спустя десятилетия после трагической гибели.

А. Б. Чиркун, В. Леонова

КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ТОК-ШОУ EL NORMIGUERO

Теледискурс ток-шоу представляет собой жанр институционального дискурса, характеризующийся наличием статусно-ролевых отношений между его участниками, а также определенной композиционной структурой его

организации. Конститутивными признаками теледискурса ток-шоу являются участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, тематика, жанры (разновидности), прецедентные тексты, дискурсивные формулы, сценарность и драматургичность. Модель телевизионного жанра ток-шоу строится на основе его лингвистических и экстралингвистических признаков с учетом интерактивного характера телекоммуникации и национально-культурной специфики общения коммуникантов в телевизионном ток-шоу.

В рамках данного исследования мы остановимся на анализе композиционной структуры испанского телевизионного развлекательного ток-шоу *El Hormiguero*, в частности на таком ее элементе, как зачин и двух его составляющих: приветствие аудитории ведущим и представление аудитории гостей и экспертов программы.

Ток-шоу представляют собой определенный видеоряд, обеспечивающий восприятие информации одновременно на слух и визуально (т.е. помимо речи ведущего и гостей программы зрители анализируют и оценивают их жесты, мимику, их внешность и т.д.). В данном случае справедливо говорить о гибридном характере воздействия на зрителей в ток-шоу, о его многокомпонентности. Невербальная составляющая, будучи неотъемлемой частью ток-шоу, относится скорее к периферийным средствам воздействия на зрителя, в то время как вербальная составляющая является своеобразным фундаментом, на котором выстраивается уже вся структура обсуждения той или иной темы.

Ведущий и соведущие *El Hormiguero* используют различные невербальные средства для создания атмосферы непринужденности в студии. Выпуск начинается с традиционного танца под песню «September». Ведущий П. Мотос приветствует публику, адресуя ей воздушные поцелуи.

Что же касается вербальной составляющей, то в качестве традиционной фразы, свидетельствующей о начале шоу, как правило, выступает *Buenas noches, empezamos en 30 segundos*.

Непосредственно представление аудитории гостей программы предваряется видео роликом, представленным фотографиями участников ток-шоу, после просмотра которого ведущий сообщает зрителям, кто пришел в качестве гостя на передачу. К числу наиболее типичных речевых форм представления гостей публике относятся: *Hoy ha venido a divertirse al Hormiguero ...* ; *Bienvenido a divertirse al Hormiguero...* ; *Amigos, hoy ha venido al Hormiguero...* ; *Bienvenido al Hormiguero, hoy estará con nosotros, el lunes estará con nosotros, el martes...* ; *En un momento estará con nosotros...* ; *Y se unirán a la fiesta...* ; *Bienvenidos al Hormiguero, en un instante estará con nosotros...* .

Как следует из приведенных примеров, во всех случаях подчеркивается несерьезность предстоящего ток-шоу, его развлекательный характер. Так, в большинстве случаев с помощью глагола *divertirse* или существительного *fiesta* указывается на то, что гости приходят в студию с целью развлечения. Очевидно, что данные формы используются ведущим для создания атмосферы

ры непринужденности во время ток-шоу. Помимо указания на развлекательный характер предстоящего ток-шоу его ведущий зачастую указывает на то, что гость программы – это необычный человек. В этом случае широко используется позитивно-оценочная лексика, ср.: *Amigos, hoy han venido a divertirse al Hormiguero 2 mitos, 2 personas extraordinarias... Hoy ha venido a divertirse un icono para muchas generaciones... Empezamos la fiesta, hoy ha venido a divertirse al Hormiguero la gran estrella... .*

Далее в студии появляются гости ток-шоу. Ведущий ток-шоу приветствует гостей программы как вербально, так и невербально.

К числу наиболее типичных языковых средств приветствия относятся:

1. Вопросительные предложения, с помощью которых ведущий интересуется настроением, делами приглашенного в студию гостя. Ср.: *Tú, ¿qué tal? ¿Cómo vas?; ¿Cómo estás?; ¿Cómo va la vida, amigo mío?* При этом в качестве традиционной формы обращения используется обращение *amigo* или *amigo mío*, которое наряду с формами глаголов во 2 л. ед. ч., ориентировано на создание атмосферы близости и непринужденности.

2. Восклицательные предложения, с помощью которых ведущий выражает свою радость от того, что в программе участвуют именно данные гости. Ср.: *¡Un placer tan grande tenerte aquí!; ¡Me encanta mucho verte en nuestro programa!; ¡Qué alegría!; ¡Qué visita tan buena!; ¡Qué ilusión me hace conocerte en persona!* и т.п. При этом широко используется позитивно-оценочная лексика: *placer, alegría, ilusión, bueno, encantar* и т.п.

3. Повествовательные предложения, за счет которых ведущий, как правило, а) выражает слова благодарности гостю или б) делает ему комплимент. Ср.: *Lo primero que te quiero decir es que te quiero dar las gracias; Me pareces una mujer encantadora, fantástica e inteligente; Todos los que estamos aquí hemos encantado de tus canciones* и т.п.

В свою очередь к числу наиболее типичных неречевых форм приветствия участников программы со стороны ведущего относятся:

- традиционное испанское приветствие в форме двух поцелуев в щеки;
- рукопожатие;
- объятие;
- небольшой совместный танец;
- аплодисменты.

Таким образом, зачин, являющийся элементом композиционной структуры любого ток-шоу, отражает в данном случае культурно-специфические черты его организации представителями испанской культуры, которые распространяются на выбор определенных языковых средств (например, широкое использование форм 2 л., ед. ч., позитивно-окрашенной лексики, определенных форм обращения), а также невербальных средств, которые являются конвенциональными для испанской коммуникативной культуры (например, приветствие в форме двух поцелуев в щеки) и лакунарными в других.

Круглый стол «ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева

ЗОЛОТО ЧЕРНОЕ, ГОЛУБОЕ, КОРИЧНЕВОЕ И НЕ ТОЛЬКО: О ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В КОММУНИКАЦИИ

Перифраза, несмотря на дискуссионный языковой статус и многообразие лингвистических трактовок, сегодня однозначно становится инструментом воздействия на сознание коммуникантов, которым успешно пользуются современные массмедиа. Образное представление денотата и его быстрое распознавание, «подсказанная» коннотация и игра на эмоциях адресата при умелом использовании закономерно приводят к реализации заданного прагматического эффекта. *Перифраза* в нашем понимании – единица вторичной номинации, функциональная ценность которой заключается не в эвфемизации некоего референта, а именно в профилировании отдельных «нужных» компонентов смысла.

В центре нашего внимания – двукомпонентные перифразы с субстантивом *золото*, служащие целям номинации в современной коммуникации. Часть корпуса исследуемых нами перифрастических единиц достаточно давно находит отражение в материалах толковых словарей русского языка. Так, в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (1955) в статье «Золото» фиксируются устойчивые выражения *белое золото* ‘хлопок’, *черное золото* ‘нефть’, ‘каменный уголь’ и *мягкое золото* ‘пушнина’ с общим значением ‘высоко оценивать; дорожить кем-, чем-либо’. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1990) для иллюстрации значения ‘драгоценный металл желтого цвета, употр. как мерило ценностей и в драгоценных изделиях’ приводит тот же набор перифраз, но сужает референт для перифразы *черное золото* ‘нефть’. «Большой толковый словарь» под ред. С. А. Кузнецова (2014) размещает эти же перифрастические единицы, сопровождая стилистической пометой и подчеркивая сферу их использования: *публиц.* ‘о том, что высоко ценится, имеет большую стоимость’.

Современные специальные лингвистические словари «Словарь именных перифраз (на материале языка средств массовой информации)» В. С. Соловьевой (2014) и «Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)» А. Б. Новикова (2004)) ожидаемо расширяют не только круг кодифицированных описательных выражений с лексемой *золото*, добавляя к уже упомянутым перифрастическим единицам *зеленое золото* ‘лес’; *голубое золото* ‘газ’, ‘энергия волн, ветра’ (Соловьева), *коричневое золото* ‘какао’, *ароматное золото* ‘розовое масло’, *сладкое золото* ‘сахар’, *живое золото* ‘пушнина’ (Новиков), но и круг их референтов: *белым золотом* называют соль, бивни слонов, *зеленым золотом* – чай (Новиков).

Поскольку лексикографические источники единодушно фиксируют в качестве второго компонента рассматриваемых нами конструкций прилагательные, обозначающие перцептивные свойства (цвет, тактильные ощущения, реже вкус, запах), для анализа фактического материала в Национальном корпусе русского языка нами был задан подкорпус контекстов, содержащих адъективы лексико-семантической группы «Физические свойства». Корпусные тексты значительно расширили «цветовую гамму» интересующих нас перифраз (*красное золото* ‘икра’, ‘медь’, ‘томаты’, ‘донорская кровь’, *желтое золото* ‘глина’, *серое золото* ‘цемент’, *светлое золото* ‘шампанское’), а также дополнили список прилагательных (в составе перифрастических единиц), указывающих на физическое состояние предмета: *жидкое золото* ‘нефть’, ‘оливковое масло’, ‘водка’, ‘вино’; *прозрачное золото* ‘водка’, *хрупкое золото* ‘фарфор’.

Материалы Национального корпуса русского языка регистрируют также расширение круга объектов, наименования которых призваны кодировать рассматриваемые нами перифразы. Так, в речевой практике отмечены как *черное золото* кофе, шоколад, черная икра; *коричневым золотом* называют торф и сланец, *сладким золотом* – изюм, *живым золотом* – рабов и др. Для обозначения некоторых реалий возможно использование нескольких перифрастических выражений, например: ‘пушнина’ – *белое золото*, *мягкое золото*, *живое золото*.

Перифрастические единицы с компонентом ‘золото’, присутствующие в языковом сознании говорящих сегодня и реально употребляемые в современной речевой практике, на наш взгляд, вербализуют ценности современного мира. Одни перифрастические единицы становятся реальными конкурентами их прямых номинаций (например, *черное золото* и *нефть* в языке русскоязычных СМИ). Другие создают уникальный текстовый мир того или иного языка (*прозрачное золото* – ‘водка’, *зеленое золото* – ‘матэ’, *голубое золото* – ‘вода’), завуалированно репрезентируя аксиологический «багаж» того или иного языкового социума. Но всегда сияние золота и мерцание перифразы порождают «что-либо чрезвычайно ценное», а оно для каждого свое: *белое золото* – ‘соль’, ‘хлопок’, ‘бивни слона’, ‘фарфор’, ‘водка’, ‘пушнина’ и т.д. (по данным НКРЯ).

А. А. Гойло

ЛЕВАЯ ДИСЛОКАЦИЯ В СИНГАПУРСКОМ АНГЛИЙСКОМ

Под *левой дислокацией* (ЛД) мы понимаем такой вид изменения порядка слов в предложении, при котором синтаксическая группа смещается в позицию перед началом клаузы, а на месте группы остается анафорический элемент (как правило, личное местоимение). Например: *John, I like him.*

Исследование выполнено на основе материала, отобранного из сингапурского и канадского сегментов корпуса «The International Corpus of English» (ICE). Непосредственным источником материала послужил только устный сегмент ICE-SING (сингапурский сегмент) и ICE-CAN (канадский сегмент). Объем подкорпусов одинаковый. Для поиска по корпусу использовался корпусный менеджер «Sketch Engine».

Поиск контекстов с левой дислокацией в корпусе, не имеющем специальной синтаксической разметки, представляет собой непростую задачу, так как формализация поискового запроса значительно затрудняется ввиду отсутствия исчерпывающей информации о синтаксической структуре входящих в корпус высказываний. По этой причине, сделанную нами выборку нельзя считать полной. Можно с уверенностью сказать, что случаи употребления ЛД с некоторыми синтаксическими структурами (например, структуры вида «ИГ + относительное придаточное», заканчивающееся не на существительное) не вошли в выборку (исключение составляют контексты, обнаруженные случайным образом). Несмотря на это, мы ожидаем, что бóльшая часть релевантных контекстов, на основе которых можно говорить о распространенности ЛД в разных типах дискурса, все-таки была найдена, что обеспечивает обоснованность результатов данного исследования.

Корпусное исследование проводилось для проверки следующих гипотез:

- 1) ЛД встречается чаще в разновидностях английского языка, принадлежащих ко внешнему кругу (в терминах круговой модели английского языка по Б. Качру; сингапурский английский относится ко внешнему кругу, а канадский – ко внутреннему);
- 2) ЛД более характерна для устной неподготовленной речи;
- 3) ЛД охватывает более широкий спектр синтаксических структур в разновидностях внешнего круга.

Мы проанализировали структурные характеристики отобранных контекстов и установили функции ЛД в них. Общее количество отобранных контекстов с ЛД составило 154 для ICE-SING и 81 для ICE-CAN соответственно. Таким образом, в сингапурском сегменте ICE ЛД встречается почти в два раза чаще, чем в канадском, что позволяет говорить о зависимости между частотностью ЛД и тем, к какому кругу относится конкретная разновидность английского. Сравнив данные, полученные в этом исследовании, с материалом, обработанным нами ранее (исследовались ямайская и индийская разновидности), мы можем сказать, что во всех рассмотренных нами разновидностях внешнего круга ЛД встречается чаще, чем в канадской.

Исследование позволило выявить особенности функционирования ЛД в различных типах текстов. Как показывает рисунок, случаи использования ЛД в подготовленной речи крайне редки (в то же время, количество релевантных контекстов в ICE-SING (15) выше, чем в ICE-CAN (4)), что подтверждает нашу вторую гипотезу.

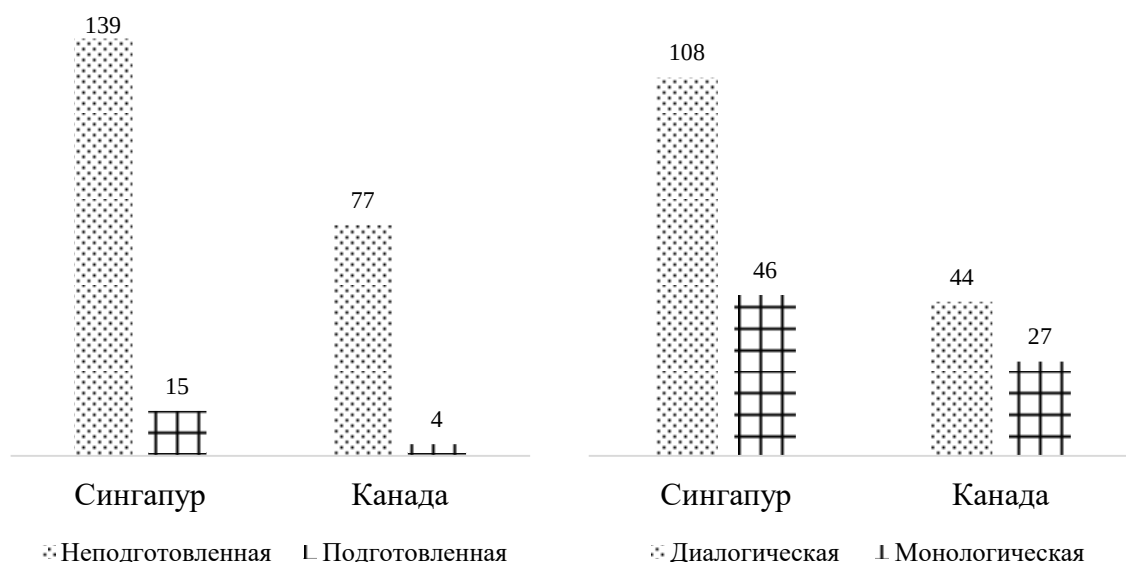

Рис. Частотность ЛД в сингапурской и канадской разновидностях

Можно заметить, что ЛД более характерна для диалогической речи, хотя в ICE-CAN расхождение по этому параметру не так велико по сравнению с ICE-SING, где количество контекстов с ЛД в диалогической речи более, чем в два раза выше, чем в монологической.

Данные о структуре и синтаксических функциях дислоцируемых составляющих представлены в таблице.

Т а б л и ц а

Структура и функции смещаемых составляющих

Разновидность	Структура составляющей		Функция составляющей	
	Простая ИГ	Остальные	Подлежащее	Остальные
ICE-SING	129 (83,8%)	26 (16,2%)	136 (88,3%)	18 (11,7%)
ICE-CAN	50 (61,7%)	31 (38,3%)	69 (85,2%)	12 (14,8%)

Наша гипотеза о том, что в контекстах из ICE-SING структура смещаемых составляющих и их функции могут быть более разнообразными, чем в сегменте ICE-CAN, не подтвердилась.

Что касается структур дислоцируемых составляющих, в обеих разновидностях чаще всего перемещаются простые именные группы (например, артикль + существительное, прилагательное + существительное и т.д.). В остальном в обеих разновидностях различий нет (за исключением канадского английского, где мы выделили тип «ИГ + обстоятельство», которого не нашлось в сингапурском сегменте корпуса). Меньшую степень расхождения количественных данных по параметру «структура составляющей» в ICE-CAN можно объяснить недостаточно большим количеством данных. С другой стороны, на структуры вроде ЛД влияет «вес» составляющей (насколько сложной является ее структура: ИГ с относительным придаточным «тяжелее»

неосложненной ИГ). Поэтому полученные результаты можно объяснить еще и тем, что более высокий «вес» составляющей является более важным фактором для использования ЛД в канадской разновидности в сравнении с сингапурской. То есть для того, чтобы говорящий на канадском английском использовал ЛД необходимо, чтобы «вес» составляющей был в среднем больше.

Репертуар синтаксических функций, выполняемых смещенной составляющей, в сингапурском английском оказался беднее, чем в канадском. В ICE-SING есть всего четыре позиции в предложении, из которых могли смещаться составляющие: подлежащее, прямое дополнение, предложное дополнение и определение. В ICE-CAN к перечисленным четырем добавляются позиции компонента предложной и именной групп. Тем не менее из таблицы очевидно, что в обеих разновидностях в подавляющем большинстве случаев смещаемые составляющие являются подлежащими.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. ЛД чаще встречается в сингапурском английском, чем в канадском, что подтверждает гипотезу о том, что ЛД является более частотной конструкцией в разновидностях внешнего круга.

2. ЛД характерна для неподготовленной речи.

3. Наиболее часто смещению подвергается простая именная группа, при этом «вес» составляющей имеет большее значение в канадском английском. Тем не менее, существенные отличия в структуре смещаемых составляющих и их синтаксических функциях между двумя разновидностями отсутствуют.

О. С. Горицкая

МУСОРКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Слово *мусорка* вызывает живой интерес у носителей русского языка, см. фрагмент метаязыковой дискуссии, посвященной данной лексеме:

– *Последнее время я часто слышу от многих это слово, и это очень огорчает. Привык обходиться словами «помойка» и «урна». Однако, если задуматься, помойкой называют то, что на улице в больших контейнерах, а домашнее ведро так не очень-то назовешь по-хорошему. Остается тогда ведром только и называть, или это слово «мусорка» неизбежно и ему нет никакой замены? Как вы считаете, разве это нормальное слово?*

– *Очень огорчает? А чем проблема? Вроде слово цензурное. Или вам звучание сочетания звуков м+у+с+о+р+к+а не нравится? (Я правда ни разу не слышал, чтобы ведро так называли – только помойку, но если услышу, меня это не огорчит.)* (<https://rus.stackexchange.com/questions/419117/Слово-мусорка>; здесь и далее воспроизводится орфография и пунктуация оригинала).

Насколько широко используется слово *мусорка* в современной русской речи, в т.ч. в Беларуси? Какие объекты действительности оно обозначает? Ответам на эти вопросы посвящена наша работа.

Корпусное исследование. В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) лексема *мусорка* встречается с 1982 г., однако большинство контекстов приходятся на XXI в. (всего в корпусе представлено 58 вхождений этого слова vs. 1 543 вхождения на *помойку* с 1901 г. и 1 532 на *урну* с 1751 г.). В лексикографических источниках данное слово почти не фиксируется: мы нашли его только в «Русском орфографическом словаре» 2012 г. При этом в подкорпусе «Живой Журнал» Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru), отражающем современную русскую разговорную речь в письменной форме, *мусорка* встречается достаточно часто, см. таблицу. Все это указывает на то, что лексема *мусорка* является достаточно новой.

Т а б л и ц а

Частотность лексем в различных национальных сегментах ГИКРЯ

	<i>мусорка</i>		<i>помойка</i>		<i>урна</i>	
Беларусь	1 133	44,00 %	826	32,08 %	616	23,92 %
Россия	12 114	14,10 %	46 020	53,55 %	27 810	32,36 %
Украина	1 725	24,11 %	2 488	34,77 %	2 943	41,13 %
другие страны	3 341	22,81 %	7 476	51,03 %	3 832	26,16 %

Слово *мусорка* в различной степени востребовано в русскоязычных странах (ср. удельный вес варианта в различных национальных сегментах корпуса в таблице выше). Статистический анализ данных из ГИКРЯ с использованием логарифмической функции правдоподобия показывает, что частотность лексем *мусорка* в Беларуси является значительно выше ожидаемой по сравнению с Россией ($G^2=603,48$, $p < 0,0001$). Популярностью слова *мусорка* в Беларуси можно объяснить и снижение частотности лексем *помойка* ($G^2=670,93$, $p < 0,0001$) и *урна* ($G^2=249,66$, $p < 0,0001$) по сравнению с ожидаемой.

Экспериментальное исследование. Однако мусоркой называют различные объекты действительности, а на материале используемого нами корпуса достаточно сложно исследовать денотативную отнесенность лексем. Чтобы определить, для обозначения каких объектов действительности слово *мусорка* используется чаще и реже, мы провели интернет-опрос. Респонденты называли объекты, изображенные на картинках, см. рис. 1: они могли выбрать варианты из предложенных (один или несколько) или написать свой. В опросе приняло участие 250 человек, большинство из которых – студенты 1-го курса МГЛУ. Анализировались ответы 235 опрошенных, которые живут в Беларуси с рождения.

Рис. Изображения, предъявленные респондентам

Анализ данных, полученных в ходе опроса, показал, что слово *мусорка* – это основной лексический вариант для обозначения небольших объектов, куда выбрасывают мусор (изобр. 1 и 2). При этом удельный вес слова *мусорка* немного выше среди обозначений объекта, используемого в помещении (рис. 1: 188 ответов, 53,41 % всех ответов по данному предмету), чем на улице (рис. 2: 153, 47,66 %). Для обозначения «домашних» мусорок достаточно часто используются варианты *мусорное ведро* (89, 25,28 %) и *ведро для мусора* (34, 9,66 %). Кроме того, иногда респонденты указывали слово *урна* (41, 11,65 %). Небольшая емкость для мусора, стоящая на улице (изобр. 2), достаточно часто называется словом *урна*: его выбрали 117 опрошенных (36,45 %), еще 29 (9,03 %) отметили в качестве возможной неоднословную номинацию *урна для мусора*. В редких случаях были выбраны варианты *мусорный бак* (12, 3,74 %), *мусорное ведро* (6, 1,87 %). Почти не используется для обозначения «уличных» мусорок небольшого размера вариант *ведро для мусора* (4, 1,25 %).

В ряду названий крупного контейнера для мусора, находящегося на улице (рис. 3), слово *мусорка* не имеет максимальный удельный вес (81 ответ, 22,63 %): респонденты чаще выбирали название *мусорный бак* (131, 36,59 %). Кроме того, достаточно сильными оказались варианты *контейнер для мусора* (63, 17,60%), *мусорный контейнер* (59, 16,48%). Эпизодически опрошенные указывали варианты *помойка* (21, 5,87%) и *свалка* (3, 0,84%). В выборку не попало обозначение *балазка*, которое фиксируется в некоторых онлайн-словарях и имеет ограниченную локализацию: по нашим данным, оно используется в Бобруйске.

Обсуждение результатов. Таким образом, корпусное и экспериментальное исследование демонстрируют, что в русской речи белорусов активно используется лексема *мусорка*. В других национальных разновидностях популярна также номинация *мусорник*. Живая речь – лаборатория экспериментов над языком, где постоянно идет поиск новых названий, и понятно,

что не каждая из созданных номинаций равномерно распространяется по всей территории функционирования русского языка (подобная лексика часто используется только в кругу «своих»).

В нашей картотеке есть примеры того, как в белорусском русском под влиянием белорусского языка активизируются лексемы с более эксплицитными словообразовательными связями. Так, белорусы значительно чаще, чем россияне, используют глагол *утюжить* (в белорусском языке для обозначения этого процесса употребляется слово *прасаваць*, образованное от существительного *прас* ‘утюг’). При этом вряд ли можно доказать, как, впрочем, и опровергнуть, влияние белорусской пары *смецце* – *сметніца* на функционирование варианта *мусорка* в русской речи белорусов.

Очевидно, что на появление и распространении обсуждаемого в данной работе слова влияют и внутрисистемные факторы. *Мусорка* – лексема, стоящая в ряду других универбов, появившихся в последнее время в русской разговорной речи. Приведем в качестве иллюстрации наблюдение Б. Л. Иомдина: *Одни слова, которые всех бесили, вошли в язык и живут в нем: «электричка», «маршрутка», «зарядка»... А другие не прижились: «прозодежда», «Персимфанс», «ежедневка», «нормалка». «Читалка» и «Третьяковка» не бесят, а «молочка» и «мусорка» пока да. Хотя, по моим данным, уже 52 % опрошенных говорят «мусорка», а еще недавно это слово отсутствовало во всех словарях и считалось чудовищным просторечием (я тоже его не употребляю). Сегодня, во всяком случае в белорусском русском, это слово нельзя считать «чудовищным просторечием». Приведем еще один фрагмент из метаязыковой дискуссии, с которой мы начали этот текст: *Нормальное слово, более цивилизованное, чем помойка. В помойку выливают помои, т.е. из ведра выливают жидкие съестные остатки вместе с мусором (помните в «Собачьем сердце» Шарика помоями облили?), а в мусорку выбрасывают сухой мусор. Растет культура людей, появляются и соответствующие ее уровню слова. Помойки ушли, слава богу, в прошлое, правда, иной раз могут еще помоями облить, но уже не так часто, как когда-то. Скоро разделять научимся контейнеры: для сухого мусора, для бутылок, для пластика, может, еще новые слова появятся. Все закономерно.**

Е. В. Ксендзова

СЕМАНТИКА И КОННОТАЦИИ ВЫРАЖЕНИЙ С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ *ЛИХОЙ*

Известно, что многие слова со временем меняют свое значение: может происходить расширение, сужение семантики слова, развиваются омонимичные значения, иногда слова в процессе функционирования в речи наполняются противоположным смыслом. С этой точки зрения мы хотим рассмотреть особенности семантики и дополнительных оттенков лексического значения (коннотаций) лексемы *лихой*, а также сочетаний с этим прилагательным, используя

сведения современных толковых словарей русского языка, этимологические данные, а также сведения из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Согласно «Этимологическому словарю славянских языков», прилагательное *лихой* восходит к прасл. **līxъ(jь)* (< и.-е. **leikʰ-so-* < **leikʰ-* ‘оставлять’), проявившемуся во всех славянских языках и имеющему достаточно широкую семантику (ср.: др.-русс. *лихъ* ‘лишенный, печальный, злой, плохой, укр. *лихий* ‘злой, дурной, несчастный’, бел. *ліхі* ‘плохой, дурной’, ‘зловредный’, ‘больной, худой, тощий’, болг. *лих* ‘злобный, лихой, своенравный’, сербохорв. *liх*, *liхo*, словенск. *lih* ‘нечетный, непарный’, чешск. *líchý* ‘лишний, нечетный, лукавый, пустой’, польск. *lichy* ‘нечетный, плохой, бедный’, в.-луж. *lichy* ‘голый, свободный’, н.-луж. *lichy* ‘холостой’ и др.). По мнению этимологов, для данных слов исходной была семантика ‘остаточный, лишний’ с дальнейшим развитием конкретных значений, имеющих преимущественно негативную окраску. Примечательно, что в русском языке у лексемы *лихой* сформировались также положительно-оценочные значения ‘смелый, храбрый, удалой’, ‘быстрый, стремительный’, ‘залихватский, бойкий, задорный’, что произошло, вероятно, достаточно поздно, т.к. они не были отмечены в памятниках древнерусской и старорусской письменности (дополним сюда же бел. *лихий* ‘молодецкий, славный’, зафиксированное в словаре И. Носовича, 19 в.; в более ранних белорусских источниках это значение не отмечено и не имеет широкого употребления в говорах; можно предположить, что развилось под воздействием русского языка). Прилагательное *лихой* в таком мелиоративном значении зафиксировано уже в языке А. Пушкина («Ты будешь Вакха жрец *лихой*»; «Здорово, *рыцари лихие* Любви, свободы и вина»). В. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» при объяснении значений данного слова отмечает: «Слово двусмысленное как благой» (имея в виду сходство в развитии противоположных значений в рамках одной лексемы, ср. в этом же словаре: *благой* ‘добрый, хороший, полезный’ и ‘плохой, злой, сердитый, упрямый’).

Таким образом, в современном русском языке слово *лихой* функционирует в двух омонимичных значениях, развившихся в результате энантиосемии: *лихой*₁ ‘приносящий беду, злой; тяжкий’ и *лихой*₂ ‘молодецкий, удалой’ (согласно словарю С. Ожегова).

Семантический и коннотативный потенциал лексемы *лихой* нашёл выражение в огромном количестве производных слов и сочетаний, отмеченных как в литературном языке, так и в диалектах. Для примера употребления данного слова в первом значении (с отрицательными коннотациями) приведем выражения: *лихой враг*, *лихой человек* ‘могущий причинить вред, зло’, *лихие люди* ‘разбойники’, *лихая пора*, *лихая година*, *лихой час* ‘полный тягот, бед; тяжёлый, трудный (о времени)’, *лихое слово*, *лихой глаз*, *лихой поступок* ‘свойственный злему человеку, выражающий недоброжелательность, злобу’, а также производные лексемы *лиходеи* ‘злодей’, *лихоимец* ‘взяточник, ростовщик’, *лихорадка* ‘лихорадка’ и др. В этом же значении употребляется данное слово и в русской поговорке «*Лиха беда начало*» (‘трудно только начать’), в выражении *поминать лихом* ‘вспоминать дурно о ком-

либо, о чем-либо'. Противоположная положительно-оценочная семантика реализуется в выражениях: *лихой казак*, *лихие ребята*, *лихие воины* 'смелый, храбрый, удалой', *лихая езда*, *лихой всадник* 'быстрый, стремительный (о манере движения)', *лихой конь*, *лихая тройка* 'резвый, быстрый, горячий (о лошадях)', *лихая песня*, *лихие пляски*, *лихая выправка* 'бойкий, заливчатый, задорный', *лихой танцор*, *лихой работник* 'ловкий, искусный, умеющий делать что-л. хорошо и быстро; проворный' и др.

Проанализировав в НКРЯ методом сплошной выборки 100 примеров употребления выражений с прилагательным *лихой* (всего в корпусе представлены примеры из 740 документов, 1 130 вхождений), можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев (62 %) реализуется положительно-оценочная семантика данного слова: «*А, это вы, майор Скворцов, **лихой** стрелок по самолётам?*» (И. Грекова. «На испытаниях»; НКРЯ); «*Будто во времена **лихой** молодости скакал он на горячем боевом коне...*» (А. Клейн. «Пауло Коэльо: Выбор всегда за мной»; НКРЯ).

Пейоративное значение лексемы *лихой* представлено в 22 % проанализированных примеров: «*Не дай бог, прорвется злоумышленник, **лихой** человек, мечтающий покуситься на кровные миллиарды*» (Андрей Рубанов. «Сажайте, и вырастет»; НКРЯ); «*В 1364 году в Москве умер от **лихой** заразы Иван, младший родной брат юного Димитрия*» (Лариса Васильева. «Озаренная»; НКРЯ).

Еще в 12 % случаев наблюдается некоторая двойственность в восприятии выражений с прилагательным *лихой* (но все же со смещением семантики в сторону отрицательной оценки) – например, в тех случаях, когда сама по себе характеристика представлена в рамках значения 'бравый, удалой, молодецкий', но служит для описания отрицательного героя произведения или ситуации в целом: «*Князь, живший в XVI веке, был **лихой малый**, прославился убийством собственной жены с любовником и по-маньеристски изобретательными диссонансами своих мадригалов*» («Со всех краев. Музыка» // «Известия»; НКРЯ); «*Я испытывал жгучий непреодолимый стыд и перед зрителями, вынужденными два с половиной часа смотреть этот **лихой** и беспардонный винегрет, и перед усталыми актерами, репетировавшими по вечерам в недолгое свое свободное время, и перед собратьями по перу, не слишком, видимо, поверившими моим горячим заверениям в непричастности*» (А. Городницкий. «И жить еще надежде»; НКРЯ).

Неоднозначно также воспринимаются случаи употребления лексемы *лихой* в составе имен собственных. Есть пример (1 %), в котором собственное имя лишено оценочности и выступает лишь в качестве наименования географического объекта: «*...Николай Иванович Марченко родился 10 февраля 1938 года в хуторе **Лихой** Красносулинского района, Ростовской области*» (Лауреаты Золотого и Серебряного знаков «Горняк России» // «Горная промышленность»; НКРЯ). В другом случае автор представленной статьи намеренно обращается к объяснению семантики лексемы *лихой*, связывая этот материал с основной информацией, представленной в тексте (таким образом, реализуется отрицательная коннотация): «*Есть на севере города такая река –*

Лихоборка. Раньше здесь был Лихой Бор, где промышляли лихие люди – разбойники. Сегодня лихие люди промышляют по всему городу. И стали для автовладельцев большой проблемой. (Д. Гронский, С. Шерстенников. «Люди на выброс» // «Автопилот»; НКРЯ). В литературных произведениях сказочного или сатирического содержания использование прилагательного *лихой* в имени собственном помогает писателю дать определенную характеристику (положительную или отрицательную) тому или иному герою: «Чем внимательнее слушал Тим рассказ Древесняков, тем всё больше и больше болела у него душа за *Лиходеича*. Где сейчас его *лихой* дедушка?» (И. Краева. «Тим и Дан, или Тайна “Разбитой коленки”»; НКРЯ); «В Скотопригоньевском округе сошлись в борьбе за мандат депутат от Рабочей партии Кошкин-Рожкин, вице-градоначальник *Лихой* и присланный из центра Вратарь» (В. Горбачев. «За тридевять земель» // «Богатей»; НКРЯ).

В 3 % рассмотренных случаев оказалось достаточно сложно определить оценочную составляющую значения прилагательного *лихой*, т.к. контекст не дает четкого представления об особенностях его употребления: «*Лихой* соблазн! С такими посулами народ и сейчас с удовольствием турнул бы Абрамовичей и Чубайсов» (Владимир Князев. «Либеральный интим» // «Спецназ России»; НКРЯ);

Таким образом, в современном русском языке мы наблюдаем более частое употребление прилагательного *лихой* в положительно-оценочном значении ('смелый, храбрый, удалой', 'быстрый, стремительный' и т.п.). Истоки формирования поля мелиоративной оценочности в данном слове, по-видимому, следует искать в исторически сложившихся формах языка – разговорной речи и диалектах. Отрицательная оценка реже представлена в речи современных носителей языка, но зачастую в контексте наблюдается смещение семантики с положительной на отрицательную.

Е. Г. Лукашанец

АНГЛИЦИЗМЫ УКРАИНСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА: РОЛЬ, СТАТУС, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Влияние английского языка на формирование лексики многих современных языков в эпоху глобализации неоспоримо. В наибольшей степени это влияние проявляется в субстандартных языковых подсистемах, в частности – в молодежном сленге, считающемся одной из самых «продвинутых» подсистем, такой, в которой ярко и отчетливо выражаются инновационные явления, характерные для языка в целом.

Однако при этом процесс англоязычного влияния на пополнение лексики сленга в разных языках может протекать неодинаково в зависимости от многих факторов. В частности, как нам кажется, большую роль здесь играет языковая ситуация, в которой развивается тот или иной национальный язык, формируются его социальные подсистемы.

Наша изначальная гипотеза состоит в том, что поскольку белорусский и украинский молодежные сленги функционируют в ситуации белорусско-и украинско-русского двуязычия, особенности процесса заимствования из английского языка в них будут отличаться от таковых для сленга русскоязычной молодежи. Поэтому целью исследования ставится выявление специфики вхождения англицизмов в украинский молодежный сленг, выбор которого в качестве объекта изучения обусловлен в немалой степени тем фактом, что, в отличие от белорусскоязычного молодежного сленга, он более развит, а значит, предоставляет надежный материал для исследования. Основным источником материала послужил онлайн-словарь «Мислово», который, позиционирует себя как «словник сленгу та сучасної української мови, який творять користувачі». Отграничение сленгизмов от слов других социальных подсистем, в частности общелитературного языка, не входит в нашу задачу, отметим только, что практически все сленгологи отмечают трудности такого отграничения. Поэтому будем условно предполагать, что лексемы в данном словаре (выражения, состоящие из нескольких слов, нами не анализируются) могут быть отнесены к молодежному сленгу; это компромиссное решение нам кажется тем более справедливым, что многие неологизмы входят в общий лексикон из речи молодого поколения носителей языка.

После отграничения дублетов и фонетических, графических и морфологических вариантов нами было получено 3367 слов, из которых было отобрано около 2700 существительных. Среди них примерно 10–15 % слов являются лексическими заимствованиями из английского языка. В подобных словарях русского языка (словари сленга и разговорной лексики, размещенные на сайтах www.slovonovo.ru, www.teenslang.su и www.slovoborg.su) нами было зафиксировано 1164 существительных-англицизмов, что также составляет около 13 % всех существительных.

Более точные цифры могут быть даны только после тщательного анализа слов и уточнения, какие именно слова можно относить к англицизмам-существительным. Проблемы здесь сводятся к следующим. Во-первых, в онлайн-словарях, как созданных непрофессионалами, нечетко разграничиваются части речи. Например, слово *ноунейм* в языке-источнике не является существительным (*no name* = *без имени*), в «Мислово» же ему даются такие толкования: '1) дешевый китайский товар невідомого бренду або взагалі без будь-яких розпізнавальних знаків, 2) нова людина в певній онлайн-спільноті, яку ніхто не знає, і яка не користується авторитетом', при этом пример употребления слова указывает на его субстантивный характер: *Сьома стався уникати китайських ноунеймів*. Так же нечетко различаются и прилагательные и субстантиваты (прилагательные, перешедшие в существительные), например, слову *дирявий* даются толкования как прилагательному ('1) не-Оякісний, з вадами, 2) такий, що належить до (або підтримує) ДНР'), а пример иллюстрирует его употребление как существительного: *правильні хлопці побили дирявого*.

Во-вторых, возникает проблема выделения англицизмов как лексических заимствований среди слов, обладающих английским по происхождению корнем. Например, в словаре зафиксировано 7 слов с корнем *твіттер*. Одни из них явно были образованы на украинской почве: *твілюди* ‘люди, які використовують твітер’, *твітер-штурм* ‘раптовий сплеск активності у твітері...’, *твітеряни* ‘користувачі сервісу мікроблогінгу Твітер’, *твітити* ‘постити твіти у Твітері’. Исконное происхождение остальных не столь очевидно. По форме они напоминают англицизмы, однако из них два: *твіт* ‘коротеньке (до 140 знаків) повідомлення у Твітері’ и *твіттерв’ю* ‘інтерв’ю, яке відбувається у твітері у режимі реального часу’ – можно найти в написании латиницей, а один – *тві* ‘так у Твітері скорочують слово *Твітер* – нет. И здесь есть еще одна проблема: некоторые слова фиксируются в англоязычном написании только на сайтах с преимущественно украинско-русским контентом, т.е. в основном среди не носителей английского языка как родного. Возможно, что такие слова носят характер т.н. «псевдоанглицизмов», к которым принадлежат также и другие, записанные кириллицей сленгизмы: *догхантерхантер* ‘мисливець на догхантерів’ (понятно, что соответствующего слова в английском языке нет!), а также *бігморда* ‘політичний білборд, головним елементом якого є морда політика’, где первый компонент сложения – англоязычный по происхождению корень. Ср. также *тридибілінг* ‘відеозвернення за участю трьох дибілів’, *Оппі-блонні* ‘ще одна назва Опозиційного блоку’ и др.

Кроме того, если два или более слов заимствованы из английского языка, они могут уже внутри принимающего языка вступать в отношения мотивации. Например, *троль* ‘учасник (інтернет) дискусії, який постійно намагається перенаправити її у контр-продуктивне русло’ и *тролінг* ‘явище, коли автор блогу веде себе провокаційно по відношенню до когось та втянує в це інших’ (второе воспринимается как мотивированное первым), *пранк* ‘з англійського – prank – телефонний розводняк. Як правило розводять відомих людей, записують процес і викладають у мережу. Людей, які дзвонять називають пранками, пранкерами або пранкстерами, а тих, кому – пранкі’ и *пранкер* ‘той, що розігрує когось по телефону, говорячи чужим голосом’. В связи с этим можно отметить, что, по-видимому, поскольку многие носители сленга являются билингвами в том смысле, что не только говорят на своем родном языке, но и хорошо знают английский язык, – англицизмы воспринимаются ими не как абсолютно чужие слова, а как слова, строение, семантика и употребление которых им в принципе известно. Отсюда и активизация словообразовательных процессов, в которых немалую роль играют английские по происхождению языковые средства: суффиксы *-ер* (*аб’юзер, банер, браузер, гуглер, даблдекер, дайвер, дудлер, інсайдер, кастомайзер, кластер, кодер, постер, пранкер, райтер, руфер, скімер, спінер, спойлер, тізер, трейдер, фаундер, фіксер, фрілансер, футер, хейтер, чітер, юзер*), *-инг* (*аутсорсинг, буккросинг, копірайтинг, смаркетинг, стріт-*

рейсинг, фаршинг, фішинг, хантинг), префиксы *ре-* (*репост, ретвіт, рефакторінг*), *афте-* (*афтепати*), модели строения слов: *реаліті-шоу, стріт-рейсинг, трамп-ефект, френдзона, френдстрічка*.

Таким образом, в целом роль и функционирование англицизмов в украинском сленге таковы, как и в русском, исследованном нами ранее. Мы видим те же особенности вхождения англицизмов в сленг, выделяем те же проблемы изучения процесса заимствования.

Сравнение англицизмов украинского и русского сленгов по вышеуказанным онлайн-словарям показывает определенную долю совпадений. Для украинского сленга эта доля выше: почти треть всех англицизмов зафиксирована в русских словарях сленга; в то же время в этих последних доля совпадающих англицизмов едва ли достигает одной десятой. Это, например, такие слова, как: *аутфит – аутфіт, баттхерт – баттхерт, булшит – булшіт, дреди – дрэды, ейчар – эйчар, имейл – імейл, капча – капча* и др. Не следует, однако, из этого факта делать далеко идущие выводы: возможно как различие в лексикографических установках, актуализируемых в подборе лексики в словарях, так и разница в датах создания и объеме словарей: «Мислово» был создан позже и насчитывает гораздо меньше единиц. Несовпадения также связаны с тем, что некоторые англицизмы, отмеченные для русского сленга, успели на сегодняшний день уже прочно войти в состав национального языка и не воспринимаются более как часть молодежной речи, с одной стороны, а с другой – более позднее обращение исследователя к «Мислово» позволило зафиксировать новейшие заимствования, которые ранее (несколько лет назад) не были нами отмечены в онлайн-словарях русского сленга. Все это заставляет нас отвергнуть первоначально выдвинутое нами предположение об особом развитии процесса заимствования из английского языка в сленг в условиях близкородственного двуязычия и диктует необходимость будущего углубленного исследования этой проблемы с целью выработки новых гипотез и концептуальных подходов.

А. Н. Чударь

LITTLE BIG (STUDY): ПРАГМАТИКА ОКСЮМОРОННЫХ СОЧЕТАНИЙ С РАЗМЕРНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Диминутивы – это производные языковые единицы, которые имеют семантику уменьшительности и/или выражают иные значения, возникшие в результате развития семантики уменьшительности. В английском языке диминутивы могут быть образованы синтетически (при помощи суффиксации, префиксации, редупликации и усечения) и аналитически. *Аналитические диминутивы* представляют собой комбинации прилагательного-маркера категории диминутивности (*small, little, tiny, wee* и т.п.) и определяемого им существительного.

Аугментативы, в свою очередь, представляют собой производные языковые единицы, выражающие семантику увеличительности, а также другие, связанные с ней оценочные значения. Аналитические аугментативы, соответственно, это сочетания прилагательного-маркера категории (*big, great* и т.п.) и существительного. В данной работе речь пойдет о сочетаниях аналитических диминутивов и аугментативов с антонимичными размерными прилагательными (*big, great* и т.п. для диминутивов и *little, small* и т.п. для аугментативов), в частности, о прагматических особенностях таких сочетаний.

На первый взгляд, прилагательные типа *big/great* и *small/little* являются антонимичными (в своих размерных значениях), в связи с чем характеризуются исследователями как «несовместимые» (*incompatible*), т.е. объективно совмещение двух данных качеств невозможно (что-либо не может быть одновременно большим и маленьким). На основе данного положения В. Гонзалес-Диас в статье «Great big stories and tiny little changes: tautological SIZE-adjective clusters in Present-day English» делает вывод, что в конструкциях типа *big little city*, где *city* ‘город’, прилагательные большого размера выступают в качестве интенсификаторов, т.е. имеют значение наречия *very* ‘очень’. В такой же функции используются компоненты тавтологических конструкций с размерными прилагательными. Так, например, комбинация маркеров категории диминутивности выступает как средство интенсификации значения уменьшительности: *tiny little house* ‘маленький домик’, *tiny diminutive little bronze figure* ‘малюпасенькая бронзовая фигурка’. Однако интенсификация какого значения происходит в оксюморонных сочетаниях? И является ли интенсификация единственной функцией в подобных случаях?

Для того чтобы определить особенности функционирования сочетаний с размерными прилагательными, было проведено корпусное исследование. Источником материала послужил корпус *GloWbE*¹ и *iWeb*². Для отбора материала мы осуществили поиск конструкций с прилагательными, синонимичными сочетаниям *big little* и *little big* соответственно (вручную удалены комбинации, не являющиеся диминутивами). Использовались запросы *=big =little NOUN* и *=little =big NOUN*, где *=* означает поиск синонимов к данным словам, *NOUN* – существительное. В результате было проанализировано 121 сочетание (302 употребления) с комбинацией размерных прилагательных и существительным (*big little city* и т.п.).

Анализ отобранных из корпуса сочетаний показал, что значение размера в рассматриваемых комбинациях прилагательных встречается нечасто и скорее характерно для прилагательных-маркеров уменьшительности: *This **big little** city still holds its own as a destination with sophistication and several unexpected and affordable surprises* ‘Этот большой маленький город (букв.) все

¹ <https://www.english-corpora.org/glowbe/>

² <https://www.english-corpora.org/iweb/>

еще держит свой статус изысканного места с неожиданными и доступными сюрпризами'. Что касается прилагательных большого размера, лишь один раз прилагательное *big* в рассматриваемых сочетаниях указывало на размерные характеристики объекта: *I just continually hear from individuals who reckon they've got **big little legs**, and want to discover how to get them to appearance reduced* 'Я просто постоянно выслушиваю людей, которые считают, что у них *большие маленькие ноги* (букв.) и которые хотят узнать, как сделать так, чтобы они выглядели меньше'.

В остальных случаях прилагательные размера получают семантическое развитие и используются для указания на различные (не только физические) аспекты описываемых явлений: *Be audacious about improving the **big little things** in your life... Seek out more engaging responsibilities... Redesign the daily rhythm to better meet your unique needs...* 'Не бойтесь улучшить *большие маленькие вещи* (букв.) в своей жизни... Найдите себе более увлекательные обязанности... Перестройте свой распорядок дня, чтобы он лучше соответствовал вашим потребностям' (большой = очень важный, значимый; маленький = простой)/*So a **little big trip** to New York was just what this little black duck needed to reinvent herself!* 'Итак, *маленькое большое путешествие* (букв.) в Нью-Йорк – это именно то, что было нужно для обновления этой маленькой черной утке' (маленький = небольшого масштаба; большой = очень важный, значимый) и т.п.

В некоторых случаях участники коммуникации сопровождают комбинации размерных прилагательных пояснительными комментариями в силу отсутствия конвенций в их толковании: *The Spyderco Dragonfly 2, Balance, among many others, are designed as small knives that can perform cutting tasks larger than their size would usually suggest. This is why they are often labelled "**little big knives**"* 'Spyderco Dragonfly 2, Balance, среди прочих, это небольшие ножи, которые имеют больший потенциал в нарезке, чем обычные ножи такого размера. Поэтому их часто называют «маленькие большие ножи»' (маленький = небольшого размера; большой = способный на (очень) многое)/*They think globally and act locally and in my mind are a '**big little company**' and we are very lucky to have them here* 'Они думают глобально и действуют локально, и, на мой взгляд, являются «большой маленькой компанией» (букв.), и нам очень повезло, что они у нас есть'/*Shay is my **little big sister**, meaning that although she's younger, our relationship works much better when she's bossing me around...* 'Шэй – моя маленькая большая сестра (букв.), т.е. несмотря на то что она младше, наши отношения работают лучше, когда она мной командует...' (маленький = младший; большой = властный, доминирующий). Таким образом, в рассматриваемых сочетаниях прилагательные размера получают семантическое развитие и реализуют различные прагматические функции.

Для того чтобы обеспечить большую степень объективности выводов о функционировании прилагательных в рассматриваемых комбинациях, мы решили обратиться к метаязыковым комментариям носителей языка. Так, один

из пользователей форума [english.stackexchange](https://english.stackexchange.com), посвященного вопросам использования английского языка, описывает данные конструкции следующим образом: *It usually implies that something is little in one way but big in another; for example, a game may want to imply that it is «little» in being approachable and friendly, but «big» in having lots of things to do.*¹ 'Обычно такие конструкции указывают, что что-либо является маленьким в одном аспекте и большим в другом: например, говоря об игре, она может быть «маленькой» в значении 'доступной и доброй', но «большой» в значении 'содержащей большое количество заданий'. Там же: *My take on the titles you mention is that «little» refers to physical size, and «big» refers to aspiration or scope. So «little big magazine» would be a small sized magazine aspiring to cover a great deal of subject matter* 'На мой взгляд, в заголовках, которые вы указали, «little» относится к физическому размеру, а «big» – к притязаниям или возможностям. Таким образом, «маленький большой журнал» – это журнал небольшого размера, который претендует на освещение большого количества тем'.

Таким образом, антонимичные прилагательные в рассмотренных сочетаниях редко выражают собственно размер (наблюдаемое в редких контекстах размерное значение свойственно прилагательным-маркерам уменьшительности).

Как правило, комбинации антонимичных размерных прилагательных реализуют различные прагматические функции: так, прилагательные большого размера в данных сочетаниях в первую очередь указывают на высокий уровень способностей или высокую значимость, а прилагательные малого размера – на незначительность, простоту, доступность обозначаемого объекта. Из-за отсутствия конвенционального толкования сочетаний размерных прилагательных участники коммуникации зачастую используют пояснительные комментарии, что позволяет облегчить и уточнить интерпретацию данных комбинаций.

¹ <https://english.stackexchange.com/questions/14082/what-does-the-phrase-little-big-mean>

Круглый стол
«СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ»

Ю. В. Бекреева

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СЕМАНТИКИ ЯЗЫКА

Современная лингвистика выходит за свои традиционные дисциплинарные границы, образуя новые системы научного познания и утверждая новые парадигмальные подходы. Ярким примером тому является *когнитивистика* – междисциплинарное научное направление, главную роль в котором играют именно семантические исследования, описывающие и объясняющие процессы отражения и познания действительности через анализ языковых фактов.

В частности, для моделирования *концепта* (в парадигме когнитивистики – единицы человеческого мышления) устанавливаются ключевые слова-репрезентанты данного концепта, анализируется семный состав и структура их значений, эпидигматические, парадигматические и синтагматические связи; на основе экспериментов с носителями языка определяется актуальность семантических связей и коммуникативная значимость ключевых слов.

Актуальными становятся сопоставительные исследования гендерных концептов и концептов возрастных групп. Моделирование концептов осуществляется на основе лингвистических экспериментов (например, ассоциативные эксперименты, задания на интерпретацию значения языковой единицы в контексте, задания на трансформацию языковых конструкций и т.д.) и семантического анализа речи респондентов (мужчин и женщин, пожилых людей и молодежи). Анализ полученных моделей позволяет установить сходства и различия когнитивных способностей исследуемых социальных групп, особенности концептосфер и т.д. На основе сопоставительного анализа концептов, смоделированных на материале разных языков, определяются особенности национального сознания, культурные коды, национально-культурные стереотипы и ценности и т.д.

Итогом разнообразных исследований концептов становятся словари нового типа. Например, исследования представителей Воронежской научной школы (руководители И. А. Стернин, З. Д. Попова) представлены в коллективном сборнике «Антология концептов» (под ред. В. И. Карасика, 2005). Широко известна работа Ю. С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры». Коллектив лексикографов Уральского государственного университета им. М. Горького (руководитель Л. Г. Бабенко) работает над созданием словаря концептов русского языка «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)». В рамках международного проекта по созданию семантического языка-посредника для глобального обмена информацией разрабатывается Универсальный словарь концептов (Universal Concept Dictionary). По мнению ведущих разра-

ботчиков ресурса В. Диконова и И. Богуславского, универсальный словарь концептов должен включать в себя концептуальные лексиконы всех естественных языков и устанавливать между ними взаимные связи. Следует отметить, что методологическая основа данного лексикографического ресурса несколько отличается от концепции словарей воронежской и уральской научных школ. *Концепт* определяется как абстрактная семантическая единица, совпадающая со значениями слов, которые выделяются толковыми словарями. Проблема полисемии снята, поскольку каждому системному значению присваивается уникальный идентификатор – у н и в е р с а л ь н о е с л о в о (Universal Word). Согласно общему принципу каждый концепт должен быть представлен только одним UW. Различий между UW для полученных из разных языков концептов не проводится. Все концепты равноправны как отдельные лексические единицы универсального естественного языка-посредника.

Междисциплинарное исследование предполагает интеграцию понятийной базы, методов исследования, научных данных из разных наук. В терминологию современной лексической семантики прочно вошли понятия, заимствованные из других дисциплин, в первую очередь из психологии, социологии, философии и логики, культурологии, биологии. С одной стороны, оперирование общими терминами сближает исследователей и позволяет экстраполировать научные достижения на другие научные области. С другой стороны, многопрофильность термина требует от исследователя филигранной точности в его определении, которое подразумевает не только обзор собственно лингвистических концепций, но и выход на другие научные области, в которых принят искомый термин.

Например, достаточно распространенным в современных семантических исследованиях стало понятие *прототип* и его производные: *прототипическая семантика*, *прототипическая категория*, *прототипический подход* и т.д. В литературоведении понятие прототип связано с прообразом персонажа, т.е. с оригиналом (исторической или современной личностью) для создания литературного образа. В информационных технологиях, включая компьютерную лингвистику, *прототип* – это шаблон моделирования или проектирования.

В лексической семантике *прототип* определяет лучшего представителя категории. Лексическая, лексико-грамматическая или семантическая категория рассматривается как полевая структура с центром и периферией, и именно центральный или центральные члены категории представляют ее прототип. Номинация словом некоторого объекта или явления также рассматривается как его отнесение к определенному классу, категории, т.е. как *я в л е н и е к а т е г о р и з а ц и и*.

Основоположником теории прототипов в исследовании проблем категоризации признана Э. Рош – профессор психологии Калифорнийского университета и яркий представитель когнитивного направления. Проводя серии экспериментов по изучению естественных категорий, кодированных в языке и культуре, Э. Рош обнаружила асимметрию, получившую название *прототипических эффектов*: испытуемые оценивали некоторые члены категории как более репрезентативные для данной категории, чем другие. Э. Рош отмечает, что с точки зрения восприятия идентификация объектов и отнесение их к опреде-

ленному прототипу быстрее осуществляется на основе целостного образа (прототипа). Прототип максимально полно воплощает характерные для данной категории свойства и особенности и связан отношениями подобия одновременно со многими членами категории на основе «семейного сходства». Показатель «семейного сходства», заимствованный Э. Рош у Л. Витгенштейна, рассматривается как совокупность признаков «прототипичности», которыми обладает член категории. Выделение категориальных признаков осуществляется при восприятии совокупности членов категории и требует определенных когнитивных усилий. Такое понимание сущности прототипа и прототипических признаков удачно согласуется с выделением денотативного и сигнификативного компонентов в значении слов, а также с методикой построения лексического и/или семантического поля в исследовании системной организации лексики.

Выход за границы системно-структурной лингвистики (да и, собственно, за границы, так называемой, «чистой» лингвистики) представляет направление дискурс-анализа. В энциклопедии прикладной лингвистики под редакцией К. Джонсона (1999) *дискурс-анализ* определяется как «изучение способов обмена коммуникантами значениями, целями и смысловыми структурами с помощью языковых единств; изучение качества смысловой связности». Характерной чертой современного дискурс-анализа является не только междисциплинарность, но и интеграция уровней лингвистического анализа (от микро-семантики или «элементов смысла» к семантике слова и далее в трансфрастику). Типы дискурса как новые объекты исследования выделяются практически во всех сферах коммуникации (например, медиадискурс, управленческий дискурс, терапевтический дискурс, политический дискурс и т.д.). Кроме того, современные исследования дискурса демонстрируют многообразие исследовательских методик, разнообразие методов и приемов, которыми пользуется лингвист в попытке обнаружить и объяснить эксплицитные и имплицитные смыслы изучаемых текстов. К сожалению, некоторые исследователи склонны полагаться исключительно на собственную интуицию или «языковую догадку» в интерпретации семантических явлений. Любое исследование семантики, особенно в условиях междисциплинарности, должно опираться на критерий научности, в содержание которого входит большое число понятий, таких как объективность, рациональность (обоснованность, доказательность), достоверность выводов, верифицируемость, непротиворечивость, системность, воспроизводимость и др.

Н. А. Волковинская

ТИПЫ ЗНАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ (на материале английского языка)

Словарная статья, являющаяся основной структурной единицей словаря, включает в себя заглавное слово, его толкование/описание, а также примеры/контексты его употребления. Учитывая тот факт, что в современной лексикографии моделирование значения слов осуществляется на основе компрессии

текстов по корпусам, что существенно снижает степень приблизительности в представлении лексических единиц, информацию, представленную в словарной статье, можно считать достаточно репрезентативной и достоверной.

Рассмотрим, какие знания об описываемом понятии можно почерпнуть из словарной статьи на примере тематической группы наименований хлебобулочных и мучных кондитерских изделий в современном английском языке: *bread* 'хлеб', *roll* 'булочка, рулет', *cake* 'торт, пирожное', *pancake* 'блин', *biscuit* 'печенье', *bun* 'булка', *scone* 'лепешка', *muffin* 'маффин', *doughnut* 'пончик', *pie* 'пирог', *croissant* 'круассан', *tart* 'торт', *baguette* 'багет', *pasty* 'пирожок с начинкой', *crumpet* 'пышка', *bagel* 'рогалик', *teacake* 'булочка к чаю', *waffle* 'вафля', *cookie* 'печенье', *oatcake* 'овсяная лепешка'.

Словарные определения призваны в лаконичной форме фиксировать существенные признаки описываемого понятия, в то время как иллюстративный материал, который может включать словосочетания, цитаты из произведений служит ориентиром для адекватного словоупотребления, раскрывая дополнительные характеристики слов, а также сферу их употребления.

Каждое определение исследуемых лексем содержит «с л о в о - и д е н т и ф и к а т о р», отличающиеся объемом предоставляемой информации. Например, для некоторых единиц таковым выступает общий гипероним **food** 'еда'; а вот *muffin* 'маффин', *bun* 'булка', *scone* 'лепешка', *doughnut* 'пончик', рассматриваются как специфические виды **cake** 'торт, пирожное'. Помимо идентифицирующих компонентов, определения включают конкретизирующую часть. Так, фиксируются многочисленные описания **формы** изделий (*round* 'круглый', *flat* 'плоский', *crescent-shaped* 'в форме полумесяца', *domed* 'куполообразный', *circular* 'округлый', *ball* 'шар', *long* 'длинный', *narrow* 'узкий'); **текстуры** (*spongy* 'пористый', *flaky* 'слоистый', *porous* 'пористый', *crisp* 'хрустящий', *soft* 'мягкий', *light* 'легкий', *hard* 'твердый', *dense* 'плотный'); **вкуса** (*sweet* 'сладкий', *unsweetened* 'неподслащенный', *savoury* 'пикантный'); **размера** (*small* 'маленький', *thin* 'тонкий', *thick* 'толстый'); **происхождение** (*French* 'французский', *Jewish* 'еврейский').

Рецептура изделий является одной из основополагающих их характеристик, и в дефинициях мы встречаем целый ряд типичных **ингредиентов**: *flour* 'мука', *yeast* 'дрожжи', *dough* 'тесто', *butter* 'масло', *eggs(s)* 'яйца', *fat* 'жир', *milk* 'молоко', *batter* 'взбитое жидкое тесто', *oats* 'овес', *water* 'вода', *baking powder* 'пекарский порошок', *sugar* 'сахар', *dried fruit* 'сухофрукты', *pastry* 'тесто' и др.). Семантические компоненты, обозначающие ингредиенты прямо или косвенно, через родовое слово, представлены во всех дефинициях названий изделий. Наличие начинки является необходимым атрибутом таких членов, как *pie* 'пирог', *tart* 'торт', *pasty* 'пирожок с начинкой', *roll* 'булочка, рулет', а вот для *pancake* 'блин' и *doughnut* 'пончик' ее присутствие отмечено как типичное или возможное. Варианты начинки представлены следующими единицами – *meat* 'мясо', *fruit* 'фрукты', *vegetables* 'овощи', *fish* 'рыба', *dried fruit* 'сухофрукты', *jam* 'варенье', *cheese* 'сыр'.

В словарных толкованиях в различных формах встречаются указания **действий** по приготовлению или употреблению изделий. Так, с точки зрения лексикографов, важным оказалось отметить специфику употребления/подачи

ряда единиц: торт иногда украшают или покрывают глазурью (*decorate, ice*), блин (*pancake*) обычно сворачивают в трубочку (*roll*), а булку (*bun*) горизонтально разрезают (*cut horizontally*). Ядерными единицами выступают глаголы *bake* ‘печь’, *eat* ‘есть’ и *cook* ‘готовить’, которые обозначают самые распространенные действия с хлебобулочными изделиями.

Информация, представленная в примерах употребления описываемой единицы, также разнообразна. Так, мы встречаем перечень самостоятельных единиц – **устойчивых выражений** со словами-наименованиями хлебобулочных и мучных кондитерских изделий: *have bun in the oven, be pregnant* – ‘быть в положении’, *altar bread* – ‘просфора’, *money* – ‘деньги’, *food needed to live* – ‘пропитание’, *a slice of pie, pie in the sky* – ‘пустые посулы’, *pancake makeup* ‘толстый слой косметики на лице’, *as flat as pancake* ‘плоский как блин’, *not worth a crumpet* ‘бесполезный; никудышный’, *tough cookie* ‘крутой парень’, *take the biscuit* ‘превосходить все’, *the best thing since sliced bread* ‘величайшее достижение человечества’, *bread and circuses* ‘хлеба и зрелищ’, *bread and water* ‘хлеб и вода’, *bread and wine* ‘хлеб и вино’, *the bread of life* ‘хлеб жизни’.

Отмечается лексикографами и типичный **способ приготовления/подачи** отдельных изделий (с маслом, в поджаренном виде, украшенный и т. д.), наличие альтернативных **дополнительных ингредиентов** (сушеные фрукты и сладкая начинка), название **стран**, непосредственно связанных с тем или иным изделием (Шотландия, Ямайка, США и Франция), а также перечень **сопутствующих продуктов** (*waffle* ‘вафля’, *teacake* ‘булочка к чаю’ и *crumpet* ‘пышка’ зачастую едят с маслом, а *waffle* ‘вафля’ также с сиропом (*syrup*)). В качестве продуктов, типично употребляемых с тем или иным мучным изделием, регистрируются также *cheese* ‘сыр’, *tomatoes* ‘томаты’, *tea* ‘чай’, *soup* ‘суп’, *spread* ‘пастообразный продукт’, *ice-cream* ‘мороженое’, *butter* ‘масло’, *jam* ‘варенье’.

Зафиксированным оказывается целый ряд **разновидностей** основных изделий (*gingerbread wafer* ‘имбирная вафля’, *currant bread* ‘хлеб с изюмом’, *wholemeal bread* ‘цельнозерновой хлеб’, *angel cake* ‘бисквит’, *brandy snap* ‘хрустящая трубочка’, *oatmeal biscuit* ‘овсяное печенье’, *bread stick* ‘хлебная палочка’, *hot cross bun* ‘крестовая булочка’, *currant bun* ‘булочка с изюмом’, *brack* ‘булочка с цукатами’, *Bakewell tart* ‘бейкуэлльский сладкий пирог’, *cheesecake* ‘чизкейк’, *angel cake* ‘бисквит’, *birthday cake* ‘торт ко дню рождения’, *Banbury cake* ‘банберийская слойка’, *Dundee cake* ‘кекс данди’, *Eccles cake* ‘эклсская слойка’, *fairy cake* ‘небольшое пирожное в бумажной обертке’, *layer cake* ‘слоеный торт’, *queen cake* ‘кекс’, *seed cake* ‘кекс с семечками’, *simnel cake* ‘пасхальный кекс’ и др.).

Среди номинации **инструментов**, используемых для различных манипуляций с хлебобулочными и мучными кондитерскими изделиями, отражены следующие: *oven* ‘духовка’, *griddle* ‘сковородка с ручкой’, *cake tin* ‘форма для выпечки’, *pie board* ‘доска для пирогов’, *pastry board* ‘доска для выпечки’, *cake pan* ‘форма для выпечки’, *cake box* ‘коробка для торта’, *cookie cutter*

‘форма для печенья’, *pastry bag* ‘кондитерский мешок’, *pastry brush* ‘кисточка для выпечки’, *waffle iron* ‘вафельница’, *toaster* ‘тостер’, *muffin dish* ‘форма для маффинов’, *biscuit barrel* ‘банка для печенья’, *biscuit tin* ‘банка для печенья’.

Зафиксированным оказался и ряд единиц, обозначающих места употребления/продажи хлебобулочных и мучных кондитерских изделий: *bakery* ‘булочная’, *bake house* ‘пекарня’, *pastry house* ‘кондитерская’, *patisserie* ‘кондитерская’ и *pancake house* ‘блинный ресторан’.

Таким образом, мы видим, что словарная статья, репрезентируя существенные для языковой системы связи и отношения между лексическими единицами, служит источником разноплановой информации об описываемом понятии.

М. В. Драздоў

АСАБІСТЫ І САЦЫЯЛЬНЫ АСПЕКТЫ КАМУНІКАЦЫІ

Мова гэта не проста сістэма знакаў, не проста граматыка і лексіка. К. Попер, прадстаўнік біялагічнага падыходу ў функцыянальнай лінгвістыцы, разглядае функцыі мовы ў выглядзе іерархічнай сістэмы, у вяршыні якой знаходзяцца а р г у м е н т а т ы ў н а я ф у н к ц ы я (выкарыстанне мовы для прадстаўлення і ацэнкі аргументаў і тлумачэнняў) і а п і с а л ь н а я ф у н к ц ы я (выкарыстанне мовы для апісання рэчаў у навакольным свеце). Дзве наступныя функцыі знаходзяцца на больш нізкіх прыступках эвалюцыі мовы, г.зн. яны першапачаткова былі ўласцівыя больш прымітыўным камунікатыўным сістэмам. Гэта с і г н а л ь н а я ф у н к ц ы я (выкарыстанне мовы для перадачы іншым індывідам інфармацыі аб унутраных станах) і э к с п р э с і ў н а я ф у н к ц ы я (выкарыстанне мовы для выказвання ўнутраных станаў індывіда). Сутнасць іерархіі дадзеных функцый зводзіцца да таго, што найвышэйшая функцыя можа існаваць толькі разам з функцыямі ніжэйшага парадку.

Праводзячы паралель паміж сістэмай моўных функцый К. Попера і трыма асноўнымі функцыямі мовы, вылучанымі М. Халідэем, Дж. Ліч адзначае, што аргументатыўную і апісальную функцыі К. Попера М. Халідэй аб’ядноўвае ў адну групу – р а з у м о в у ю ф у н к ц ы ю (ideational function) (функцыянаванне мовы як сродку перадачы і інтэрпрэтацыі сусветнага вопыту).

Аналагічна, сігнальная і экспрэсіўная функцыі аб’ядноўваюцца ў м і ж а с о б н у ю ф у н к ц ы ю (функцыянаванне мовы як спосабу выказвання поглядаў індывіда і ўплыву на погляды і паводзіны слухача).

У айчынным лінгвістыцы І. Ф. Ухванава-Шмыгава вылучае наступныя функцыянальныя бакі моўнага знака і функцыі мовы: «веданне – стаўленне» (п а з н а в а л ь н а я ф у н к ц ы я мовы), «прадметна-арыентаваны – суб’ектава-арыентаваны змест» (к а м у н і к а т ы ў н а я ф у н к ц ы я), «сэнс – сутнасць» (ф у н к ц ы я с а м а а ж ы ц ц я ў л е н н я).

Асноўным аб'ектам сучасных лінгвістычных даследаванняў з'яўляецца камунікатыўная функцыя мовы, што мае на ўвазе апісанне моўных формаў не як статычных аб'ектаў, а як дынамічных сродкаў выказвання інтэнцыі гаворачага.

Ажыццяўляючы акт камунікацыі, чалавек выконвае мэтанакіраваны і свядомы акт, што было б немагчымым, калі б яго паводзіны ў пэўны момант рэгулявалася выключна падсвядомае імпульсамі і аўтаматычнымі рэфлексамі.

Што ж ляжыць у аснове інтэнцый кожнага камуніканта?

Дж. Фіске пад камунікацыйнай разумее сацыяльнае ўзаемадзеянне шляхам перадачы інфармацыі. У «Лінгвістычным энцыклапедычным слоўніку» гаворыцца, што камунікацыя з'яўляецца «найважнейшым механізмам станаўлення індывіда як сацыяльнай асобы, правадніком устаноў дадзенага соцыума, якія фарміруюць індывідуальныя і групавыя ўстаноўкі».

Услед за А. Н. Лявонцьевым, М. К. Вятшкіна і І. М. Пашкевіч падкрэсліваюць, што галоўную ролю ў чалавечай камунікацыі грае мова. Пад камунікацыйнай яны разумеюць маўленчае ўзаемадзеянне, якое з'яўляецца «рэгуляцыйнай паводзін аб'екта ўзаемадзеяння непасрэдна ў акце зносін, і ў наступнай дзейнасці».

Камунікацыя – сацыяльнае дзеянне, якое ўяўляе сабой працэс перакадыроўкі з вербальнай ў невербальную і невербальнае у вербальную сферы, а менавіта – прымус іншага да выканання таго ці іншага дзеяння. Як сцвярджае Г. Г. Пачапцоў, «для камунікацыі істотны пераход ад гаварэння Аднаго да дзеянняў Іншага. Менавіта дзеля гэтага рэалізуецца перадача значэнняў паміж двума рознымі аўтаномнымі сістэмамі, якімі з'яўляюцца два чалавекі».

М. К. Вятшкіна і І. М. Пашкевіч праводзяць адрозненне паміж маўленчым уздзеяннем на сацыяльным і камунікатыўным узроўнях, што, на іх думку, адлюстроўваецца ў дваістым характары мэтай, якія пераследуюцца камунікантамі. Сацыяльнай мэтай камуніканта ў акце зносін з'яўляецца ўздзеянне на суразмоўцу і кіраванне яго паводзінамі, а камунікатыўнай – перадача паведамлення.

Вылучэнне сацыяльнай і камунікатыўнай мэтай камунікантаў адбываецца ў рамках функцыянальнага падыходу да тлумачэння прыроды мовы, г.зн. разгляду мовы як формы камунікацыі.

З нашага пункту гледжання, ёсць падставы казаць аб дваістай прыродзе камунікацыі, якая выяўляецца ў «сацыяльнай» і «асобаснай» функцыях камунікацыі, паколькі дадзеная дыхатамія падкрэслівае сутнасць чалавека як грамадскага індывіда, ўзаемазалежнасць чалавека і грамадства.

Услед за Е. Ф. Тарасавым, Ю. А. Сарокіным і Б. Х. Бгажнокавым можна было б сцвярджаць, што мэтай камунікацыі з'яўляецца забеспячэнне сацыяльнага ўзаемадзеяння, а дакладней, камунікацыя з'яўляецца сацыяльным узаемадзеяннем. На наш погляд, аднак, дадзенае сцвярджэнне, не канчатковы адказ на пытанне аб прыродзе камунікацыі і мовы, паколькі застаецца пытанне аб тым, для чаго неабходна забеспячэнне сацыяльнага ўзаемадзеяння пры дапамозе мовы.

Адказ на гэтае пытанне цесна звязаны з сутнасцю грамадства, якая, згодна К. Марксу і Ф. Энгельсу, заключаецца ў арганізацыі грамадскай дзейнасці. У гэтай сувязі Д. Г. Багушэвіч піша пра тое, што «Узаемадзеянне не можа забяспечыць само па сабе жыццядзейнасці ні грамадства, ні асобных яго членаў. Грамадства падтрымлівае сваё існаванне за кошт арганізаванай матэрыяльнай (вытворчасць) і сацыяльнай дзейнасці. Арганізаваная ж дзейнасць немагчымая без ўзаемага разумення, якое і забяспечвае мова». «Мова па перавазе з'яўляецца сродкам, прыладай, якая прызначана для пастаяннага і неадкладнага дасягнення адпаведнай мэты і выніку – ўзаемаразумення», кажа Ф. де. Сасюр.

Такім чынам, асноўнай – дзейснай функцыяй мовы і камунікацыі з'яўляецца арганізацыя сумеснай дзейнасці індывідаў у грамадстве, а ўвасабляюцца дадзеныя функцыі будзе ў працэсе рэалізацыі індывідамі двух асноўных функцый камунікацыі:

1) сацыяльнай функцыі (ўзаемадзеяння/разумовай) – выкарыстання мовы як сродку ўстанаўлення і падтрымання грамадскіх адносін; захоўвання, перадачы і інтэрпрэтацыі сусветнага вопыту;

2) асабістай функцыі (зносін/міжасобаснай/камунікатыўнай) – выкарыстання мовы як сродку наўмыснай перадачы прапазіцыянальнай інфармацыі (выказвання поглядаў і ўнутранага стану індывіда і ўплыву на погляды і паводзіны адрасата).

Узаемадзеянне асноватворных функцый камунікацыі ў працэсе зносін можна прадставіць наступным чынам. Для таго, каб арганізаваць сумесную дзейнасць з адрасатам, адрасант павінен выбраць значэнне (або разумовы (ideational) змест), якое выказвае яго інтэнцыю. Пры ўмове, што паведамленне правільна перададзена, адрасат павінен аналагічным чынам інтэрпрэтаваць ілакутыўную сілу выказвання адрасанта і прыняць удзел у сумеснай дзейнасці.

Такім чынам, на наш погляд, пад камунікацыяй варта разумець ўсвядомленае сацыяльнае дзеянне ў выглядзе вымаўлення выказванняў адрасантам ў канкрэтнай сітуацыі зносін з мэтай арганізацыі сумеснай дзейнасці з адрасатам.

Паспяховасць жа камунікацыі будзе залежыць ад таго, наколькі выразна камунікаты ўяўляюць мэты партнёра па камунікацыі, ці падзяляюць яны агульныя прэсупазіцыі, ці выкарыстоўваюць яны ў рэалізацыі сваіх інтэнцый адэкватныя сітуацыі моўныя сродкі, спосабы, прыёмы і г.д.

О. А. Зинина

АМЕРИКАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕЗИДЕНТОВ (на материале выступлений Б. Обамы и Д. Трампа)

Социальная система общества регулируется определенной системой ценностей, которые являются составной частью культуры каждого индивида и сообщества в целом. Существуют ценности, которые общество считает приоритетными, важными для формирования у всех его членов. Как известно,

американские ценности закладывались переселенцами, а затем иммигрантами на идеях либерализма и демократии, что способствовало формированию приверженности к таким ценностям, как *с в о б о д а* и *р а в е н с т в о*. Молодая нация должна была быть сплоченной, что привело к формированию такой ценности, как *е д и н с т в о*.

Интерес представляет рассмотрение перечисленных ценностей в публичных выступлениях американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа. Были проанализированы инаугурационные речи данных политиков, их обращения к конгрессу «О положении страны». На основании проведенного анализа была отмечена большая краткость выступлений Д. Трампа по сравнению с Б. Обамой. Например, инаугурационная речь Д. Трампа содержит 1273 слова по сравнению с 2106 словами Б. Обамы, т.е. в два раза меньше.

Анализ апелляции к выбранным для анализа американским ценностям в речах данных президентов показал следующее:

1. Ключевыми словами, которые выражают ценность «Единство», являются *unity, united, together*. Их процентное соотношение к общему количеству слов в выступлениях Б. Обамы составляет 33,3 %, в выступлениях Д. Трампа 45,8 %. Апеллирование к данной ценности является самым многочисленным среди других ценностей в проанализированных выступлениях Д. Трампа. Основной мыслью выступает идея объединения для противостояния внешним вызовам, как от зарубежных государств, так и от нелегальных иммигрантов, например *We must be **united** at home to defeat our adversaries abroad as well as illegal immigration, go forward **together*** (D. Trump). У Б. Обамы, который также призывает к объединению, внешней угрозой является терроризм, например *Being **united** and relentless in destroying networks like ISIL...* Но ценность единства выражена также в призыве к совместным действиям на благо страны, например *My fellow Americans, we are made for this moment, and we will seize it so long as we seize it **together*** (B. Obama).

2. Ценность «Свобода» представлена в выступлениях политиков словами *freedom/free, independence, liberty*. Едва ли можно представить выступление любого американского политика без апелляции к этой ценности. Анализ показал, что оба президента обращаются к ней примерно в равной степени, Б. Обама – 28,7 %, Д. Трамп – 25,3 %. Оба политика обращаются к истории образования США, например *America was founded on **liberty** and **independence**...* (D. Trump); *We are born **free** and we will stay **free*** (B.Obama). Для речей данных политиков характерно обращение к данной ценности в контексте поддержки тех, кто стремится к свободе, например *We will support those who long for **freedom** from Americas to the Middle East...* (B. Obama); *No force can stop us in our adherence to the idea of the **liberty** of individual human beings worldwide* (D. Trump).

3. Ключевыми словами, выражающими ценность «Равенство», являются *equality/equal*. Апелляция к данной ценности не характерна для выступлений Д. Трампа, она составляет 4,1 %. В то время как Б. Обама обращается к ней достаточно часто, ее частотность составляет 23,3 %. В его выступлениях эта ценность включает в себя отсутствие любой дискриминации, идею социального равенства, например *Our journey is not complete until we all earn **equal** to*

*our efforts, until our gay brothers and sisters are treated like **equal** citizens under the law... We, the people, declare today that we must be **equal** in everything, including affordable medicare* (В. Обама).

Проведенный сопоставительный анализ показал, что такие ценности, как единство, свобода и равенство являются основополагающими в выступлениях двух президентов, представляющих разные политические партии и обладающих отличными политическими взглядами. Тем не менее, наблюдаются отличия в трактовке данных ценностей. В риторике Д. Трампа единство нации проявляется в противостоянии внешним врагам. Б. Обама уделяет значительно больше внимания идее равенства, а единство нации трактуется в контексте борьбы с терроризмом и совместными действиями на благо страны.

А. П. Клименко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УРОВНЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ СЕМАНТИКИ НЕИЗВЕСТНОГО СЛОВА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

Если вслед за словарем О. С. Ахмановой, понимать под *уровнем* фазу научного исследования языка, определяемую свойствами единиц языка, выделяющихся при последовательном членении речевого потока, то целесообразно принять тезис Бенвениста о том, что *значение языковой единицы* можно определить, как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня. Бенвенист также наметил постановку существенной проблемы – проблемы о соотношении уровней лингвистического анализа и того анализа, который производит говорящий или слушающий. Признавая некоторую соотносительность уровня лингвистического анализа со свойствами единиц языка, можно попытаться проследить взаимодействие уровней при психолингвистическом изучении значения слов.

Среди психолингвистических методик изучения значения слов выделяется несколько методик, при использовании которых изучаемые слова включаются в сочетания слов, предложения или тексты.

Таким образом, прямо устанавливается соотносительность слов с единицами высшего уровня. В связи с этим особое значение приобретают такие психолингвистические методики, в которых семантика изучается в ходе экспериментов, имеющих открыто синтагматический характер. Среди этих экспериментов можно назвать такие, в которых испытуемому предлагается заменить некоторое слово в предложении другим словом, вставить пропущенное слово в высказывание, дополнить предложение, оценить допустимость некоторого сочетания слов или предложений. В связи с этим интерес представляет такой эксперимент, в котором внимание испытуемых направлено на порождение некоторого элементарного текста.

Другая группа методик оперирует со словами, взятыми вне текста, однако при этом молчаливо предполагается способность слов выступать в качестве частей единиц высшего уровня, а потому в неявном виде используется тот же критерий наличия значений.

Определенный интерес представляет третья группа методик, которая построена на использовании сочетаний фонем (букв), в вероятностном отношении приближающихся по своей формальной организации к обычным словам, но лишенных значения в обследуемом языке; этим сочетаниям так или иначе приписывается некоторое значение (то есть способность выступать в качестве частей предложений).

Используемая нами методика была максимально приближена к реальной речевой ситуации. Испытуемым (студентам 1 курса университета, начальный этап обучения) предлагалось перевести ряд предложений с изучаемого ими английского языка на русский. В каждом из предложений было неизвестно лишь одно слово, значение которого нельзя было узнать из словаря. Целью эксперимента было установление путей, по которым осуществляется семантизация неизвестного слова. Испытуемым было известно, что слово (сочетание букв между пробелами) имеет некоторое значение, имеет некоторый эквивалент в родном языке. Из опыта они знали также, что значение слова можно установить, опираясь на общий смысл предложения, в котором оно употреблено, на составляющие его морфемы, наконец, возможно, на родственные слова родного языка. Знакомство с грамматикой английского языка позволило им разобраться в структуре заданных предложений.

Результаты эксперимента показали, что в 90 % случаев была правильно понята грамматическая роль незнакомых слов. В 75 % случаев испытуемые правильно поняли общий смысл (семантическое поле) незнакомого слова. В значительной мере выбор семантического поля зависел от роли незнакомого слова в предложении. Так, в предложении *O.K., Maggie said and **plopped down** on the sofa* выделенные 2 слова были переведены словами: опустилась (12 ответов), (с)прыгнула (3), присела (2), (при)легла (2), плюхнулась, расположилась, устроилась, растянулась, развалилась, рухнула (по 1). В других предложениях семантическое поле, из слов которого избирался ответ, оказывалось более широким. Так, в предложении *Suddenly **a male** voice shouted from another room. Janeguess edit was Selena's brother* выделенное слово переведено: незнакомый (3), страшный, громкий, тихий, низкий (по 2), мужской, мальчишеский, знакомый, приятный, бодрый, истошный, жалобный, пронзительный, испуганный, пискливый, звонкий (по 1). В предложении *Agirlin **abeaver** coat climbed into a bus*, выделенное слово переведено словами: светлый (4), кожаный (3), меховой, демисезонный, клетчатый (по 2), короткий, выцветший, расстегнутый, красивый, осенний, теплый, лиловый (по 1).

В некоторых случаях морфемный анализ незнакомых слов помогал испытуемым в подборе перевода, например, в предложении *Mary **wistfully** expressed a desire to join the game*, выделенное слово переводилось наречиями или адвербиальными сочетаниями: искренне, настойчиво (по 3), с удовольствием, немедленно, бурно (по 2), охотно, моментально, с чувством, страстно, как всегда, неожиданно, с радостью, полностью, горячо, энергично (по 1).

Анализ по фонемам (или буквам) иногда, видимо, приводил к использованию похожих по звучанию слов родного языка. Так, в предложении *They look as if they drove down in a **truck*** выделенное слово было, в частности, пере-

ведено как трек (4), дорога (4), трактор (2), трюк (2) и др. В предложении *He does not want people lookin gat his **tattoo*** выделенное слово ряд испытуемых перевел как «татуировка».

Результаты эксперимента показывают, что в сознании испытуемых при подборе перевода осуществлялся своеобразный лингвистический анализ, в ходе которого происходило взаимодействие уровней. Высший уровень определяет грамматическую роль и, с большей или меньшей четкостью, семантическое поле, к которому принадлежит незнакомое слово. Дальнейшее уточнение поля, его сужение, а затем и точное определение значения производится в ходе анализа на низших уровнях (по фонемам и по морфемам) и сопоставления итогов такого анализа с хранящимися в памяти осмысленными единицами.

Экспериментальное психолингвистическое обследование взаимодействия уровней анализа при установлении семантики неизвестного слова показывает, что уровни лингвистического анализа в определенной степени соотносятся с устройством и функционированием языка. Учет того, что испытуемые, видимо, независимо от экспериментатора производят анализ предложенного им материала на различных уровнях, необходим при обработке результатов психолингвистических экспериментов по изучению семантики. Учет этих факторов целесообразен и при обучении языку.

И. И. Комаристова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕПЕНИ ПОНИМАНИЯ СТУДЕНТАМИ МГЛУ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ И СИМВОЛОВ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В результате сопоставительного анализа американской художественной литературы периода 1 (с 1987 по 2004 гг.) и периода 2 (с 2014 по 2018 гг.) было обнаружено, что большинство прецедентных имен, которые были широко известны представителям американского языкового сообщества, редко упоминаются или вовсе не указываются современными американскими писателями. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о незнании американцами широко известных ранее прецедентных имен. Было также установлено, что культурные символы характеризуются динамичностью.

Основываясь на полученных выводах, мы провели исследование среди студентов четвертого курса факультета английского языка МГЛУ. Его целью явилось выявление уровня знания ими прецедентных имен, а так же имен, которые были или продолжают оставаться символами в изучаемой культуре, ведь изучение чужого языка и культуры предполагает знание культурных знаков. В тестировании участвовали 50 респондентов.

В тест было включено 20 прецедентных имен. Среди них имена, упомянутые в художественных произведениях периода 1: Кэри Грант, Аль Пачино, Чарльз Диккенс, Сократ, Майкл Джордан. Также в тест вошли имена Уильяма Шекспира, Авраама Линкольна и Фрейда, так как их актуальность была выявлена при исследовании литературы периода 2. Прецедентные име-

на, являющиеся ранее символами, тоже были включены в тест: Ширли Темпл, Джон Уэйн, Фрэнк Синатра, Кларк Гейбл, Достоевский, Эйнштейн, Муссолини, Годзилла. Были также включены прецедентные имена, продолжающие и сегодня оставаться символами в американском языковом сообществе: Хемингуэй, Мэрилин Монро, Гитлер, Сталин.

В первом задании испытуемым предлагалось заменить прецедентное имя в примере из художественного текста, описывая значение, с которым это имя в данном контексте используется.

Нами были выявлены нередкие случаи, когда тестируемые студенты просто упоминали, кем являлись известные личности.

Полученные данные свидетельствуют скорее о неумении студентов интерпретировать и, соответственно, понимать значения, с которыми употребляются прецедентные феномены (имена). Так, ответы часто были основаны не на распознавании смыслов имплицированных непосредственно в контексте, а на характеристиках, известных реципиенту. Эти характеристики могут совпадать либо не совпадать с теми, что закреплены в общественном сознании. Однако не всегда автор произведения опирался именно на такие характеристики при создании образа. Часто, используя прецедентное имя, писатель подразумевает черты во внешности или характере с опорой на индивидуальные знания читателя.

Почти во всех случаях, где автор создает образ персонажа, сравнивая его с известной личностью, респонденты осуществляли замену прецедентных имен, используя прилагательные, характеризующие внешность. Таким образом, тестируемые студенты не понимали, что автор использует прецедентные имена не для того, чтобы сказать, что персонаж красив, а для того, чтобы создать более четкий образ персонажа художественного произведения, опираясь на характерные внешние черты известной личности.

Необходимо отметить, что испытуемые тем более не сумели справиться с интерпретацией примеров, где указывалось на схожесть у персонажей художественных произведений конкретных черт внешности с известной личностью.

Хотя, как показало проведенное нами тестирование, имена Шекспира, Достоевского, Диккенса являются наиболее узнаваемыми среди респондентов, тем не менее, было выявлено полное отсутствие или малое количество ответов с правильной интерпретацией смыслов, имплицированных этими именами в художественном тексте.

Правильная интерпретация этих примеров зависит не только от представления о том, кто есть упомянутые личности, но, в большей степени, от знания характерных особенностей их произведений и владения некоторыми биографическими сведениями о самих авторах.

Самое большое количество правильных ответов в примерах с именами Эйнштейн, Хемингуэй, Гитлер, Сталин, Майкл Джордан мы объясняем тем, что в контексте эти имена употребляются авторами с их общеизвестным значением, что исключает задействование дополнительных знаний об этих личностях при интерпретации текста. Мы также можем сделать вывод о том, что многим студентам (хотя и не всем) знакомы оценочные смыслы, закрепленные за этими прецедентными именами. Более того, можно предположить, что в нашей

культуре Сталин и Гитлер так же, как и в американском языковом сообществе, символизируют тиранию и агрессию, что объясняет знание испытуемыми студентами данного символа американской культуры.

Целью второго задания являлось установление степени зависимости понимания испытуемыми студентами смыслов, передаваемых прецедентными именами в контексте, от знания/незнания самих прецедентных имен. Соответственно, респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, кем являлись или являются личности, имена которых были приведены в примерах первого задания. В результате мы выявили 4 группы ответов, свидетельствующих о знании/незнании, включенных в тест прецедентных имен. Так, к ответам, иллюстрирующим знание или хотя бы некоторое представление о прецедентном имени, относятся правильный и частично правильный ответы. Ответами, свидетельствующими о незнании тестируемыми студентами прецедентного имени, являются неправильный ответ и отсутствие ответа.

Под частично правильным ответом нами понимается регистрация у испытуемых ассоциаций, которые закреплены за соответствующим прецедентным именем или не совсем точная формулировка вида деятельности личности, имя которой носит прецедентный характер.

Например, Джон Уэйн был назван королем вестернов, что, в сущности, не противоречит объективной действительности. Данный ответ основан на ассоциации с фильмами, в которых он снимался. В случае с Сократом были установлены следующие неточности: философ и основоположник философии, писатель и философ, ученый.

Что касается неправильных ответов, то, например, Авраам Линкольн некоторым представляется певцом, актером. Имя Мэрилин один из испытуемых принял за название штата в США. Несколько респондентов посчитали, что Фрэнк Синатра – политик.

Если сравнить данные, отражающие знание/незнание прецедентных имен студентами, изучающими английский язык и американскую культуру с результатами, полученными при изучении прецедентных имен значимых для представителей американского языкового сообщества, то можно сделать следующие выводы.

Прецедентные имена-символы американского языкового сообщества: Гитлер, Сталин, Хемингуэй, Монро – знакомы нашим студентам. Самым известным является имя Хемингуэя. Наименее узнаваемым является образ Мэрилин Монро.

Прецедентные имена, которые раньше являлись символами в американском языковом сообществе (Ширли Темпл, Джон Уэйн, Кларк Гейбл) малоизвестны студентам МГЛУ. К именам, которые не подтвердили свой статус символа, относятся: Фрэнк Синатра, Достоевский, Эйнштейн, Муссолини, Годзилла. Испытуемые студенты, тем не менее, прекрасно знают, кто такой Достоевский, что определяется значимостью этого имени для русскоговорящего человека. Немного больше половины респондентов знают или примерно знают, кто такой Фрэнк Синатра, Муссолини, Эйнштейн и Годзилла.

К именам, ранее широко известным в американском языковом сообществе относятся: Кэри Грант, Аль Пачино, Чарльз Диккенс, Сократ, Майкл Джордан. Испытуемые продемонстрировали незнание имени Кэри Грант. Не смотря на то, что имена Аль Пачино, Чарльза Диккенса в современной американской художественной литературе не являются частотными, они узнаваемы большим количеством наших студентов.

В современной американской художественной литературе писатели, как и в литературе периода 1, используют имена Шекспира, Фрейда, Авраама Линкольна при создании образов. Если имя Шекспира узнаваемо почти всеми испытуемыми студентами, то имена Фрейда и Авраама Линкольна известны только чуть больше чем половине респондентов.

Таким образом, выявленные при изучении американского языкового сообщества процесс нетипичности символизации и незнание ранее широко известных прецедентных феноменов, нашли отражение и в уровне знаний этих имен студентами МГЛУ.

Н. А. Копачева

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КРИТИЧЕСКИХ ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Целью настоящего исследования является лингвистическая интерпретация средств реализации оценочных суждений с критической негативной или нейтральной коннотацией в англоязычном медийном дискурсе. Материалом для исследования послужили статьи из электронной версии газеты «The Guardian» за 2019 год.

СМИ представляют не только разнообразие взглядов на различные проблемы или события, но и богатый языковой материал для лингвистических исследований. *Оценка*, как многогранная универсальная категория объективной действительности, находит разнообразное языковое выражение в коммуникации человека.

Языковая оценка является основным способом отражения системы ценностей в обществе. В основе оценки лежат наши субъективные суждения и мысли о предметах и явлениях. Обзор материала по анализируемой проблеме свидетельствует о том, что категория оценки в языке многогранна. Оценка может выступать в роли ценностного аспекта значения в самых разных языковых выражениях. При этом рамки, в которые она заключена, и средства ее выражения могут быть самыми разными: от одного слова до целых высказываний в эксплицитной или имплицитной форме. Исследователи оценочной семантики обычно говорят о двух видах оценки – абсолютной и сравнительной. При абсолютной оценке идет речь об одном оценочном объекте, при сравнительной имеются по крайней мере два объекта или два сочетания одного и того же объекта. В абсолютных оценочных структурах сравнение прямо не выражено. Иными словами, абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социаль-

ных стереотипов, в то время как сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом. В естественном языке именно абсолютная оценка воспринимается как исходная. Абсолютные оценки выражены более простым способом и представляются элементарными по форме. В рамках лингвистических исследований оценка рассматривается с нескольких точек зрения, а именно: с позиции структуры и компонентов оценки, отношений с иными смежными лингвистическими категориями, с позиции средств и способов реализации оценки в речи, а также её функций.

Анализ существующих точек зрения подтверждает утверждение о том, что в лингвистическом понимании *оценка* рассматривается как совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное, отрицательное или нейтральное отношение автора к содержанию речи. В настоящем исследовании мы понимаем оценку как положительное, отрицательное или нейтральное отношение того, кто оценивает, к тому, что оценивается.

В ходе исследования практический языковой материал был подвергнут анализу с позиции способов реализации оценочных суждений с негативной коннотацией. В процессе анализа мы провели классификацию языковых единиц с отрицательным оценочным значением, выделив эксплицитные и имплицитные оценочные характеристики с негативной коннотацией. Первая по частотности занимает группа оценочных суждений, выражающих значение унижения, ненависти, непристойного поведения. Например: *He said the League “never aimed to coordinate **hateful** campaigns **targeting** anyone. The permanent spirit of **mockery** and **cynicism** of the group obviously influenced the actions The group is said to have spread **pornographic** memes online and doctored photos to **humiliate** its victims.*

На второе место по частотности мы определили группу оценочных суждений, выражающих беспокойство, страх и даже угрозу. Например: *The multiplier effect pushes the African country into **dangerous** territory....the amount of arable land available for farming is shrinking and burgeoning cities are **havens of poverty** – it is a **catastrophe**.*

К третьей группе негативных оценочных характеристик мы отнесли языковые единицы со значением неверности, лживости или фальшивости. Например: *Donald Trump’s battles over trade reflect his campaign to convince voters that poverty at home is caused by “**unfair**” currency **manipulators** and intellectual **property bandits stealing** US business ideas. Anything that wasn’t **tainted** by the **dread** hand of Charles Hughes and his **ludicrous pseudoscience**.* В последнем примере особый интерес представляет лексема *pseudoscience*. Приставка *pseudo-* сама по себе имеет негативную семантику и еще больше усиливает негативное оценочное значение в сочетании с лексемой *ludicrous*.

Среди эксплицитных оценочных средств в анализируемом материале значимое место занимают отрицательные аффиксы, которые придают категоричность оценочному суждению. Например: *“I was convinced I was **worthless**,” she tweeted. “I expected a little more ‘concern trolling’,” meaning expressions of **disingenuous** concern.*

Анализ примеров позволяет нам утверждать, что наиболее распространенным для выражения эксплицитных оценочных суждений с отрицательной коннотацией является лексико-грамматический способ, представленный существительными, глаголами, прилагательными или их сочетанием и отрицательными аффиксами.

Анализ имплицитных оценочных высказываний с негативной или сдержанной коннотацией в газетных статьях позволяет нам утверждать, что основными способами импликации являются стилистические средства и фразеологические обороты.

Использование метафоры как имплицитного средства оценки является довольно распространенным способом в медийном дискурсе. Например: *Paltrow's audience of 5.3 m was torn, the comments turning into a **battleground** of pro-privacy advocates.... And you ignore the looming **iceberg of Brexit**.*

С помощью метафоры автор дает нейтральную оценку социальной сети, сравнивая ее с полем боя, а Брексит – с огромным айсбергом.

В текстах отмечены случаи, когда оценочное суждение выражается не одной, а несколькими метафорами. Например: *But beside those market-dominating **behemoths** lie **the bones of much-hyped disasters** such as Pets.com and Webvan.*

Ирония и гипербола как способы реализации имплицитной негативной оценки являются довольно распространенными способами в медийном дискурсе. Например: *Gwyneth Paltrow is many things – an **A-list actress**, an **entrepreneur**, a woman who has **built a business empire on charging eye-watering amounts for self-care products that sound as if they were invented during a free-association session at the local poetry night** – but she is not known for being relatable.*

Из приведенного предложения можно увидеть, что автор виртуозно сочетает иронию и гиперболу через перечисление всех достижений. Следует отметить, что оценочное суждение здесь имеет больше нейтральную, чем негативную коннотацию.

Различного рода сравнения создают эмоциональное воздействие на читателя в плане выражения авторской оценки. Например: *Membership of the European Union has disappointed many and the special relationship is today **as flimsy as the friendship between Donald Trump and Theresa May**.... it felt disappointingly **like a sleepover in an Ikea showroom**. ... Companies that continue **to bleed cash like a drunk in a casino**.*

Следует также отметить роль фразеологизмов и устойчивых выражений как средств образного имплицитного выражения оценки. Например: *He admitted some of the victim statements had “literally **twisted my stomach** that things may be **too good to be true** for some companies.*

Одним из способов реализации имплицитной оценки с негативной коннотацией является и графический способ. Например: *Some aid groups called the migrants' actions “**self-defence**” against Europe's inhumane migration policies. Jones' attorneys have defended his speech in court as “**rhetorical hyperbole**”, but denied it was defamation.* При помощи кавычек автор выражает негативную коннотацию сомнения, недоверия, неодобрения. Кроме того,

усиление категоричности негативной оценки в анализируемых текстах достигается синтаксической структурой предложения, в частности, использованием отрицания, параллельных синтаксических структур, повторов. Например: *They clearly **don't like people who don't have the same amount of money in their bank account as they do, they clearly don't like people who look different, who sleep outside at night.***

Таким образом, на основании проведенного анализа мы выделили основные языковые способы реализации эксплицитных и имплицитных критических оценочных суждений в англоязычном медийном дискурсе.

О. Ф. Курилович

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ СЛОВА

Процесс называния слов является многоступенчатым: сперва нужные концепты в семантической системе активируют соответствующие лексические единицы, затем происходит выбор подходящего слова из всех активированных единиц лексикона, завершается же процесс актуализацией звукового образа, а затем и артикуляторной реализацией слова. Известно, что на процессы лексической активации и последующего лексического выбора влияют различные психолингвистические характеристики слов.

Под *психолингвистическим параметром слова (psycholinguistic property of word)* понимают его характеристики, которые устанавливаются путем измерений, проводимых в ходе когнитивных экспериментов (субъективных рейтингов, экспериментальных заданий) с носителями языка, которым слово предъявляется в устной или письменной форме. Это такие, например, его характеристики, как возраст усвоения, знакомство с концептом, представимость, конкретность, визуальная сложность.

Проблема влияния психолингвистических свойств слова на когнитивные процессы в мозге человека стала активно обсуждаться в нейролингвистических исследованиях относительно недавно. В настоящее время до конца не известно, одинаково ли эти психолингвистические факторы влияют на актуализацию слов из разных грамматических классов (т.е. глаголов и существительных) и в равной ли степени они оказывают влияние на номинативную функцию.

Установлено, к примеру, что объекты и имена, которые были изучены в раннем возрасте, быстрее воспроизводятся, они орфографически или фонологически отличаются от изученных во взрослой жизни. Этот же параметр наиболее сильно влияет на процесс извлечения существительных и глаголов из лексикона.

Другие примеры психолингвистических свойств, такие как знакомство с концептом и конкретность, влияют на умение распознавать слова и понимать текст. Эксперименты показывают, что слова с высокой степенью знакомства с концептом требуют меньше времени для их визуального и слухового восприятия и требуют меньшего количества жестикуляции рук, чтобы быть описанными.

Однако установлено, что на лексическую обработку слова влияют и различные объективные характеристики вербальных и визуальных стимулов: частотность слова, его длина в слогах и фонемах, что приводит к выводу о том, что и объективно измеряемые, и субъективно устанавливаемые параметры слова влияют на успешность названия объектов/действий.

Изучение психолингвистических свойств слов имеет широкое применение: во-первых, выявленные тенденции могут быть использованы при отборе лексического материала для мотивации монологической и диалогической речи студентов или учащихся, изучающих иностранный язык. Во-вторых, для прогнозирования различного вида трудностей, которые возникнут у изучающих язык в зависимости от характера объективных и субъективных параметров слова. А также для изучения и коррекции речи у людей с неврологическими речевыми расстройствами.

М. М. Лойша

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБРАЗА ВРАГА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Феномен создания образа врага в массовом сознании и особенности его формирования изучается на протяжении долгого времени в рамках различных научных дисциплин, таких как теория коммуникации, когнитивная лингвистика, конфликтология, деловая коммуникация и др. Сегодня в рамках вышеназванных дисциплин уже был выявлен ряд признаков, характерных для образа врага. Основным признаком является дихотомическая оппозиция «мы–они» или «свой–чужие».

С точки зрения антропологии враждебность всегда ассоциировалась с чужеродностью, так как чужое заведомо указывало на опасность и служило источником страха. В коммуникативной лингвистике О. Иссерс указывает, что политические интересы требуют разграничения «своих» и «чужих», т.е. использование стратегии формирования «своего круга». Создание образа врага с использованием дихотомической оппозиции является традиционным приемом политической риторики.

Анализируя нарративные стратегии в дискурсе президента Бразилии Ж. Болсонару и президента США Д. Трампа, которые являются политическими союзниками, можно выделить сходные тактики в выстраивании образа врага, а именно, приписывание деструктивных намерений, негативные ожидания и идентификация со злом.

Так в дискурсе этих политиков активно используется нарратив о теории заговора против демократических государств, где главными заговорщиками выступают уже покойные кубинский и венесуэльский лидеры Ф. Кастро и У. Чавес, которые засылали своих агентов с целью подорвать основы демократии. Наиболее яркими примерами трансляции данного идеологического сюжета являются высказывания Ж. Болсонару, где он подчеркивает деструктивные намерения: *agentes cubanos foram enviados a diversos países para colaborar com a implementação de ditaduras; esses agentes do regime cubano,*

levados por Hugo Chávez, controlam e interferem em todas as áreas da sociedade local. Д. Трамп, указывая на тот же источник опасности, идентифицирует врага со злом, используя следующую фразу: *the dictator Maduro is a Cuban puppet, protected by Cuban bodyguards, hiding from his own people.*

Таким образом, создание «образа врага» с помощью лингвистических средств позволяет выразить негативизм в адрес политического субъекта, когда целью является не только причинение ему ущерба, но и повышение солидарности в своем сообществе.

А. Б. Окаева

ЯЗЫК СМИ КАК ЭЛЕМЕНТ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня жизнь среднестатистического человека практически невозможно представить без информационного поля. Средства массовой информации стали неотъемлемой частью нашей жизни. Большая часть населения земного шара начинает свой день с новостей. Естественно, что СМИ являются мощным средством воздействия на человеческий разум. Язык средств массовой информации наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражает любые колебания в состоянии последнего и влияет на его формирование. Язык средств массовой информации является своеобразным полигоном для новых языковых единиц и позволяет проследить те тенденции в развитии языка, которые формируются на современном этапе.

Каждое новое событие получает свое наименование и начинает развиваться в языковом пространстве. Познание мира системно, оно органически связано с неразрывностью знаний, в языковом отношении выражающихся посредством *дискурса* – динамического процесса, с помощью которого осуществляется предикативная связь явлений окружающего мира с непосредственным выражением ее при помощи языка. Поскольку значительный сегмент медийного пространства существует в англоязычном формате, именно английский язык поставляет те лексические единицы, которые затем переходят в коллективное информационное пространство современного общества.

Сегодня нет необходимости быть ученым для того, чтобы с легкостью оперировать такими понятиями, как: *emoji, fake news, alternative facts, Brexit, youthquake, climate emergency, plastic footprint, COVID-19, social distancing* или *lockdown*. В наши дни медиaprостранство посредством электронных версий известных словарей регулярно информирует современное общество о тех изменениях, которые происходят в языке. Как известно, еще в 2016 г. понятие *post-truth* стало «словом года» по версии издательства Оксфордского университета. В переводе на русский язык, как правило, оперируют понятием *постправда*. Очевидно, что спустя всего несколько лет концепт «post-truth» рассматривают как полноправный элемент медиадискурсе XXI века. Многие ученые полагают, что общество само выбрало существование в *post-truth*

world или *мире постправды*, а правительства различных стран лишь целенаправленно манипулируют общественным мнением, ограничивая или закрывая доступ граждан к реальной информации.

В online-версии словаря «Макмиллан», также как и в «Оксфордском словаре», лексическая единица *post-truth* зафиксирована как прилагательное, указывающая на ситуацию, в рамках которой эмоциональное восприятие информации, равно как и личные убеждения и предпочтения играют несравнимо более значимую роль, нежели объективные факты. Вслед за основным концептом появились и такие словосочетания, как *post-truth politics* и *post-truth age*, означающие соответственно *политику постправды* и *эпоху постправды*, и обладающие выраженными отрицательными коннотациями. Современный медиадискурс стал полигоном, где тестируются всевозможные трактовки тех или иных событий, для которых объективные факты менее значимы, нежели эмоциональный компонент и контекст, окружающие то или иное событие. Очевидно, что неутихающие информационной войны настоящего времени генерируют *fake news* или недостоверные/целенаправленно искаженные новости, основанные на изначально ложных/сфабрикованных данных, преподносящихся как непреложная истина.

Согласно приложению Google Trends, всплеск поискового интереса к понятию *fake news* совпал с президентской кампанией в США в 2016. Безусловно, само понятие существовало и ранее, но именно последнее десятилетие характеризуется ростом подобных сообщений и увеличением их влияния на общественное мнение. Исследованием заведомо ложной и сомнительной информации и ее восприятием занимаются самые разные специалисты – социальные и когнитивные психологи, политологи, политтехнологи, историки СМИ, социологи, ученые в области *network science* и специалисты в области распространения компьютерных вирусов. Анализируется природа интереса человека к недостоверной, но вполне соответствующей нашим ожиданиям информации, изучается степень устойчивости ложных идей и концепций, и даже их способность повторяться в общественном мнении с пугающей регулярностью. В феврале 2017 г. в Гарварде (США) состоялась научная конференция «Combating Fake News: An Agenda for Research and Action», в рамках которой учёные обсуждали природу данного феномена и способы борьбы с ним. Специалисты из ведущих научно-исследовательских центров США и Европы анализировали степень воздействия *fake news* и связанных с этим явлением элементов современного медиадискурса на среднестатистического гражданина. Идеального способа противодействия распространению ложной информации в современном медиапространстве предложено не было.

Но следует разделять понятия *fake news* и *misinformation*. В случае с *misinformation*, неверное или ошибочное информирование происходит без злого умысла одного или нескольких источников. Прежде всего, это неумышленный обман потребителя путем донесения до него сообщения, в котором все или часть фактов не соответствуют действительности, или искажены в силу заблуждения или по невнимательности. В эту же категорию входят и опечатки, и непроверенные новости, и колонки-мнения, написанные

на основе неполной или ложной информации (автор может быть абсолютно уверен в надежности своего информатора). По мнению учёных, этот элемент *fake news* – неизбежная плата за несовершенство человеческой природы, редакционного процесса и/или информационных систем. Всемирно известный медиамагнат первой половины 20-го в. Джозеф Пулитцер полагал, что «в тот день, когда газета выйдет без единой опечатки, мир станет другим». Сам Пулитцер снискал как славу скандального журналиста и издателя, который не брезговал созданием *fabricated news*, так и способствовал переходу своего издания *The New York World* от принципов *жёлтой прессы* к формату *расследовательской журналистики* и созданию высшей школы журналистики и учреждению профессиональной премии.

В 2017 г. «словом года» по версии издательства Оксфордского университета стало слово *youthquake*, значение которого можно определить как любые социальные, культурные или политические изменения, ставшие возможными благодаря представителям молодого поколения. Распространение этой лексической единицы в информационном пространстве было вызвано теми социальными трансформациями, которые происходили в различных частях света и находили свое отражение в информационном поле. На первый взгляд, слово могло показаться новым, но в действительности этой лексической единице уже примерно 50 лет и своим появлением она обязана молодежной культуре 1960-х. В 2017 г. это слово получило новое звучание благодаря возросшему интересу как социальным и культурным событиям второй половины 20-го века, так и к роли, которую играет молодежь в современном мире.

2019 г. запомнился огромным вниманием населения Земли к экологическим проблемам. Небывалая жара, стремительное таяние льдов, наводнения и смерчи заставили многих из нас с гораздо большим интересом изучать информацию о тех глобальных климатических изменениях, с которыми столкнулась наша планета сегодня. Появление понятия *climate emergency* в качестве «слова года» уже никого не удивило. Медиапространство активно оперировало этим термином в течение всего 2019, информационное поле начала 2020 тоже во многом отражало экологическую повестку. До того момента, пока сообщения о пандемии нового коронавируса не изменили не только медиасреду, но и привычный уклад жизни населения практически всех стран мира. Сайты большинства средств массовой информации открываются сообщениями о *COVID-19*, основных постулатах поведения в формате *social distancing*, а также обсуждение насущных проблем граждан тех стран, которые живут в режиме *lockdown*. За несколько месяцев наш мир изменился до неузнаваемости, а новая медийная реальность только начинает формироваться и оказывать влияние на каждого из нас. Наряду с новыми лексическими единицами будут циркулировать и хорошо знакомые понятия. А вопрос о достоверности получаемой информации и массовом распространении *fake news* в период пандемии будет одним из самых актуальных. По мнению UNESCO именно недостоверная информация может нанести самый серьезный ущерб сейчас.

ТЕКСТОВОЕ АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ В КОРОТКОМ РАССКАЗЕ

Ассоциативное поле слова раскрывает все многообразие его смысловых возможностей и отражает знания информантов о языковых свойствах слов-стимулов и особенностях их реализации в речевой практике: фонетических и словообразовательных, лексических, стилистических, особенностях словоупотребления, участия в процессах метафоризации, способности к образованию новых событийных номинаций, функционированию в составе речевых формул и др. Кроме того, значительную часть ассоциативного поля слова представляют реакции, в которых содержится информация экстралингвистического характера и проявляется творческая активность респондента, в сознании которого актуализируются различные тематические, ситуативные или культурно обусловленные представления об обозначаемых стимулами явлениях.

Наряду с ассоциативным полем слова существует и *ассоциативное поле текста*. Чаще всего ассоциативное поле текста рассматривают на примере коротких рассказов, которые, как правило, представляют собой пусть и небольшую, но законченную историю, в которой есть действующие лица, время и место действия. Текстовое ассоциативное поле формируется в зависимости от контекста. В его основе лежит ключевое слово, ассоциативное поле которого создается благодаря его лексическому значению. Учитывая тот факт, что большинство слов в языке многозначны, лексическое значение ключевого слова в том или ином рассказе определяется по контексту, в котором оно употреблено. Текст накладывает определенные ограничения на значение ключевого слова, выступающего семантическим центром ассоциативного поля текста. Оно должно быть связано и с темами, затрагиваемыми в рассказах, и с главной идеей автора, и с его творческим замыслом.

Формирование текстового ассоциативного поля основывается на принципе выделения *ключевых слов* (слов-стимулов) в качестве их семантических центров, так как ключевые слова художественного текста можно рассматривать и с позиции автора, и с позиции читателя. Ключевые слова выступают в роли общего, связующего элемента, который объединяет некоторую группу слов в «относительно однородное и целостное образование», в данном случае в ассоциативное поле текста. Чтобы определить ключевые слова выделяется авторская идея и слова наиболее подробно ее описывающие. Эти слова считаются центральными, поскольку именно их связи с другими словами используются для создания ассоциативных полей. Например, если ведущей в рассказе является тема природы и цель автора выступает описание тех или иных природных явлений, то очевидно, что слово *leaf* будет связано с такими словами как *tree, branch, bush, flower* и т.д. для того, чтобы автор смог донести свою идею читателям. Если же цель автора рассказать, например, о важности книг, чтения, письма, то слово *leaf* будет выступать ключевым по линии понятия «лист бумаги»: *a leaf of paper, to turn over the leaves* и т.д. и будет связано с такими словами, как *book, paper, magazine*.

Таким образом, создание текстового ассоциативного поля начинается с выбора ключевого слова, поскольку через него определяется авторский замысел, который как бы создает невидимые границы ассоциативного поля, определяя его объем и лексическую насыщенность.

Текстовое ассоциативное поле формируется на основе ассоциативно-смысловой близости ключевых слов и других, связанных с ними, лексических единиц текста. Поля создаются посредством связи лексических значений, они могут быть связаны напрямую и опосредованно (через другие слова), а также ассоциативно. Между словами, включенными в поле априорно должна существовать некоторая внутренняя связь. Эта связь осуществляется за счет общности главной темы, их объединяющей. Главным условием их создания является то, что они должны были соответствовать ведущей теме рассказа, подтверждать и развивать основную идею автора, не нарушать главные свойства текста: цельность и связность.

При прочтении рассказов слова вызывают в сознании носителей языка воспоминание о других словах, связанных с ними ассоциативно.

Текстовые ассоциативные поля определяются и всей композицией произведения. Она обуславливает порядок появления, открытия полей в тексте, их взаимодействие. При этом поле в тексте обладает всеми свойствами обычного ассоциативного поля, отличаясь от него повышенной диалогичностью.

Содержание рассказа и авторский замысел диктуют выбор слов при порождении текста. Текстовое ассоциативное поле в рассказе является результатом поискового, творческого процесса, ассоциации являются индивидуальными, личностными, тематически обоснованными и направленными.

Процессы образования и восприятия текста тесно связаны между собой, ведь создавая текст, автор, наверняка, думает о том, как этот текст будет воспринят читателями. Если что-то создается, то оно создается для кого-то и требует понимания и оценки. Текстовое ассоциативное поле помогает читателю понять авторский замысел, главную тему и идею рассказа при помощи уже существующих в его сознании ассоциаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

<i>Абреу-Фамлюк В. Р.</i> Использование интерпретирующих речевых актов на различных этапах понимания	3
<i>Борзенец С. Е.</i> Коллоквиальная топонимика США и Беларуси.....	5
<i>Жигалко Е. В.</i> Иницирующие реплики оценочных диалогических единств в конфликтном диалоге.....	8
<i>Задворная Е. Г.</i> Соотношение категорий категоричности/некатегоричности и толерантности/нетолерантности в научной коммуникации.....	11
<i>Котик Т. С.</i> О семантике сложных наречий с дейктическим формантом <i>HIN</i>	14
<i>Кохнович Т. К.</i> Молчание как эмоциональная замена вербального общения в произведениях Э. Кестнера.....	15
<i>Лебедев Р. В.</i> Развернутый вербальный хезитатив в интернет-диалоге на испанском языке	18
<i>Лещёва Л. М.</i> Комбинаторный потенциал слова и валентность	20
<i>Лю Пэн.</i> Композиты с <i>上 shàng</i> 'верх' в китайской языковой картине пространства.....	23
<i>Медюлянова В. А.</i> Функциональный подход к рассмотрению персонального дейксиса	24
<i>Садовская Е. Ю.</i> Вербальные индикаторы межпоколенческого коммуникативного взаимодействия.....	27
<i>Сытько А. В.</i> Иллокутивная семантика первоначальных деонтических конструкций сквозь призму количественных показателей (на материале Национальных корпусов немецкого и русского языков).....	30
<i>Толкачёва О. В.</i> Кодирование статичных отношений при помощи дирекциональных предлогов	33
<i>Тригук М. О., Филипенко А. О.</i> Лексические средства выражения оценки в английских новостях о культуре	34
<i>Цуна А. И.</i> Проспективные коммуникативные ходы в структуре сложного диалогического единства	36
<i>Чэнь Тин.</i> Структурные модели сочетаемости имен существительных в английском и китайском языках.....	38
<i>Юань Хаошань.</i> Языковые средства выражения речевых актов «извинение» и «благодарность» (на материале китайского фильма «Умираю, как хочу жить»).....	41
<i>Юй Вэй.</i> Метафора в китайской и российской финансовой терминологии.....	43

ПЕРЕВОД И ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ

<i>Белобрудова Ю. В.</i> Improving translatability and readability with syntactic cues in software localization	47
<i>Будагова Е. В.</i> Анализ переводческих ошибок студентов, изучающих испанский язык как второй иностранный	48
<i>Букаев Д. А.</i> Перевод лирических текстов программами машинного перевода: может ли компьютер переводить стихи?.....	51
<i>Булат Е. А., Борисевич Е.</i> Роль оценочной лексики портретных описаний персонажа при переводе художественных текстов с испанского языка на русский.....	53

<i>Вдовичев А. В.</i> Новые квалификации и специальности в индустрии перевода	56
<i>Гаранович Т. И.</i> Особенности реализации семантики синтаксических фразеологизмов в белорусском и английском языках	58
<i>Голикова Т. И.</i> Требования к дипломным работам по переводу	60
<i>Гурова Т. С.</i> Проблемы перевода англоязычного энергетического дискурса СМИ на русский язык	63
<i>Гёрен А. М.</i> Недостатки машинного перевода	64
<i>Железнякова О. В.</i> Психологическая подготовка к устному переводу	66
<i>Завадская Е. А.</i> К вопросу о переводе заголовков художественных произведений (на материале современных французских детективов)	69
<i>Зверева С. Г.</i> Голосовая культура устного переводчика	70
<i>Иванова Т. Ф.</i> Обеспечение лингвостилистической компетенции студентов на занятиях по переводу деловой документации (немецкий язык)	74
<i>Кардубан Ю. М.</i> Елімінація міжмоуних лакун: лексикографічний аспект	77
<i>Ключенович С. С., Верпечинский В. С.</i> Оказациональные глаголы в немецкоязычной художественной прозе и их перевод на белорусский язык	79
<i>Ковальчук С. И.</i> Модификация реферирования при переводе	81
<i>Козикис Д. Д.</i> The election of Keir Starmer as the new leader of the Labour in the United Kingdom (March 2020)	83
<i>Колесников В. В.</i> Доместикация и форенизация в свете моделирующей концепции перевода	83
<i>Кореба Е. А.</i> Обучение постредактированию машинного перевода как часть процесса подготовки профессиональных переводчиков	87
<i>Кульчицкая А. А.</i> Использование системы лингвистических корпусов, словарей-конкордансов и моноязычных словарей на начальных этапах обучения переводу	88
<i>Курилович О. В.</i> Принципы обучения переводу в онлайн на платформе Zoom	90
<i>Ломова А. В., Разумова А. В.</i> Разноуровневые задания как средство формирования базовых переводческих компетенций	92
<i>Максимова В. Л.</i> Сложные существительные с цветовым компонентом и их перевод	94
<i>Мароз Я. Л.</i> Аманімія граматычных форм як праблема машыннага перакладу	96
<i>Марченко О. В., Жданова Н. Ю.</i> Проблема олицетворения в обучении переводу	99
<i>Морозова О. В., Красникова Е., Михнюк Ю.</i> Атрибутивные конструкции в научно-популярных текстах	101
<i>Морозова О. В., Ковалева А.</i> Языковые средства выражения авторской оценки в англоязычных научно-популярных текстах и способы их перевода на русский язык	103
<i>Науменко Н. П.</i> Особенности формирования и пополнения англоязычной биржевой терминологии	105
<i>Осипова Я. Э.</i> Особенности устного опосредованного перевода	108
<i>Плютов В. С.</i> Стратегии перевода бинарных прилагательных с русского языка	111
<i>Попова Т. В., Троян В.</i> Способы передачи социокультурных реалий с испанского языка на русский	113
<i>Романов Г. С.</i> Оценка качества устного перевода при обучении студентов	115
<i>Селуянова Н. М.</i> Ошибки в переводе и употреблении химических терминов (на материале итальянского языка)	117
<i>Стефанова Е. В.</i> Регулятивные средства в англоязычных публичных выступлениях сельскохозяйственной направленности	120

<i>Тригук М. О., Коваль Я. И.</i> Перевод английских газетных заголовков на русский язык	122
<i>Шаповаленко Д. Н.</i> Природа одной «ошибки»	124
<i>Шестакова Е. В.</i> Особенности перевода аббревиатур организационно-правовых форм юридических лиц в деловом дискурсе	127

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

<i>Аникеева Т. В.</i> Прецедентный феномен как средство выражения межтекстовых связей	130
<i>Верниковская А. В.</i> Изучение иностранными учащимися имени прилагательного в пространстве художественного дискурса	133
<i>Гвоздович Г. А.</i> О термине <i>корон(о/а)вирус</i> – (<i>корона-вирус</i>)	136
<i>Десюкевич О. И.</i> Лингвоперсонология в польской этнолингвистике и русской аксиологической антропологической лингвистике: опыт сопоставления	138
<i>Дубровченко Е. М.</i> Приватность и публичность в коммуникации: культурологический аспект	141
<i>Евдокимова В. В.</i> Использование прецедентных феноменов в заголовках аналитических статей (на материале русского, белорусского и испанского языков)	143
<i>Иватович-Бабиц В. Т.</i> Национально-культурная семантика фразеологизмов в пространстве художественного текста	146
<i>Каминская И. С.</i> Ассоциативный словарь как источник культурологической информации (в аспекте обучения межкультурной коммуникации)	149
<i>Козлова Т. А.</i> Особенности сопоставления семантики единиц родственных и неродственных языков	151
<i>Куц А. А.</i> Рэпрэзентацыя паняцця <i>перамога</i> ў беларускай нацыянальнай моўнай карціне свету	154
<i>Кучугурная Е. А., Осипенко Л.</i> Представление о глупом человеке в русской и испанской лингвокультурах (на материале устойчивых сравнений)	157
<i>Надумович Л. М.</i> Ассоциативная репрезентация слов-зоонимов русского и монгольского языков	160
<i>Петух А. Ю.</i> Андалузский диалект в современной языковой ситуации Испании	162
<i>Полетаева О. А., Горбацевич А. А.</i> Зооморфизмы в пространстве художественного текста: семантика и прагматика (на материале русского и английского языков)	163
<i>Романовская А. А.</i> Суггестивная функция античного символа	164
<i>Руда Е. М.</i> Закономерности употребления цветообозначений в разных жанрах и рубриках публицистического текста	166
<i>Саввич А. С.</i> Понятие национального варианта языка (на примере испанского языка)	168
<i>Тихоненко Е. В.</i> Факты культуры в обучении русскому языку как иностранному	171
<i>Урбанович И. Г.</i> Бессоюзные авторские сравнительные конструкции как средство создания образности в поэзии Ф. Искандера	174
<i>Чернышова Л. В.</i> Речевой этикет в условиях белорусско-русского двуязычия	176

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Андреева Т. Н.</i> Эмоционально-оценочное значение фразеологических единиц с соматическим компонентом в английском и русском языках	180
<i>Аношина О. В.</i> Эмфатические конструкции в английском языке и их эквиваленты в белорусском языке	183
<i>Артемова О. А.</i> Дейктическая организация дискурса в белорусском и английском языках	185
<i>Баханович А. С.</i> Интенсификаторы иронической образности (на материале белорусских и англоязычных произведений)	188
<i>Бенедиктович А. В.</i> Вариативность семантико-синтаксической структуры высказываний с абстрактными существительными в медиадискурсе на английском и русском языках	191
<i>Денисова Е. В.</i> Особенности выражения речевой агрессии в английской и русской лингвокультурах	194
<i>Егоров Н. В.</i> Терминологическая лексика в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках	197
<i>Заборонок Н. Л.</i> Способы заимствования немецких лексем в английском языке	200
<i>Иванов А. Э.</i> Стратегия создания позитивной тональности общения в разговорном дискурсе на английском и русском языках	202
<i>Изотова О. В., Гиркина Е. А.</i> Вербализация откровенности в нидерландской и русской коммуникативных культурах	205
<i>Лешкевич И. В.</i> Реализация эмотивных смыслов в контексте англоязычной кинорецензии	206
<i>Маркова А. И.</i> Лингвокультурологические особенности перевода англоязычных текстов (на примере современных песен)	209
<i>Невмержицкая Е. В.</i> Фонетический аспект в обучении английскому языку слушателей старшей возрастной группы	212
<i>Сысоева Т. А.</i> Категория субъектности в аналитической статье: диалог мнений	215
<i>Тригубова Д. Л.</i> Языковые характеристики рецензирующей аннотации к художественному фильму	217
<i>Чалагаева В. В.</i> Экспрессивный синтаксис в англо- и русскоязычном гастрономическом дискурсе	220

Круглый стол «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСПАНИСТИКЕ»

<i>Кучугурная Е. А., Снеткова Ю.</i> Прецедентные феномены в телевизионной рекламе	223
<i>Попова Т. В., Черткова М.</i> Жизнь и смерть Федерико Гарсия Лорки (послесловие)	224
<i>Чиркун А. Б., Леонова В.</i> Композиционная структура телевизионного ток-шоу El Hormiguero	227

Круглый стол
«ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

<i>Акуленко Е. А., Леонтьева В. В. Золото черное, голубое, коричневое и не только: о перифрастической номинации в коммуникации</i>	230
<i>Гойло А. А. Левая дислокация в сингапурском английском.....</i>	231
<i>Горицкая О. С. Мусорка в русском языке</i>	234
<i>Ксендзова Е. В. Семантика и коннотации выражений с прилагательным <i>лихой</i></i>	237
<i>Лукашанец Е. Г. Англицизмы украинского молодежного сленга: роль, статус, особенности функционирования</i>	240
<i>Чударь А. Н. Little big (study): прагматика оксюморонных сочетаний с размерными прилагательными</i>	243

Круглый стол
«СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛЕКСИЧЕКСКОЙ СЕМАНТИКИ»

<i>Бекреева Ю. В. Междисциплинарность современных исследований семантики языка.....</i>	247
<i>Волковинская Н. А. Типы знаний, представленные в словарной статье (на материале английского языка)</i>	249
<i>Драздоў М. В. Асабісты і сацыяльны аспекты камунікацыі</i>	252
<i>Зинина О. А. Американские ценности в дискурсе американских президентов (на материале выступлений Б. Обамы, и Д. Трампа)</i>	254
<i>Клименко А. П. Взаимодействие уровней лингвистического анализа при установлении семантики неизвестного слова в психолингвистическом эксперименте</i>	256
<i>Комаристова И. И. Экспериментальное исследование степени понимания студентами МГЛУ прецедентных феноменов и символов американской культуры.....</i>	258
<i>Копачева Н. А. Языковая репрезентация критических оценочных высказываний в медийном дискурсе</i>	261
<i>Курилович О. Ф. К вопросу о психолингвистических свойствах слова</i>	264
<i>Лойша М. М. Нарративные стратегии как способ идентификации образа врага в политическом дискурсе.....</i>	265
<i>Окаева А. Б. Язык сми как элемент коллективного пространства современного общества.....</i>	266
<i>Хомич В. В. Текстовое ассоциативное поле в коротком рассказе.....</i>	269

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

17–27 апреля 2020 года

В пяти частях

Часть третья

Редактор *В. М. Василевская*

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Подписано в печать 08.12.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 18,48. Тираж 100 экз. Заказ 46.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.